

РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО В ЗАРУБЕЖЬЕ

РУССКИЕ ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ

РУССКИЕ ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ

RUSSIAN JEWRY ABROAD
Vol. 20

RUSSIAN JEWS IN AMERICA

Book 4

Compiled and edited by
Ernst Zaltsberg

Jerusalem – Toronto – Saint-Petersburg
2010

РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО В ЗАРУБЕЖЬЕ

Том 20

РУССКИЕ ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ

Книга 4

Редактор-составитель
Эрнст Зальцберг

Иерусалим – Торонто – Санкт-Петербург
2010

Научно-исследовательский центр
РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО В ЗАРУБЕЖЬЕ

Научный руководитель
Михаил Пархомовский

Том 20
РУССКИЕ ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ. КНИГА 4

Редактор-составитель
Эрнст Зальцберг

Редакционный совет:
Ирина Обухова-Зелиньска,
Лазарь Флейшман,
Дан Харув

Иерусалим – Торонто – Санкт-Петербург, 2010

© Редактор-составитель тома, 2010

Research Center for RUSSIAN JEWRY ABROAD

Director for Scholarly Works
Mikhail Parkhomovsky

Vol. 20
RUSSIAN JEWS IN AMERICA. BOOK 4

Compiled and edited by
Ernst Zaltsberg

Editorial Board:
Lazar Fleishman,
Irina Obukhova-Zelin'ska,
Dan Haruv

Jerusalem – Toronto – Saint-Petersburg, 2010

ISBN 978-5-89332-160-9

© Издательство «Гиперион», 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Серия книг «Русские евреи в Америке» началась с выхода в свет первого тома в 2005 г.¹; затем с интервалом в один год появились второй и третий тома². Предлагаемый вниманию читателей четвертый том продолжает эту необъятную тему.

Во всех четырех томах принцип составления остается одним и тем же. Это — собрание статей, эссе и документов, посвященных отдельным персоналиям или группам лиц. Публикации сгруппированы по тому же тематическому принципу, что и в предыдущих томах. По-прежнему многие из них посвящены нашим современникам, представителям третьей волны эмиграции. Так, в разделе «Искусство» помещены статьи о «патриархе» русско-еврейско-американских художников И. Шенкере и художниках С. Блюмине и И. Песочинском, внесших значительный вклад в изобразительное искусство США. В разделе «Литература и языкоизнание» представлен автобиографический очерк проф. А. Либермана, автора первого этимологического словаря английского языка и выдающегося знатока германских языков. В разделе «Наука» читатели найдут очерк о ведущем американском специалисте по борьбе с туберкулезом проф. Л. Хейфеце.

Фигуры прошлого представлены такими именами, как писатель М. Алданов, писатель, журналист и советолог Д. Шуб, редактор газеты «Моргн-Фрайхайт» П. Новик, экономист И. Гольдштейн, не заслуженно забытые музыканты — братья Китайны, композитор Д. Темкин, писательница и журналист Ю. Сазонова, поэт Д. Чарни.

Впервые в наших книгах затронута тема о русских евреях в вооруженных силах США. Этому посвящен очерк израильского историка И. Маляра об адмирале Х. Риковере.

В продолжение темы о русских евреях-колонистах в Америке публикуется блок материалов, который включает статью о колонии Котопакси в Колорадо (США), воспоминания аргентинского колониста И. Эйдмана и три рассказа классика аргентинской литературы А. Гершунова о жизни колонистов в пампасах Аргентины.

Мы надеемся, что, несмотря на неизбежную мозаичность наших книг, у читателей, ознакомившихся со всеми четырьмя вышедши-

¹ Русские евреи в Америке, кн. 1. Редакторы-составители Эрнст Зальцберг, Михаил Пархомовский. Иерусалим – Торонто, 2005.

² Русские евреи в Америке, кн. 2. Редактор-составитель Эрнст Зальцберг. Иерусалим – Торонто – Санкт-Петербург, 2007; Русские евреи в Америке, кн. 3. Редактор-составитель Эрнст Зальцберг. Иерусалим – Торонто – Санкт-Петербург, 2009.

ми томами, сложилась «большая картина» о вкладе русских евреев в американское общество, которую мы намерены расширять и углублять.

В 4-м томе приняли участие журналисты, писатели и ученые из США, России, Польши, Израиля и Канады. Считаю своей приятной обязанностью выразить глубокую признательность М. А. Пархомовскому за неоценимую помощь в составлении и редактировании настоящего выпуска, а так же Р. Канивецкому — за финансовую поддержку.

Серия книг о выходцах из России в Америке, начатая израильским Центром «Русское еврейство в Зарубежье», будет продолжена — редакция ведет переговоры с авторами, приглашенными к участию в 5-м томе.

*Э. Зальцберг
Торонто*

РУССКИЕ ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ

ИСТОРИЯ

Тяжелые времена: еврейская колония в Котопакси¹

Нэнси Освальд (Котопакси, США)

8 мая 1882 г. группа евреев-иммигрантов из России высадилась из поезда на небольшой заброшенной станции в горном штате Колорадо с целью создания здесь сельскохозяйственной колонии. Рядом с полотном располагались несколько жилых домов, гостиница с магазином, кузница и дом для собраний. Вновь прибывшие думали, что все беды и лишения остались позади, в царской России, но оказалось, что здесь их ждут новые испытания, включая необходимость поднимать целинные земли, незнакомая культурная среда и географические условия, в которых им предстояло жить, невыполненные обещания организаторов.

Они провели пять долгих дней в поезде, следуя из Нью-Йорка в Канзас Сити, Пуэбло и далее на запад через Великий каньон. Первое, что увидели колонисты по прибытии, было название станции — Салтиел. Это была фамилия самого богатого человека в округе, который сыграл значительную роль в завершении строительства местной железной дороги. Однако другое, несколько странное название, Котопакси, закрепилось за городком и окружающей местностью с конца 1870-х годов, когда здесь обосновался старатель Генри Томас («Золотой Том»). До этого он искал золото в Эквадоре, вблизи вулкана Котопакси. Пораженный сходством пейзажей в этой южноамериканской стране и Колорадо, он дал местности эквадорское название, которое и утвердилось за ней.

Имя Салтиел мало что говорило колонистам. Они знали только идиш и не понимали ни надписи на платформе, ни тех замечаний в свой адрес, которые отпускали собравшиеся на станции зеваки. Прибытие поселенцев вызвало большой интерес у местных жителей, которые пришли, чтобы поглязеть на необычное зрелище. По воспоминаниям одного из них, некоторые из «встречающих» открыто насмехались над одеждой, языком и внешностью вновь прибывших и не скрывали враждебного к ним отношения. Другие выка-

зывали большую симпатию и сочувствие к поселенцам, на лицах которых были написаны тревога и страх.

Всего прибыло 63 колониста; большинство из них были связаны либо кровными, либо дружескими узами. План эмигрировать в Америку зародился у них в конце 1870-х годов, когда Саул Баер Мильштейн, богатый предприниматель из Брест-Литовска, отправил своего племянника Якова в Нью-Йорк для того, чтобы узнать отношение к евреям в США, ознакомиться с Законом о наделении землей и присмотреть на месте участки для будущих колонистов. Со своей стороны, Саул начал подыскивать родственников и знакомых, желающих эмигрировать в Америку и заняться там сельскохозяйственным трудом. Сам он намеревался продать свой бизнес и использовать вырученные деньги для финансирования этого предприятия.

Яков прибыл в Нью-Йорк в 1878 г., однако его отношения с дядей осложнились тем, что он убедил дочь Саула Йенте (Нетти) поехать следом за ним в Америку и выйти за него замуж. Дядя был вне себя: Нетти была его старшей дочерью и помощницей в бизнесе. Саул немедленно лишил племянника финансовой поддержки; последний, для того, чтобы как-то существовать, устроился работать на фабрику по изготовлению оловянных изделий. Это не отвратило от него Нетти. Она отвергла выгодные предложения нескольких женихов и, вопреки нормам и обычаям своего времени, оставила семью и уехала к родственникам в Германию в ожидании того времени, когда Яков заработает достаточно денег для ее переезда в Америку. Однако случилось непредвиденное: в результате несчастного случая на фабрике Яков потерял глаз, на поправку ушло много месяцев, в течение которых он не мог откладывать деньги для Нетти. К этому времени (1880 г.) относится знакомство Якова с Майклом Хейлприном², который принимал активное участие в создании ХИАС'а (Hebrew Immigration Aid Society)³. Завязавшаяся между ними дружба была одним из факторов, способствовавших созданию колонии в Котопакси.

Другим фактором было красноречивое и убедительное письмо Эммануэля Салтиела к Хейлприну. Зная, что последний поддерживает переселение евреев-эмигрантов из городских гетто восточного побережья на западные земли, где перед ними открывались возможности стать независимыми фермерами, Салтиел предложил построить жилые дома и амбары для поселенцев в Котопакси и снабдить их инвентарем, скотом и семенами. На все это ему требовалось от ХИАС'а не более 10. 000 долларов, исключая расходы на транс-

портировку колонистов из Нью-Йорка в Колорадо, которые они должны были оплатить сами.

На бумаге все выглядело отлично: на обустройство каждой из 23 семей тратилось всего 435 долларов, и поскольку многие из предполагаемых колонистов занимались сельским хозяйством еще в России, выплата ими такого долга представлялась делом вполне реальным. Хейлприн отправил своего секретаря Юлиуса Шварца в Колорадо для ознакомления с положением дел на месте. Однако события в России сильно изменили эти планы. После убийства Александра II и воцарения Александра III политика государственного антисемитизма значительно ужесточилась; по стране прокатилась волна погромов. В ответ на это массы евреев устремились в Новый Свет и стали скапливаться в Нью-Йорке. Местное отделение ХИАСа оказалось не готовым к такому наплыву вновь прибывших и зачастую было не в состоянии удовлетворить их просьбы о помощи. В связи с этим возникла необходимость срочной отправки колонистов из Нью-Йорка на запад, даже не дожидаясь результатов обследования Ю. Шварца. То, что первоначально задумывалось как хорошо спланированная и продуманная операция, превратилось в поспешный отъезд.

По прибытии в Котопакси колонисты обнаружили, что данные им заверения выполнены лишь частично. Из 20 обещанных домов были построены только 12, из них 4 — в двух милях южнее городка, на плато, протянувшемся вдоль ручья Oak Grove. Летом оно было сухим и пыльным, весной заливалось мутными водами ручья. Восемь других домов были сооружены на высоте 8. 000 футов над уровнем моря, вокруг — сухая каменистая почва, требовавшая обильного орошения, однако водные источники для этого отсутствовали. Все дома были небольшого размера, с плоскими крышами, в них не было дверей, окон, дымоходов, какой-либо мебели, и во многих — плит для приготовления пищи. На недоуменные вопросы колонистов Салтиел отвечал, что для завершения строительства не хватило рабочей силы и материалов, что он заказал и то, и другое, но для их доставки требуется время. Вскоре Салтиел уехал на несколько месяцев по делам своего бизнеса, оставив колонистов только с тем скарбом, который они привезли с собой из России.

Им удалось взять в долг у А. Харта, партнера Салтиела и совладельца единственного в поселке магазина, семена, лошадей, плуги и другой инвентарь. Продукты они тоже получали в долг.

Колонисты своими силами завершили строительство домов, удалили с полей камни, вспахали залежь и засеяли ее. В начале июня появились первые всходы.

В первое лето в Котопакси было несколько радостных событий. Так, поселенцы получили в подарок от нью-йоркского приюта для сирот Тору, нашли заброшенный дом и устроили в нем синагогу. Ее посвящение состоялось 23 июня 1882 г. и было отмечено газетой «Jewish Messenger»: «Молодой секретарь (Ю. Шварц) открыл Арку и, после пения гимнов, водрузил Тору на положенное ей место... Затем они танцевали на своеобразный русский манер, и молчаливая луна освещала серебристым светом танцующих и поющих русских».

В это же лето состоялись две свадьбы, одна из которых скрепила союз Нетти и Якова Мильштейна. Пара ранее вступила в гражданский брак в Блоквоке, где Яков проработал шесть месяцев на кожевенной фабрике, ожидая, пока все колонисты соберутся в Нью-Йорке для следования на запад. Они были приняты в колонии с рас простертыми объятиями: оба хорошо говорили по-английски и стали обучать ему других поселенцев.

Первый год жизни колонистов был омрачен ранними заморозками, погубившими часть урожая. Так, Морис (Зедек) Нидельман, посевя 15 мешков картошки, собрал всего 14 мешков урожая⁴. При таких скучных сборах они вынуждены были искать работу на стороне для того, чтобы расплатиться с долгами и обеспечить семьи едой и одеждой на зиму. Многие пошли работать на шахты, принадлежавшие Салтиелу, но вместо денег, с ними расплачивались там купоны, которые принимались только в местном магазине Харта.

В дополнение к неурожаю, колонисты должны были использовать припасенные на зиму дрова не для отопления, а для разведения больших костров, которые отпугивали медведей. Были проблемы и с жильем: из-за нехватки домов две семьи провели первую зиму в палатках и одна — в пещере. Эта зима выдалась исключительно суровой, и голодающие местные индейцы выпрашивали остатки пищи у поселенцев, которые сами жили впроголодь.

Некоторым колонистам удалось устроиться на работу на железной дороге. Они расчищали прилегающие к полотну склоны от упавших деревьев и получали за это три доллара в день. Начальство согласилось перенести их выходной с воскресенья на субботу. У этой работы было и другое важное преимущество. Кочегары поездов, следовавших через Котопакси, узнав о бедственном положении колонистов, работавших на дороге, стали сбрасывать на полотно уголь. Женщины собирали его и использовали для отопления домов.

Уже к осени 1882 г. стало ясно, что колонистам необходима помощь извне. Обещания Салтиела построить дополнительные жили-

ща и снабдить поселенцев всем необходимым остались невыполнеными, призывы о помощи к ХИАС'у были безответными, и только еврейская община Денвера помогала им едой, одеждой и медикаментами. Судьба колонии стала предметом обсуждения в местной печати. Денверская газета «Republican» обвиняла в неудачах Салтиела и указывала на то, что ХИАС отправил колонистов в Колорадо, не выяснив до конца ситуацию на месте. Другая газета, «Rocky Mountain News», стремилась преуменьшить бедствия поселенцев и утверждала, что «все пионеры должны терпеть трудности». Согласно этой же газете, колонисты Котопакси испытывали не большие лишения, чем члены других колоний, и их положение было даже лучше, чем в других местах США.

Масла в огонь этих дискуссий подливали противоречивые отчеты о Котопакси, поступавшие из разных источников. Автором одного из них был уже упоминавшийся Шварц, который утверждал, что колония была явным успехом, превратив нищих эмигрантов в свободных фермеров⁵.

Отчет совершенно другого характера был отправлен ХИАС'у в феврале 1883 г. Еврейским комитетом в Денвере. В нем говорилось: «*К сожалению, колонисты часто испытывают страдания и лишения. Например, семья Мориса Миморского, включая его больную жену, оставалась без еды в течение двух дней. Необходимые продукты и медикаменты можно было получить только на другом берегу реки Арканзас, которая вспухла от талых вод и все сметала на своем пути. Миморский бросился в воду и, преодолевая стремительное течение, достиг противоположного берега. Раздобыв здесь продукты и лекарства, он таким же путем вплавь вернулся обратно.*

В ответном письме президент ХИАС'а Х. Генри выговаривал отправителям: «*Я полагаю, что, будучи на Вашем месте, комитеты немецких, ирландских или норвежских эмигрантов ободрили бы колонистов и указали, что испытываемые ими трудности являются временными; что с приходом весны и после сбора нового урожая положение дел улучшится; что после всех сделанных затрат, упорство приведет к положительным результатам и конечному успеху... Каждый из этих комитетов указал бы, что начинать новую жизнь в новой стране — не детская забава, что нередко это связано с разочарованиями и страданиями, но в итоге, когда придет успех, то откроются перспективы для счастливой жизни, недоступной для мелкого торговца или ремесленника в городе.*

Тем временем, жизнь в колонии продолжалась. Колонисты отпраздновали первую на новом месте Пасху. Муку для выпечки мацы

пришлось доставлять пешком из ближайшего города Солид, расположенного в 26 милях от Котопакси.

Снова были взяты в долг семена и инвентарь, засеяны поля, но разразившиеся поздней весной снежные штормы погубили большую часть посевов, оставив колонистов с новыми долгами. На будущий год повторилось то же самое, что и привело к конечному роспуску колонии. Осенью 1883 г., спустя год после первого обращения о помощи к ХИАС¹у, колонисты получили от него 2.000 долларов на ликвидацию дел. Несколько семей сразу же перебрались в другие места, многие сделали это после Пасхи. Оставшиеся шесть семей, надеясь на помочь еврейской общине Денвера, решили попытать счастья еще один сезон, однако, и на этот раз посевы были уничтожены весенней снежной бурей, и стало очевидным, что дальнейшее продолжение сельскохозяйственной деятельности колонистами лишено смысла. Колония официально прекратила существование в июне 1884 г. Причины этой неудачи обсуждались в течение многих лет, при этом рассматривались такие обстоятельства, как недостаточная подготовка к приему поселенцев, плохие погодные условия, крайне ограниченное субсидирование, культурный и языковой барьеры, не выполненные Салтиелом обязательства⁶. Была бы колония успешной в случае исключения хотя бы одного из этих отрицательных факторов? Сейчас трудно с определенностью ответить на этот вопрос.

Несмотря на неудачу, колонисты сохранили высокий моральный дух. Многие из них остались в Колорадо и стали впоследствии успешными фермерами и ранчерами в Роки Форд, Лонгмонт, Пуэбло и Монтроуз. Другие уехали в столицу штата Денвер, где успешно занимались бизнесом и стали лидерами местной еврейской общины.

Колония в Котопакси была недолговечной, но ее «наследие» продолжало жить. Опыт пионеров подтвердил, что колонизация новых земель требует мужества и веры и, хотя их попытка не дала ожидаемых результатов, она была первым шагом к новой жизни, о которой они так мечтали.

¹ Nancy Oswald. Hard Times: The Jewish Colony Cotopaxi. Colorado Central Magazine, February 2005, #132. P. 26. Сокр. перевод с англ. А. Невеселого. Примеч. в тексте — ред.-составителя.

Печатая с любезного разрешения автора эту статью, мы продолжаем тему о сельскохозяйственных колониях евреев из России в США, начатую ранее (см.: А. Менес. Ам Олам — вечный народ // Русские евреи в Америке. 2005. № 1. С. 10-15).

ке, кн. 2. Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим — Торонто — Санкт-Петербург, 2007. С. 9–27).

Истории колонии Котопакси посвящена довольно обширная литература. См.: *Roberts D. The Jewish Colony at Cotopaxi. Colorado Magazine*, July 1941; *Satt F. J. The Cotopaxi Colony. Unpublished M. A. thesis, University of Colorado, 1950*; *Gulliford E. Interesting Historical Facts Concerning Cotopaxi Pioneers. The Sun, August 26, 1954*; *Uchill I. L. Pioneers, Peddlers, and Tsadikim: The Story of the Jews in Colorado. Sage Press, Denver, 1957*; *Miller V., Hembert L. Jewish Immigrants Victims of Haox. The Pueblo Chieftain and the Pueblo Star Journal, September 7, 1970*.

² Майкл Хейлприн (Michael Heilprin, 1823–1888), ученый, критик, писатель, общественный и политический деятель. Родился в русской Польше, в 1842 г. вместе с родителями переехал в Венгрию. Принимал активное участие в венгерской революции 1848 г., был секретарем Л. Кошута и членом его правительства. После подавления революции бежал в Париж и затем — в США. Был одним из составителей и редакторов *New American Cyclopedie*. С 1865 г. — постоянный автор журнала *Nation*. В 1879–1880 гг. опубликовал два тома *The Historical Poetry of the Ancient Hebrews, Translated and Critically Examined*, кот. считается классич. трудом в области древней евр. поэзии. Принимал участие в оказании помощи евреям-эмигрантам из России.

³ Об истории создания и деятельности ХИАС'а см.: В. Базаров. Маяк в ночи (очерк истории ХИАС'а). Русские евреи в Америке, кн. 1. Ред.-сост. Э. Зальцберг, М. Пархомовский. Иерусалим — Торонто, 2005. С. 9–46.

⁴ Согласно *Roberts* (см. примеч. 1), тот же колонист посеял 14 мешков картошки и собрал урожай в 15 мешков, что, конечно, не меняет общей картины неурожая.

⁵ *Report of Mr. Julius Schwarz on the Colony of Russian Refugees at Cotopaxi, Colorado Established by The Hebrew Emigrant Aid Society of the United States. 1882. Hebrew Emigrant Aid Society of the United States, Office, 155 State Street, New York.* Отчет хранится в Библиотеке Конгресса США, General Collection (81).

Автор отчета, в частности, утверждал: «С чувством удовлетворения и вполне объяснимой гордости я заявляю, что сельскохозяйственная колония в Скалистых горах является полным успехом, и вопрос о том, могут ли евреи быть фермерами, решен однозначно и убедительно».

⁶ Недавно дальний потомок Э. Салтиела, Майлз Салтиел сделал попытку снять обвинения в неудачах колонии со своего предка (см.: *Saltiel Miles. The Jewish Agricultural Colony at Cotopaxi, Colorado: Rebalancing the Record. Part I. Rocky Mountain Jewish Historical Notes (RMJHN), vol. 19, Number 3, 4. Winter/Spring 2005. Part II. RMJHN, vol. 20, Number 1, 2. Fall/Winter 2005*. Ред.-сост. выражает благодарность проф. Денверского ун-та Д. Абрамс за предоставление этой мало доступной публикации).

В частности, М. Салтиел писал: «Каковы наши выводы? Прежде всего, у потомков колонистов не должно быть чувства, что история их пред-

ков подвергается сомнению в свете ставшей доступной новой информации. Крайне неудачно расположенная, колония Котопакси была суровым испытанием для ее обитателей. Следует принять во внимание и такие факты, как царившая тогда эйфория относительно сельскохозяйственного освоения Запада; давление, оказываемое на ХИАС потоком беженцев из России; отсутствие средств в бюджете колонии; изменение ориентации колонии от земледельческо-скотоводческой к монокультурной земледельческой; отсутствие опыта у колонистов; и неудачи других колоний в США в это же время. Э. Салтиел не оставил никаких свидетельств о своих намерениях, но мы не должны рассматривать его как злоумышленника, если хотим понять историю колонии Котопакси. Скорее всего и он, и ХИАС, и Шварц, и сами колонисты горячо верили в этот сельскохозяйственный эксперимент и были глубоко разочарованы его неудачей».

Воспоминания старого колониста.
Описание жизни и деятельности Йозефа Эйдмана
за годы 1904–1951, прожитые им в Аргентине¹

*Публ. и вступ. заметка Валерия Базарова
(Нью-Йорк)*

Телефон зазвонил неожиданно, и потому как-то особенно резко. Те, кто должны утром отправлять детей в школу, а затем бежать на работу, поймут, если я скажу, что поднял трубку не в самом лучшем расположении духа. Голос был мужской, незнакомый, в неважном английском слышался сильный израильский акцент. К телефону попросили миссис Базар-р-ров...

Вероятно, не очень ласково, я осведомился, кто это хочет с утра пораньше побеседовать с миссис Базар-р-ров... В ответ послышался робкий вопрос:

— А кто-то говорит по-испански или на иврите?

И тут меня осенило... Охрипшим от внезапного волнения голосом, я спросил:

— А вы, случайно, не наши потерявшиеся родственники из Аргентины?..

С первого дня нашего прибытия в Соединенные Штаты моя жена не давала мне покоя просьбами найти ее родственников, уехавших из России задолго до переворота 1917 года в Аргентину. О них мало что было известно, кроме самого факта отъезда. Важно было, что вскоре после войны, где-то в 1946-47 году, они нашли отца моей жены, который, вернувшись с фронта в Одессу, узнал, что его мать, дядя и брат погибли в гетто. Вскоре он женился и к тому времени, когда пришла первая посылка из далекой Аргентины, он сам и его молодая семья жили впроголодь. Посылки спасли их, а вскоре пришло и приглашение приехать. Но, как всем известно, это были не самые лучшие годы для еврейской эмиграции из Советского Союза. Сибирь была гораздо ближе, чем Аргентина. О заграничных родственниках пришлось забыть настолько прочно, что когда стали вспоминать, оказалось, что в памяти не осталось ничего, кроме одного имени — Шимон Лернер, который приходился двоюродным дедом моей жене. Иначе говоря, он был братом погибшей в Одессе бабушки моей жены.

Мои поиски ни к чему не привели. Лернеров в Аргентине оказалось более трехсот. Каждому из них я направил письмо, получив три или четыре отрицательных ответа. Как потом оказалось, дру-

гого результата и не могло быть, поскольку имя Шимона Лернера мало кто помнил даже среди потомков его собственной семьи. Потихоньку и мы, занятые обустройством новой жизни в Америке, стали забывать об этой старой истории, хотя иногда, особенно после успешного завершения очередного поиска (ведь восстановление утерянных связей — это моя работа), жена говорила мне с упреком:

— Всем ты находишь родственников, а помочь своей семье не можешь...

И вот теперь не я, а они нашли нас... Один телефонный звонок восстановил, казалось, навсегда разорванную связь, история семьи, сто лет назад ушедшая по разным дорогам, снова соединилась в одну, пусть в разных странах, даже на разных континентах, но в одну. Это было чудо, но как оно произошло?

Оказалось, что без нашего, пусть пассивного участия, не обошлось. Дело в том, что в 1991 году, во время первой поездки в Израиль, мы оставили в Яд Вашеме листы свидетельских показаний о гибели бабушки и дяди моей жены. В анкетах остались наши имена и адрес. Когда, через несколько лет миллионы подобных документов стали доступны на Интернете, база данных Яд Вашема стала не только хранилищем памяти об убиенных, но и мостом к объединению живых — благодаря ей тысячи людей нашли давно потерянных близких. Мы были в их числе.

Все это было потом. Были многочисленные звонки, электронные письма, обмен фотографиями. Была даже встреча на земле Израиля, на которую съехались более ста человек со всех концов земли. Но навсегда останется в моей памяти первый телефонный разговор, когда в ответ на мой вопрос:

— А вы, случайно, не наши потерявшиеся родственники из Аргентины? — последовал краткий ответ:

— Да, это мы...

Телефонный звонок прозвучал ранним ноябрьским утром 2005 года. Меньше чем через год семейное дерево Эйдманов/Лернеров насчитывало более трехсот имен людей, расселившихся в Израиле, Испании, Англии, Канаде, США и Аргентине. Еще и сейчас трудно уследить за прибавлениями и, к сожалению, уходом людей, когда после даты рождения появляется вторая, неизбежная цифра. Что поделаешь? Смерть такая же неотъемлемая часть жизни, как и рождение. Но почему, когда я начинаю считать, как расширилась семья после отъезда из России, и сравниваю с числом продолжавших жить в родных местах, соотношение получается десять к одному?..

Краткая история двух семей, Эйдманов и Лернеров, составленная по многочисленным воспоминаниям, пришедшим из разных концов

земли, такова. Первым известным нам Эйдманом был Тевье Сойфер Эйдман, родившийся, вероятно, в конце первой или начале второй половины XIX века. Он жил в местечке Тальное неподалеку от Киева и занимался трудной, но высоко ценимой работой — переписывал Тору. Из его семерых детей только Аарон и Соломон остались в России. В 1904 уехал в Аргентину его сын Йосеф, а через несколько лет — Мойше, Йетта, Давид и Лейзер, но уже в Соединенные Штаты.

Первым известным Лернером был Мойзес Лернер, у которого было десять детей. Йосеф Эйдман, сын Тевье, женился на Ханне Лернер, дочери Мойзеса, ее сестра Сура (Сарра) вышла замуж за Лейба, внука Тевье Эйдмана. Одним из сыновей Мойзеса, также уехавших в Аргентину, был Шимон Лернер, тот самый, чье имя осталось в памяти моей жены. В 1980-х, часть семьи Эйдманов и Лернеров, потомков Йосефа (Хозе) Эйдмана, переехала из Аргентины в Израиль.

Так сплелись судьбы двух еврейских семей, Эйдманов и Лернеров. Те, кто уехал, помнили об оставшихся и, таким образом, память о погибших в Холокосте помогла вновь соединиться потомкам обеих семей. В ноябре 2005, Офир Фойерстейн, пра-пра-правнук Тевье Эйдмана обнаружил его пра-правнучку Софью Базарову, которая поместила имена погибших родственников в списках Яд Вашема.

Воспоминания Йосефа (Хозе) Эйдмана при всех своих недостатках (их было бы гораздо больше, если бы не кропотливая работа Эрнста Зальцберга) дают представление о нелегкой жизни еврейских пионеров, осваивавших аргентинские пампасы. Писались мемуары по-испански, под диктовку, видимо, не очень грамотным человеком. На английский они были переведены неизвестно кем и когда. И только теперь, благодаря упорству и терпению Эрнста Зальцберга, с ними можно ознакомиться на русском языке. Остается добавить, что приводимые ниже воспоминания попали ко мне от одного из внучатых племянников Йосефа (Хозе) Эйдмана, живущих в Соединенных Штатах.

* * *

Я родился в 1879 г. в России. Мой отец, Тевье Сойфер Эйдман, был переписчиком Торы. С молодости я мечтал о Северной Америке но, в конце концов, решил уехать в Аргентину. Я покидал страну, где родился и прожил с семьей первые 25 лет своей жизни, с надеждой на лучшее будущее, которого я был лишен в России. Аргентина стала моей второй родиной, на которой я живу до сих пор.

По дороге в новую страну у меня была остановка в Англии. В течение 5 месяцев я продавал здесь с тележки зелень для того, чтобы

Супруги Эйдман (в центре) с детьми и внуками

скопить деньги на билет в Аргентину, куда прибыл в конце 1904 г. Я знал, что у меня есть аргентинский родственник, Хаим Зейлик Винокур, живший в колонии Маурисио² в провинции Буэнос-Айрес. Он был великодушным человеком, помогавшим прибывшим из России. Помог он и мне: я был гостем в его доме две недели и пользовался его лошадью до тех пор, пока не начал работать.

Моей первой работой было наматывание проволоки на фильтры водозаборных скважин и строительство домов для Еврейского колонизационного общества (ЕКО)³. Я работал до полудня, а потом учил детей колонистов, получая за это 15 песо в месяц. Скопив нужную сумму денег, я выписал в Аргентину жену и дочь Рашиль. Через два года я взял в аренду дом и, закупив в рассрочку необходимое оборудование и лошадей, стал работать подрядчиком для колонистов. Я вспахивал поля и получал в качестве вознаграждения определенный процент от будущего урожая. Выплатив долги, я оказался собственником 15 лошадей, одной повозки, двух косилок, тягловых граблей, 3 саней и плуга.

В Маурисио я собрал группу из 10 колонистов для организации вечеров и танцев. Колонист Мойзес Зильберштейн, возглавлявший еврейскую школу, оказал мне большую помощь в подготовке собраний по изучению Торы.

В 1915 г. я попросил у ЕКО участок земли, чтобы работать на нем самостоятельно. Мне выделили 75 гектаров в колонии Монтефиоре⁴ и дали кредит в 3.000 песо. Таким образом, прожив 11 лет в Маурисио, я переехал в колонию Монтефиоре в провинции Санта-Фе. Вначале я, жена и дети жили в палатке, потом своими руками мы построили кирпичный дом. Внеся залог в 25 песо, мы согласились с тем, что, если мы покинем колонию, то и залог, и дом перейдут в собственность ЕКО.

Уже через полгода жизни в Монтефиоре мы начали голодать. Пришлось заложить корову с теленком за 25 песо и купить на них хлеб. Большой помощью была посылка с необходимыми вещами от брата жены — Шимона Лернера, служившего в еврейском госпитале в Буэнос-Айресе. Я засеял 10 гектаров люцерной, купил 10 коров и стал продавать молоко по 2 цента за литр, но это не изменило нашего тяжелого положения — молока было слишком мало и цены на него — слишком низкими. По-прежнему денег на еду не хватало, и мы голодали. Потом начались дожди, которые обычно колонисты ждали с нетерпением, но на сей раз они были настолько обильны, что уничтожили все посевы. Мне пришлось покинуть семью и уехать в товарном вагоне на заработки в Бернаскони⁵, где я работал на сборе урожая и посыпал деньги домой. Товарным поездом я доехал до Буэнос-Айреса, где встретился с братом жены. Он дал мне немного денег, и на них я уехал в Пампа Сентрал, где, нанявшись снова сборщиком урожая, заработал 300 песо. Здесь я встретил родственника, А. Винокура, у которого отдохнул 2 недели. На прощанье он подарил мне 10 песо для моих детей, и я отправился домой.

В 1916 г. я опять работал на сборе урожая в Пампа Сентрал. Вернувшись в Монтефиоре, я обнаружил, что после сильных дождей все посевы, кроме кукурузы, оказались затопленными водами реки Сантьяго дель Эстero. Моим соседом был колонист Маркман. Четыре гектара его земель находились выше по склону, и вода не добралась до них. После наводнения я понял, что мои 75 гектаров, за которые я платил 900 песо в год плюс проценты — сплошной убыток. И я подумал, что мы должны использовать земли Маркмана для посева люцерны и сбыта ее семян. Заручившись его поддержкой, я принялся за работу. Когда выросла люцерна, я скосил ее серпом и связал в небольшие снопы. Затем вместе с Маркманом за четыре дня мы собрали их в один большой стог длиной 10 м и шириной 5 м. Нам предложили продать весь урожай за 200 песо, но мы, несмотря на всю привлекательность этой сделки, отклонили ее и решили продолжить разведение семенной люцерны.

Видя наши успехи, другие колонисты последовали нашему примеру. Их поддержала компания Левич, предоставившая каждому в кредит 20 гектаров земли для разведения люцерны. Первым колонистом, который продал ее семена и заработал на этом 3-4 тысячи песо, был ныне покойный М. Гуревич. Вместе с сыном он купил молотилку для обработки люцерны и заложил основу для процветания своего бизнеса и всей колонии.

Однажды, работая в поле, я почувствовал, что ветер как бы закручивается по спирали. Взглянув на небо, я увидел надвигавшийся циклон. Не теряя времени, я вскочил на лошадь и помчался домой. Я прискакал вовремя и успел спрятать семью в безопасное место. Циклон разрушил все дома и постройки; один человек был убит. Это произошло в 1918 г. С тех пор я стал внимательно следить за погодой и ее изменениями. Наблюдая за небом, солнцем, луной и состоянием атмосферы, я стал предсказывать хорошую погоду и дождь и даже решил написать об этом книгу.

В 1921–1922 гг. Монтефиоре упостигла жестокая засуха, сопровождавшаяся опустошительными налетами саранчи. Колонисты продавали коров за 30 песо для того, чтобы купить хлеб. Я же стал выращивать кафин, который дает урожай дважды в год и не боится саранчи, и продавать его по 4 песо за 500 фунтов. Когда у нас не было денег на хлеб, мы размалывали кафин и смешивали его с молоком — это была единственная доступная еда.

Поскольку наше финансовое положение оставалось по-прежнему тяжелым, я нанялся пилить лес на участке колониста Джейко-ба Волеофа. Вместе с другим колонистом, ныне покойным Шимоном Листманом, мы валили крупные деревья, распиливали их на дрова и продавали в расположенный в 30 км от колонии город Серес по 6 песо за тонну. Хотя я работал не покладая рук, мне было трудно прокормить семью из жены и 8 детей. В конце концов, я решил поговорить с Администратором колонии, г-ном Шимоном Вайном, и объяснить ему мою ситуацию. Он дал мне, моему ныне покойному сыну Мануэлю и дочери Рашили разрешение собирать кости. Мы продавали их в Сересе по 10 песо за тонну и покупали на эти деньги хлеб. На сахар и рис ничего уже не оставалось, поэтому я обратился за помощью к Мануэлю Винокуру, который одолжил мне 5 песо для покупки этих продуктов. Он был добрым человеком, помогавшим многим в голодные времена.

Меня стали мучить боли во всем теле. Зимой я нагревал воду на солнце, растворял в ней много соли и принимал такие «лечебные» ванны, после которых боль стихала.

Колонисты стали покидать колонию, и в 20-е годы в ней оставалось только 20 семей из тех, которые участвовали в ее создании. Для того, чтобы приостановить отток поселенцев, был образован специальный Совет, в распоряжении которого было 9.000 песо. Новый Администратор колонии, Леон Зилверстин, предложил мне трехлетний контракт, по которому я арендовал участок земли в 75 гектаров. В мои обязанности входило приведение в порядок счетов колонистов и сбор с них арендной платы. После первого года успешной работы компания Левич привлекла в Монтефиоре новых поселенцев; каждый получил 75 гектаров земли и кредит для покупки хлеба. Вновь прибывшие стали обзаводиться коровами. Я поехал в Буэнос-Айрес и купил машины для сбивания сметаны и проверки ее качества. Три раза в неделю я отправлял сметану на продажу в Рафаэлу, и это стало большим подспорьем для колонистов. Видя успех сметанного бизнеса, я обратился к компании Левич с предложением обеспечить колонистов коровами. Компания согласилась, и, в дополнение к уже имеющимся, каждый колонист получил по 5 коров. Производство молока и сметаны увеличилось, и положение колонии упрочилось.

Незадолго до окончания трехлетнего срока Совет уведомил меня, что мой контракт не будет продлен, и я должен возвратить участок земли и дом. В связи с этим, в 1926 г. я купил дом вместе с бизнесом у г-на Полонского за 255 песо. Напротив дома было ранчо, которое я приобрел за 375 песо. В 1932 г. на его месте, по моему предложению, была построена школа.

Большие неудобства, особенно при получении товаров, возникали из-за бездорожья. Я написал письмо правительству провинции Санта Фе, объясняя ту изоляцию, в которой находилась колония Монтефиоре из-за отсутствия проезжих дорог. По указанию правительства, был образован временный Комитет развития из 3 человек, в который вошел и я.

Следуя пожеланиям колонистов, в первую очередь была приведена в порядок дорога на кладбище, представлявшая груду пыли, кишащую муравьями. 26 октября 1932 г. меня избрали председателем Комитета развития, и, работая на этом посту, я приложил много сил для того, чтобы улучшить жизнь колонистов и сделать колонию процветающим поселком.

В 1932 г. я отвечал за строительство четырех печей для обжига кирпича (кстати, из этого кирпича была построена упомянутая выше школа) и синагоги. В 1940 г. к синагоге был пристроен дом для учителя еврейской школы.

В 1933 г. я выступил с инициативой построить первую в колонии общественную бойню. В следующем году я был переизбран председателем Комитета и снова поднял вопрос о бойне. Был арендован участок для строительства, куплена проволока для ограды территории, и вскоре бойня вступила в строй.

В 1935 г. было построено здание для Комитета развития и проведена канализация в поселке. Вскоре был построен новый рынок. Комитет принял постановление о наименовании всех дорог и улиц в колонии. Главная улица шириной в пять метров, на которой располагался рынок, была обсажена красивыми деревьями и получила имя доктора Луиса Оунгра.

С 1930 г. по 1948 г. я работал почтальоном, привозя и отвозя почту в г. Серес и получая за это 45 песо в месяц. Моя семья принимала и выдавала почту в почтовом отделении, зарабатывая сначала 65, в потом — 100 песо в месяц.

Постепенно дети обзаводились семьями и уезжали, и, в конце концов, мы остались с женой одни. Для ее лечения требовались деньги, и в 1946 г. я продал часть своей собственности. Еще через два года, для того, чтобы быть ближе к детям, мы покинули Монтефиоре и перебрались в г. Резистенция.

Когда я в 1948 г. был в гостях у сына Мануэля, он сказал, что его дочь Марука хочет уехать в Палестину, на что он ответил: «Да, придет время, и ты туда поедешь». И это произошло — в 1951 г. моя внучка уехала в Израиль. Она писала матери с сестрой и звала их переехать к ней. К сожалению, Мануэль не дожил до этого, но вся его семья сейчас в Израиле.

Моя внучка Кела показала нарисованную ею карту Израиля. Я горжусь тем, что, хотя ей только 13 лет, она тоже хочет уехать в эту страну. Мой внук Гектор работает крановщиком для того, чтобы, изучив эту профессию, применить свои знания и навыки в Израиле.

Моя старшая внучка выучила иврит. Она получила диплом школьного учителя, но не начала работать в Аргентине, так как собирается вместе с семьей уехать в Израиль. Я желаю им всем самого лучшего и помогу тем, что в моих силах.

г. Резистенция,
31 декабря 1951 г.

¹ Сокращенный перевод воспоминаний с английского и комментарии ред.-составителя.

² Маурисио — с.-х. колония в провинции Буэнос-Айрес, основана в 1892 г. выходцами из России. Названа в честь барона Мориса де Гирша, основателя Еврейского колонизационного общества (ЕКО). О с.-х. колониях российских евреев в Аргентине см.: Э. Путятова. Эмиграция евреев из России в Южную Америку в конце XIX — начале XX вв. // Русские евреи в Америке, кн.3 (ред.-сост. Э. Зальцберг). Иерусалим — Торонто — Санкт-Петербург, 2009. С. 9–23; М. Пархомовский. Евреи России в Зарубежье. Иерусалим, 2008. С.553–563.

³ Еврейское колонизационное общество (ЕКО) основано в 1891 г. бароном де Гиршем для содействия колонизации Аргентины, а также США и Канады евреями-эмигрантами из России и других стран Восточной Европы.

⁴ Монтефиоре — евр. с.-х. колония в провинции Санта Фе, основана в 1912 г.

⁵ Бернаскони — евр. с.-х. колония в провинции Ла Пампа.

Еврейские гаучо¹ из пампасов

Альберто Гершунов (*Буэнос-Айрес*)

Новые иммигранты

В то утро, когда ожидалось прибытие с десятичасовым поездом иммигрантов из России, около двухсот колонистов собрались для их встречи на станции в Домингесе. Вновь прибывшим предстояло поселиться в Сан Грегорио, недалеко от леса где, по местным преданиям, скрывались похитители домашнего скота, и даже водились тигры.

Весна чувствовалась повсюду, и в зелень лугов были обильно вкраплены белые и розовые маргаритки. Встречающие судачили о новых колонистах из России. В особенности всех интересовал пожилой рабби из Одессы, большой знаток Торы, изучавший ее в виленской иешиве². По слухам, он даже побывал в Париже, где его любезно принял барон Гирш, отец-основатель колоний.

Начальник и сержант полиции из Виллагуэй прибыли на станцию и тихо беседовали друг с другом. Кроме них, здесь были гаучо, игравшие в камешки в ожидании поезда.

Между тем, шойхет³ из Раджила вовлек шойхета из Рош Пины в дискуссию в надежде привести его в замешательство на виду у встречающих. Сначала они говорили о новом рабби из Одессы. Оказалось, что шойхет из Рош Пины знал его еще по Вильно, где оба изучали Талмуд. Он помнил его, как прекрасного студента, который знал наизусть почти всю Тору. Рабби был в числе евреев, отправившихся в Палестину для покупки там земель еще до того, как барон Гирш задумал создать поселения в Аргентине. По словам шойхета, этот человек в действительности никогда не был рабби. После иешивы он стал купцом в Одессе, где часто печатался в ивритской газете *Азфира*.

Покончив с этой темой, шойхеты перешли к обсуждению трудного места из семейного закона, при этом шойхет из Раджила цитировал слова божественного Маймонида о жертвоприношении быков.

Ожидание новых колонистов воскресило давнее прошлое у многих встречающих. Они вспомнили свое бегство из России и прибытие в эту землю обетованную, в этот «Новый Иерусалим», который превозносился в синагогах. О нем же они читали в брошюрах, где были такие строки:

В Палестину, в Аргентину
Мы поедем, чтобы сеять,
Чтобы жить как братья, други,
Быть свободными навек!

— Дон Абрахам, поезд подходит, — обратился сержант к шойхету.

Толпа зашумела. За холмами, на фоне ясного утреннего неба, появился дымок паровоза. Когда он, тяжело пыхтя, остановился, из двух вагонов стали выходить иммигранты. Они выглядели истощенными и измученными, но в их глазах светилась надежда. Последним появился рабби. Это был высокий пожилой человек с красивым лицом и густой белой бородой. Колонисты окружили его, приветствуя и выражая свои добрые пожелания. Шойхет из Раджил, дон Абрахам, пробрался к рабби, взял его под свое попечение и повел со станции. Колонисты и длинная цепочка иммигрантов, несущих свои узлы и детей, потянулась за ними. Похоже, что свежий воздух и открывшийся чудесный сельский пейзаж оказали благотворное воздействие на вновь прибывших, и страдальческое выражение стало постепенно исчезать с их лиц.

Когда все вышли со станции, дон Абрахам взобрался на высокий пень и произнес приветственную речь, обильно уснащенную цитатами на иврите. Отвечая шойхету, рабби привел строфиу пророка Исаи. Затем он упомянул о царской России и тех страданиях, которые испытывают там евреи.

— Здесь, — сказал он, — мы будем работать на собственной земле, разводить свой скот и есть хлеб, сделанный из выращенной нами пшеницы.

Рабби был полон энтузиазма и, со своей длинной развевающейся бородой, напоминал библейского пророка. Закончив речь, он обнял сержанта и поцеловал его в губы.

Солнце стало пригревать сильнее, и иммигранты тронулись в Сан Грегорио.

Опустошенный сад

Был ясный жаркий день. Зеленые поля кукурузы начинались за окраиной поселка, и теплый ветерок шевелил ее длинные стебли. Мальчишки выгоняли скот на главную улицу поселка, которая вела на пастбище.

Перед тем, как начать вспахивать и засевать новое поле, колония отдыхала. В этот день мы пошли в синагогу — была годовщина

смерти нашего соседа, и его сыновья читали кадиш⁴. После молитвы много времени ушло на разбор одного спора. Мэр嘒тался, как мог, примирить спорящих, тогда как шойхет предлагал чисто соломоново решение и ссылался на похожие ситуации в прошлом. После оживленного обмена оскорблений, в котором припоминались давние скандалы в обеих семьях, мир был восстановлен, и распри забыты.

Некоторые колонисты решили идти после полудня в город, и недавние спорщики стали давать им поручения.

— Купи мне почтовые открытки.

— А мне — тот рис, который я брал в лавке в прошлую воскресенье.

Когда наша семья вышла из синагоги, небо голубело и яркое солнце заливало цветущие сады позади домов. На главной улице поселка росло несколько деревьев. Одно из них, прямо перед нашим домом, служило райским прибежищем от жары, но в это время дня оно отбрасывало лишь небольшую тень.

Входя в дом, мы заметили на горизонте маленько серое облако.

— Должно быть, дождь, — заметил кто-то.

— Похоже на то, — сказал гаучо, наш работник.

Около полудня облако стало увеличиваться и темнеть.

— Давайте спросим о нем дона Габино, — предложил мэр.

Но дон Габино, старший над работниками, находился со стадом на дальнем пастбище. Он был бывалым гаучо, состоявшим, по слухам, метеорологом еще при Криспине Веласкесе, Великом Освободителе, и его прогнозы всегда были точными.

Подошло время полдника, и все пошли в дом, чтобы подкрепиться. Какое-то тяжелое предчувствие не покидало нас. Между тем, облако на золотисто-голубом горизонте продолжало расти и, казалось, что оно опускается все ниже и ниже.

Колонисты, привыкшие к разным превратностям природы, стали, однако, проявлять беспокойство по поводу тучи, приближавшейся при полном безветрии и без всяких молний. Некоторые даже забрались на крыши, чтобы наблюдать это странное явление, но и они не могли найти ему объяснение.

Никто не думал уже идти в город и не вспоминал об утренней скоре, уложенной в синагоге. Все следили за облаком, которое расползлось по всему небу и медленно приближалось к нам. Через час оно накрыло поселок — это была саранча!

— Беда, — закричал шойхет. — Это хуже чумы! Бегите и спасайтесь сады!

Туча затмила солнце, и наши чудесные фруктовые деревья, из-городи и все, что было в садах, покрылось толстым слоем саранчи, от которой исходил едкий запах.

Все принялись неистово бить в пустые ведра и трещотки, надеясь отпугнуть копошащихся насекомых. Некоторые громко кричали, но и это не помогало. Женщины с плачем сбивали саранчу одеждой, но она продолжала поедать листву деревьев, горох, цветы и даже тонкие стебли «собачьей» травы.

— Ракель, твой куст! — закричал мальчик.

Ракель побежала на крик. Саранча роилась над ее любимым розовым кустом.

— Дайте какую-то тряпку, помогите! — взывала девушка.

Никто не обращал на нее внимания. Она даже не сообразила, что могла бы сама сбегать за тряпкой в дом. Вместо этого Ракель скинула с себя кофту и принялась заворачивать ею цветущий куст. Под кофтой оказалась коричневая от загара кожа; взмокшая нижняя рубашка плотно облегала девичью грудь. Закутав розы, она смахнула со лба пот и выбившиеся пряди светлых волос.

— Ракель! — звал Мозес. — Помоги мне!

Превозмогая усталость, девушка пошла вглубь сада.

Эта отчаянная борьба продолжалась несколько часов, заполненных криками, шумом трещеток и размахиванием тряпками. Наконец, туча перелетела на соседнее поле пшеницы, оставив за собой оголенные сады.

Солнце стало садиться, и запах саранчи постепенно улетучивался. Подавленные происшедшим, мы пошли в дом. Шойхет начал вечернюю молитву с проклятия прожорливых насекомых.

Когда дон Габино возвратился со стадом, в притихшем поселке слышался лишь женский плач и лай собак.

Сиеста⁵

Наступил шабес⁶ — святой день отдыха, благословенный Торой и воспетый поэтом Иегудой Галеви. Колония погружена в дремоту. Белые стены и желтые соломенные крыши домов освещены мягким солнечным светом. В прозрачном небе, промытом ночным дождем, разлит покой. Сады — в цвету, и все зеленеет вокруг.

В центре выгона — пруд, питаемый небольшим родником, от которого расходятся круги по воде. Его журчание напоминает песню.

Коровы на выгоне отдыхают; они что-то жуют и, как бы в задумчивости, покачивают головами. Солнце высвечивает голубые прожилки в их рогах. Для них шабес — тоже благословенный день.

Позвякивает колокольчик на шее кобылы, она трясет головой и вдруг пускается рысью к катающемуся в траве жеребенку только затем, чтобы обнюхать его.

В доме шойхета — полная тишина. Рабби Абрахам спит, дети — тоже, до вечерней молитвы остается еще несколько часов. Молодой помощник Абрахама, Джакобо, сирота из соседнего поселка, заплещает в косички хвост пони. Легкий ветерок пузырит его широкие штаны, на поясе у него висит сверкающий нож и небольшое, утяжеленное свинцовыми шариками, *bolearados* — лассо.

В тени у дома сидит бабушка, внучка примостилась у нее на коленях. Бабушка очень старая, большой платок накинут на седые волосы. Ее испещренное морщинами лицо стало бронзовым от загара.

— Джакобо, — прикрикнула она на молодого человека. — Оставь пони, сегодня шабес.

— Донна Ракель, разве это работа?

— Конечно, и не важно, любишь ты ее или нет — каждый должен отдыхать в шабес. Неужели Абрахам не научил тебя этому?

Междуд тем, внучка тихонько напевает:

Плачте и стоните Вы, о дочери Сиона,
Плачте и стоните вместе с нами...

— Бабушка, ты знаешь эту песню? Я никогда не слышала, что бы ты ее пела.

— Да, внучка, я ее знаю. Смотри-ка, у тебя голова грязная.

— Мне только вчера ее помыли.

— И все равно она грязная. Ты видишь? Вот она! — бабушка давит что-то между ногтями, и раздается легкий щелчок. — Две, три, четыре — бедный ребенок! Их так много!

— Бабуля, расскажи о том, что было в Кишиневе, — просит внучка и продолжает напевать псалм.

— Еще одна! Они не вымыли тебе толком голову!

— А песню о пастушке ты помнишь, бабуля?

— Конечно, это одна из моих любимых. Ты уже знаешь ее?

— Ребекка научила меня.

Бабушка перебирает светлые волосы, а девочка напевает:

— Был когда-то пастушок в Ханаане...

— Расскажи мне о Кишиневе. Ты же была там.

— У тебя не вымыта голова — в ней полно вшей! А эта — какая она большая! Они бы съели тебя заживо, если бы я их не передавила.

— Разве в Торе не написано, что нельзя убивать живые существа?

— Да, внучка. Это так.

— Ну, и что же?

— А то, что коровы — тоже живые твари, и все же твой отец режет их.

Мимо проходит дон Закариас. Он остановился, чтобы поприветствовать пожилую женщину.

— Доброго шабеса, донна Ракель!

— Доброго шабеса и хорошего года, почтенный Закариас. Вы застали меня в плохую минуту — я обнаружила, что они плохо помыли голову внучке.

— Это не дело. Мы должны заботиться о детях, донна Ракель. Кто бы мы были без них?

— Бог в помощь, почтенный Закариас. Дети любят родителей только после их смерти.

— Это уж точно! Один мудрый человек сказал, что дети жалеют об ушедших родителях так же, как срезанные цветы — о стеблях. Эй, Джакобо! Ты забыл, что сегодня шабес?

— Я не работаю, почтенный Закариас, я лишь чищу пони. Я ее накормил, напоил и вечером поскакчу на луг.

— Но ты не должен был даже ее чистить.

— А что делает донна Ракель с головой Мириам?

— Э, не трогайте этого гаучо, — прервала Джакобо донна Ракель. — У него на все есть ответ. Посмотрите на него — настоящий гаучо! Эти страшные штаны, пояс, нож и маленькие свинцовые штучки, которыми можно убить бедное животное. Но Вы бы видели его в синагоге — там он молчит, как мышь. Парень даже не знает молитв. Немыслимо! Он учился у моего сына и не умеет молиться!

— Да, они теперь такие, эти парни и девушки. Вы слышали последнюю новость об одной из них?

— Какие новости? Расскажите.

— Ну, дочка из этого дома..., — Закариас кивнул в сторону небольшого дома под желтой крышей Исмаила Рудмана.

— О, да. Абрахам говорил мне об этом. Какойстыд! А это правда? Так оно и было?

— К несчастью, да. Почтенный Исмаил не пришел утром в синагогу, хотя должен был читать главу из Торы. Потом я узнал, что произошло, от своего брата. *Она* убежала с гаучо!!!

— Ремидио — хороший парень, — вмешался в разговор Джакобо. — Он учил меня ездить верхом и закидывать лассо.

— Видите, как у них просто, — воскликнула донна Ракель. — Для этого отступника все без разницы — как будто она убежала с евреем.

Издалека послышался голос пастуха; приближался вечер. В дверях дома появился дон Абрахам.

— Хорошего шабеса, рабби Абрахам!

— Хорошего шабеса и хорошего года, почтенный Закариас. Какие у Вас еще новости о том, что случилось утром?

— Подождите, мы их еще услышим. Пока что я знаю, что она заваривала чай в самоваре в шабес и ела курицу, зарезанную гаучо. Она — потеряянная душа, и это произошло задолго до побега. Не пора ли идти в синагогу?

Из дома вышла Ребекка и села под навесом. Ее волосы распущены после сна, и слова приветствия она произносит низким гортанным голосом. Джакобо надоело возиться с пони, и он принялся точить нож о камень. Услышав Ребекку, юноша запевает так, как учил его Ремилио:

— О, моя мечта...

От редактора-составителя. В связи с темой «Сельскохоз. колонии евреев из России в Аргентине» мы сочли уместным опубликовать три новеллы из книги «Las gauchos Judíos» («Еврейские гаучо») классика совр. аргент. лит-ры А. Гершунова, детство и юность кот. прошли в колонии Раджил. Перевод с англ. версии книги (A. Gerchunoff. «The Jewish Gauchos of the Pampas». Abelard – Schuman, 1959) и примеч. сделаны ред.-составителем.

¹ Гаучо (исп.) — живущие в прериях скотоводы, пастухи и перегонщики скота.

² Иешива — высш. религ. учебн. завед., предназначенное в основном для изучения Талмуда.

³ Шойхет — резник, заним. ритуальн. забоем птицы. Нередко в колониях выполнял обязанности раввина.

⁴ Кадиш — еврейская поминальная молитва.

⁵ Сиеста (исп.) — послеполуденный отдых.

⁶ Шабес — суббота, евр. религ. праздник, еженед. день отдыха. Религ. евреи проводят шабес в кругу семьи и в синагоге и воздерживаются в этот день от любой работы.

Энциклопедист либеральных и
социалистических движений — Давид Шуб (1887–1973)

Михаил Пархомовский
(*Бейт-Шемеш, Израиль*)

В исторических и публицистических работах нередко обсуждается вопрос об участии евреев в подготовке революции в России и ее проведении. Особый читательский интерес вызвала книга А. Солженицына «Двести лет вместе», в которой автор с осуждением говорит о чрезмерном, с его точки зрения, их старании в этом деле. Ту же тему рассматривает в одной из своих работ Давид Шуб, и мы в свое время о ней расскажем. Не вступая в полемику по этому спорному поводу, мне хочется напомнить читателю, что стремление к революции было равносильно стремлению к справедливости, а понятие справедливости и права в современной цивилизации родилось у евреев¹. И, учитывая значительно большую грамотность евреев и их меньшую склонность к терпению по сравнению с русским народом, априори можно было сказать, что они окажутся в первых рядах революционеров. Добавьте к этому распространенное среди евреев сочувствие к несправедливо обиженному и страждущему. Позже по тем же причинам они переполняли ряды диссидентов. Стремясь к справедливости, они нередко оказывались в глазах обычных чудаками. Не без насмешки такого защитника называли «справедливый жид».

Вышесказанное объясняет большое количество евреев среди поборников социальной справедливости. Значительная их часть становилась членами той или иной партии и фанатиками относительно узкого круга идей. Давид Никанович Шуб принадлежал к тем немногим, чье мировоззрение выгодно отличалось непредвзятостью и широтой.

Это не было результатом солидного формального образования — только в некрологе Р. Гуля² сказано об аттестате зрелости у Давида, полученном им до первого отъезда в Америку. Но он эмигрировал в 1903 г., т.е. в возрасте 16 лет, так что вряд ли этот аттестат у него был. Мы не нашли никаких указаний и на высшее образование Шуба. Его необыкновенные знания, его эрудиция — результат многолетнего упорного самообразования, постоянного чтения и кропотливого редакторского труда. Этим он напоминает Илью Эренбурга, который во время переписи населения на вопрос об образовании ответил: «Неполное среднее», чем вызвал обиду переписчи-

цы, которая не могла себе представить, что знаменитый советский писатель не получил высшего образования.

В течении 65 лет Д. Шуб жил в США, где занимался изучением российских проблем. Владея тремя языками (русским, английским и идиш), он опубликовал много статей и книг о России.

* * *

Воспоминания Д. Шуба «Из давних лет» публиковались в 98–110 номерах «Нового журнала» (1970–73 гг.)³. Они начинаются с конца 1903 г. Д. Шуб — бывший участник виленской революционной организации учащихся «Школа борьбы», хорошо познакомившийся с Бундом — уже в США и рассказывает о своем знакомстве с именем Ленина на палубе парохода, плывущего в Филадельфию. Эта дата существенна, потому что в литературе есть разногласия: по другим сведениям он впервые попадает в Америку в 1904 и даже в 1907 г. (в упомянутом некрологе Р. Гуля). После трех месяцев пребывания в Филадельфии Давид переезжает в Нью-Йорк, и этот город становится основным местом его жительства на всю жизнь. Он вступает в «Русское социал-демократическое общество» и становится постоянным слушателем устраиваемых Обществом регулярных лекций на общественно-политические и литературные темы. Слушает русского журналиста и еврейского драматурга Якова Гордина, экономиста и публициста профессора И. А. Гурвича, главного редактора «Форвертса» литератора Авраама Кагана (из лекций которого ему запомнились такие слова: «Вульгарно выражаясь, я скажу, что Чехов — это вкусный обед, а Горький — только пудинг»), других лекторов.

Посещает организованный «Группой содействия партии эсэров» курс лекций Житловского о философских основах марксизма с резкой критикой последнего. Слушает Екатерину Брешко-Брешковскую.

Зарабатывая физическим трудом, юноша читал много книг и всевозможные революционные русские журналы; стал первым читателем публичной библиотеки Нью-Йорка (известен и первый заказ первого читателя — отиск статьи Н. Я. Грота «Нравственные идеалы нашего времени — Фридрих Ницше и Лев Толстой»)⁴, постоянным посетителем библиотеки-читальни анархистов. Познакомился с группой рабочих-анархистов, которые жили коммуной.

Большой след в культурном росте молодого Шуба сыграли гастроли в Нью-Йорке в 1905 г. Павла Орленева с труппой. Этот гениальный актер преображался в каждом спектакле, будь то главная

роль в пьесе Чирикова «Евреи» или царя Федора в пьесе А. Толстого «Царь Федор Иоаннович». Давид побывал на всех спектаклях — в качестве зрителя или статиста; работал и билетером. Встречался с Орленевым и с примой его труппы Аллой Назимовой.

В 1905 г. Шуб в составе группы русских социал-демократов отправился в Россию на революционную работу. Они плыли пароходом до Бостона, а оттуда на грузовом судне — в Лондон. В качестве платы за проезд пассажиры кормили волов и убирали за ними, теряя бесчеловечное отношение команды.

Шуб знакомится с еврейскими политическими кругами Лондона, где преобладали анархические идеи. Редактором газеты социал-демократов на идиш «Ди нейе цайт» был российский журналист Федор (Теодор) Ротштейн; его сменил некто Бек, русский казак, настолько знавший идиш, что читал лекции на этом языке. В Париже Шуб пробыл пару недель, живя у идеалиста-народника, художника Николая Лохова, который познакомил его с достопримечательностями столицы.

Пребывание Шуба в Женеве было насыщено интересными знакомствами и встречами: с Л. Дейчем, Верой Засулич, Лениным; Давид прослушал несколько его лекций, на одной из которых Ленин позволил себе назвать Плеханова политическим авантюристом. С тех пор Шуб, почувствовав демагогическую сущность Ленина, возненавидел его.

Следующей остановкой Шуба по пути в Россию стала Вена, где была редакция «Искры» и где он познакомился с Мартовым, Даном и его женой — сестрой Мартова Лидией Цедербаум.

С немалыми трудностями Шуб нелегально перешел границу Австро-Венгрии с Россией в районе Бродов и немедленно разослал привезенную литературу в Одессу и Киев. Давид отправился в Вильну, где ему была назначена явка и где он повидался с отцом и сестрой. Познакомился с членами местного комитета Российской социал-демократической партии, в их числе с Николаем Крестинским, ставшим видным большевиком, позже — послом СССР в Германии; был уничтожен Сталиным.

Д. Шуб знакомится со всеми политическими течениями времен первой русской революции, в основном интересуясь такими противниками большевистского марксизма как П. Струве, М. Туган-Барановский, Н. Бердяев. Осенью 1906 г. Давида за революционную пропаганду — «подстрекательство крестьян к захвату чужой собственности» — арестовали. После двух месяцев тюрьмы 19-летнего юношу отправили нести воинскую службу в Иркутск. В период

службы в стрелковом полку Шуб играл в солдатском театре и был переведен в музыкальную команду. За составление «Наказа» депутату Государственной Думы В. Мандельбургу Шубу угрожал арест, и он бежал за границу. Прожив какое-то время в Лондоне, он переезжает в Нью-Йорк. Здесь он вовлечен в разногласия между русскими и американскими социалистами в связи с их отношением к Первой мировой войне. В своих воспоминаниях Шуб описывает деятельность Н. Бухарина и Л. Троцкого в США, поездку американской дипломатической миссии в Россию, приезд в Нью-Йорк Е. Брешко-Брешковской, Н. Авксентьева, А. Аргунова, В. Зензинова, Е. Роговского. Он встречается с Н. Афанасьевым, А. Зунделевичем, Э. Аронсбергом, П. Милюковым и др.

Летом 1917 г., когда большевики своими популистскими призывами к прекращению войны завоевали симпатии американцев, Д. Шуб — член Русского социал-демократического общества в Нью-Йорке — порекомендовал в качестве главы отдела новостей газеты «Новый мир» антибольшевика Григория Вайнштейна, которого знал со школьных лет в Вильне. Но и Вайнштейн через несколько месяцев перешел на большевистские позиции. Тогда, по инициативе Шуба, была создана «Народная газета», и он стал управляющим ее редакции, не получавшим зарплату. Республикованные Шубом в первых номерах газеты статьи Плеханова, Дейча, Горького и Короленко с подробностями захвата власти большевиками и разгона ими Учредительного собрания произвели впечатление на читателей, и газета стала популярной. Но в конце 1919 г., в период бурных разногласий, вызванных провозглашением Колчака Верховным правителем России, газета напечатала статью «Ленин или Колчак?», призывающую к поддержке последнего как единственно разумной альтернативе большевистской диктатуры. После этого газета лишилась значительной части читателей и вскоре прекратила существование.

Следующим местом деятельности Д. Шуба стало «Русское информационное бюро», возглавлявшееся выходцем из Нижнего Новгорода видным журналистом и автором книги и брошюра о революционной России Аркадием Заком. Д. Шуб стал заведовать редакцией еженедельного журнала «Борющаяся Россия», который выпускался этим «Бюро» и в котором печатались статьи таких видных русских либералов как П. Милюков, М. Винавер, П. Струве и лидеров социалистов-революционеров Е. Брешко-Брешковской, А. Аргунова, В. Зензинова и др. В период, когда пробольшевистская Америка хотела верить и верила в создание в России справедливого и свободного строя, перед журналом стояла трудная задача.

Позже Д. Шуб почти полвека (с 1924 по 1972 год) публиковал много статей против большевизма и советской диктатуры в ежедневной газете на идиш «Форвертс», где он стал ведущим журналистом и где с подобной тематикой выступали К. Каутский, Э. Бернштейн, Б. Николаевский, Б. Потресов, М. Вишняк и многие другие видные писатели и публицисты. Их статьи выходили в переводах Шуба.

Оставшийся на Западе бывший резидент НКВД В. Кривицкий позже рассказывал Д. Шубу, что Сталин приказывал переводить ему антикоммунистические статьи из двух газет — из еврейского и немецкого «Форвертса».

Работая в «Форвертсе», Давид печатался также в еженедельнике на идиш, издававшемся Социалистической рабочей партией. Шуб редактировал идишистскую профсоюзную газету и еженедельное приложение к газете «Новый мир», в которой он познакомился с Бухарином и Троцким. Он также регулярно публиковался в еженедельнике «Der Veker», который он редактировал в 1922–1927 гг.

О дальнейшей жизни и работе русского революционера, в эмиграции — влиятельного журналиста и деятеля еврейско-американского рабочего движения Давида Натановича Шуба рассказывает Марк Раев:

«Руководящие круги еврейско-американского рабочего и профсоюзного движения, его печать, в которой Д. Шуб был деятельной фигурой, сохраняли связи с русскими социалистами-эмигрантами, осевшими поначалу в Германии и перебравшимися во Францию после 1933 года. Эти бывшие российские социал-демократы через свои печатные органы, такие, как «Социалистический вестник», поставляли в США наиболее полную и критическую информацию о том, что делалось в России. Этими материалами широко пользовались вожди американского рабочего движения в своей борьбе против коммунистов.

Шуб стал одним из наиболее активных посредников между эмигрантами в Европе и американско-еврейскими организациями. Так, благодаря его содействию, «Социалистический вестник» (орган Заграничной организации РСДРП меньшевиков) получал от «Форвертс» субсидии, обеспечивающие бесперебойный выпуск этого издания. Именно Шуб способствовал финансированию научной работы — исследований советской экономики, социальной и национальной политики, — осуществлявшейся членами меньшевистского клуба в Берлине и Париже. Благодаря его содействию представители левой (социалистической) эмиграции приезжали в

*США для сбора денег и ознакомления американской общественности с советской действительностью в противовес коммунистической пропаганде*⁵.

После фашизации Германии возникла необходимость в составлении списков нуждающихся в срочной эмиграции. В составлении этих списков из нескольких сот имен немалую роль сыграл Шуб, имевший постоянные контакты с русским и русско-еврейскими социалистами, количество которых вместе с членами семей составило в Западной Европе около двух тыс. человек⁶.

* * *

Д. Шуб был автором немалого числа рецензий⁷. На русском языке наибольшее их число публиковалось в «Новом журнале», начиная с его 1-го номера, вышедшего в 1942 г.⁸ Отметим большую связь Давида Натаевича с этим ведущим толстым журналом русского зарубежья. Здесь публиковались воспоминания Д. Шуба, его рецензии и статьи; Д. Шуб был вице-президентом Общества друзей «Нового журнала»; книга Д. Шуба «Политические деятели России» была издана «Новым журналом».

В обсуждении обширного тома (более 500 с.) Мани Гордон⁹ о положении трудящихся в СССР Д.Шуб суммирует основную мысль автора: «диктатура пролетариата» в России превратилась сначала в диктатуру Коммунистической партии над пролетариатом, потом в диктатуру ЦК и Политбюро и, наконец, в тоталитарную единоличную диктатуру «вождя».

В рецензии на сборник статей об антисемитизме¹⁰, изданном Коппером С. Пинсоном, Д. Шуб напоминает читателю, что антисемитизм существовал еще в древности, но получил свое название только в 80-х гг. XIX века. В статье Соломона Грайзела указывается, что в первый период христианства, когда еще существовало еврейское государство, христиане не питали никакой вражды к иудаизму. Они считали себя евреями и посещали Храм в Иерусалиме. Апостол Павел с гордостью подчеркивал свое еврейское происхождение. Джозеф Рейдер, говоря о нелицеприятном образе еврея в искусстве средних веков, рассказывает о революции, произведенной Рембрандтом, показавшим миру благородных патриархальных евреев.

Обсуждая объемный труд группы чиновников Государственно-го Департамента о национал-социализме¹¹, Д.Шуб указывает, что идеология национал-социализма рождена не Гитлером, она созда-

валась в течение целого столетия многими немецкими мыслителями, писателями, политическими деятелями и военачальниками. Верные традициям германского империализма, нацисты стремятся внедрить свои идеи в другие страны, в первую очередь в США, опираясь на живущих там немцев.

В рецензии на изданную в 1943 г. книгу о послевоенном устройстве мира¹² Д. Шуб обсуждает работу проблемной комиссии из пяти профессоров Колумбийского университета. Союз Объединенных Наций¹³, созданный для борьбы против «Оси», должен оставаться в силе после окончания войны. Знаток истории освободительного движения в России с его зарождения, Д. Шуб вскрывает ошибочные выводы комиссии, основанные на большевистской историографии. Главным препятствием на пути установления дружеского сотрудничества между СССР и другими странами являются Коминтерн и политика советской власти.

Глубокий анализ социалистического движения и его предшественников сделан Д. Шубом в статье «Эволюция социалистической мысли»¹⁴. Эта его работа представляет собой расширенную рецензию на серию книг Г. Д. Х. Коула «История социалистической мысли»¹⁵. Они посвящены марксизму и анархизму, возникновению и распаду Второго интернационала, развитию социалистической мысли и социалистических движений во всех странах мира.

«Книга о русском еврействе»¹⁶, объемом в 500 с. и содержащая 22 статьи, — своего рода энциклопедия русского еврейства, — пишет Д. Шуб. Одна из самых интересных публикаций сделана видным общественным и политическим деятелем Я. Фрумкиным, который, в числе прочего, приводит неоспоримые доказательства участия властей в организации еврейских погромов 1903, 1905 и 1906 гг. Значительна статья А. Гольденвейзера о правовых ограничениях евреев в России. В книге — материалы о борьбе евреев за гражданские и национальные права, об их роли в русской и русскоеврейской литературе и журналистике, в музыке, в русской адвокатуре, в живописи и скульптуре. Особое место Д. Шуб отводит работе Г. Света «Русские евреи в сионизме и строительстве Палестины и Израиля».

Книга Леонарда Шапиро¹⁷ о коммунистической партии Советского Союза¹⁸, по мнению Д. Шуба, является объективным изложением истории большевистской организации, сначала как фракции РСДРП. Автор рассказывает, как при диктатуре нескольких лиц власть в партии захватил Сталин и создал беспрецедентный культ своей личности. Как каждая оппозиционная группа в партии была

уничтожена при полном одобрении и поддержке остальных оппозиционных групп. Так, Троцкий помог Ленину ликвидировать вождей Рабочей оппозиции, чтобы потом, при помощи Зиновьева и Каменева, самому быть уничтоженным Сталиным. Потом Бухарин помог Сталину уничтожить Зиновьева и Каменева, а позднее был расстрелян так же, как они. Из книги Шапиро видно, что подавляющее большинство большевистских лидеров не отличались особым героизмом: для процесса над Бухариным из тюрем и концлагерей в Москву были привезены многие коммунисты, и все они, кроме одного — Камкова, показали о Бухарине то, что им велел сказать Вышинский.

Д. Шуб не останавливается подробно на недостатках книги. Он лишь вкратце, мельком говорит о них: «...чрезмерное обилие (особенно в первой части) мелких подробностей, которые очень важны для историков-специалистов, но не могут интересовать среднего интеллигентного читателя, особенно иностранца».

Книга Шапиро является первой научной историей большевизма и коммунистической партии СССР. По мнению рецензента, эту большую монографию (630 с.) следовало бы перевести на русский язык.

В заметке о предках Ленина¹⁹ Д. Шуб сообщает, что еврейство Александра Бланка — деда Ленина было выяснено им в 30-е годы, когда он готовил книгу о Ленине. Это был фельдшер, живший в Одессе и принявший православие. В его деле, хранившемся в архиве Святейшего Синода в Петербурге, было много доносов на евреев вообще и служителей еврейской религии. В дальнейшем А. Бланк работал полицейским врачом. После революции папка с его делом была изъята и увезена в Москву — никто не должен был знать, что у Ленина дед еврей. Ленин, конечно, знал об этом. Д. Шуб ссылается на воспоминания М. Горького о Ленине 1924 года издания, в котором приводится такое его высказывание: «Умников мало у нас. Мы народ, по преимуществу талантливый, но ленивого ума. Русский умник почти всегда еврей или человек с примесью еврейской крови». В дальнейшем эта фраза из текста была изъята.

Книга проф. Карла Ландауэра²⁰ посвящена социалистическим движениям и идеям со времен промышленной революции до захвата власти Гитлером. В рецензии Д. Шуба²¹ отмечены пробелы в панораме, представленной автором: в книге отсутствуют сведения о социалистических партиях Болгарии, Сербии и, что особенно существенно, Венгрии, сыгравшей большую роль в истории коммунизма и Коммунистического Интернационала. Чувствуется, что Д. Шуб разделяет надежды автора на то, что один или несколько се-

годнящих или завтращих советских лидеров проявят волю, мужество и политическое сознание для возрождения свободы в России, что приведет к ее мирному развитию без новой революции.

По мнению Д. Шуба, книга «Совесть революции»²² — научная, объективная историческая работа о всех оппозициях политике и тактике Ленина, а с 1923 г. — Сталина.

С большим интересом читается рецензия на книгу Григория Аронсона «Россия накануне революции»²³. Это сборник очерков о больших исторических событиях в России последних 10 лет перед революцией. В очерке «Загадка убийства Столыпина» на основании ряда документов доказывается, что к убийству было причастно царское охранное отделение. В очерке «Большевистский Азеф» рассказана история Романа Малиновского, лидера большевистской фракции в 4-й Государственной Думе, в течение ряда лет состоявшего платным агентом департамента полиции и, с другой стороны, неоднократно поддерживаемого Лениным, что Аронсон прекрасно документирует. Знаток биографии Ленина, Шуб не соглашается с утверждением автора об одиночестве Ленина в эмиграции (очерк «Социалисты в России и в эмиграции») — помимо своей тесной группы, Ленин имел влиятельных сторонников в лице сотрудников парижской газеты «Наше слово» (Троцкий, Мартов, Мартынов, Луначарский, др.), а позже — нью-йоркского «Нового мира» (с конца 1916 г. ее редактировали Бухарин и Троцкий). Критикует рецензент и очерк «Русский либерализм и революция» — автор недоделил громадную роль либералов во всех четырех Государственных Думах и в деле политического воспитания народа. Высоко оценивается очерк «Масоны в русской революции». Масонство, возникшее после революции 1905 г., ничего общего не имело с заграничным — в России начала XX в. оно имело политическую цель. Форма масонства была выбрана для вовлечения в него высших и даже придворных кругов. Цитируемое письмо Е. Кусковой указывает, что движение это было огромно, в нем участвовали и военные высокого ранга — «Везде были свои люди».

В рецензии на трехтомный труд «Российское Временное правительство 1917 г.»²⁴, вышедший под редакцией бывшего главы этого правительства (ВП) А. Ф. Керенского, Шуб дает высокую оценку объему собранных для издания документов (в количестве 1439) как самого ВП, так и публикаций о нем с критикой деятельности ВП справа и слева. Законодательная и административная работа ВП, декларации и интервью официальных лиц дают полную картину 8 месяцев его существования, в течение которых оно сделало больше

для разрешения чрезвычайно трудных задач, стоявших перед страной, чем любое демократическое правительство какой-либо другой страны. Книги являются также правдивой историей деятельности Петроградского и Всероссийского совета рабочих и солдатских депутатов демократического периода русской революции. В числе упущений составителей трехтомника Д. Шуб называет отсутствие речей Г. Плеханова и материалов его петроградской газеты «Единство», многие из которых оказались пророческими: Плеханов предупреждал, что доминировавшие в Совете рабочих и солдатских депутатов левые социалисты, которые оказывали сильное влияние на ВП своей «полу-ленинской» политикой и тактикой, «уравнивали дорогу, ведущую к воротам ленинского большевизма».

Американский профессор С. Барон для своей книги о Плеханове²⁵ проделал огромный труд, проштудировав все работы Плеханова и все написанное о нем, проинтервьюировал его дочерей, живших в Париже. От них он узнал новые факты о жизни Плеханова и получил копии некоторых его писем. Собрание сочинений Плеханова, изданное при советской власти, не содержит многих его положений, высказываний и статей. Д. Шуб в своей рецензии²⁶ указывает: еще в 1883 г. Плеханов предупреждал, что революционное установление социализма в России окончится тем, что народом будет управлять «социалистическая каста» с не меньшим неравенством, чем устраниенная революционерами. При осуществлении централизма Ленина в России все будут рукоплескать его планам и начинаниям и возникнет идеал персидского шаха. Но, слишком полагаясь на большевистских биографов Плеханова, Барон допускает ряд ошибок, которые Шуб перечисляет на шести из девяти страниц рецензии.

Мемуары А. Ф. Керенского «Россия и поворотный пункт истории»²⁷ были изданы на английском в 1965 г. Рецензируя книгу²⁸, Д. Шуб указывает на ее ценность для истории и необходимость издания на русском языке. Значительный интерес представляет автобиография Керенского. В мемуарах содержатся неизвестные ранее подробности его политической карьеры, описание партийных лидеров, царской семьи и Распутина, членов правительства, генералов и адмиралов, дипломатов; приводятся данные об удивительном прогрессе России перед Первой мировой войной в области образования, кооперативного движения и промышленного производства. Излагаются взгляды и трактовки главы Временного правительства на возникновение и быстрые изменения Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, Учредительного собрания, на заговор и мя-

теж Корнилова. Керенский, — подчеркивает Д. Шуб, — верит в воскресение демократических традиций Герцена, Л. Толстого, Вл. Соловьева и народников.

В рецензии «Б. Николаевский о Бухарине»²⁹ рассказывается о книге известного историка международного и русского революционного движения, прославившегося такими, например, статьями, как «Бухарин и оппозиция Сталину», «Значение дела Берии», «Тайная речь Хрущева». Центральное место в книге занимает «Письмо старого большевика», опубликованное в 1936 г. И вот через 30 лет Николаевский раскрывает секрет, что эта статья была написана на основании длительных бесед с Бухарином во время его приезда в Европу для переговоров о покупке архива немецкой социал-демократической партии, вывезенного Николаевским из Германии при захвате власти Гитлером. Эти беседы облегчились приветами, привезенным Бухарином из Москвы — брат Николаевского Владимир был женат на сестре Рыкова. Бухарин в какой-то степени исповедовался перед Николаевским, надеясь, как понимал собеседник, что подноготная решений советской власти, как правило — Сталина, станет, благодаря Николаевскому, достоянием гласности. Здесь и подробности суда над эсерами в 1922 г., политическое завещание Ленина, в котором он был категорически против дальнейшего насилия по отношению к крестьянам, допустимого лишь сразу после революции. Бухарин поддерживал идею Горького о необходимости объединения интеллигенции в отдельную партию для участия в выборах, «для того, чтобы в умах России и Запада нас отличали от нацистов». Мимо этой книги Николаевского, — утверждает Д. Шуб, — не сможет пройти ни один историк СССР.

Шуб считает, что английская книга проф. Гетцлера о Мартове³⁰ является ценным вкладом в историю российской социал-демократии. По данным Гетцлера, разногласия между Лениным и его ближайшим другом Мартовым (из всего окружения Ленина он только с Мартовым был на «ты») начались в 1902 г. На 2-м съезде РСДРП он уже открыто выступил против Ленина и сформулировал принципы, по которым сложился меньшевизм. Позже, когда газета «Искра» оказалась под контролем меньшевиков, Мартов, по мнению Гетцеля, мог изгнать Ленина из партии, но он, как всегда, мечтал об объединении меньшевиков с большевиками. В книге цитируются почти все устные и письменные высказывания Мартова по партийно-политическим и тактическим вопросам, например, описание Б. Николаевским ухода Мартова со Съезда Советов в день большевистского восстания 25 октября: «Неожиданно в зал ворвал-

ся гул далекого пушечного выстрела. Все поняли: начался решающий штурм. И в наступившей тишине донеслись срывающиеся слова Мартова: — Это — похороны единства рабочего класса... Мы участниками не будем». Но автор преувеличивает роль, которую Мартов играл в русских революциях. Этот кристально честный талантливый идеалист всегда оставался марксистским догматиком, который расходился с Лениным в основном по тактическим вопросам и не выносил его аморализма.

Рецензия «Три биографии Ленина»³¹ посвящена сразу трем книгам, вышедшим летом 1964 г. Их объединяет тема и, как пишет Д. Шуб, большое количество ошибок и неверных утверждений. Так, в книге Пессони «Ленин — революционер по принуждению» (почему она так названа, неясно) совершенно ошибочно сообщается о финансовой помощи Ленину в 1904-05 гг. из Японии, которая якобы осуществлялась через В. Засулич (?). Несмотря на большой поднятый архивный материал о Ленине, множество подобных «исторических фактов» позволили Д. Шубу дать книге Пессони резко отрицательную оценку.

Л. Фишер, проведший в России 10 лет и изучивший русский язык, в своей «Жизни Ленина» отчасти идеализирует его. Характерная для Шуба-рецензента подробность: Л. Фишер, недовольный рецензией Д. Шуба на его биографию Ленина, опубликовал в «Новом журнале» письмо в редакцию, в котором, в числе прочего, опровергал критику Шуба своего утверждения, что «Нет доказательств того, что Ленин был последователем Ткачева...». В ответном письме Шуба³² указывается на десять (!) авторитетных авторов, писавших о П. Ткачеве-стороннике террора как предшественнике Ленина, который предлагал читать и изучать Ткачева всем и каждому.

Роберт Пейн — профессиональный писатель, и его книга «Жизнь и смерть Ленина» написана лучше всего. Он дает живой образ человека, с презрением относящегося ко всем людям и основавшего в России диктаторский режим. Из указанных Шубом грубых ошибок Пейна назовем его утверждение, что Л. Мартов принадлежал к Бунду; получение в США в 1906 г. денег для большевистской партии В. Бонч-Бруевичем, тогда как это было сделано М. Горьким; описанная Пейном демонстрация рабочих Путиловского завода в 1919 г. с лозунгом «Долой Ленина с кониной, дайте нам царя со свининой!», тогда как это был анекдот.

Социалисты, предвидевшие Первую мировую войну³³, — указывает Д. Шуб, — считали ее страшной катастрофой. С ростом массовых социалистических партий они постепенно отказались от марк-

систского лозунга «У пролетариев нет отечества». Только Ленин видел в войне пользу для революции; он писал: «...мало вероятия, чтобы Франц-Иосиф и Николаша доставили нам сие удовольствие». Рабочие и социалисты всех стран были единодушны в стремлении предотвратить войну, но когда она разразилась, Интернационал распался. Самым ужасным в истории социализма и Первой мировой войны Шуб считает заключение большевиками сепаратного Брест-Литовского договора, согласно которому Россия была расчленена и потеряла Финляндию, Прибалтийские губернии, Польшу, Украину и Закавказье. Это решение Ленина и его соратников было предательством не только по отношению к своей стране и российской демократии, но и по отношению к мировой демократии. В циничном сотрудничестве Ленина с Вильгельмом II были заложены основы будущего сталинского пакта с Гитлером.

* * *

Расскажем и о нескольких статьях и книгах Д. Шуба.

В работе «Ленин и Вильгельм II: Новое о германо-большевистском заговоре»³⁴ Д. Шуб сообщает, что правительство Вильгельма II финансировало большевистскую пропаганду в России с самого начала Первой мировой войны. На пропаганду против Временного правительства и замену его большевистским, которое должно было согласиться на сепаратный мир с Германией, Ленин и его партия получали огромные суммы. Это было давно известно историкам, как и то, что главным посредником между украинскими сепаратистами и большевиками был Парвус³⁵, которого впервые разоблачил Троцкий. Позже эти факты были подтверждены историком Эдуардом Бернштейном и публикацией документов германского министерства иностранных дел. Д. Шуб, познакомившийся с Парвусом в Швейцарии в 1905 г., приводит его подробную биографию. Этот социалист любил деньги и сделался платным агентом германского правительства. Упоминаются другие германские агенты, которые использовали свое знакомство с Н. И. Бухарином, А. М. Коллонтай. Статья чрезвычайно богата информацией.

В статье «Максим Горький и коммунистическая диктатура»³⁶ Д. Шуб пишет: «И после октябряского переворота никто так не бичевал большевиков, в частности — Ленина, как Горький». В своей газете «Новая жизнь» Горький называл Ленина и Троцкого бессознательными авантюристами и безумцами. Он писал, что они «уже отправились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их по-

зорное отношение к свободе слова, личности и всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия».

Что бы не утверждали советские партийные деятели, М. Горький был ярым противником диктатуры над литературой. Но он был соблазнен открывавшейся возможностью приобщения русского народа к просвещению и материальной культуре. После посещения СССР в 1929 г. и возвращения в 1931-ом он, в числе прочего, говорил, что коллективизация должна происходить исключительно на добровольных началах. Д. Шуб приводит высказывание Горького о своей статье после посещения Соловецких островов, якобы одобрявшей лагерь для инакомыслящих или подозреваемых в инакомыслии: «*Там карандаш редактора не коснулся только моей подпись — все остальное совершенно противоположно тому, что я написал, и неизвестно.*» «Редактировались» и ранее изданные произведения Горького — например, в воспоминаниях о Ленине была изъята восторженная реплика Ленина о Троцком — создателе образцовой армии. Горький за годы жизни в СССР не написал ни одной повести и ни одного рассказа из советской действительности. Он мужественно противостоял настойчивым «предложениям» написать если не книгу, то хотя бы статью о Сталине. А откровенный дневник писателя, обнаруженный после его смерти, привел к ликвидации окружения Горького, подозреваемого в том, что оно знало его антисоветские взгляды.

Для своей статьи «Либерализм в России»³⁷ Д. Шуб выбрал такой эпиграф из Белинского: «*Идея либерализма в высшей степени разумная и христианская, ибо его задачи — возвращение прав личного человека, восстановление человеческого достоинства.*» Рассказывая историю русского либерализма, Шуб сожалеет, что об этом движении, которое гораздо старше русского социализма и которое по сравнению с ним сыграло в России большую роль, не была написана ни одна книга на русском языке. Рассматривая английскую книгу Джорджа Фишера «*Русский либерализм — от дворянства до интеллигенции*» (G.Fisher. «*Russian Liberalism — From Gentry to Intelligentsia*», 1958), Шуб недоумевает, почему эта книга обнимает только эпоху от начала 1860-х гг. до 1905 г. Охваченный автором период дан очень хорошо — им проанализирована история земства как колыбели русского либерального движения в борьбе за свободный конституционный строй. Шуб напоминает, что первыми либералами в России были Новиков и Радищев, позже — декабристы, но по-настоящему движение сложилось в эпоху великих реформ после восшествия на престол Александра II. С другой стороны, са-

мую существенную роль в политической, культурной и общественной жизни России либерализм играл с 1906 по 1917 г. во время четырех Государственных Дум. Далее статья Шуба превращается в конспект, план этой важной ненаписанной части истории русского либерализма. Он называет имена таких выдающихся личностей, как И. Петрункевич, П. Милюков, И. Гессен и С. Муромцев, газеты «Речь» и «Русские ведомости», толстые журнала «Вестник Европы» и «Русская мысль», либеральные союзы и партии.

С великим пietетом Д. Шуб рассказывает биографию выдающегося русского мыслителя-социалиста Петра Лаврова³⁸. Изложение убеждений Лаврова автор начинает с цитаты: «Средством для распространения истины не может быть ложь: средством для реализации справедливости не может быть ни эксплуатация, ни авторитарное господство личности» — цель не оправдывает средства. Народничество — движение в народ началось под самым непосредственным влиянием «Исторических писем» Лаврова. Свидетель Парижской коммуны, он был направлен ее руководителями в Лондон, где познакомился и подружился с К. Марксом и Ф. Энгельсом. Как и Герцен, он был ярым противником всякой диктатуры, которой приходится тратить больше времени и сил на борьбу с соперниками за власть, чем на осуществление своей программы с помощью этой власти. Д. Шуб подчеркивает роль Г. Лопатина, вывезшего Лаврова из ссылки, И. Тургенева, субсидировавшего его журнал «Вперед», С. Анского, бывшего секретарем Петра Лаврова в последние годы его жизни. Лавров — первый социолог России — многие десятилетия был учителем ее молодежи.

В статье «Ленин и марксизм-ленинизм»³⁹ Д. Шуб пишет, что так называемый «марксизм-ленинизм» выдумал Сталин в своей борьбе против Троцкого: Ленин не создал ни одной выдержанной теории и не внес ни одной мысли в марксистскую теорию. В одно время он говорил одно, в другое время — другое и очень часто себе противоречил.

В работе «О социализме наших дней»⁴⁰ Шуб прослеживает важнейшие изменения в политических и тактических положениях социализма на протяжении 60 лет, прошедших от второго до восьмого конгресса Интернационала в Амстердаме. Если в начале этого времени социалисты только приступили к пересмотру положения Маркса о неучастии социал-демократов в буржуазных правительствах, то постепенно «реформистские» и «ревизионистские» идеи Бернштейна и Жореса восторжествовали во всех крупных социалистических партиях. Стало ясно, что никакая международная

организация не в состоянии определять программу социалистических партий — они исходят из интересов собственного народа и особенностей своей страны. Эти партии, осознав ложность многих основных принципов марксизма, в первую очередь — об обнищании рабочего класса и классовой борьбе при капитализме, перестали быть марксистскими. Пересмотрена проблема национализации главных отраслей промышленности при приходе к власти социалистической партии — сама национализация не меняет автоматически общественные отношения. Современная Англия, — пишет Шуб, — не социалистическая страна, но уже и не капиталистическая. Советский Союз, несмотря на полную национализацию, является в еще меньшей степени социалистической страной, чем Англия. Демократические социалисты приходят к убеждению, что не все зависит от экономической и социальной структуры общества и что демократические страны не нуждаются в революциях. Должны произойти изменения в поведении людей и в отношениях между ними.

Экземпляр книги Давида Шуба о политических деятелях России, полученной мной в Национальной библиотеке Израиля, был подарен автором А. М. Бургиной⁴¹, о чем сохранилась надпись на титульном листе: «Дорогой Анне Михайловне — дружески — Давид Шуб. Нью-Йорк, Июль 1969 г.» Эта книга может служить хрестоматией по истории освободительного движения в России. Ее ценность определяется объемом знаний автора, около полувека сотрудничавшего почти во всех русских зарубежных демократических изданиях и обладавшего личными и политическими связями с ведущими русскими либералами и умеренными социалистами: П. Милюковым, Е. Брешковской, А. Керенским, И. Церетели, М. Алдановым и др.

В главе «Евреи в русской революции» Шуб опровергает распространенную (особенно в США) легенду о том, что последнюю подготовили и совершили евреи. Эта легенда с приходом к власти Гитлера повторялась и распространялась на всех языках немецким министерством пропаганды. В первые 50 лет освободительного движения в России евреи практически не принимали в нем участия. В первой организации «Земля и Воля» (1861–64) вначале был лишь один еврей — Николай Утин, который раскаялся в своих грехах и закончил свои дни богатым купцом. В такой же организации, основанной в 1876 г., было несколько десятков евреев, которые не играли в ней ведущих ролей. Большое место в истории еврейского революционного движения сыграла Вильна, в которой еще в середине 1870-х гг. возникли кружки еврейской интеллигенции (наибольшее значение приобрела Группа еврейских социал-демократов,

ставшая в 1897 г. основанием Бунда); через Вильну транспортировалась вся нелегальная литература из заграницы. К концу 1890-х гг. в революционное движение были втянуты рабочие массы обеих столиц и центра России, где евреев было очень мало. Очень скромную роль играли евреи во всех четырех Государственных Думах. Революцию 1917 г. произвел русский народ.

Евреи, как народ по преимуществу городской, почти поголовно грамотный и наиболее бесправный, естественно выдвинули из своих рядов значительно больший процент борцов со старым режимом, чем остальные народы России, но они далеко не играли той роли, которую им приписывают русские антисемиты и плохо осведомленные иностранцы. Значительно преувеличена и роль евреев в большевистской революции.

Победа большевиков над их противниками справа и слева и революционные события в Германии, Австрии и Венгрии вызвали иллюзию, что большевистская идея торжествует во всей Европе. Это привело многих социалистов в ряды большевиков. Но лишь отдельные евреи заняли более или менее видное положение в их рядах и никто из них не имел влияния на политику советской власти.

Уход евреев в Красную армию в Гражданской войне, а в дальнейшем — в аппарат ЧК, по мнению Д. Шуба, был ответом на погромы антибольшевистских армий. В силу своей почти поголовной грамотности евреи пополнили ряды советских чиновников.

В конце 20-х и начале 30-х годов, почти все евреи, игравшие значительную роль в большевистской партии до революции и в первые годы после нее, были устраниены. Оставшийся в Политбюро Л. Каганович был лишь верным слугой Сталина.

Идеи социальной справедливости всегда были близки народу, давшему миру пророков. Евреи всегда сочувствовали освободительному движению в России и помогали ему, — заключает автор.

Другая книга Шуба, «Герои и мученики», опубликованная на идиш в 1938 г., является двухтомным исследованием о тех, кто отдал жизнь в борьбе с царизмом. Уже после написания книги Шуб пришел в выводу, что убийство Александра II «героями и мучениками» было ошибкой, не способствовавшей борьбе за свободу в России.

В 1969 г. была опубликована книга Шуба «Политические деятели России, 1850–1920», основанная на его ранней работе на идиш «Социальные мыслители и борцы» и на текстах его передач для радио «Свобода»⁴², с которым он сотрудничал многие годы. В одной из глав книги, «Евреи и русская революция», Шуб, подобно Льву Дейчу, не признает существенной роли евреев в Октябрьской революции.

В следующем году Шуб опубликовал воспоминания «Fun di amolike yorn» («Из прошлых лет») — двухтомную хронику своей жизни в России и США, событий, в которых он принимал участие, и описание людей, с которыми он встречался.

Книга «Социализм, фашизм, коммунизм», подготовленная Д. Шубом совместно с Джозефом Шапленом⁴³, — прекрасный пример его работы в качестве редактора-составителя. К участию в книге были привлечены такие известнейшие публицисты, как А. Каган, С. Португейс, К. Каутский.

Но наибольшей известностью пользовалась написанная Д. Шубом биография Ленина, которая была переведена на многие языки⁴⁴. Она была впервые опубликована на идиш в 1928 г. Это была одна из первых работ о вожде большевизма, основанная на оригинальных документах и исследованиях, в которой дается и исчерпывающий портрет человека, и оценка его деятельности. Заново отредактированный и дополненный новыми документами английский вариант, «Lenin, A Biography», увидел свет в 1948 г. и был переведен на 20 языков. Эта книга Шуба представляет Ленина таким, каким его видели близкие родственники и друзья, противники и выдающиеся деятели русской революции. Материалы взяты автором из документов, зачастую — из уст людей, окружавших Ленина; многое — из произведений большевистского вождя, оказавшего на историю России и всего мира столь драматическое влияние. Особую достоверность и привлекательность для чтения придает книге личное знакомство Шуба с Лениным и художественная форма изложения. Приведу несколько первых строк пролога:

«Владимир возвратился из школы бегом. Он задыхался и был бледен.

— Что с тобой? — спросила мать.

— Александра⁴⁵ арестовали!

Покачнувшись, Мария Александровна схватилась за стол.

— Арестовали! Но почему?

— Его обвиняют в подготовке покушения на царя!

— Откуда ты узнал?

— Это Кашкадамова мне сказала. Она вызвала меня из класса и показала письмо, только что полученное от друга своего отца.

Немедленно Мария Александровна принимает решение ехать в столицу. Дорога будет нелегкой: железной дороги в Симбирске не было, а пароходы ходили по Волге только летом; часть пути придется преодолевать на конной упряжке»⁴⁶.

Шуб редко писал о специфически еврейских проблемах. Его главными темами были Россия, ее политическая жизнь и общественные деятели. Среди еврейских тем его интересовал Бунд, и он рецензировал книги о Бунде и мемуары его лидеров. Рассматривая фигуры Маркса, М. Гесса, Ф. Лассаля, А. Зунделевича, Шуб тщательно анализировал их еврейское происхождение и отношение к иудаизму⁴⁷.

Многие статьи Шуба, написанные для ежедневных газет, по содержанию приближались к научным публикациям. Как правило, в них приводились факты и давался их анализ с позиций правого меньшевизма. Шуб писал не как сторонний наблюдатель событий, но как непосредственный участник социал-демократического движения и идеологический противник большевизма. Он рано распознал природу большевизма и боролся против него со времени его зарождения на 2-ом съезде РСДРП.

Хотя Шуб адаптировался в стране, хорошо знал английский и проявлял интерес к американским проблемам, он до конца жизни оставался русско-еврейским интеллигентом, посвятившим себя изучению российских проблем и публикациям на русские темы.

Несмотря на то, что Шуб посвящал много времени научным исследованиям и публикациям, он был общительным человеком, который любил людей и беседы с ними. У него сохранялись прекрасные отношения с коллегами на радио «Свобода», с идишистскими писателями и многими русскими эмигрантами в Нью-Йорке, особенно с бывшими членами партий эсеров и социал-демократов. Работы Шуба на трех языках значительно обогатили знания о России и природе большевизма.

Журналист, историк, мыслитель, деятель российского и американского еврейского социалистического движения Давид Натанович Шуб является достойным украшением многомиллионной русско-еврейской диаспоры.

¹ «Не делай неправды в суде; не будь лицеприятен к никему и не угрожай знатному; по правде суди ближнего твоего» (Лев. 19:15).

² Гуль Р.Д. Н. Шуб // Нов. ж. 1973. № 111. С. 241–243.

³ Шуб Д. Из давних лет: Страницы воспоминаний // Нов. ж. 1970. № 98. С. 182–199; 1970. № 99. С. 197–210; 1970. № 100. С. 418–427; 1970. № 101. 198–207; 1971. № 102. С. 191–207; № 103. С. 187–200; № 104. С. 199–209; № 105. С. 232–239; 1972. № 107. С. 179–192; 1972. № 108. С. 288–295; 1973. № 110. С. 288–295. Аннотацию этих воспоминаний, опубликованных в «Нов. ж.» в 1970–1973 гг., см.: Шуб Д. Н. Из давних лет: Страницы воспоминаний // Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках. В 4 томах. М., РОССПЭН, 2003. С. 69.

- ⁴ Раев М. К истории русской иммиграции в США в первой половине XX века // Евреи в культуре русского зарубежья (далее — ЕВКРЗ). Т. 4. С. 491.
- ⁵ Раев М. К истории русской иммиграции ... // ЕВКРЗ. Т. 4. С. 497–498.
- ⁶ Раев М. К истории русской иммиграции ... // ЕВКРЗ. Т. 4. С. 499.
- ⁷ Для обзора произведений Д.Шуба в основном использован их список, приведенный в книге: L'Émigration russe. Revu et Recueils, 1920–1980 (Index général des articles). Paris, 1988. Р. 559–560.
- ⁸ Шуб Д. [Рец.] F.W. Förster. Europe and the German Question // Нов. ж. 1942. № 1. С. 383–389.
- ⁹ Шуб Д. [Рец.] Mania Gordon. Workers Before and After Lenin. New York (Год изд. не указан) // Нов. ж. 1942. № 3. С. 362–366.
- ¹⁰ Шуб Д. [Рец.] Copper S. Pinson. Essays on anti-Semitism // Нов. ж. 1942. № 3. С. 370–373.
- ¹¹ Шуб Д. [Рец.] National Socialism. Basic principles. Washington, 1943 // Нов. ж. 1943. № 5. С. 369–372.
- ¹² Шуб Д. [Рец.] Childs John L. and Georges S. Counts. America, Russia and the Communist Party in the Post-War World. New York, 1943 // Нов. ж. 1943. № 5. С. 372–375
- ¹³ Организация Объединенных Наций была создана в 1945 г.; речь идет о предшествующих ей организациях, которые были декларированы государствами-союзниками в борьбе против гитлеровской коалиции (см. Дипломатический словарь. Т. 2. М., 1961. С. 432).
- ¹⁴ Шуб Д. Эволюция социалистической мысли // Мосты. 1959. № 3. С. 227–254.
- ¹⁵ Cole G. History of Socialist Thought. New York (Год изд. не указан).
- ¹⁶ Шуб Д. [Рец.] Книга о русском еврействе. Изд-е «Союза Русских Евреев в Нью-Йорке». Нью-Йорк, 1960 // Нов. ж. 1960. № 60. С. 292–296.
- ¹⁷ Леонард Шапиро — один из основателей советологии; см. о нем: У. Кеннет. Выдающиеся советологи: Леонард Шапиро (1908–1983) и Алек Ноув (1915–1994) // ЕВКРЗ. Т. 7. С. 443–458.
- ¹⁸ Шуб Д. [Рец.] L. Schapiro. The Communist Party of the Soviet Union. New York, 1960 // Нов. ж. 1960. № 62. С. 290–294.
- ¹⁹ Шуб Д. По поводу письма «Историка» и статьи Валентинова о предках Ленина // Нов. ж. 1961. № 63. С. 288–291.
- ²⁰ European Socialism. A History of Ideas and Movements. From the Industrial Revolution to Hitler's Seizure of Power. Vol. 1–2 by Carl Landauer. Published by the University of California Press. (Годы издания не указаны.)
- ²¹ Шуб Д. [Рец.] Европейский социализм и советский коммунизм // Нов. ж. 1961. № 66. С. 247–259.
- ²² Шуб Д. [Рец.] Daniels R. V. The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia // Нов. ж. 1961. № 64. С. 292–298.
- ²³ Шуб Д. [Рец.] Аронсон Г. Россия накануне революции // Нов. ж. 1962. № 69. С. 297–301.
- ²⁴ The Russian Provisional Government 1917 // Нов. ж. 1963. № 71. С. 270–274.
- ²⁵ Baron S. Plekhanov. The Father of Russian Marxism. Stanford University Press: Stanford (California), 1963.
- ²⁶ Шуб Д. [Рец.] Американская биография Г.В.Плеханова // Нов. ж. 1964. № 76. С. 288–286.
- ²⁷ Russia and History's Turning Point. Duell, Sloan & Pearce. N.Y., 1965.
- ²⁸ Шуб Д. [Рец.] Мемуары А. Ф. Керенского // Нов. ж. 1966. № 84. С. 247–254.
- ²⁹ Шуб Д. [Рец.] Б. Николаевский о Бухарине (Boris Nicolaevsky. Power and the Soviet Elite. London, 1965) // Нов. ж. 1966. № 83. С. 297–303.

³⁰ Martov, A Political Biography of a Russian Social Democrat, by *Israel Getzler*. Cambridge University Press, 1968. *Шуб Д. [Рец.] Мартов и Ленин* (По поводу английской книги о Ленине и Мартове) // Нов. ж. 1969. № 94. С. 258–268.

³¹ Lenin: The Compulsive Revolutionary, by *Stefan Pussony*. Henry Regnery Co., Chicago; The Life of Lenin, by *Louis Fischer*. Harper & Row, New York; The Life and Death of Lenin, by *Robert Payne*. Simon and Schuster, New York. [Шуб Д. Рец.] Три биографии Ленина // Нов. ж. 1964. № 77. С. 236–253.

³² Шуб Д. Письмо в редакцию (Ответ Луи Фишеру) // Нов. ж. 1965. № 78. С. 300–304.

³³ Шуб Д. Социалисты и первая мировая война // Нов. ж. 1965. № 80. С. 218–247.

³⁴ Шуб Д. Ленин и Вильгельм П: Новое о германо-большевистском заговоре // Нов. ж. 1959. № 57. С. 226–267.

³⁵ Этой же теме посвящена статья: Д. Шуб. «Купец революции»: Парвус и германо-большевистский заговор // Нов. ж. 1967. № 87. С. 294–322.

³⁶ Шуб Д. Максим Горький и коммунистическая диктатура // Мосты. 1958. № 1. С. 239–252.

³⁷ Шуб Д. Либерализм в России // Мосты. 1959. № 2. С. 371–384.

³⁸ Шуб Д. Петр Лавров и современность (К шестидесятилетию со дня смерти) // Мосты. 1960. № 4. С. 247–255.

³⁹ Шуб Д. Ленин и марксизм-ленинизм // Мосты. 1962. № 9. С. 298–316.

⁴⁰ Шуб Д. О социализме наших дней // Нов. ж. 1964. № 76. С. 202–217.

⁴¹ Анна Михайловна Бургина (1899–1982) эмигрировала из большевистской России в 1922 г. Была секретарем И. Г. Церетели, многолетним сотрудником и женой Б. Николаевского.

⁴² Одним из ведущих сотрудников радиостанции «Свобода» был и сын Д. Шуба — Борис Давидович Шуб (1912–1965) — известный американский журналист, переводчик с идиш и публицист.

⁴³ Socialism, Fascism, Communism, by *Joseph Shaplen and David Shub*. Published by the American League for Democratic Socialism. New York, 1934.

⁴⁴ Книгой о Ленине заканчивается наш обзор произведений Д. Шуба. Ниже приведу несколько его работ, не рассмотренных в данном обзоре:

Шуб Д. [Рец.] Германский вопрос и немецкие социалисты. Лондон (Год изд. не указан) // Нов. ж. 1943. № 4. С. 375–382.

Чернов В. М. Перед бурей: Воспоминания / Под ред. Д. Н. Шуба; Предисл. Б. Николаевского. Н.-Й.: Изд-во им. Чехова, 1953. 416 С.

Шуб Д. [Рец.] П.А. Гарви. Профессиональные союзы в первые годы революции (1917–1921) / Под ред. Г. Аронсона. Н.-Й., 1958. 156 С. // Нов. ж. 1958. № 54. С. 300–304.

Шуб Д. Бакунин, Нечаев и Ленин // Нов. ж. 1958. № 55. С. 254–269.

Шуб Д. Петр Кропоткин и современность // Мосты. 1961. № 8. С. 246–252.

Основная часть архива Д. Шуба находится в библиотеке Йельского университета; некоторые документы хранятся в библиотеке Нью-Йоркского ун-та.

⁴⁵ Старший брат Ленина; был казнен по приговору царского суда.

⁴⁶ Не найдя русской версии книги, я перевел с французской: *David Shub. Vie de Lénine*. Galimar, 1952.

⁴⁷ Schulman E. David Shub (1887–1973) // Russian Review. 1973. V.32. #32. P. 460–462. Благодарю Э. А. Зальцберга за этот источник и за его перевод на рус. яз. — М. П.

Советские заботы нью-йоркского редактора Пола Новика

Геннадий Эстрайх
(Нью-Йорк)

1

С конца 1939 года главным редактором *Моргн-Фрайхайт*, еврейской (идиш) газеты американских коммунистов, был Пол (Пейсах) Новик¹. На этом посту он сменил Моисея Ольгина, известного деятеля Бунда и талантливого литератора, ставшего легендарной фигурой среди американских коммунистов². Ольгин и Новик принадлежали к группе ведущих журналистов, которые осенью 1921 года хлопнули дверью редакции *Форвертс*, самой большой еврейской газеты³, и в апреле следующего года основали газету *Фрайхайт (Свобода)*; с 17 июня 1929 газета стала выходить не во второй половине дня, а утром, что нашло свое отражение в ее названии: *Моргн-Фрайхайт*, то есть *Утро-Свобода*. Первое время после раскола Новик с явной неохотой принял «чертово 21 условие» вступления в Коминтерн, но вскоре прижился в коммунистической среде и остался в ней во время двух массовых уходов разочаровавшихся членов партии и «попутчиков»: в 1929 году, когда вся пресса компартии США и всего Коминтерна комментировала антиеврейские погромы в Палестине как важный эпизод в борьбе арабского народа против британских колониалистов и их сионистских пособников; в 1939 году, после подписания советско-германского пакта⁴.

Новик был журналистом-практиком, не получившим систематического образования. Это особенно бросалось в глаза по сравнению с Ольгиным, который учился в университетах Киева, Гейдельберга и Нью-Йорка и защитил в Колумбийском университете докторскую диссертацию по русской литературе⁵. Тем не менее в кругах идиш-говорящих американских коммунистов Новик на протяжении полувека играл ведущую роль, что придавало ему вес во всем коммунистическом движении США. В 1947 году тираж *Моргн-Фрайхайт* составлял 21 тысячу экземпляров, что почти достигало тиража *Daily Worker*, главной газеты американских коммунистов⁶.

Ситуация в коммунистическом движении США изменилась к середине 1950-х годов, когда в атмосфере «холодной войны» партия потеряла значительную часть своего состава: многие, испугавшись или разочаровавшись, выбыли, а некоторые активисты оказались в заключении. Среди еврейских коммунистов разрыв с партией зачастую

тую был реакцией на репрессии в Советском Союзе. Новик и его коллеги-журналисты отрицали антиеврейский крен в советской политике, но в апреле 1956 года, когда статья в варшавской еврейской газете *Фолкс-Штиме* (*Голос народа*) очертила контуры потерь среди деятелей европейской культуры, уничтоженных в годы сталинизма, отбеливание черных деяний Кремля потеряло всякий смысл⁷.

По сути дела, статья в *Фолкс-Штиме*, чье появление отражало непростые советско-польские отношения, содержала ту же информацию, что и публикации журналиста *Форветса* Лео Кристала, вернувшегося месяцем раньше из командировки в Москву. Израильское посольство помогло ему узнать о судьбе Давида Бергельсона, Ицика Фефера и других членов Еврейского антифашистского комитета, расстрелянных в августе 1952 года. По дороге из Москвы Кристал сделал остановку в Варшаве, где он рассказал ветерану советской и польской компартии Гиршу Смоляру, редактору *Фолкс-Штиме*, о результатах своей поездки. Статьям Кристала американские коммунисты не поверили, посчитав их злобной антисоветской пропагандой, но отмахнуться от статьи в газете польских еврейских коммунистов было уже невозможно⁸.

Разоблачение антиеврейских репрессий вызвало бурную реакцию в просоветских кругах и стало началом периода, который, по словам Новика, в первое время «оказался недоразумением, потом — загадкой, а по прошествии лет — необъяснимым кошмаром»⁹. Новик был вынужден признать свои ошибки и пообещать, что его газета будет в дальнейшем руководствоваться принципом «конструктивной критики» недостатков советской системы. Некоторые активисты даже требовали изменить название газеты, что подчеркнуло бы «прогрессивный», а не коммунистический характер издания. «Прогрессивность» и раньше была ключевым словом в *Морген-Фрайхайт*. Эта терминологическая уловка могла, в частности, защитить редакторов и авторов от обвинений в коммунистической деятельности. Официально *Морген-Фрайхайт* не была изданием компартии. Издатель, *Morgen Freiheit Association*, лишь поддерживался компартией как «беспартийная антифашистская еврейская организация». На самом же деле положение сотрудников газеты оставалось сложным. От Новика неоднократно требовали показаний, он был под угрозой лишения гражданства и высылки из страны¹⁰.

При всем этом в 1956 году отрицание прямой связи газеты с коммунизмом получило дополнительную окраску: это требовалось для

сохранения самой журналистской и читательской среды под новой и не очень понятной вывеской «прогрессивности». Интересно, что в это же время бывший коммунист Алекс Биттельман¹¹ пришел к идее «*прогрессивного еврейского национализма — хорошего национализма — как главного условия сохранения еврейской нации и как органической составляющей всех видов прогрессивного национализма во всем мире, включая социалистический национализм*»¹².

Годы спустя Новик будет утверждать, что ему удалось «*спасти прогрессивное еврейское движение в Америке от участия прогрессивных еврейских движений в других странах*»¹³. Действительно, несмотря на падение тиража *Моргн-Фрайхайт*, газета сохранила большую часть своих авторов и читателей. Этих людей тоже не обошло стороной разочарование, но они не хотели признать себя полностью побежденными. Многие из них жили по соседству или были членами одного и того же жилищного кооператива, вместе проводили свободное время и не хотели оказаться в изоляции. В идеологическом убежище *Моргн-Фрайхайт* они могли гордиться своей верностью идеалам социализма и критиковать всех отступников от их веры.

2

Ветеран партии с четвертьвековым опытом восхваления всех изгибов генеральной линии Кремля, Новик постепенно становился критическим наблюдателем советской жизни и политики. В 1980-е годы он вспоминал: «*Это был процесс; человек не меняет кожу за одну ночь. Речь Хрущева [на 20-м съезде КПСС] была переломным моментом. Затем, в 1957 году, вышла книга Говарда Фаста “Гольый бог”*»¹⁴. Фаст (1914–2003), романист, лауреат Сталинской премии «За укрепление мира между народами» и внучатый племянник Шолом-Алейхема, был влиятельной фигурой в компартии США. До июня 1956 года его статьи регулярно печатались в *Daily Worker*.

1 февраля 1957 года *The New York Times* опубликовала на первой странице статью под заглавием «*Reds Renounced Howard Fast*» («Красные отказались от Говарда Фаста»). Советолог газеты Гарри Шварц сообщил сенсационную новость о разрыве Фаста с компартией США. Речь Хрущева на 20-м съезде КПСС и статья в *Фолкс-Штайле* указывались как причины трансформации взглядов писателя. При этом Фаст утверждал, что он не стал «ни антисоветчиком, ни антикоммунистом», и несколько недель спустя отказался сотрудничать с Комитетом по антиамериканской деятельности Конгресса

Редакция «Моргн-Фрайхайт» подписывает призыв к запрету ядерного оружия (1950). П. Новак — сидит в центре

США (в 1946 году он провел три месяца в тюрьме за отказ давать показания этому же Комитету). Выход статьи Шварца не помешал Новику написать в тот же день дружеское письмо Фасту с просьбой разрешить перепечатать в *Моргн-Фрайхайт* перевод романа «Лола Грей», ранее печатавшийся в *Фолкс-Штиме*¹⁵.

В мартовском номере лево-радикального журнала *Mainstream* Фаст поделился своими мыслями о том, что советская разновидность социализма оказалась «лишенной морали». Однако редакторы журнала были рады «услышать нотки солидарности» в аргументах писателя и поэтому не «считали необходимым углублять острые различия между ним и его бывшими соратниками, стараясь избежать полного враждебного разрыва». В июне имя Фаста вновь появилось в *The New York Times*, так как он решил рассказать о своей переписке с Борисом Полевым, часто выезжавшим за границу в качестве председателя Иностранной комиссии Союза писателей СССР. Речь шла о том, что в 1956 году Полевой, будучи в

Америке, не только отрицал репрессии против еврейских писателей, но и сопровождал эти отрицания враньем о своих якобы регулярных встречах с жившим по соседству поэтом Л. Квитко, на самом деле расстрелянным в августе 1952-го года после трех лет тюремного заключения.

Уильям З. Фостер, почетный председатель компартии США, попытался объяснить высказывания Фаста тем, что писатель был «деморализован под давлением новых, сложных и возмутительных проблем культа личности Сталина и последствий событий в Венгрии». Он напомнил Фасту о его «гигантской читательской аудитории в странах социализма», что возлагало на него «очень четкую ответственность лидера в мире трудящихся», и призвал его «осознать этот факт и начать вести себя соответствующим образом». Однако Фаст не осознал этот факт и в августе 1957 года сжег все мосты, соединявшие его с коммунизмом. Это стало ясно после появления статьи «Говард Фаст рассказывает, почему он ушел от коммунистов», написанной для *Форвертса* Шимоном Вебером на базе бесед с писателем. Вебер (в годы 1970–1987 он будет главным редактором *Форвертса*) и Новик были заклятыми врагами еще с 1939 года, когда Вебер перешел из *Моргн-Фрайхайт* в, по словам самого Вебера, «единственную по-настоящему антикоммунистическую газету» среди американских изданий на языке идиш.

Фаст рассказал Веберу о своей беседе с Александром Фадеевым в кулуарах Всемирного конгресса сторонников мира в Париже. Фадеев якобы передал ему тогда следующую (дез)информацию: В 1940-е годы «Джойнт» и другие американские еврейские организации были частью всемирного заговора против Советского Союза. В СССР неассимилированные евреи в большинстве своем симпатизировали этой конспиративной деятельности. Когда поэт Ицик Фефер в 1943 году приехал в США вместе с Соломоном Михоэлсом, он был завербован американской разведкой. Вернувшись в СССР, Фефер заманил в ряды заговорщиков почти всех членов Еврейского антифашистского комитета¹⁶, но Михоэлс, председатель комитета, не поддался агитации и угрожал передать всех в руки органов безопасности. Именно поэтому Фефер и организовал ликвидацию Михоэлса в Минске в январе 1948 года. (Можно предположить, что для подкрепления этого экстравагантного сценария Фефера в те дни послали в Минск с оставшейся загадочной миссией.) По словам Фаста, Новик — «гнусавый еврейчик» («фонфеватер йидл») в описании Вебера — был одним из немногих, посвященных в тайну откровений Фадеева. Иными словами, Новик якобы знал, но скры-

вал это от коллег и читателей, а сделал вид, что прозрел, только в апреле 1956 года.

Новик не спешил реагировать на это обвинение. По всей видимости, он ждал указаний партийного аппарата. Ждать пришлось недолго, так как 24 августа 1957 года *Литературная газета* оповестила своих читателей о «дезертирстве» Фаста. Теперь уже Новик мог сесть писать Фасту гневное письмо, в котором он категорически отрицал получение каких-либо сведений о беседе с Фадеевым. Интересно, что вся история с Фефером-заговорщиком не упоминается в книге Фаста «Being Red» («Будучи красным»), вышедшей в 1990 году¹⁷. Фефер, не принимавший участия в боевых действиях Второй мировой войны, почему-то описывается в ней как Герой Советского Союза, а беседа с Фадеевым стала в новой версии выполнением поручения, переданного Новиком Фасту от имени руководства партии.

3

Уход Фаста из партии не заставил Новика последовать этому примеру. Судя по всему, он все еще верил, что преступления сталинизма не опорочили саму идею коммунизма, а потому ситуация в движении не казалась ему безнадежной. Особую надежду вызывала Польша. В 1950-е годы вести оттуда приносили утешение людям круга Поля Новика. В отличие от СССР, где еврейская культурная жизнь находилась в состоянии почти полного паралича, в Польше выходила газета *Фолкс-Штиме* (в 1946 году Новик провел три месяца в Польше и принимал участие в ее создании), а варшавское издательство *Йидиш бух* (*Еврейская книга*) печатало многочисленные издания, включая ежемесячный литературный журнал *Йидиш шрифтн* (*Еврейские произведения*). Варшавский государственный еврейский театр гастролировал в стране и за рубежом. В ряде городов страны действовали еврейские клубы, школы и кооперативные предприятия. Работники кооперативов, составлявшие вместе с членами их семей почти 20 процентов еврейского населения Польши, были основной социальной базой еврейской (идиш) культурной жизни в стране. В среде коммунистов многие активисты еврейской культуры надеялись, что пример Польши станет образцом для восстановления еврейской культуры в Советском Союзе¹⁸.

Это были пустые надежды, ибо советская модель была сфокусирована на Биробиджане. При всей незначительности своего «титульного населения», Еврейская автономная область давала нацио-

нальную территорию, что для кремлевских теоретиков было основанием «вписать» евреев в прокрустово ложе территориально-этнической структуры советского общества, в котором, например, грузинам и эстонцам разрешалось развивать свою национальную культуру в Грузии и Эстонии, но не за их пределами. В соответствии с этой «железной логикой» не могло быть и речи о каких-либо польских рецептах для всесоюзной диаспоры биробиджанского еврейства.

И все-таки Кремль уступил международному и внутреннему (особенно со стороны Союза писателей) давлению и разрешил какие-то вне-биробиджанские формы еврейской культурной жизни. В марте 1959 года столетний юбилей Шолом-Алейхема, причисленного к лику великих и почти советских писателей, помог создать прецедент выпуска в после-сталинской Москве книги на еврейском языке — сборника рассказов классика-юбиляра. Главное событие юбилея происходило в Доме союзов с участием советской литературной знати. В президиуме сидели и заокеанские гости: Пол Новик и афроамериканский певец Пол Робсон, в чей репертуар входили и еврейские песни.

В 1961 году Союз писателей получил разрешение на издание еврейского литературного журнала *Советиш геймланд*. Новик, как и многие другие западные еврейские активисты, считали, что журнал появился «благодаря [их] просьбам и стенаниям». Сотни читателей *Моргн-Фрайхайт* сформировали наиболее многочисленную группу американских подписчиков *Советиш геймланд*. В ноябре 1963 года, во время первой трансатлантической поездки редактора журнала АRONA Вергелиса (1918–1999), читатели *Моргн-Фрайхайт* были единственной средой, принимавшей московского еврейского поэта с распластанными объятиями¹⁹. К этому времени просоветские симпатии стали редкостью среди американских евреев. Даже редакторы и читатели *Моргн-Фрайхайт* требовали объяснить им, каким образом книга Трофима Кичко «*Иудаизм без прикрас*» могла быть — в том же 1963 году — выпущена в Киеве в издательстве Украинской академии наук. 22 марта 1964 года газета писала, что рисунки в книге «напоминают хорошо известные карикатуры евреев в антисемитских публикациях. ... Ошибки в антирелигиозной компании, а также — или еще в большей степени — серьезные недочеты в восстановлении (точнее в невосстановлении) разрушенных в период сталинского культа учреждений еврейской культуры — это вопросы, которые беспокоят многих честных людей, друзей Советского Союза».

12-го апреля, во время многолюдного митинга в Нью-Йорке, Новик призвал советские власти наказать Кичко. В конце 1965-го года Новик два месяца гостил в Советском Союзе по приглашению редакции *Литературной газеты*. Кичко был одной из тем его бесед, организованных Семеном Рабиновичем, журналистом Агентства печати *Новости*, где Рабинович занимался подготовкой материалов о жизни евреев в СССР для различных просоветских зарубежных изданий. Переводчик Новику не требовался, так как он родился в Бресте, жил в России первые девятнадцать лет своей жизни, а затем еще около четырех лет после Февральской революции. Одним из его собеседников был представитель Прокуратуры СССР. Новик остался доволен беседой, но все-таки подметил, что Ленин принял бы более строгие меры к автору-антисемиту. «Ленин», «ленинизм», «возврат к ленинским нормам» — эти слова и фразы, как заклинания, должны были смягчить боль разочарования, вызванного состоянием дел в СССР, а вскоре и в Польше²⁰.

4

Шестидневная война резко изменила климат в еврейском секторе международного коммунистического движения. Антиеврейская риторика звучала особенно громко в Польше, где кампания против «сионистской пятой колонны» набрала обороты после студенческих демонстраций в марте 1968 года. Многие евреи были исключены из партии, сняты с занимаемых должностей и вытеснены из страны. *Фолкс-Штиме*, ранее выходившая четыре раза в неделю, стала еженедельной газетой, а журнал *Йидиш шрифтн* и издательство *Йидиш бух* вовсе прекратили свое существование. Новик характеризовал события в Польше как трагическую страницу в жизни еврейского народа, а также как «трагедию для социализма». Однако он не терял надежды, что польские коммунисты последуют примеру советских товарищей, преодолевших ошибки сталинского периода. Он уверял: «Социализм не виновен в том, что случилось в Польше! Виновно в этом антиеврейское наследие довоенной шовинистской, капиталистической Польши. Оно всплыло в 1968-ом и должно быть уничтожено». В его статьях часто повторялась мысль о том, что «социализму Ленина» чужд антисемитизм, но он проявляется как атавизм капиталистического, фашистского и тому подобного прошлого²¹.

С точки зрения Москвы критика польского руководства была проявлением инакомыслия. Кроме того, Новик и его окружение не

осудили изральскую «агрессию», а поддержали тех израильских коммунистов — Шмуэла Микуниса, Моше Сне и других из партии МАКИ, которые были не согласны с проарабской политикой СССР. 6 июня 1967 года, после начала войны на Ближнем востоке, *Моргн-Фрайхайт* вышла с передовой под заголовком «Спасите Израиль». В частном письме к Сиду Резнику, активному автору *Моргн-Фрайхайт*, Новик объяснил свою позицию:

Я знаю, Вы понимаете, как это все непросто для нас. Легче, видимо, тем, кто думает или даже говорит открыто (есть такие люди), что создание Израиля было ошибкой, и эту «ошибку» надо исправить. ... На протяжении многих лет мы выступали под лозунгом «Израиль создан на века», и мы верили в это. Поэтому, когда мы увидели попытки избавиться от «ошибки», мы призвали спасти Израиль²².

В 1967 году Микунис, Новик и их единомышленники выпустили брошюру *War and Peace in the Middle East*, целью которой было объяснить «взгляды тех прогрессивно мыслящих, кто считает, что Государство Израиль участвовало в оборонительной войне, длившейся шесть дней, с 6 по 11 июня 1967 года». Таким образом, в отличие от компартии США, чей курс остался в русле советской политики, Новик и его окружение становились все более независимыми от Москвы. Не случайно в прессу стали просачиваться слухи о предстоящих чистках в рядах компартии США. Поговаривали о том, что Новик был в числе тех, чье исключение обсуждалось в Москве во время поездки генерального секретаря партии Геса Холла и исполнительного секретаря Гарри Уинстона. В марте 1969 года *The New York Times* цитировала циркулярное письмо, разосланное центральным аппаратом компартии США во все местные организации. В этом письме *Моргн-Фрайхайт* (чей ежедневный тираж в это время составлял 6.000 экземпляров) и ее родственный англоязычный журнал *Jewish Currents* (ежемесячный тираж 4.200 экземпляров) обвинялись во «все более явно проявляющемся уходе от своего собственного прошлого». Редакторам ставилось в вину отклонение от линии партии, в частности, указывалась их «навязчивая идея об “антисемитизме черного населения”, их поддержка Израиля и партии под руководством Микуниса и Сне, «антисоветская оппозиция военным действиям стран Варшавского договора в Чехословакии», а также критика польского руководства.

У Вергелиса не было прямого доступа к *The New York Times*, и он не знал английский но, судя по письмам к Новику, он был посвящен в курс дела. 3 апреля 1969 года Вергелис писал (как всегда,

высокопарно) нью-йоркскому коллеге о своей надежде, что «когда мужественных бойцов прогрессивной еврейской Америки» будет следовать правильной идеологической линии. Он просил Новика набраться терпения. «*Пожалуйста, не делайте негативных шагов, ... не дайте, так сказать, эмоциональному потоку выбить бревна из плота, на котором Морган-Фрайхайт переправляет своих читателей от вопроса к ответу на него*»²³.

В ответном письме, написанном 11 апреля 1969 года, Новик заверил Вергелиса, что его газета не отклонилась и никогда не отклонится от «линии Ольгина». «*Наша критика [Советского Союза] остается дружеской, какой она была в 1956 году, когда я гостил у вас.*» Новика беспокоили его ухудшившиеся отношения с руководством компартии, при этом ему особенно вменялось в вину критическое освещение газетой событий в Польше. Раздражение вызывало у него также нежелание руководства признать проявления антисемитизма среди афро-американского населения. Новик упоминал некоего «еврейского эксперта», чей «закостенелый догматизм» мог натворить много бед. Речь шла, по всей видимости, о секретаре партии и редакторе журнала *Political Affairs* Хаймане Лумере (1909–1976).

Между тем, отношения *Морган-Фрайхайт* и *Советиш геймланд* тоже стали ухудшаться. В письме, датированном 15 октября 1969 года, Вергелис сетовал на заметное снижение числа подписок на *Советиш геймланд*, распространяемых через *Морган-Фрайхайт*: 1.008 подписчиков в 1969 году, в то время как в 1962 году их было 1.985. Письма Новика, отправленные 20 января и 3 декабря 1970 года, содержат жалобы, связанные с поэтическим сборником Вергелиса *«Ойг ойф ойг»* («С глазу на глаз»), изданного в Нью-Йорке тиражом 1.000 экземпляров. Новик надеялся, что Вергелис приедет в США для презентации книги в нескольких городах страны, но в Москве посчитали такую поездку нецелесообразной. В результате этого 500 экземпляров остались нераспроданными. Еще досадней был, несомненно, сам факт срыва Москвой такого тура, что свидетельствовало о прохладном отношении к *Морган-Фрайхайт* и поддержке противников газеты в руководстве американской компартии.

В это время вообще менялась роль *Советиш геймланд* в пропагандистских операциях. В январе 1970 года Отдел пропаганды ЦК КПСС принял решение задействовать журнал в инсценированных протестах советских евреев против сионистских организаций. 4 марта Вергелис был в числе участников пресс-конференции, во время которой советские знаменитости еврейского происхождения (Ве-

ниамин Дымшиц, Давид Драгунский, Аркадий Райкин и другие) выступили с заявлениями, осуждавшими политику Израиля. Редакционная статья *Моргн-Фрайхайт*, опубликованная 15 марта, выразила возмущение такими словами, как «гитлеризм» и «нацизм», прозвучавшими в антиизраильских высказываниях участников пресс-конференции. Редакция *Моргн-Фрайхайт* посчитала это «оскорблением не только солдат израильской армии, но также еврейских граждан Израиля, на чьих руках еще остались номера из концентрационных лагерей».

27 декабря 1970 года Новик писал в газете, что суровый приговор, вынесенный участникам ленинградской группы сионистов, пытавшихся угнать самолет, был в какой-то степени отражением «атмосферы, созданной антисионистской, антисемитской истерией» некоторых советских пропагандистов. Но уже 1 января 1971 года он был счастлив сообщить своим читателям, что «последние дни ушедшего года ознаменовались значительными успехами для справедливости и гуманизма. Смертный приговор, вынесенный двум ленинградским евреям, отменен». Двумя днями позже он писал, что его газета выработала «к ленинградскому делу, как и ко всем другим важным событиям, сбалансированный подход, учитывавший полную картину событий».

21 мая 1971 года газета *The New York Times* поместила в разделе писем реплику Вергелиса «A Soviet Reply on Jews» («Советский ответ о евреях»). По утверждению Вергелиса, еврейская культура (прежде всего, литература и театр) на языке идиш в тот период исчезала быстрыми темпами в США, но продолжала уверенно развиваться в СССР. Он также утверждал, что подавляющее большинство советских евреев, как и все другие народы Советского Союза, остаются преданными «высоким идеалам социализма ... и полностью отбрасывают все притязания сионистов». Желающие эмигрировать могут сделать это без попыток угона самолетов.

Хотя реплика Вергелиса вызвала раздражение в среде *Моргн-Фрайхайт*, редакция газеты поздравила журнал *Советиш геймланд* с его десятилетием. Это было последнее проявление дружеских отношений между редакциями. В ноябре 1971 года *Советиш геймланд* вышел с редакционной статьей, критиковавшей *Моргн-Фрайхайт* за ее «соглашательство» с некоммунистической еврейской прессой. С этого времени стороны были разделены идеологической пропастью, которая увеличивалась из года в год. Для людей американского еврейского «прогрессивного сектора» Вергелис стал

олицетворять несбывшиеся надежды, связанные с развитием еврейской жизни в Советском Союзе.

Тем временем у Вергелиса появился новый союзник — издание компартии США *Jewish Affairs*, предназначенное для еврейских коммунистов, сохранивших верность советской политике. Первый номер *Jewish Affairs* вышел в июне 1970 года в виде информационного бюллетеня, но издание вскоре приобрело вид журнала, содержавшего несколько страниц на идише. Тон журналу задавали статьи Хаймана Лумера, критиковавшие *Моргн-Фрайхайт*, а также сторонников Микуниса и Сне.

1 июня 1971 года в адрес Новику ушло письмо, подписанное тремя коммунистами: Хайманом Лумером, Клодом Лайтфутом и Хосе Ристоруччи²⁴. Они информировали Новика о решении Политкомиссии назначить их в качестве подкомитета для рассмотрения его «статуса как члена коммунистической партии». Подкомитет объяснил Новику, что, принимая во внимание его «постоянное несогласие с важными аспектами политики партии», что нашло свое выражение в его выступлениях и статьях, а также в редакционной политике газеты, «Политкомиссия пришла в заключению, что нынешнее состояние дел не может больше сохраняться». Тройка предложила Новику встретиться и обсудить состояние дел. Такая встреча состоялась 7 июня, а 22 июня Новик отправил в ряд адресов, в первую очередь в адрес Геса Холла, заявление, подготовленное им по поручению подкомитета. В сопроводительном письме подчеркивалось, что заявление представляло собой документ не частного лица, а представителя целого ряда организаций еврейского прогрессивного сектора, насчитывающего десятки тысяч людей.

Новик не видел никаких причин для обвинения его газеты в «расизме, белом шовинизме». Однако он понимал, что основная тяжесть обвинений была связана с ближневосточной политикой. Именно «этот вопрос побудил ваш комитет поставить меня 7 июня перед альтернативой: покинуть партию добровольно или быть исключенным из нее». В этой связи Новик решил обратиться к урокам истории:

В августе и сентябре 1929 года МФ [Моргн-Фрайхайт], а также все прогрессивные еврейские организации оказались в критическом состоянии, связанном с тогдашними беспорядками в Палес-

тине. Нам противостояла вся еврейская община. Несмотря на то, что в то время мы были значительно многочисленней и кризис был намного мягче нынешнего, к тому же он не был таким продолжительным, мы тем не менее дорого заплатили за нашу позицию, лишившись большого числа наших читателей и ослабив ряды наших сторонников. Спустя годы нас критиковали за отсутствие гибкости, за то, что мы не смогли избежать противостояния с еврейской общиной (в которой мы подверглись острокизму). По своей интенсивности и продолжительности тот кризис был детской забавой в сравнении с нынешним кризисом на Ближнем Востоке, при наличии там еврейского государства и после того, как еврейский народ потерял шесть миллионов мужчин, женщин и детей во Второй мировой войне. Не вызывает сомнения, что любые наши попытки применить сейчас к проблемам Ближнего Востока тактику образца 1929 года уже давно привели бы к прекращению существования МФ, что расшатало бы или даже разрушило прогрессивные массовые организации.

Новик напомнил партийному руководству, что в течение четырех лет после Шестидневной войны они проявляли «понимание и терпимость» к позиции *Морган-Фрайхайт*. В заключении он писал: «Поскольку я верю в важность роли марксистской партии, компартии, в США, членом которой я состою свыше 50 лет, я не могу и не смогу заставить себя подать заявление об уходе, как это было мне предложено комитетом».

По всей видимости, исключение Новика было непростым решением и требовало подготовительной работы. В последующие месяцы руководство компартии вело кампанию по дискредитации Новика. В ноябре 1971 года Лумер побывал в Москве, куда он приехал для участия в анти-троцкистской конференции и для консультаций по вопросам сионизма²⁵. Не исключено, что речь шла и о Новике. Так или иначе, 16 февраля 1972 года Национальный комитет исключил Новика из партии, обвинив его в «оппортунистической капитуляции давлению еврейского национализма и сионизма»²⁶. Апрельско-майский номер *Jewish Affairs* напечатал английский перевод редакционной статьи *Советиш геймланд*, озаглавленной «Что происходит в *Морган-Фрайхайт*?», а 1 мая, во время митинга на Юнион-сквер, активисты *Jewish Affairs* распространяли копии этой статьи.

Таким образом, Новик оказался отрезанным от коммунистических партий и других организаций, оставшихся верными политическому курсу СССР. Осколки еврейского коммунистического дви-

жения, идиш-коммунизма, аналогичные *Морген-Фрайхайт*, существовали также в Канаде, Аргентине и других странах. Газета *Морген-Фрайхайт* оказалась самым стойким из таких осколков. Ее последний номер вышел 11 сентября 1988 года. Вергелис откликнулся заметкой в декабрьском номере *Советиш геймланд*, объяснив читателям, что нью-йоркская газета «погибла в результате скандальной смены политической ориентации». Действительная причина была в другом: гериатрический круг писателей и читателей просто исчерпал свои финансовые и физические возможности.

¹ Пол (Пейсах) Новик (1891–1989) родился в Бресте, был членом Бунда. Жил в Цюрихе (1910–1912), Нью-Йорке (1912–1917), Петрограде, Москве, Минске и Вильно (1917–1919). С 1920 года — в Нью-Йорке, с 1922 по 1938 был редактором, с 1939 — главным редактором газеты еврейских коммунистов *Фрайхайт*

² Моисей Ольгин (1878–1939) родился в Умани. Вместе с будущим «правдистом» Давидом Заславским (1880–1965) организовал еврейскую студенческую организацию в Киеве. Писал для прессы Бунда. Был одним из пионеров марксистской литературной критики на языке идиш. С 1915 жил в Нью-Йорке. С 1922 был центральной фигурой в интеллектуальной жизни еврейских коммунистов. С 1932 состоял постоянным американским корреспондентом *Правды*.

³ *Форвертс* (*Вперед*) был основан в 1897 году в качестве форума еврейских социалистов в США. В 1920 годы ежедневный тираж газеты достигал 275000. С 1982 года газета выходит один раз в неделю. С 1990 г. печатается также английский еженедельник *Forward*, с 1995 — русский еженедельник *Форвертс*.

⁴ О ранней истории *Морген-Фрайхайт* см.: *T. Michels. A Fire in Their Hearts: Yiddish Socialists in New York*. Cambridge, Mass., 2005. P. 238–250; *G. Estraikh. Di shpaltung in 1921: der krizis in der yidisher sotsyalistisher bavegung, Forverts*, 13, October 2006.

⁵ Диссертация послужила основой для книги *M. Olgin. A Guide to Russian Literature, 1870–1917*. New York, 1920.

⁶ *D.A. Shannon. The Decline of American Communism: A History of the Communist Party of the United States since 1945*. London, 1959. P. 90.

⁷ О статье «Наша боль и наше утешение», опубликованной 4-го апреля 1956-го года, см., например, *C. Шварц. Евреи в Советском Союзе с начала Второй мировой войны (1939–1965)*. Нью-Йорк, 1966. С. 247–248.

⁸ *G. Estraikh. Yiddish in the Cold War*. Oxford, 2008. P. 18–21.

⁹ *Paul Novick. Jewish Life in the United States and the Role of the “Morning Freiheit”*. New York, 1957. P. 24.

¹⁰ *Faces Denaturalization, The New York Times*, 26 August 1953; *Acts to Denaturalize Editor, The New York Times*, 28 August 1953; *U. S. Merges Suits against Six Reds, The New York Times*, 24 December 1954; *The Inquisition of Paul Novick, Jewish Life* 9, no. 10 (1955). P. 14–15.

¹¹ Алекс Биттельман (1890–1982) родился на Украине, был членом Бунда. В 1912 эмигрировал в США, где в 1919 стал одним из организаторов коммунистического движения. В 1955–1957 сидел в тюрьме за «подрывную деятельность». В 1959 был исключен из партии.

¹² *G. Estraikh. Yiddish in the Cold War*. Oxford, 2008. P. 27.

¹³ Paul Novick. Amerikanishe yidn, der tsionism, medines yisroel. New York, 1972. P. 39.

¹⁴ Русский перевод книги «Голый бог. Писатель и коммунистическая партия» вышел в Мюнхене в 1958 году.

¹⁵ Переписка П. Новика с Г. Фастом хранится в институте YIVO (Нью-Йорк) в коллекции П. Новика, RG1247. См. ее анализ в *Estraikh. Yiddish in the Cold War*. P. 29–33.

¹⁶ Еврейский антифашистский комитет, созданный в годы войны для пропагандистской деятельности в рамках «Совинформбюро», играл заметную общественно-политическую роль в СССР и за рубежом. В ноябре 1948-го года комитет был распущен, а еще раньше, в январе, был убит в Минске в инсценированном дорожно-транспортном происшествии его председатель Соломон Михоэлс. 12 августа 1952 г. были расстреляны 13 видных деятелей комитета.

¹⁷ Howard Fast, *Being Red*. Boston, 1990.

¹⁸ G. *Estraikh. The Warsaw Outlets for Soviet Yiddish Writers*, in E. Grözinger and M. Ruta (eds.). *Under the Red Banner: Yiddish Culture in the Communist Countries in the Postwar Era*. Weiesbaden, 2008. P. 217–229.

¹⁹ Г. Эстрайх. Арон Вергелис: Главный еврей послегулаговского социализма. *Архив еврейской истории*, Т. 4. М., 2007. С. 125–144.

²⁰ *Estraikh. Yiddish in the Cold War*. P. 114.

²¹ Ibid.; см. анализ событий в Польше в *Leszek W. Giuchowski and Antony Polonsky* (eds.), 1968: *Forty Year After*. Oxford, 2009.

²² Sid Resnick. *Peysekh Novik*, redaktor fun der Morn-Frayhayt. *Di Pen* (Oxford) 30 (1997). P. 6.

Сид(Сидней) Резник (1922, Нью-Йорк — 2008, Хэмден, штат Коннектикут) был членом компартии США, сидел в тюрьме в 1954 году, вышел из партии после Шестидневной войны и был активистом в еврейских «прогрессивных» кругах.

²³ Переписка хранится в YIVO в коллекции П. Новика.

²⁴ Эта переписка также хранится в YIVO.

²⁵ Б. Морозов. Еврейская эмиграция в свете новых документов. Тель-Авив, 1969. С. 121.

²⁶ *Estraikh. Yiddish in the Cold War*. P. 119–124.

ЛИТЕРАТУРА И ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Марк Алданов в Америке
(Письма М. Алданова Д. Шубу)

*Публ. , вступ. заметка и коммент. Михаила Пархомовского
(Бейт-Шемеш, Израиль)*

Марк Александрович Алданов (настоящая фамилия Ландау; 1886–1957) — один из крупных прозаиков XX века, автор исторических романов, посвященных Франции и России¹.

После капитуляции Франции, в июне 1940 г., Алданов выехал из Парижа в Ниццу. Немцы разграбили оставленную квартиру, вывезли библиотеку и архив писателя. Через несколько месяцев Марку Александровичу удалось переселиться из Ниццы в Нью-Йорк. Учитывая немалую роль Давида Натановича Шуба в составлении списков нуждающихся в срочной эмиграции из Европы, можно предположить, что он к этому переезду Алданова имел непосредственное отношение.

В Нью-Йорке Марк Александрович, обладавший большим опытом работы в периодических изданиях (в «Современных записках»², «Последних новостях»³, других), начал завоевывать местные издания острожюжетными рассказами из жизни исторических деятелей: Троцкого (статья об его убийстве печаталась в пяти номерах ведущей газеты на идиш «Форвертс» / «Вперед» / в начале 1941 г.), Черчилля («Микрофон» // Ковчег: Сб. рус. зарубеж. лит. Нью-Йорк, 1942), Муссолини⁴ («Номер 14» // «Нов. рус. сл.» 4–7 янв. 1948); регулярно печатался в газете «Новое русское слово», в «American Mercury», «Форвертсе», а также, как видно из публикуемой переписки, в других изданиях на идиш. Алданов стал одним из создателей и постоянных авторов ведущего толстого журнала русского зарубежья — «Нового журнала». За роман «Начало кон-

ца», вышедший на английском языке в 1943 г. под названием «Before the Deluge»⁵, ему была присуждена премия лучшей книги месяца. В 1948 г. «Истоки» Алданова, написанные в годы войны и считающиеся его лучшим романом, были премированы Британским обществом книги. После окончания войны Алданов неоднократно посещал Европу и вернулся туда (в Ниццу) в 1947 году⁶. Но связь с Америкой не была прервана. Продолжаются контакты с американскими друзьями и коллегами; в «Новом русском слове» печатаются отрывки из его произведений; в 1953 г. в Нью-Йорке издается сборник его историко-философских диалогов «Ульмановская ночь», в котором, в числе прочего, отрицается прогресс в развитии общества: «Пулемет заменил пищаль, вот и весь прогресс с XVI в.», — пишет автор⁷.

Произведения Алданова пользовались исключительной популярностью. Так, Борис Зайцев с женой, получив роман «Девятое термидора», разодрали книгу надвое, чтобы читать одновременно. Восхищались блестящей эрудицией и живостью ума⁸ Марка Александровича, его «европеизмом» — он держал слово, не опаздывал, любил порядок, аккуратно отвечал на письма, всегда благодарили за поздравления и отзывы о книгах⁹; его любили и уважали: наиболее известный литературный критик зарубежья Г. В. Адамович считал Марка Александровича (как и М. Л. Кантора) исключением из всех людей, «ибо безгрешны»¹⁰. В. В. Набоков писал: «Проницательный ум и милая сдержанность Алданова были всегда для меня полны очарования»¹¹. Будучи человеком добрым и отзывчивым, Марк Александрович после освобождения Франции отправил туда 15 посылок нуждающимся собратьям; хлопотал о находившихся в бедственном положении: «Передайте, пожалуйста, Лит. Фонду мою большую просьбу посыпать хоть посылки, если не деньги, Бебутовой»¹². Она просто погибает от нужды, а на вид — само воплощение старости»¹³. Литературные успехи писателя вызывали и зависть. В связи с большим количеством переводов М. А. Алданова, преимущественно в 1920-е годы (его переводили на 24 языка), особенно исходил желчью И. А. Бунин, говоривший, «что ненавидит этого... вонючего жида»¹⁴. Но, по-видимому, это «чувство» писателя было не главным в его отношении к Алданову: начиная с 1933 года, после увенчания нобелевскими лаврами, Бунин ежегодно вносил Марка Александровича в списки кандидатов на Нобелевскую премию.

В папке писем Марка Алданова Давиду Шубу (David Shub Papers. MS 607. Box 1. Folder 2), хранящейся в библиотеке Йельского уни-

верситета, 13 корреспонденций, большинство которых напечатаны на машинке; 2-е, 10-е и 11-е (открытка) — рукописные. Письма публикуются в современной орфографии. Подчеркивания и разрядка — Алданова. Благодарю Дана Харува за его труд по просмотру рукописи настоящей публикации и помочи при идентификацию упомянутых лиц. О некоторых из них нам не удалось найти сведений, и в примечаниях это специально не оговаривается.

1

319 West 100 Str.
10 сентября 1941

Дорогой Давид Натанович.

Я не застал Криштоля¹⁵ в «Форвертсе» и потому не поговорил с ним о теме: «Последняя любовь Дизраэли» (или, в зависимости от размера статьи: «Дизраэли и женщины»). С Аб. Каном¹⁶ я обменялся несколькими словами, он был, как всегда очень любезен, но я не хотел говорить с ним о статьях до беседы с Криштоловом. Попробую завтра позвонить ему по телефону.

Теперь та моя личная просьба к Вам, о которой я упоминал по телефону и о которой, быть может, Вам уже сказал давно Криштол. Мы хотим снять квартиру из двух комнат и обзавестись по случаю дешевой мебелью: так работать мне будет гораздо легче, чем в одной комнате. Это, при всей экономии, связано с расходами, а, как Вы знаете, я живу только литературным трудом. Г. И. Слуцкий предложил мне заключить заем в двести долларов из шести процентов, с ежемесячным погашением по 15 долларов, в знакомом ему банке. Я, разумеется, охотно согласился. В банке однако сказали, что человек, приехавший по временной краткосрочной визе, по уставу получить кредит не может. Тогда Слуцкий очень любезно предложил мне, что возьмет в банке эти двести долларов на свое имя и под свое обязательство (разумеется с тем, что платить буду я). На этом мы и остановились. Но, при всей кредитоспособности Слуцкого и его связям с банком, нужны по уставу еще две подписи: вторая и третья. Отсюда и моя просьба к Вам: не согласитесь ли Вы дать третью подпись под обязательство Слуцкого? Но очень прошу Вас: если это Вам почему-либо неудобно, так мне и скажите: я нисколько не обижусь. Я и обращаюсь к Вам потому, что мне это посоветовал Слуцкий и потому что Криштол (недели 2 тому назад) мне ска-

зал: «Шуб или я это сделаем» (это между нами). Мне очень легко получить подписи парижан, но у них у всех, как у меня, краткосрочные визы. Если Вы согласны, черкните мне два слова, я привезу Вам обязательство. Слуцкий сказал в банке (кажется, это Амалгамэтед), что это фактически делается для меня, и директор был очень предупредителен в ответе.

Шлем Вам сердечный привет. Надеюсь очень скоро Вас увидеть. Бунину я сегодня написал о Вашем сыне¹⁷ (т. е. что он перевел четыре рассказа). Очень кланяюсь ему и всем Вашим, также и Т[атьяна] М[арковна]¹⁸.

Ваш М. Ландау-Алданов

2

116 West 81 Str.
20. X. 41

Дорогой Давид Натаевич.

Только что из Англии пришли два письма для Вас. Прилагаю их при сем.

Не имею от Вас ответа на мои вопросы о «Дизраэли» (или «Ротшильдах») и на copyright «Vorwdrts'a» в Палестине. Получили ли Вы мое письмо от 13-го¹⁹?

Шлю сердечный привет

Ваш М. Ландау

3

116 W[est] 81 Str.
26 ноября 1941

Дорогой Давид Натаевич.

От Д. О. Копелевича — ни слуха, ни духа. Между тем деньги журналу нужны довольно спешно: Либерман²⁰ тоже пока прислал лишь сто долл. из 250, а платить типографии и авторам нужно сразу. Не спросите ли Вы опять Копелевича? Если он ничего не собрал, то мы были бы, разумеется, очень рады получить теперь же обещанные им сто долларов.

Вы уже знаете о моем успехе: продал Скрибнеру²¹ «Начало Конца», — 500 долларов аванса и ройальти²². Переводчик — назначен и оплачивается издательством (Вреден²³). Денег я еще не получил: нужно разрешение Федерального Банка! Кстати, Вы, кажется, плохо поняли Татьяну Марковну: разумеется я продал Скрибнеру обе части «Начала Конца», первая часть никогда по-английски не появлялась, это ведь два выпуска о *д* *н* *о* *й* книги.

Шлем Вам и Вашим самый сердечный привет.

Ваш М. Ландау

Не нашли ли в редакции оригинал моих «Трех городов»?

4

Landau Aldanov, Hotel des Palmiers, Monte Carlo²⁴

27 сентября 1946

Дорогой Давид Натанович

Как Вы? Как себя чувствуете? Хорошо ли отдохнули? Довольны ли и Ваши?

Мы путешествовали вполне благополучно. Татьяна Марковна прямо проехала на юг к матери, пробыв в Париже всего три дня. Я там пробыл три недели. Теперь поселился (ненадолго) в самом уединенном месте Франции, в Монте-Карло (сезон здесь лишь с ноября). Видел я в Европе очень много интересного. Все оказалось менее плохо, чем я себе в Нью-Йорке представлял. Хочу теперь в одиночестве собрать свои мысли, решить, что писать и что вообще делать в жизни. Как Вы знаете, я теперь безработный: «Истоки» кончил и сдал Скрибнеру, который обещал их выпустить тотчас по окончании перевода, т. е. в 1947 году. В 1948 году он выпускает мою историческую тетралогию²⁵ (в успех которой я верю гораздо больше, чем в успех «Истоков»: в художественном отношении «Истоки», на мой взгляд, много лучше, но их сюжет интересен только русским). В 1949 году Скрибнер издает «Десятую Симфонию». Таким образом, если бы я и написал новую книгу, то я мог бы издать ее только в 1950 году! Добавлю, что и по «Истокам», и по тетралогии, и по «Десятой Симфонии» я получил от Скрибнера давно немалые авансы, от которых остались лишь воспоминания (правда, приятные). Следовательно мне надо очень серьезно подумать о заработке, — литературном или хотя бы другом. Почему-то я возлагал прежде надежды на то, что, после выхода двух книг в Америке

и столь хороших отзывов о них в печати, мне будет сделано какое-либо предложение из Холливуда. Пока я оттуда ничего не получил. Подумываю о «шорт сторис»²⁶, о статьях для газет. Хотел написать Левитасу и спросить его, не знает ли он, в каком положении тот журнал Люса, который затеял Шламм и о котором Вы мне говорили. Не знаете ли Вы?

Левитасу я, конечно, напишу все равно, чтобы поблагодарить его за корреспондентскую карточку «Нью Лидер». Карточка американского корреспондента здесь имеет немалое значение. Если бы вспыхнула война, то я попытался бы даже ею воспользоваться для того, чтобы американцы нас с Татьяной Марковной вывезли, не считаясь с тем, что мы не американские граждане, а имеем только ферст паперс²⁷! Но на это, конечно, надежда слабая (т. е. не на войну, конечно, которая была бы величайшей из катастроф, а на то, чтобы нас в случае войны вывезли). Отсюда следовало бы, что надо уезжать в Нью-Йорк возможно скорее. Однако я все медлю, зная, что мне и в Нью-Йорке нечего делать. Кроме того здоровье Татьяны Марковны, которая здесь чувствует себя гораздо лучше, чем в американском климате. Кроме того сложные семейные обстоятельства, — 75-летняя теща, 77-летняя няня. И, наконец, билеты на пароходы и аэропланы в С. Штаты распроданы до конца декабря! Одним словом я еще не знаю точно, когда я вернусь в Нью-Йорк.

Буду очень, очень рад, если Вы мне напишете. Но, во-первых, пишите только по воздушной почте (я написал ряд простых писем и потом узнал, что они могут идти и месяц!), а, во-вторых, отправьте письмо по моему парижскому адресу: с/о Y. Polonsky²⁸, 2 rue Claude Lorrain, Paris 16.

Напишите, пожалуйста, подробно о себе, особенно о здоровье. Мы оба шлем самый сердечный привет Вам, Вашей супруге и детям.

Ваш М. Ландау

5

c/o Y. Polonsky, 2 rue Claude Lorrain, Paris 16
25 октября 1946

Дорогой Давид Натаевич

Большое спасибо Вам за дружеское письмо и предложения. Я охотно их принимаю, но хотел бы иметь некоторые дополнительные сведения: 1) какого размера может быть статья для журнала

Вашего сына (пожалуйста, передайте ему мой сердечный привет) и для «Форвертса»? 2) На каком языке ее нужно прислать, т. е. лучше ли хороший русский язык, чем плохой английский? Я знаю, как надо приблизительно писать для «Форвертса», но «Этот месяц» мне мало знаком. Кстати, и о «Форвертсе» мне не вполне ясно: ведь о Франции у Вас уже, наверное, было немало статей? Следовало ли бы одно из ударений сделать на еврейском вопросе? Буду Вам чрезвычайно благодарен за ответ по воздушной почте.

Я приехал в Париж на днях, остановился у Полонских и подал просьбу о разрешении поездки в Германию. Не знаю, получу ли. Татьяна Марковна еще в Ницце с матерью, скоро сюда приезжает и отсюда еще съездит к сестре²⁹ в Лондон. Что до возвращения в Америку, то вот Вам вчерашняя новость: как Вы знаете, Марья Самойловна³⁰ приехала сюда с обратным билетом на аэроплане. Ее все кормили обещаньями: получите место на среду, на понедельник и т. д. Вчера ей объявили: Ваш обратный билет потерял силу, Вы должны записаться заново, и в феврале получите место!!! Она в совершенном отчаяньи, обивает везде пороги, телеграфировала в Нью-Йорк Прегелю³¹ и т. д. Я думаю, что ей все-таки удастся уехать в ноябре. Но что же сказать о нас, не имевших обратного билета?! Я имею мало надежды приехать до Н. Года.

В связи с этим Марья Самойловна умоляет Вас об услуге. «Новый Журнал» сейчас должен мне немало денег. На текущем счету в Нью-Йорке у меня сейчас не густо. У нас с ней было условлено, что тотчас по своем возвращении в Нью-Йорк она из своих денег заплатит типографу Раузену³², а потом, когда поступят взносы от наших друзей, то будет возвращен долг журнала и мне, и ей. Теперь она мне сообщила, что та ее личная финансовая комбинация, которую она имела в виду для покрытия счета Раузена, осуществима только при непременном условии ее пребывания в Нью-Йорке: пока она здесь, она достать денег НЕ может (я ведь ее финансовых дел не знаю). Конечно, скоро по выходу книги начнут поступать деньги от подписчиков и от розничной продажи. Но ведь Раузену надо уплатить сразу хотя бы половину денег по его счету, который он представит в день выхода 14-ой книги. Отсюда большая просьба Марьи Самойловны к Вам. Как Вы знаете, друзья «Нового Журнала» (члены общества) платят свои взносы каждый год, — обычно ровно через год после того, как данный меценат уплатил прошлогодний взнос. Марья Самойловна говорит, что уже прошел год с тех пор, как «Джуиш Лэбор Комитти»³³ внес нам свои 500 долларов. Не могли ли Вы убедить их сделать нам их любезное пожертвование

ние за этот год теперь, чтобы мы могли внести деньги Раузену? Мы были бы им страшно благодарны. Второе крупное пожертвование (Бахметева³⁴) было сделано лишь в январе, и потому его до января беспокоить нельзя. Мелкие же взносы действительно поступают более или менее аккуратно, но их не хватает, и мы боимся оказаться в очень неловком и трудном положении перед Раузеном (да и перед сотрудниками). Долг мне, конечно, подождет сколько будет нужно, — если вообще журнал его когда-либо мне вернет. Но увеличивать его я больше не могу, так как мои собственные дела нехороши, а главное наличность в банке еще хуже. Адрес Марьи Самойловны: 59 rue Nicolo, Paris 16.

Я рад, что дела «Форвертса» поправились. Жалко, что не могу прочесть ни Аб. Кагана³⁵, ни Чернова³⁶.

Берегите свое здоровье, дорогой друг. Не хочу повторять прописи, но, конечно, это самое важное. Шлю искренний привет Вам, Вашей супруге и всей Вашей семье.

Ваш М. Алданов

6

Адрес не указан
15 ноября 1946

Дорогой Давид Наташевич.

Пытался вспомнить или узнать дату этой заметки, но, к большому моему сожалению, не удалось. Не помнит ли С. М. Соловейчик³⁷, бывший секретарь редакции? Однако это маловероятно.

Досадно то, что Вы пишете о Лэбор³⁸, но лично я и не возлагал надежд на эти 500 долларов. Не уверен, конечно, и в том, что они вообще дадут их. Теперь не буду скрывать от Вас, что я еще после выхода 13-ой книги говорил Марье Самойловне (не Михаилу Михайловичу³⁹), что нам надо либо совсем закрыть «Новый Журнал», либо (лучше, конечно) передать материальную заботу о нем и часть заботы редакционной какой-либо другой группе, например, Абрамовичу⁴⁰ — Николаевскому⁴¹ — Зензинову⁴². Они в очень добрых отношениях с Карповичем и, по-моему, легко могли бы образовать общую редакцию (скажем, Карпович — Николаевский); между тем деньги им доставать, думаю, будет легче, чем Марье Самойловне и мне. Во всяком случае я уже вложил в дело немало своих денег и больше вкладывать не имею возможности. Марья Самойловна го-

раздо богаче, чем я, но ей журнал должен много больше, чем мне, и без конца она вкладывать свои деньги не может. Если бы Михаил Михайлович на это согласился, то думаю, что это был бы лучший выход. Иначе, по-моему, надо дело закрыть: мы запутываемся с каждым номером все больше. Все это я снова сказал Марье Самойловне три дня тому назад, с просьбой выяснить в Нью-Йорке все наши домашние возможности, посоветоваться с друзьями и что-либо наконец решить. Если мы закроемся тотчас, то надо вернуть деньги подписчикам, а продажа остающихся экземпляров, быть может, понемногу покроет долг журнала Марье Самойловне и мне. Жаль, конечно: был хороший журнал.

Спасибо за сведения о статьях. Для «Форвертса» я непременно напишу, но, повторяю, мне неясно, как надо писать для журнала Вашего сына. Если б Вы мне послали простой почтой один-два номера «Этого Месяца», я знал бы. Ваши слова о размере статьи (10 страниц «Нового Журнала»), очевидно, относятся и к «Форвертсу», и к «Этому Месяцу»? Размер, разумеется, подходящий, но ведь ясно, что статью для американского ежемесячного журнала надо писать иначе, чем статью для еврейской ежедневной газеты. Поэтому мне неясны Ваши слова: «если не подойдет для журнала сына, то я помещу ее в «Форвертсе».

Ну, вот все. Марья Самойловна так и не получила здесь билета ни на аэроплан, ни на пароход. Очевидно, «связи» Прегеля в Париже не помогают. Позавчера она уехала отсюда в Лондон, где у ее сына Вали есть приятель в английском транспортном обществе. Он обещал ей достать место на аэроплане из Англии в Америку. Это оказалась настоящая западня: уехать из Нью-Йорка можно, а вернуться нет. Не могу совершенно сказать, когда вернусь я. Мне обещают место на февраль.

Татьяна Марковна со мной в Париже и на днях тоже уезжает в Лондон на один месяц, к сестре, затем вернется во Францию. Я здесь остаюсь, обдумываю всякие литературные планы (преимущественно «шорт сторис»⁴³). Продал французский перевод «Могилы воина». Вижу много интересного. Мы оба шлем самый сердечный привет Вам, Вашей супруге и детям.

Ваш М. Алданов

16, avenue Georges Clemenceau, Nice, A. M.
5 февраля 1947

Дорогой Давид Наташевич.

В Париже было чрезвычайно холодно, как и в Лондоне и Германии, где я тоже побывал. Даже в Англии теперь не топят или топят очень плохо. Мы поэтому переехали в Ниццу. Забавно, что холодно и здесь. В течение трех дней пальмы и кактусы Ривьера были покрыты снегом! Теперь немного лучше. Я такой зимы в Европе что-то не помню — и послана опа именно тогда, когда в Европе так мало угля и дров.

Как Вы живете? Как здоровье? Бережете ли себя?

Я, наконец, разрешился статьей. Прилагаю ее (оригинал и перевод). Как Вы увидите, страницы перевода маленькие, я срезал огромные поля, чтобы облегчить статью для воздушной почты. Таким образом не надо пугаться цифры: «15 страниц», — па самом деле статья не больше, а скорее меньше того размера, который Вы мне указали. На всякий случай, зная как занят Ваш сын, я отдал здесь в перевод эту статью. Перевела некая графиня Ольга Капнист (Karpnist). (Ей было бы очень приятно, если бы ее имя было указано в качестве переводчицы.) Моя первая большая просьба к Вам и Вашему сыну: пожалуйста, прочтите статью сначала по-русски, потом по-английски и напишите мне, нравится ли Вам перевод (это для того, чтобы знать, могу ли я дальше пользоваться услугами этой симпатичной дамы; она взяла с меня не очень много за перевод). Вторая же просьба относится к устройству статьи. Если Ваш сын ее возьмет (я имел в виду «Этот Месяц», — очень благодарю Вас за присылку номеров), то отлично и все в порядке. Если же она ему не понравится, то, пожалуйста, передайте ее С. М. Левитасу для «Нью Лидер». Куда же иначе? Ведь для «Форвертса» такая статья пе годится? Кроме того мне хотелось бы опубликовать ее по-английски, и я не уверен, что «Форвертс» соглашается печатать статьи одновременно (в тот же день), что «Нью Лидер»? Одним словом полагаюсь на Вас. Если Вашему сыну понравится статья, но не понравится перевод, то он может, конечно, его исправить или перевести заново.

Статья, как Вы увидите, не «историческая», а современная. Но я остановился и на истории этого дома Гестапо, — ее никто не знает, о доме ничего (отд[ельно?] — вписано рукой. — М. П.) не напи-

сано. А следовало бы знать именно американцам: Гестапо — после Франклина и Джейфтерсона! Вот только не знаю, как назвать статью. Я назвал статью по-русски: «Дом-символ». Но по-английски это никак что-то не выходит.

Чтобы закончить: гонорар, пожалуйста, пусть редакция переведет на мой текущий счет в «мой» банк в Нью-Йорке: M. Aldanov, National City Bank, 42nd Street Branch, Broadway at 42 Street.

Как Вам понравилась 14-ая книга «Нового Журнала»? Сообщу Вам (конфиденциально), что Кускова⁴⁴ в письме ко мне чрезвычайно ее изругала, особенно Федотова⁴⁵ (по политической линии) и Яновского⁴⁶ (по литературной). По-моему, книга в общем недурная. Говорят, Вы выхлопотали у Лэбор 500 долларов для журнала? Хотя я больше не редактор, а начиная с 15-ой книги уже больше и не «меценат» (ввиду расстройства моих собственных финансовых дел), все же приношу Вам сердечную благодарность: Вам и Лэбор Коммитти. Кто вынес решение? Ханин⁴⁷?

Как идет «Этот Месяц»? Журнал мне очень нравится. «Нью Лидер» же я не видел со времени отъезда из Европы. Мне совестно писать Левитасу: я ему ни разу не написал! Это, конечно, моя вина и немалая.

Через месяц, думаю, окончательно выяснятся наши планы в связи с возвращением в Нью-Йорк.

Пожалуйста, пишите мне по вышеуказанному адресу.

Мы оба шлем самый сердечный привет Вам, Вашей супруге и детям.

Ваш М. Ландау

Против с о к р а щ е н и й, необходимых в случае недостатка места в журнале, я ничего в принципе не имею. Я даже сам взял в карандашные скобки (в переводе) то, что можно выпустить без большого ущерба для статьи.

16, av[enue] Georges Clemenceau, Nice, A. M.
12 апреля 1947

Дорогой Давид Натанович.

Получил Ваше письмо, сердечно Вас благодарю за хлопоты с моей статьей и еще раз прошу извинить беспокойство.

Мне жаль, что журнал Вашего сына закрывается. У меня всегда грусть, когда закрывается журнал, да еще хороший. Все-таки завидую Вашему сыну: он получает интересную работу, будет ездить. Я в молодости изъездил четыре части света, потом «отяжелел», а теперь опять захотелось ездить и писать о своих наблюдениях.

Рад, что моя статья появится в Нью Лидер. Журнал действительно интересен. Я написал Левитасу и просил его прислать мне карточку корреспондента. Перед отъездом в Европу он любезно дал мне карту корреспондента для парижской конференции; теперь я хотел бы иметь постоянную. Если можно, позвоните ему по телефону и попросите его выслать мне ее по возможности тотчас: она мне необходима для возбуждения ходатайства о продлении моей обратной визы, которая скоро истекает, и я очень боюсь опоздать. Не появилась ли уже у них моя статья? Кстати, заодно, пожалуйста, сообщите мне, в каком именно другом журнале Вы безуспешно пытались устроить эту статью. Разумеется, я нисколько не обзываюсь в таких случаях, но мне полезно это знать, чтобы по случайности не обратиться как-нибудь снова в этот журнал.

Вы нас встревожили сообщением, что Ваше здоровье оставляет желать лучшего. Надеемся, кроме бессонницы нет ничего?

Так 28 мая будет юбилей «Форвэртса» (так! — М. П.). Кому послать поздравление, т. е. на чье имя? Быть может, Кан⁴⁸ уже совсем отошел от работы?

В моих планах ничего пока не определилось. В се билеты в Америку на все пароходы распроданы до октября! Ведь Стэйт Департмент⁴⁹ потребовал от 70 тысяч американских туристов, чтобы они при получении визы в Европу представляли обратные билеты; они и раскупили все места. Это сообщение я прочел в парижском издании Хералд Трибюн, которое читают каждый день. Очевидно, я по одной уж этой причине не могу приехать в Нью-Йорк до октября. Лишь бы хоть не отказали в продлении визы. Для этого мне с о бе н и о важно и спешно получить карточку Нью Лидер: я сниму с нее фотостат и приложу к своему прошению. Иначе могут отказать, и тогда я останусь здесь как в западне.

Мы оба шлем Вам и Вашей супруге самый сердечный привет и запоздалые поздравления к Пасхе. Были ли Вы на «седере»⁵⁰? Весело ли у Вас? Во Франции настроение мрачное, но я все же почти уверен, что без войны демократия здесь удержится.

Ваш М. Алданов

16, avenue G[eorges] Clemenceau, Nice, A. M.
12 августа 1947

Дорогой Давид Натанович.

Как Вы живете? Как здоровье? Как Ваши? Надеюсь, что Вы от-
дыхаете как следует и на этот раз взяли более продолжительный
отпуск?

Мы здесь проводим лето и очень довольны. Все же до Рождества
вернувшись в Нью-Йорк. Обратную визу нам продлили в Филадельфии
до 27 декабря. Работа у меня идет хорошо, так как здесь мы живем
одиноко и времени 24 часа в сутки. Кроме той философской книги,
о которой я Вам писал и которая скоро будет окончена (для «по-
смертного издания», вероятно), я написал три рассказа и теперь
пишу четвертый. Один из них появится в ближайшей книге «Ново-
го Журнала», о перспективах которого Марья Самойловна мне со-
общила очень мало: я знаю только, что 16-ая книга выйдет (в сен-
тябре?). В том рассказе, который я для отдыха от философской
литературы (преимущественно в добавок немецкой) пишу сейчас,
изображается смерть Муссолини. Попадались ли Вам какие-либо
материалы об этом кроме рассказа Валерио (убийцы)? К сожалению,
о самом Валерио я пока сведений не имею. Помнится, газеты сооб-
щали что он по профессии бухгалтер? Не помните ли Вы? Возмож-
но, что я для этого рассказа съезжу в Донго, где Муссолини был
арестован, и в Бонсаниго, где он был убит.

Я, кажется, Вам писал, что к политике чувствую отвращение. А
вместе с тем хочется высказаться (по-английски, конечно) о собы-
тиях. Уж очень они важны и страшны. У меня возникла мысль:
написать об этом брошюру страниц в 40 и издать ее. Не буду пред-
лагать этой работы никаким журналам: она для них велика, и мыс-
ли будут персональные, и форма персональная: диалог. Такую бро-
шюру я могу издать на свой счет, это не такое дорогое удовольствие.
Но вопрос в том, что с ней делать, когда она будет отпечатана. И об
этом я хотел бы знать Ваше мнение. Если я не ошибаюсь, форма
брошюр в Америке мало принята? Но все-таки выходят они или нет?
Предположим, я отпечатаю по-английски (скажем, у того же Рау-
зена) брошюру в 40-50 страниц. Кому же я мог бы тогда отдать ее
для распространения? Мне очень не хотелось бы из-за этого пустя-
ка обращаться к Скрибнеру, и он, кажется, никаких брошюр не

издавал и на складе не держит. Что посоветовали бы Вы? Разумеется, я никак не рассчитываю на этом заработать. Все издание, при 1000-1500 экземплярах, обошлось бы, вероятно, долларов в 250 (сужу по тому, что за книгу «Нового журнала» в 300-320 страниц Раузен брал около 1500 долларов). Я готов и все эти деньги потерять. Но не знаю, дают ли газеты отзывы о брошюрах? На объявления у меня денег не будет. Без отзывов, вероятно, не продадут ни одного экземпляра. Напишите, пожалуйста, Ваше мнение и дайте совет. Буду очень Вам благодарен.

Я так и не знаю, появилась ли тогда в «Нью Лидер» моя статья о том парижском доме. Они мне ее не послали. Видели ли Вы ее? Видите ли С. М. Левитаса? Если видите, спросите и очень ему кланяйтесь. Напишите о себе подробно.

Мы оба шлем самый сердечный привет Вам, супруге, семье.

Ваш М. Алданов

Я чрезвычайно был огорчен кончиной М. Перкинса (editor у Скрибнера). Это большая для меня потеря. Кстати, Скрибнер выпускает «Истоки» («Бефор зи Делюдж»⁵¹) 6 октября.

10

16, avenue G[eorges] Clemenceau, Nice
29 февраля 1948

Дорогой Давид Натаевич.

Пишу Вам без всякого дела, — просто, чтобы напомнить о себе. Через месяц мы будем уже в Нью-Йорке и чрезвычайно рады будем Вас и Ваших увидеть.

Я много работал в Европе. Кроме работы над философской книгой, из которой уже много подготовил к печати («посмертным изданием»), написал несколько рассказов, кое-что еще. Планов много и записей много для разных работ. Кончу ли все?

«Истоки» имели в С. Штатах очень большой художественный успех (я таких рецензий у Вас в Америке прежде не имел), но продается книга «средне». Зато продано за 4 месяца три иностранных издания. Бедная Европа платит мало, и я не знаю, как мог бы жить дольше в Америке. Увидим. Буду искать работы. Скрибнер известил меня в свое время, что послал Вам экземпляры.

82

Мы оба шлем Вам и Вашим самый сердечный привет и лучшие пожелания. Кланяйтесь редакции «Форвертса», в частности Кристолу⁵². Как Ваше здоровье? Где Борис Давидович?

11

M. Aldanov, Hotel Balestri
16. X. 49

Дорогой Давид Натанович.

В Милане и здесь <нрзб> я в разных книжных магазинах видел итальянские издания Вашего «Ленина». Чрезвычайно рад большому успеху Вашей книги. А. А. Гольденвейзер⁵³ писал мне, что Вы теперь готовите «Сталина». Отличная мысль.

Я был в Dongo, где был арестован Муссолини, и в окрестностях разыскал дом (с трудом разыскал), где он провел последнюю ночь. Хозяйка Lia(?) Bordoli, за 100 лир, разговорилась и много рассказывала. Итальянцы вообще не любят теперь говорить ни о Муссолини, ни об его убийстве. Готовлю статью об <нрзб> готовящемся скоро сенсационном процессе коммунистов, похитивших «сокровище Дуче» <нрзб> в New <нрзб>

Шлю сердечный привет Вам и Вашей супруге. Вы здоровы?

Bash M. Aldanov

Через неделю возвращаюсь в Ниццу, где осталась Татьяна Марковна

12

16, avenue Georges Clemenceau, Nice
12 февраля 1950

Дорогой Давид Натанович.

Я действительно пишу мало писем, — зная, как все в Нью-Йорке заняты. Думаю также, что меня там все забыли. Некоторые, вероятно, и гневаются на меня за то, что я не вошел в Лигу Николаевского-Керенского⁵⁴. Все же я очень рад, что не вошел в нее. Правда ли, что В. Чернов из нее вышел, а Абрамович и Двинов⁵⁵ выходят? По-моему, лучше не входить, чем войти и выйти. В «Новый Журнал» я не вернусь, но желаю ему процветания и еще месяца два тому

назад писал Атрану⁵⁶ и Столкинду⁵⁷, что прошу их оказывать журналу материальную поддержку, совершенно не считаясь с уходом Бунина и моим⁵⁸. Как Вы знаете, мы и ушли в свое время из журнала без всяких «писем в редакцию» — именно для того, чтобы не наносить ему никакого ущерба, в предположении, что наш уход мог бы хоть немного ему повредить. Насколько мне известно, Николаевский, Далин⁵⁹ и Денике⁶⁰ после своего ухода из «Соц. Вестника» требовали помещения их письма в редакцию об уходе, что, кстати сказать, было полным и бесспорным их правом. Остается ли Вы председателем или вице-председателем Общества друзей Нового Журнала? Вышла ли книга и интересна ли она?

Свой новый роман я после трех лет работы кончил. Появится он у Скрибнера в 1950 году, — в текущем году, осенью, у него выходит мой роман «Ключ-Бегство» в одном томе. По-русски он нигде не появится, но несколько отрывков будут помещены в «Н[овом] Р[усском] Слове». Моя философская книга — это очень долгая затяжная многотомная работа. Ничего, если выйдет посмертным изданием. Зато через несколько месяцев появится по-французски в парижском издательстве (научном) Эрмана моя небольшая химическая книжка⁶¹, которой я очень дорожу. Как идет у Скрибнера продажа моей книги рассказов «Ночь на аэродроме», — еще не знаю. Вероятно, плохо, так как все книги рассказов, за двумя-тремя исключениями, продаются плохо, — это мне Скрибнер (и не он один) говорил задолго до того, как я ему предложил эту книгу. Вы говорите о статьях для «Форвертса», но отчего же им не напечатать хоть один мой рассказ? В этой книге заглавный рассказ (первый) или «Рубин» очень подходил бы. «Форвертс» и при А. Кане⁶² никогда моей беллетристики не покупал. Жаль.

Визу в С. Штаты нам продлили на полгода. Когда вернемся, придется искать работы, литературной или другой, так как дела мои совсем нехороши. Кстати, встречаете ли Вы палестинцев и в частности Г. Света⁶³? Мы с ним в добрых отношениях. Не слышали ли Вы от него, есть ли в Палестине⁶⁴ издательства? На древнееврейском языке из всех моих книг появилась только одна (да еще другая, — кем-то без моего ведома перепечатанная брошюрой статья об убийстве Троцкого из первой книги «Нового Журнала»). Тоже очень жаль. Сначала Гитлер, а потом Сталин отобрали у меня Польшу, Чехо-Словакию, балканские страны, лимитрофы, Венгрию, — во всех этих странах мои книги выходили, и я получал за них деньги. Теперь «рынков» осталось очень мало. По-немецки печатался, впрочем, в Швейцарии, где не так давно вышли «Истоки».

Вот все о себе. Думаю, что Ваша и Вашего сына книга о Сталине должна иметь еще больший успех, чем «Ленин». Главное — здоровье. Надеюсь, Ваше положение при Рогове⁶⁵ стало в «Форвертсе» не хуже? А положение Кристола? Пожалуйста, очень ему кланяйтесь. Вышел «Ленин» и в Англии? Как ни странно, последние две мои книги в Англии продавались лучше, чем в С. Штатах! Подожду еще сведений о «Ночи на аэродроме». Рецензий было множество. Были и исключительно лестные. Нелестная была собственно только одна: Орвилла Прескотта в «Таймс».

Мы оба шлем самый сердечный привет и лучшие пожелания Вам, Вашей супруге и детям.

Ваш М. Ландау-Алданов

13

16, avenue G[eorges] Clemenceau, Nice, France
3 октября 1950

Дорогой Давид Натаевич.

Я только что узнал из вышедших сегодня номеров «Нового Русского Слова» об юбилее Аб. Кана⁶⁶. Я не знаю, где он сейчас находится. Могу ли я просить Вас передать ему мои самые сердечные поздравления и самые лучшие пожелания. Вы знаете, и он знает, что во мне он имеет большого и искреннего поклонника. К сожалению, я не мог следить за его публицистикой, и говорю о нем как о романисте, которого я читал по-английски. Некоторыми его произведениями я понастоящему восхищался, о чем давно Вам говорил. Помню я его и столь любезное ко мне отношение. Пожалуйста, прочтите ему все это, — Вы меня этим обяжете. Знаю, что он получил тысячи поздравлений, — присоединяйтесь, пожалуйста, еще и мое.

У нас нового мало. В ближайшие дни выяснится «окончательно» (скажем, на год), будет ли теперь большая война или нет: вчера ведь пришло известие о переходе южными корейцами 38-й параллели. Если ни СССР, не китайцы не выступят, то значит, Политбюро решило, что пока воевать не может. Если война, вопреки моему ожиданию, вспыхнет немедленно, то мы сделаем с Татьяной Марковной попытку все же достать места и вернуться в Нью-Йорк: это будет, знаю, очень трудно, так как все пароходы и аэропланы будут тотчас реквизированы. Если же войны пока не будет, то мы во всяком случае вернемся к Новому Году.

Жаль, что Ваша книга о Сталине еще не скоро появится. Готова ли она уже? Я здесь много работал и в области беллетристики, и в области химии. Скоро в большом научном издательстве Эрманна выйдет (по-французски) моя новая химическая работа. «Истоки» недурно продаются в семи странах. Напротив, книга рассказов «A Night in the Airport⁶⁷» продаётся слабо. На днях вышла у Скрибнера моя книга «The Escape⁶⁸» (романы «Ключ» и «Бегство» в одном томе). Как она принята, еще не знаю. Здоровье так себе, а как Ваше?

Ведь это Ваш младший сын поместил в «Нью Лидер» нашумевшую статью о «Голосе Америки»?

Мы оба шлем Вам, Вашей супруге и семье самый сердечный привет, самые лучшие пожелания.

Ваш М. Ландау Алданов

¹ Об Алданове-писателе см. : *А. Романенко. Алданов // Русское Зарубежье: Золотая книга эмиграции.* М.: РОССПЭН, 1997. С. 18–21; Марк Алданов: Библиография / Сост. Д. и К. Кристенка. Под ред. Т.А. Осоргиной; Предисл. М. Слонима. Paris: Institute d'Etude slaves. 1976.

² Отказавшись от поста главы литературно-художественного отдела журнала, Алданов многие годы был консультантом, советником и рецензентом редакции (см. : *В. Кельнер. Евреи и еврейский вопрос в парижском журнале «Современные записки» // Евреи в культуре Русского Зарубежья (ЕВКРЗ).* Т. 3. С. 195).

³ В стихотворном приветствии Дон-Аминадо по случаю 10-летия прихода в газету П. Н. Милюкова Марку Александровичу посвящена такая строка: «И сам блистательный Алданов» (см. : *М. Бирман. В одной редакции /О тех, кто создавал газету «Последние новости»/ // ЕВКРЗ.* Т. 3. С. 164).

⁴ О подготовке этого рассказа см. письма 9 и 11.

⁵ Перед потопом (англ.).

⁶ Эта указанная во многих источниках дата, по-видимому, не окончательная. Так, 29 февраля 1948 (письмо №10) Марк Александрович пишет: «Через месяц мы будем уже в Нью-Йорке и чрезвычайно рады будем Вас и Ваших увидеть». В письме от 3 октября 1950 (№12) сообщает: «Визу в С. Штаты нам продлили на полгода. Когда вернемся (выделено мною. — М. П.), придется искать работы, литературной или другой, так как дела мои совсем нехороши».

⁷ Цит. по: Эткинд Е. Из переписки М. А. Алданова и Е. Д. Кусковой // ЕВКРЗ. Т. 1. С. 310–343.

⁸ Ульянов Н. Алданов-эссеист // ЕВКРЗ. Т. 1. С. 116.

⁹ Седых А. М. Алданов // «Новый журнал». 1961. №64. С. 221–237.

¹⁰ Цит. по: Коростелев О. Парижское «Звено» (1923–1928) и его создатели // РЕВЗ. Т. 6. С. 195.

¹¹ Пархомовский М. А. Пришла пора вспомнить о них, написать, поспорить // ЕВКРЗ. Т. 1. С. 10.

¹² Ольга Михайловна Бебутова (1879–1952) — княгиня, писательница.

¹³ К истории «Нового журнала»: По письмам М. А. Алданова к М. С. и М. О. Цетлиным (из архива С. Ю. Прегель в Иллинойском университете, Урбана-Шампейн, США) / Публ. М. Пархомовского // ЕВКРЗ. Т. 4. С. 305.

¹⁴ Цит. по: *A. Клементьев*. Марк Вениаминович Вишняк — корреспондент Бориса Константиновича Зайцева (к публикации писем 1955–1972 гг.) // РЕВЗ. Т. 6. С. 247.

¹⁵ Постоянными сотрудниками «Форвертса» были братья Криштолы: Леон (Лейб; 1894–1959) — журналист, театральный рецензент и литературный критик, переводчик (переводил пьесы Толстого, Мольера, Дымова, Шекспира для еврейских театров) и Моше (1908–?), который многие годы был редактором новостей и публиковался как искусствовед.

¹⁶ Скорее всего упоминается Абрахам Каган (Кахан; на идиш — Кан или Кон; 1860–1951), журналист и писатель, деятель евр. социалистич. движения (при его участии были основаны первые еврейские профсоюзы и их объединение), который возглавлял «Форвертс» с 1903 г. до своей кончины.

¹⁷ Борис Давидович Шуб (1912–1965), известный американский журналист, переводчик с идиш, публицист, один из ведущих сотрудников радиостанции «Свобода».

¹⁸ Двоюродная сестра М. Алданова (в дев. Зайцева), ставшая его женой; переводчица.

¹⁹ В папке с письмами М. Алданова Д. Шубу этого письма нет, но сохранился конверт со штампом от 13 окт. 1941 г. и с адресами отправителя (Landau-Aldanov 319 W. 100 Str.) и получателя (Mr. D. Shub. Jewish Daily Vorwärts. 173 East Broadway. New York City).

²⁰ Семен Исаевич Либерман — меньшевик, 9 лет был специалистом в лесной промышленности Советской России, автор книги «Дела и люди» о первых годах советской власти. Один из спонсоров «Нового журнала».

²¹ Скрибнер Чарльз (1890–1952) — извест. амер. издатель, спонсор «Нового журнала».

²² Royalties (англ.) — авторский гонорар (процент с каждого проданного экземпляра).

²³ Помимо «Начала конца», в переводе Николаса Вреденана англ. в изд-ве Charles Scribner's Sons были изданы: For Thee the Best (1945), Before the Deluge (1947), The Tenth Symphony (1948), A Night at the Airport (1949), The Escape (1950) (См.: *A. Рогачевский*. Борис Элькин и его оксфордский архив // ЕВКРЗ. Т. 5. С. 222).

²⁴ Адрес указан на конверте.

²⁵ В тетралогию под общим названием «Мыслитель» (по имени одной из химер собора Парижской Богоматери) вошли романы «Девятое термидора», «Чертов мост», «Заговор» и «Святая Елена, маленький остров» (1920-е гг.).

²⁶ Short stories (англ.) — короткие рассказы, новеллы.

²⁷ First papers (англ.) — документы, подаваемые уроженцем другой страны, ходатайствующим о принятия в гражданство США.

²⁸ Яков Борисович Полонский (1892–1951) — юрист, один из редакторов «Временника» Об-ва друзей рус. книги; один из руководителей газеты «Последние новости». Много лет вел дневник, частично опубликованный под названием «Бунип во Франции», автор книги «Пресса, пропаганда и общественное мнение во время оккупации Франции». Муж сестры М. Алданова.

²⁹ В Лондоне жила сестра Татьяны Марковны Вера Марковна Хаскелл, вышедшая замуж за англичанина.

³⁰ Мария Самойловна Цетлина (в дев. Тумаркина; 1882–1976) — виднейшая общественная деятельница русского зарубежья, участница изданий журналов «Окно» и «Новый журнал», издательница журнала «Опыты».

³¹ Борис Юльевич Прегель (1893–1976) — ученый-атомщик, бизнесмен, благотворитель, композитор, обществ. деятель, коллекционер, поэт. Муж старшей дочери М. С. Цетлиной.

³² В пью-йоркской типографии братьев Лазаря и Израиля Григорьевичей Рауценов в 1953–58 гг. делалась корректура и верстка журнала М. С. Цетлиной «Опыты». По-видимому, речь идет о той же типографии.

³³ Еврейский рабочий комитет, основанный в 1933 г.

³⁴ Борис Александрович Бахметьев (1880–1951), посол России в США в 1917–1922 гг., затем профессор Колумбийского ун-та, видный обществ. деятель. Его именем названы гуманитарный фонд и архив российской и восточно-европейской истории и культуры при Колумбийском ун-те.

³⁵ Об Аб. Кагане см. примеч. 16.

³⁶ Виктор Михайлович Чернов (1873–1952) — один из основателей партии эсеров, министр Временного правительства России, председатель Учредительного собрания, участник французского Сопротивления, публицист, социолог, мемуарист. Имеются в виду статьи Чернова о евреях-эсерах, публиковавшиеся в переводе Виктора Шульмана на идиш на страницах «Форвертса». Позже они были собраны в книге на идиш «Еврейские деятели в партии эсеров» (Нью-Йорк, 1948).

³⁷ Самсон Моисеевич Соловейчик (1889–?) — журналист, ближайший помощник А. Ф. Керенского по редактированию газеты «Дни» и журнала «Новая Россия», общественно-политический деятель; с 1940 г. — проф. Канзасского ун-та. Сотрудничая с «Новым русским словом», «Русской мыслью», «Новым журналом», «Социалистическим вестником», придерживался либерально-демократических взглядов.

³⁸ Еврейский рабочий комитет.

³⁹ М. М. Карпович (1888–1959) — историк, публицист; проф. рус. истории Гарвардского ун-та; с 1943 — соредактор, в 1945–1959 — гл. ред. «Нового журнала». Автор книг о «красных» маршалах и коммунист. терроре, трилогии «Россия в Германии», «Россия во Франции» и «Россия в Америке».

⁴⁰ Рафаил Абрамович (Рейн; 1880–1963) — один из лидеров меньшевиков; вместе с Л. Мартовым основал «Социалистический вестник»; автор многих ист. и публицистич. трудов.

⁴¹ Борис Иванович Николаевский (1887–1966) — историк рев. движения, архивист, публицист.

⁴² Владимир Михайлович Зензинов (1880–1953) — обществ.-политич. деятель. Член редколлегии «Современных записок» и «За свободу».

⁴³ См. примеч. 26.

⁴⁴ Екатерина Дмитриевна Кускова (1869/73?–1958) — одна из первых рос. социал-демократов, публицист. Работала в Комитете помощи голодающим и для Политического Красного Креста. В 1922 выслана из России.

⁴⁵ Георгий Петрович Федотов (1886–1951) — философ, богослов, историк.

⁴⁶ Василий Семенович Яновский (1906–1989) — писатель, мемуарист. Его роман «Американский опыт», опубликованный в «Новом журнале», вызвал всеобщее неодобрение.

⁴⁷ Нахум Ханин (1885/86–?) — в США с 1912 г. после бурной революц. деятельности в российском Бунде. Редактор различных социалист. изданий. Автор книг на идиш: «Советская Россия, как я ее видел» (год не указан), «Путешествие по Центральной и Южной Америке». Н.-Й., 1942 и др. Один из организаторов спасения еврейских писателей Европы. Помогал устройству сирот, переживших Катастрофу. В честь его 60-летия был издан сб-к статей известных евр. писателей, лидеров раб. движ. и деятелей культуры.

⁴⁸ См. примеч. 16.

⁴⁹ Минист. иностр. дел США.

⁵⁰ Седер — букв. порядок (иврит), здесь имеется в виду традиционное праздничное пасхальное застолье — «Седер Песах».

⁵¹ «Перед потопом» (англ.).

⁵² По-видимому, речь идет о Криштоле — см. примеч. 15.

⁵³ Алексей Александрович Гольденвейзер (1890–1979) — адвокат, журналист.

Руководил юридической помощью Союза русских евреев в Германии, член правления Союза русской присяжной адвокатуры в Германии, член Нансеновской комиссии по делам беженцев при Лиге наций, с 1937 в США, председатель корпорации «Нового журнала», автор книг «Я. Л. Тейтель» и «В защиту права: Статьи и речи». Подробнее о нем см.: А. А. Гольденвейзер и Набоковы (По материалам архива А. А. Гольденвейзера). Публ., вступ. статья и комментарии Г. Глушанок. Русские евреи в Америке, кн. 2. Ред-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим — Торонто — Санкт-Петербург. 2007. С. 115–142.

⁵⁴ «Лига Борьбы за Народную Свободу» была создана в марте 1949 г. и гл. ред. ее печатного органа «Грядущей России» (она выходила в виде приложения к «Новому русскому слову») стал А. Ф. Керенский.

⁵⁵ Борис Л. Двинов (Гуревич) — член редакции «Социалистического вестника», сотрудник «Нового русского слова» и «Нового журнала».

⁵⁶ Соломон Самойлович Атран (в Америке называл себя Frank Z. Atran; 1885–1952) — владелец фирмы «Этам», миллионер, спонсор «Нового журнала». Большая часть его денег журналу шла на гонорары Бунину. М. Алданов писал о нем: «Прекрасный, отзывчивый и достойный был человек».

⁵⁷ А. Я. Столкинд — адвокат, один из спонсоров «Нового журнала».

⁵⁸ В 1947 г. часть членов Парижского союза русских писателей получила советские паспорта. Эти члены Союза были исключены из него, на что И. А. Бунин отреагировал выходом из Союза. М. С. Цетлина, десятилетия опекавшая Бунина, демонстративно, со свойственной ей горячностью, порвала отношения с Иваном Андреевичем; М. А. Алданов в этом конфликте занимал сторону Бунина. См.: М. Пархомовский. Конфликт М. С. Цетлиной с И. А. Бунином и М. А. Алдановым: По материалам архива М. С. Цетлиной (Евр. ун-т в Иерусалиме) // ЕВКРЗ. №4. С. 310–331.

⁵⁹ Д. Далин (псевд.; наст. имя: Давид Юльевич Левин; 1889–1962) — д-р полит. экономии, обществ.-полит. деятель, один из основателей и член редколлегии «Социалистического вестника».

⁶⁰ Юрий Петрович Денинике (1887–1964) — публицист, социолог, историк, сотрудник радио «Свобода», член редколлегии «Нового журнала».

⁶¹ В Киевском ун-те М. А. Алданов получил юридическое и физико-математическое образование. В Париже специализировался по химической физике и в дальнейшем серьезно занимался этим предметом. Встречался с Л. де Бройлем, П. Ланжевеном, А. Эйнштейном. Стал автором двух книг на фр. яз.: «Лучевая химия» (1937) и «О возможностях новых концепций в химии» (1951).

⁶² См. примеч. 16.

⁶³ Лит. критик и публицист Гершон Свет (1893–1968) в 1935–1948 гг. работал в Иерусалиме. Член Исполн. бюро Союза русских евреев Нью-Йорка. О глубокой культуре этого человека можно судить по его статьям о роли русских евреев в сионизме и в строительстве Палестины и Израиля, о русских евреях в музыке и театре (см. Книги о русском еврействе. Н.-Й. , 1960 и Н.-Й. , 1967).

⁶⁴ Имеются в виду соответственно израильяне и Государство Израиль.

⁶⁵ Хиллель Рогов (Гарри Рогоф, 1882/37?–1971) — писатель, литературовед, литературный и театральный критик, член редколл. научно-попул. и литературного журнала на идиш «Цукунфт» («Будущее»); в «Форвертсе» работал с 1906 г.; после смерти А. Кахана в 1951 г. стал гл. редактором «Форвертса».

⁶⁶ Речь идет о 90-летии А. Кахана (Кана).

⁶⁷ Ночь в аэропорту (англ.).

⁶⁸ Бегство (англ.).

«Что за великое чудо...»
(К 50-летию со дня смерти Даниэля Чарни)

Виктор Радуцкий (Иерусалим)

Даниэль Чарни — поэт, прозаик, публицист, творивший на языке идиш и внесший заметный вклад в сложившуюся на этом языке культуру. Его жизнь полна драматических событий: тяжелая наследственная болезнь, вынужденные скитания в мире, вздыбленном русской революцией и отравленном черным дымом фашизма... События этой жизни сами по себе — сюжет для эпического произведения, и они действительно легли в основу многих книг Даниэля Чарни. Но творчество его гораздо шире: оно поражает и жанровым разнообразием, и масштабом охвата исторических событий.

Даниэль Чарни родился 15 сентября 1888 года в местечке, расположенному неподалеку от Минска. О своем вступлении в жизнь он напишет в книге «Ин Дукор» («В Дукоре»), вышедшей в Варшаве в 1937 году. «Введение» — так называется открываящая книгу глава, и заглавию этому автор придает не только буквальный, но и символический смысл: *«Смерть взмахнула своим черным крылом надо мной, когда я еще лежал в колыбели. Агония моего отца сплелась с родовыми муками моей мамы. Мама моя изо всех сил своих старалась отогнать своим горьким вдовьим грудным молоком туберкулезные бациллы, которые отец оставил мне в наследство. Это было почти единственным достоянием, полученным мною от отца...»* И далее:

«У своей мамы я был восьмым ребёнком, но двое из её детей умерли ещё во младенческом возрасте, и нас осталось только шесть: самая старшая — дочка, а ещё пять сыновей, как пять пальцев на руке, один меньше другого... По счастью, мне выпало быть самым маленьким, самым «привилегированным»: во-первых, я был «мизиник», самый младший в семье, да ещё «мизиник» — сиротка, а во-вторых, я ведь больной... Я был покрыт нарывами, волдырями и ранами, от которых только цыгане и татары знали всякие заговоры и заклинания, но лечения не было никакого... Да и кто вообще мог бы поправить своё здоровье в тысяча восемьсот девяностом году где-то там, в заброшенном местечке под названием Дукор (Минская губерния), где никаких докторов отродясь не было, как у нас говорится, «даже, чтоб разжиться». А если бы даже и были доктора, то у мамы всё равно не нашлось бы, чем заплатить док-

Даниэль Чарни

торам... Лечила меня мама, бывало, слезами и благословлениями («брехес» — благословления). А звали мою маму Браха...»¹

Мать Даниэля Браха Горовиц происходила из потомков великого знатока Торы Иешаяху Горовица, жившего в семнадцатом веке и известного под именем ШЛА Ха-Кадош (Святой ШЛА), по названию главного труда его жизни — книги «Шней лухот ха-брит» («Две скрижали Завета»). Оставшись вдовой, Браха самоотверженно трудилась (семья владела кожевенной лавкой), чтобы не только прокормить пятерых сыновей и дочь, но и дать им хорошее систематическое образование.

Даниэль большую часть жизни провел в больницах, клиниках, санаториях России, Германии, Швейцарии и Соединенных Штатов Америки, однако с самого детства научился не поддаваться болезням, более того — относиться к ним с юмором. Он стремился не терять времени, его всегда видели с книгами и тетрадями. В 14 лет Даниэль покидает родное местечко Дукор (он потом не раз с любовью вспомнит его в своих произведениях и посвятит ему уже упомянутую книгу «В Дукоре») и отправляется в Минск, где уже живут два его старших брата. Но вскоре ему приходится переехать в Вильну (Вильнюс), под наблюдение тамошних докторов. При этом он не прерывает своих занятий, готовясь под руководством братьев сдать экстерном экзамены за гимназический курс. В Вильне братья вводят Даниэля в литературные и политические круги, где он быстро становится своим человеком.

И тут самое время сказать несколько слов о двух его старших братьях. Начнем с Шмуэля Чарни (1883–1955), писавшего под псев-

донимом Шмуэль Нигер. Выдающийся литературный критик, публицист, редактор, он оставил яркий след в идишистской культуре.

Участь в иешиве, Шмуэль стал приверженцем «Хабада», одного из главных течений в хасидизме. Его провозвестником был рабби Шнеур Залман из Ляд, который сочетал в своем учении идеи основателя хасидского движения Баал Шем Това с идеями Каббалы. Однако с переездом в 1896 году в Минск Шмуэль Нигер подпадает под влияние еврейского писателя-публициста и философа Ашера Гинцберга, известного под псевдонимом Ахад-ха-Ам («один из народа»). По утверждению Ахад-ха-Ама, отца «духовного сионизма», индивидуум воспринимает себя как члена двух общностей — своей нации и всего человечества, а идеал иудаизма — это принцип абсолютной справедливости, проявляющийся в «поисках истины в действии» и раскрывающийся в творениях древних пророков. Чистая мораль — суть внутреннее содержание иудаизма, верность которому он сохранил во всех своих исторических превращениях и передал европейской культуре.

Понятно, что отсюда близок путь к идеям русских социалистов, и далее — к партии сионистов-социалистов. Шмуэль Нигер принимает активное участие в нелегальной агитационной деятельности этой партии. Он неоднократно был арестован, подвергался даже пыткам, но продолжал писать революционные прокламации и статьи на иврите и русском языке, а после поражения революции 1905 года перешел на идиш.

Шмуэль Нигер быстро приобрел репутацию незаурядного критика, публициста и редактора. С 1909 года он жил в Берлине, а затем в Берне, где изучал в университете философию и литературу. В 1912 году, вернувшись в Вильну, он работал в ежемесячнике «Ди идише велт», а затем в 1913 году редактировал сборник «Дер пинкес», посвященный различным аспектам литературы на идиш.

После революции 1917 года Шмуэль Нигер редактировал в Москве еженедельник «Култур ун билдунг», 1918 год), а в следующем году в Вильне — ежемесячник «Ди наайе велт». Но в том же 1919 году польские легионеры ворвались в квартиру в Вильне, которую Шмуэль Нигер занимал вместе с двумя другими литераторами. Все трое были арестованы, один из них был расстрелян на месте, а чудом избежавший расправы Ш. Нигер постарался выбраться из Вильны и в 1919 году прибыл в Нью-Йорк. Вскоре он стал членом редколлегии «Дер тог», популярнейшей газеты на языке идиш, где проработал до конца своей жизни. С самого основания в 1925 году ИВО² Ш. Нигер являлся ее сотрудником. В 1954 году он принял

Даниэль Чарни (справа)
и Шмуэль Чарни (Нигер)

участие в редактировании фундаментального издания — «Лексикона новой еврейской литературы» — бесценного собрания сведений о литераторах, писавших на языке идиш. Монографии Шмуэля Нигера о великих писателях на языке идиш, его книги, его еженедельные очерки снискали ему славу одного из наиболее авторитетных литературных критиков своего времени.

Еще один брат Даниэля Чарни — Барух Нахман Чарни (1886–1938). Поэт, прозаик, редактор, литературовед, деятель еврейского социалистического движения, он вошел в историю литературы под псевдонимами Владек Чарни и Б. Владек.

В 1903 году, после кишиневского погрома, Барух Нахман прими-
кнул к организации «Поалей Цион» («Трудящиеся Сиона»), обще-
ственно-политическому движению, сочетавшему политический
сионизм (еврейское национальное движение, цель которого — объе-
динение и возрождение еврейского народа на своей исторической
родине в Эрец-Исраэль) с социалистической идеологией. За свою
деятельность Барух был арестован в Минске. Залог за его освобож-
дение внес Бунд, еврейская социалистическая партия в России. Выйдя на свободу, Барух Нахман Чарни стал активистом этой
партии, организовывал забастовки, пламенно ораторствовал на
митингах, за что и получил прозвище «Второй Лассаль». С конца
1905 года он вел революционную работу в Лодзи, Варшаве, Любли-
не и именно в это время выбрал себе партийную кличку «Владек». В мае 1907 года Владек участвовал в Лондонском съезде социал-
демократов, голосуя вместе с большевистской фракцией.

В эти же годы проявился литературный дар Баруха Нахмана, избравшего идиш языком своего творчества. Он начал с полемичес-
кой публицистики, но в 1907 году варшавские литературные жур-
налы печатают и его первые поэтические опыты.

К концу этого года Барух Нахман переезжает в Америку. Здесь со всей полнотой развернулась его литературная и общественная деятельность. Он начал публиковаться в ежемесячнике «Цукунфт», где напечатал серию очерков, стихи, поэму, драму «Моше Рабейну», рассказы, политические статьи, литературно-критические эссе, биографии известных деятелей. Он также сотрудничал с еврейскими социалистическими изданиями на идиш: «Дер арбетер» (1909, Нью-Йорк), «Идише арбетер велт» (1908–1918, Чикаго), «Дер идишер социалист» и «Ди найе велт» (1915–1918, Нью-Йорк), редактировал газету «Дос театрер-блат» (1910). Барух участвовал также в работе ведущей еврейской газеты «Форвертс», где напечатал множество статей на темы политики и культуры, публикуя их и на идиш, и на английском³. В 1912–1916 годах Барух Нахман Чарни возглавлял местное бюро газеты «Форвертс» в Филадельфии. Там же, в Пенсильванском университете он изучал английский язык и занимался американской историей. С 1916 года жил в Нью-Йорке, стал сначала редактором «Джуиш дейли форвард» (английской модификации газеты «Форвертс»), а с 1918 года — управляющим делами этого издания. В 1917 году под редакцией Владека вышла антология «Фун дер тифениш фун харцн» («Из глубины сердец») — песни борьбы и мужества. В эту книгу были включены фрагменты из произведений на русском, немецком, французском, английском, идиш с краткими комментариями и сведениями о выдающихся деятелях литературы.

Барух Нахман Чарни был одним из активистов еврейского социалистического движения в Америке, в 1918–21 годах избирался членом муниципалитета Нью-Йорка от партии социалистов. С 1920 года он активно боролся против коммунизма и его идей в рабочем движении, против изоляции еврейского рабочего движения, прилагал немало усилий для объединения еврейских рабочих с другими группами населения, выступающими за свои права. В 1936 году Барух Нахман совершил поездку по странам Европы, побывал в Советском Союзе и в Эрец-Исраэль, издал свои очерки об этих поездках. Писал о перспективах еврейских общин в Европе, организовал мощную кампанию против фашизма и нацизма. Владек, как его все называли, активно сотрудничал в Исполнительном комитете ИВО, где успешно работал его старший брат Шмуэль Нигер. Барух Нахман Чарни переводил на идиш и издавал произведения видных деятелей социалистического движения, сотрудничал с социалистическими изданиями на английском и других языках, был убежден в необходимости создания в Америке сильной социалистической партии.

Даниэль Чарни (слева)
и Барух Наехман Чарни
(Б. Владек)

Даниэль был очень привязан ко всем своим четырем братьям и сестре. Книга «В Дукоре» полна светлых семейных воспоминаний. Он пишет и о свадьбе сестры, и о своей детской радости, когда на еврейские праздники Песах и Суккот приезжали домой братья: «двоев из Березина — Мендель и Залке, и эти двое из Минска — Муле и Боне» (Муле — это Шмуэль Нигер, Боне — это Барух Наехман, Владек). В другом месте этой же книги: «...и я, самый младший, чувствовал себя уверенно и уютно в окружении моих четырех крепких, молодых и очень сердечных братьев, принимавших меня с распластанными объятиями и с открытыми сердцами...». И дальше: «...позже, мы, все пятеро братьев, сфотографировались и карточку послали маме...»

Эту фотографию я разыскал в Национальной и университетской библиотеке в Иерусалиме⁴. Там же хранятся снимки Даниэля Чарни с Шмуэлем Нигером и с Барухом Наехманом.

Мы возвращаемся в Литву, в Вильну, где Даниэль, поощряемый братьями, начинает писать лирические стихи, и одно из них в 1907 году публикует в журнале «Винтер блетер» Гирш Давид Номберг, писатель, журналист, политический деятель. А в следующем году виленская газета «Ди цайт» печатает первый рассказ Даниэля, который он подписал «Д. Шерман». В выборе псевдонима не обошлось без хитрой уловки: поскольку все буквы алфавита языка идиш взяты из иврита, а в иврите каждая буква имеет еще и числовое значение, то сумма числовых значений букв, входящих в его настоящую фамилию, равняется аналогичной сумме числовых значений букв его псевдонима. У него были разные псевдонимы: «Лезер» («Читатель»), «Москвер» («Москвич») и другие. На протяжении пятидесяти лет под разными именами Д. Чарни публиковал стихи, рассказы, мемуары,

детские сказки, критические обзоры, переводы. Его печатали периодические издания в США, Вильне, Варшаве, Лодзи, Буэнос-Айресе, Москве. Можно сказать, что практически все печатные издания, газеты и журналы, выходившие на языке идиш по всему миру, предоставляли свои страницы Даниэлю Чарни.

В 1909 году Даниэль переезжает в Вену, но вскоре перебирается в Берн, где проходит лечение в надежде преодолеть свои недуги. Летом 1914 года он возвращается в Россию. После того как разразилась Первая мировая война, Даниэль Чарни много и активно помогал бездомным еврейским семьям, изгнанным царским правительством из районов военных действий в западных губерниях России. В августе 1915 года он прибывает в Москву и организует в Марьиной Роще первый детский дом с преподаванием на языке идиш. Какое-то время Даниэль Чарни работал в московском отделении ОПЕ — Общества для распространения просвещения среди евреев России. Это была крупнейшая культурно-просветительная организация, ставившая своей целью пропаганду и развитие просвещения в еврейских массах, распространение русского языка и приобщение евреев к русской культуре. В 1916 году Д. Чарни переезжает в Петроград, работает в Еврейском комитете помощи жертвам войны. В конце этого года Даниэль призывается в царскую армию, но служба его заканчивается в марте 1917 года, после Февральской революции. Он возвращается в Москву, где становится секретарем «Фолкспартий» («Народной партии») — одной из еврейских политических партий в России. Её программа основывалась на том, что евреи, будучи гражданами различных государств, должны образовывать в них особые национально-культурные единицы с широким кругом деятельности, очерченным законами этих государств. Эта идея, несомненно, хорошо была знакома Даниэлю Чарни: упомянем, к примеру, что Гирш Давид Номберг, впервые опубликовавший стихи Даниэля, был одним из лидеров «Фолкспартий» в Польше. С мая 1918 года Даниэль начинает работать в издательском отделе Еврейского комиссариата, полное название которого — Центральный комиссариат по еврейским национальным делам. Этот комиссариат, являясь правительственным органом советской власти для проведения среди евреев национальной политики коммунистической партии, входил, наряду с другими комиссариатами национальных меньшинств, в Народный комиссариат по делам национальностей, который возглавлял И. В. Сталин. Влиятельные в то время еврейские партии и значительная часть внепартийной еврейской интеллигенции занимали позицию непризнания

советской власти. Лишь считанные еврейские литераторы, среди которых были Даниэль Чарни и его старший брат Шмуэль Нигер, помогали Еврейскому комиссариату издавать его орган — первую советскую еврейскую газету на языке идиш «Ди вархайт», выходившую всего полгода, с марта по август 1918 года. С августа 1918 по февраль 1919 года Даниэль Чарни работает в редакции московской газеты, выходящей на языке идиш, «Эмес», в 1918–1920 годах редактирует московские журналы «Ди комунистише велт» и «Культур ун билдунг». В это же время он печатает в различных изданиях свои стихи и статьи и начинает писать большое автобиографическое произведение «Мишпохе хроник» («Семейная хроника»).

В конце 1922 года Даниэль Чарни, оставив Москву, переезжает в Берлин, под наблюдение местных докторов-специалистов, в надежде побороть свою болезнь. Из Берлина он посыпает в еврейские газеты, издаваемые в разных странах еврейского мира, серию статей о положении евреев в Советской России. К осени 1923 года Даниэль возвращается в Москву, но в конце 1924 года покидает Россию навсегда. Он живет в Берлине, который оставляет через год, пытаясь въехать в Америку. Это ему не удается: иммиграционные власти отказывают ему в визе по состоянию здоровья и, задержав его на знаменитом острове Эллис-Айленд, отправляют назад в Европу. Свои приключения Даниэль Чарни описал в серии очерков «Фун Эйропе кейн Эллис-Айленд ун цурик» («Из Европы на Эллис-Айленд и обратно»), которые публиковала нью-йоркская газета «Дер тог».

Ему пришлось вернуться в Берлин, где он стал сотрудничать с замечательным еврейским писателем Давидом Бергельсоном в основанном им журнале «Ин шпан». В это же время Даниэль работает в Эмигдиректе — организации, созданной в 1921 году и занимавшейся оказанием материальной поддержки евреям, эмигрировавшим из Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы, а также тем германским евреям, которые хотели покинуть страну. Здесь судьба свела Даниэля с Элияху (Ильей Михайловичем) Чериковером. Они совместно редактировали «Ди идише эмиграции», издание, которое выходило под эгидой организации Эмигдирект.

Позволю себе небольшое отступление, посвященное И. М. Чериковеру (1881, Полтава, — 1943, Нью-Йорк). Этот ученый, без труда которого немыслима новая история российского еврейства, первым исследовал сложный комплекс социальных, экономических, культурных, психологических и других предпосылок, определивших непропорционально большое участие евреев с конца XVIII века

в освободительных, революционных и социалистических движени-ях европейских стран. Особой заслугой Чериковера следует считать то, что он собрал и тщательно документировал сведения о самых кровавых и массовых после Богдана Хмельницкого еврейских погромах на Украине 1918-20-х годов. Именно благодаря собранному И. М. Чериковером материалам, которые в 1921 году он сумел вывезти в Берлин, достоверные сведения о трагической судьбе евреев на Украине в годы Гражданской войны стали достоянием широкой общественности. Материалы о погромах, представленные И. М. Чериковером защите на судебном процессе Ш. Шварцбарда, убившего Петлюру (Париж, 1926–27 гг.), и на ряде других процессов, сыграли важную роль в исходе этих процессов. В Нью-Йорке, куда Чериковеру с трудом удалось добраться в 1940 г. из Франции, он стал инициатором, одним из основных авторов и редактором капитального двухтомного труда «История еврейского рабочего движения в Соединенных Штатах» (т. 1 — 1943, т. 2 — 1945).

Весной 1929 года Д. Чарни предпринимает поездку по местам компактного проживания еврейского населения в Польше, Латвии и Литве и публикует в нью-йоркской газете «Дер тог» и других американских и европейских газетах серию статей о положении евреев в этих местах. Одновременно он знакомит читателя в самых отдаленных уголках еврейской diáспоры во всем мире с творчеством новых еврейских писателей, встреченных им во время поездки. Именно поэтому Даниэль Чарни был увенчан титулом «посол еврейской литературы».

В 1934 году, вскоре после прихода Гитлера к власти, Даниэль Чарни вынужден был оставить Берлин. Сначала он прибывает в Ригу, однако при новом полуфашистском режиме Карлиса Ульманиса не смог там остаться. В январе 1935 года он перебирается в Вильну, затем переезжает в Варшаву, откуда был выслан как советский подданный. Наконец, в 1936 году Даниэль Чарни добирается до Парижа, где сотрудничает с различными еврейскими организациями.

В 1938 году, в связи с 50-летием Даниэля Чарни и 30-летием его творческой деятельности, были организованы в ряде стран «Комитеты Даниэля Чарни». Центральным юбилейным комитетом была издана в Париже «Даэиэль Чарни Бух» («Книга Даниэля Чарни»), включавшая более 80 статей еврейских литераторов, посвященных различным аспектам творчества писателя. Редактировал книгу Моше Шалит.

Моше Шалит — публицист, литературный критик, историк, педагог, знаток языка идиш. Какое-то время он, как и Даниэль Чар-

ни, сотрудничал в Берлине с организацией Эмигдирект. Судьба его сложилась трагически. С приходом немцев евреи Вильны просили Моше Шалита, пользовавшегося огромным авторитетом в еврейской общине, стать во главе юденрата. Шалит отказался: «Мои антинацистские взгляды хорошо известны, и нацисты возьмут меня одним из первых...» Увы, он оказался прав: 29 июля 1941 года Моше Шалит был расстрелян в Понарах.

Моше Шалит, опытный редактор и талантливый организатор, выпустил книгу, где выверено каждое слово. Открывается она коротким, на полторы странички, эссе Баруха Нахмана Чарни, которое он посвятил своему младшему брату, назвав это эссе «Доня» — так по-домашнему называли Даниэля мама и братья. Четыре абзаца завершаются двумя строчками: «Доня, что за великое чудо ты собою являешь, и до чего же велик наш Бог, который есть у нас, который и сотворил это чудо». Увы, к моменту выхода книги в свет Баруха Нахмана уже не было в живых...

Юбилейный сборник составлен на редкость удачно, с прекрасным справочным аппаратом, с описанием — в самом конце — юбилейного вечера в Париже, посвященного Даниэлю и состоявшегося 8 октября 1937 года в зале «Монте-Карло» на Елисейских полях.

Сам Моше Шалит написал емкую статью «Жизненный путь Даниэля Чарни», высоко оценивая вклад юбиляра в литературу и культуру на языке идиш. В сборнике есть и еще одна публикация Моше Шалита, посвященная Даниэлю Чарни — «Кусок еврейской жизни прошлых времен». В разделе «Стихи в подарок» выступают первоклассные поэты того времени, среди них — Ицик Мангер и Х. Лейвик, которого, кстати, «открыл» и ввел в литературу Барух Нахман Чарни, когда в Филадельфии в 1912–16 гг. он заведовал филиалом газеты «Форвертс». В этом же разделе — стихи Авраама Рейзена, новеллиста, журналиста, поэта и переводчика (в том числе и с русского на идиш произведений Л. Н. Толстого и В. Г. Короленко).

Младший брат Авраама Рейзена (иногда пишут «Рейзин»), Залман Рейзен, представлен в юбилейном сборнике статьей «Даниэль Чарни в Вильне» — о виленском периоде жизни юбиляра, которого, разумеется, Залман отлично знал. Особо отмечал он мемуарную книгу Даниэля Чарни «Блете фун лебн» («Страницы жизни»): «Эта мемуарная книга — ключ не только к пониманию личности Даниэля Чарни, но это возможность познать целую нашу эпоху, столь богатую, столь многокрасочную, с ее мечтаниями, иллюзиями, разочарованиями, но и наполненную практическими делами и свершениями»...

Стоит сказать чуть подробнее о самом Залмане Рейзене, историке литературы, блистательном переводчике с европейских языков на идиш (в том числе — «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского), а главное — составителе двух уникальных книг: «Лексикон еврейской литературы и прессы» (1914 год) и «Лексикон еврейской литературы, прессы и филологии» в четырех томах (1926–1929, Вильна). Этот феноменальный ученый, живший в Вильне, был арестован в 1939 году, с приходом туда советских войск, и следы его теряются... А здесь его следует упомянуть еще вот почему: удивительно переплетаются судьбы еврейские. Старший брат Залмана Рейзена посвящает стихи Даниэлю Чарни в честь его юбилея, а старший брат Даниэля — Шмуэль Нигер, выпускавшая вместе с доктором Яаковом Шацким (кстати, тоже одним из авторов юбилейного сборника), первый том упомянутого выше фундаментального труда «Лексикон новой еврейской литературы», посвящает этот том светлой памяти Залмана Рейзена, отмечая в посвящении и два его уникальных лексикона.

Из многочисленных авторов юбилейной книги, посвященной Даниэлю Чарни, упомянем, пожалуй, еще двоих. Марк Шагал, великолепно знавший идиш, написал краткое признание в любви к Даниэлю «Фарвос хоб их либ Чарни?» («За что я люблю Чарни?») Начал он так: *«За что я его люблю? За то, что видится мне тихий мальчик, когда-то ходивший по улицам в одиночку, а иногда — и со своими братьями... Он ходит по тем самым улицам, которые были и моими улицами в моем местечке и которые ночью будят меня от сна. За то, что и я когда-то был таким тихим мальчиком и со страхом глядел на маленьких девочек и на луну. Я люблю Даниэля Чарни за его спокойствие, иногда — грустное, иногда — с улыбкой...»* А закончил Марк Шагал так: *«Я бы пожелал своему другу Даниэлю Чарни, чтобы он спокойно и красиво шел дальше своею дорогой, со своим талантом, который получил он от своей матери».*

Сам юбиляр во втором разделе поэзии, включенной в сборник (первый раздел — это стихи, написанные в честь юбиляра, а второй — подборка поэтических произведений самого Даниэля Чарни), публикует посвященное Марку Шагалу стихотворение под названием «Шванен-лид», что можно перевести и как «Песнь лебедя» и как «Лебединая песнь» — со всеми вытекающими аллюзиями. Вот начало этого стихотворения:

«Цвей шварцен шванен швимен
Ин зее азой геласн...»

«Два черных лебедя плывут
По озеру так спокойно...»

Стихи написаны еще в 1913 году в Женеве - дружба двух замечательных уроженцев Белоруссии была давней, прошедшей испытание временем.

А старший брат юбиляра, Шмуэль Нигер, написал всего четыре коротких абзаца, сердечных и полных юмора. Вот последний из них: «*Я с удовольствием написал бы о книге Даниэля Чарни “В гору”, но могу ли я быть уверенным, что из этой “семейной хроники” не возникнет “семейная критика”?*»

Итак, Даниэль Чарни в Париже, и Марк Шагал пишет: «*Я желаю Даниэлю Чарни чувствовать себя в Париже так, как в Вильне. Но надо сказать правду: это очень тяжело...*».

Обжиться в Париже Даниэлю не удалось. Было ясно, что начавшаяся Вторая мировая война погонит его дальше. Он направляется в Америку, и на этот раз ему удается там остаться.

В апреле 1941 года Даниэль Чарни, добравшись до Нью-Йорка, сразу же включается в литературно-общественную работу, избирается секретарем Объединения писателей на идиш имени И. Л. Переца. Обуважении, которым пользовался Даниэль Чарни в среде коллег-писателей, свидетельствует и его пребывание на посту секретаря Еврейского ПЕН-клуба (1946–1947), и то, что он многократно избирался секретарем жюри Фонда имени Луиса Ламеда, присуждавшего престижные литературные премии еврейским писателям. В периодической печати на языке идиш Даниэль Чарни ведет ежемесячные литературные колонки.

Последние двенадцать лет жизни Даниэль Чарни вынужден провести в лечебных учреждениях, почти не покидая их⁵. Однако он не поддается болезни и до последних дней не прекращает своей литературной деятельности.

Даниэль Чарни оставил после себя значительное литературное наследство. Прежде всего, остановимся на его мемуарных произведениях, которые он писал всю жизнь. Они не только обладают несомненными художественными достоинствами, но и являются бесценным источником литературно-исторических сведений и фактов целой эпохи в литературе на языке идиш. Масштабный мемуарный труд «Семейная хроника» состоит из четырех частей: «Детские годы», «В гору (Страницы жизни)», «Хроника партии» и «Вот такое десятилетие». Четвертая часть вышла в 1943 году в Нью-Йорке и повествует о последних десяти годах, проведенных Даниэлем в

России. Эта книга была удостоена премии Фонда Луиса Ламеда. В 1947 году в Мексике вышла книга «Ойфн швел фун енер велт — типи, билдер, эпизоди, лидер» («На пороге того света — типы, картины, эпизоды, стихи»), в которую вошли произведения, созданные в 1907—1946 годах. В 1948 году эта книга удостоилась премии имени Цви Кеселя. В 1930 году в выходившей в Ковпо газете «Фольксблат» Даниэль Чарни печатал роман с продолжением под названием «Ди велт из кайлехдик» («Мир шарообразный»); это произведение вышло отдельным изданием в Нью-Йорке в 1963 году, уже после смерти автора.

Особое место в творчестве писателя занимают детские книги, оригинальные и переводные: «Ди фаркишуфте кречме» («Заколдованная корчма»), «Дер голд-дурштикер кесар» («Царь, вожделеющий золота»)⁶, «Ви азой их кумт ди ливуне» («Как восходит луна»), «Ди фаркишуфте бас-малке» («Заколдованная принцесса», по мотивам сказок братьев Гримм), «А мейделе, вос гератевет а цуг» («Девочка, которая спасла поезд», перевод книги известного итальянского писателя Эдоардо де Амичиса (1846—1908) и около десятка других названий.

Много внимания уделял Даниэль Чарни переводческой деятельности. Назову лишь две его работы: «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса, вышедший в Вильне в 1906 году, и книгу Бориса Савинкова (В. Роппина), в переводе на идиш получившую название «Эмигранты» (по-видимому, это сборник рассказов об эмигрантах, написанных Б. Савинковым в 1925 году в Москве, в тюрьме на Лубянке).

Стихи Даниэль Чарни писал всю жизнь. Первый поэтический сборник «Лайхте ферзн» («Простые строфы»), включавший стихотворения 1908 - 1918 годов, вышел в Риге в 1925 году. В 1929 году в Берлине выходит следующий сборник. На идиш он называется «Унтервегс» — перевести это название на русский можно по разному: «Дорогою», «Попутно», «Мимоходом» — все в этом одном слове на идиш. В Париже в 1950 году Даниэль Чарни выпускает сборник стихов «Лидер» («Стихи»). А в 1952 году в Нью-Йорке выходит книга «Либер-флексен» («Рефлексы любви»), собравшая стихотворения 1907—1952 годов. Это был последний поэтический сборник, увидевший свет при жизни автора.

Значительная роль Даниэля Чарни как переводчика на идиш мировой поэзии: А. Пушкина, М. Лермонтова, Г. Гейне, П. Верлена, Анакреона. Мне удалось обнаружить стихотворение «Дер вандерер»

(«Странник»), с припиской «Фун Нитше» («Из Ницше») и указанием места, где выполнен перевод — Берн. Напечатано это стихотворение Даниэля Чарпи в ежемесячнике «Дос пайе лебп», издававшемся в Нью-Йорке Хаймом Житловским, видным публицистом и убежденным поборником литературы и культуры на языке идиш. В этом ежемесячнике Даниэль Чарпи печатал и другие свои переводы из мировой поэзии.

Весьма примечательна и антология поэтических переводов «Фремдс» («Чужое»), изданная Даниэлем Чарни в Москве в 1918 году. Эта антология имеется в Национальной и университетской библиотеке в Иерусалиме. Саму книгу на руки не выдают, но микрофильм этого издания можно получить. Читать эту удивительную антологию можно без конца, узнавая знакомые строки, которые помнятся в их русском звучании. Прямых указаний на то, что многие произведения в этой антологии переведены Даниэлем Чарпи, в этом микрофильме нет. Но есть косвенные этому свидетельства, например, выдержка из списка литературных работ, который напечатан в упоминавшейся выше юбилейной книге: «Переводы: стихи Лермонтова, Пушкина, Гейне, Ницше, Верлена, Анакреона — антология “Фремдс”, издательство “Хавер”, Москва, 1918 г.» Подобный же абзац имеется в биографии Даниэля Чарни, которая напечатана в «Лексиконе новой еврейской литературы».

В «Слове к читателю» издатели антологии так определяют свою задачу: донести до еврейского читателя богатство мировой поэзии. И действительно, подбор авторов великолепен! Здесь и Эдгар По, и Гейне, и Бодлер, и Словацкий. Но «главные» поэты — русские. Пушкин представлен широко, есть фрагменты «Полтавы», «Евгения Онегина» (при этом соблюдена даже «онегинская строфа»), «Кавказ» и другие стихотворения. Но более всего, по-моему, повзло Лермонтову. Переводы его стихов количественно занимают, пожалуй, не меньше места, чем стихи Пушкина.

Здесь стоит сказать несколько слов о переводах М. Ю. Лермонтова на иврит и идиш. Этот поэт пользовался особым вниманием еврейских переводчиков, и многие из них состязались в переводе одних и тех же его стихов, подобно тому, как переводчики Шекспира на русский неоднократно переводили знаменитый 66-й сонет. Так вот, мне известно четыре перевода на иврит «Выхожу один я на дорогу», три перевода «Паруса» на иврит, два перевода «Паруса» на идиш. Приведу транскрипцию перевода «Парус» на идиш из антологии, изданной Даниэлем Чарни:

Дер зегел

А вайсер зегел трогт зих эйнзам,
Ин блоеен той фун ям ун ройм
Вос зухт эр ин дер вайтер гегент?
Вос кумт эр мер нит ин зайн хейм?

Эс файфт дер винд, ди велен шпилен,
Дер маастбайм крехт ун райст ди штрик...
О, нит фун глик из эр антлойфи Увы!
Ун нит эр лойфт ацинд пу глик.

А зилбер штром баглейт им унти,
Ди голдене зун — шайн дект им цу...
Нор эр ин умру зухт дем штурм,
Ви с волт ин штуррем зайн ди ру...

Парус

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..

Играют волны, ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит.
Он счаствия не ищет
И не от счаствия бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

Более пятидесяти лет прошло со дня смерти Даниэля Чарни. Неизвестно изменился еврейский мир. Уже нет блестательных изданий на идиш. Уходят последние представители поколения носителей этого языка — немногие оставшиеся после того, как Гитлер уничтожил большинство тех, кто читал на идиш, а Сталин — тех, кто писал на нем.

Но у нас, в Израиле, еще живы поэты, творящие на идиш, и нигде он не звучит так прекрасно. Не зря старший брат Даниэля, Шмуэль Нигер еще в 1941 году в своей работе «Ди цвейштракхикейт фун унзер литератур» («Двуязычие нашей литературы») утверждал, что двуязычие (иврит и идиш) является давней еврейской традицией, и что в новое время именно *оба языка* являются основой еврейской литературы.

¹ Здесь и далее перевод с идиш на русский — автора.

² ИВО (YIVO) — ипт-т евр. исследований, междунар. евр. организация, осуществляющая исслед. евр. истории и культуры. Основана в 1925 г. в Вильно, с филиалами в Берлине, Варшаве и Нью-Йорке. О-ва друзей ИВО действовали во многих странах. В 1940 г. америк. филиал ИВО взял на себя функции центр. отделения, и в паст. время является единственным действующим подразделением этой организации.

³ В настоящее время это издание, основанное в 1897 году и бывшее ежедневным до 1982 года, выходит в виде трех еженедельников: на идиш, английском и русском.

⁴ Автор выражает глубокую благодарность сотрудникам библиотеки Кохаве, Х. Леви и М. Геллеру за помощь в нахождении и получении ряда материалов, использованных в данной статье.

⁵ Сначала он находился в рабочем санатории для туберкулезных больных в Либерти, Нью-Йорк, а последние неск. лет — в санатории г. Бостона, где и умер в 1959 г.; похоронен в Нью-Йорке.

⁶ Это произведение было напечатано в 1917 году, когда Даниэль Чарни, возвратившись в Москву после Февральской революции, увлеченно занимается политической деятельностью, став секретарем «Фолкспартий».

Юлия Сазонова (Слонимская) в Америке (1942–1955)¹

Кит Триббл (*Оклахомский гос. университет, СПА*)

Актриса, танцовщица, журналистка, театральная, балетная и литературная критикеса, директриса кукольных театров, преподавательница, писательница широкой эрудиции, блестящая собеседница — Юлия Леонидовна Сазонова-Слонимская принадлежит к числу ярких имен русской культуры первой половины XX века. Однако это имя, забытое на долгое время², до сих пор не признано в полной мере³. О Сазоновой писал в дневнике ее друг и спутник жизни Николай Миллиоти: «Ю. Л. С[азонова] мой друг долгих дружеских годов скитаний и парижской зрелой жизни, еврейка, не терпящая евреев, много страдавший чудесно умный, замечательно глубокий человек, мать милого Мити»⁴. За пять лет до ее смерти Миллиоти назвал ее, наряду с Зинаидой Гиппиус и Тэффи, одной «из 3-х умнейших женщин русской эмиграции»⁵. Ростислав Добужинский, тринадцатилетним юношей ходивший на кукольный спектакль четы Сазоновых, до конца жизни хранил яркие воспоминания о виртуозности и пышности представления⁶.

Старший брат Сазоновой, критик и пушкинист Александр Слонимский, так вспоминает ее жизнь в Петербурге в начале века: «Дитя⁷ была блестящей хозяйкой литературного салона, где собирались лучшие представители театра и литературы». В их числе, — если верить словам ее сына Д. П. Сазонова, — были Осип Мандельштам и Александр Блок, причем последний настолько увлекся хозяйкой, что Петр Сазонов отказывался оставлять их наедине⁸.

Причины забвения, которому история предала имя Ю. Л. Слонимской, понять нетрудно. Четыре книги, которые она опубликовала, не переиздавались и стали библиографической редкостью; еще две книги, написанные ею, вообще не появлялись в печати — их выходу помешала Вторая мировая война. Статьи и рецензии, написанные Сазоновой на русском, болгарском, польском, французском, итальянском и английском языках, разбросаны по всему западному миру, и только их полное собрание в научно подготовленном издании восстановит ее имя в истории культуры XX века. Ее произведения, написанные в эмиграции, не упоминались в России до самой перестройки. О статьях, напечатанных до эмиграции, иногда вспоминали (особенно статью об Островском), но все они были опубликованы под ее девичьей фамилией, а в эмиграции она пользовалась фамилией мужа. Ее часто путали с балетоведом Ю. Л. Слонимским,

который даже не был ее родственником. Настоящий внутренний мир Сазоновой открывается только при чтении ее большого, до сих пор почти незнакомого читателям⁹ эпистолярного наследия¹⁰.

Но были и другие причины. Обосновавшись в Париже в середине 20-х годов после безуспешной попытки зарабатывать на жизнь своим кукольным театром, Сазонова далеко не сразу получила признание в качестве литератора. А наиболее авторитетным балетным критиком она стала только после смерти Левинсона и Светлова, но и то не для всех — Георгий Иванов, бывший сотрудник по петербургскому кукольному театру, с презрением называл ее «Терапиантц в юбке»¹¹.

Эмигрантские издания платили плохо, а ее знание французского языка не было безупречным. Только щедрость близких друзей — четы Шлётцеров¹², регулярно редактирующих ее франкоязычные тексты, позволяла Сазоновой занимать заметное место во французском литературном мире.

Ю. Л. Сазонова родилась в С.-Петербурге 19 сентября 1884 г.¹³ (а не 1887 г., как часто пишут). Семья Слонимских проживала на Васильевском острове, 2-я линия, 11. Следуя примеру своей тети, пианистки и педагога Изабеллы Венгеровой¹⁴, Сазонова по приезде в Америку уменьшила свой возраст из опасения, что из-за него ей не найти хорошую работу в новой стране. Ее опасения оправдались. Именно из-за возраста ее научный руководитель в Колумбийском университете Э. Д. Симmons отказался рекомендовать Сазонову на должность преподавателя университета. После смерти матери Д. П. Сазонов настаивал на том, что она родилась в 1887 г., и именно эту дату написали на деревянном кресте на русском кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа¹⁵.

Как и всех ее братьев, Слонимскую крестили по христианскому обряду, принятому родителями для получения права на жительство и работу в столице. Юлия узнала о своем еврейском происхождении только в 15 лет.

Страсть к театру проявилась у Слонимской в отрочестве, во время летних каникул на даче в Сакуловке. Здесь она часто выступала в любительских спектаклях. Сохранилась любительская фотография 1903 г., на которой она танцует тарантеллу в драме «Нора» Ибсена. Решающую роль в профессиональном и личном развитии Слонимской сыграли ее тети Зинаида и Изабелла Венгеровы. Для Нового театра Л. Б. Яворской Зинаида Венгерова переводила на русский пьесы современных английских драматургов, включая Бернарда Шоу. Это она познакомила племянницу с директором театра, князем Бо-

рятинским, оставшимся ее другом в долгие годы парижской эмиграции. Поступив в труппу театра, она познакомилась и со своим будущим мужем — молодым актером П. П. Сазоновым.

Впервые Слонимская стала печататься не в «Аполлоне» или «Речи», как пишут, а в петербургской газете «Слово»¹⁶, в которой давно появлялись литературные фельетоны ее тети З. А. Венгеровой. С мужем она основала первый профессиональный литературный кукольный театр в России, открывшийся 15 февраля 1916 г.¹⁷

В Ялте в 1920 г. она влюбилась в стройного и красивого художника-мирикунстника Николая Миллиоти. В Софии в 1921 г. родился их сын. Вторая мировая война застала Сазонову в Биаррице. На следующий день после вторжения гитлеровских войск во Францию она уехала в Лиссабон. Сазонова была командирована в Португалию издателем журнала «Ревю мюзикаль» для написания серии статей о местном фольклоре и народном танце. Вопрос о спонсорстве для двух беженцев (Юлии Леонидовны с сыном) взволновал их американских родственников. Но к этому времени Изабелла Венгерова уже поручилась за свою сестру Зинаиду, эмигрировавшую в Америку в 1937 г., а Николай Слонимский в 1938 г. пригласил к себе в Бостон мать. В июне 1941 г. Зинаида Венгерова скончалась, и Изабелла Афанасьевна оказалась без иждивенцев. Она и поручилась за племянницу с сыном. А М. С. Цетлина и певец Максим Каролик¹⁸ собирали для них средства на билеты в Нью-Йорк.

В первые дни после приезда (30 июня 1942) они жили на квартире Изабеллы Венгеровой. Дмитрий устроился на сезонную работу на ферме, основанной А. Л. Толстой. А в апреле его, недоучившегося в школе, призвали в американскую армию. Во время его службы мать в связи с малообеспеченностью и пожилым возрастом получала пенсию. Увольнение Дмитрия из армии с положительной характеристикой дало ему возможность учиться в вузах за государственный счет, а Семен Либерман заплатил за учебу Дмитрия в Миллеровской школе бизнеса.

Писательница скоро окунулась в бурлящую культурную жизнь русского Нью-Йорка. Издательство «Нового русского слова» предложило ей печатать по два фельетона в неделю за пять долларов. В течение тринадцати лет статьи Сазоновой на страницах газеты отражали широкий диапазон ее интересов: русская литература (журналы «Новоселье» и «Новый журнал», Тредиаковский, М. Ильин, Симонов, Цветаева, М. Цетлин), балет (Петипа, Р. Пти, Б. Романов, Спесивцева, Туманова), композиторы (Гартман, Гречанинов),

Ю. Сазонова танцует тарантеллу
в пьесе Ибсена «Нора»
(Сакуловка, 1903)

антрепренер Юрок, артистка Балиева, режиссеры (Немирович-Данченко, Комиссаржевский), художники (Добужинский, Шагал), японский театр «Кабуки», кинематограф, марионетки, открытие Америки русскими. Сазонова изредка писала и на политические темы (Гитлер, вступление Красной Армии в Польшу, политические эмигранты). Она также публиковала огромное количество рецензий на театральные спектакли, концерты пианистов, скрипачей, певцов, хора Донских казаков, балеты Баланчина и Лифаря¹⁹. На страницах «Нового журнала» появились ее воспоминания о посещении Р. М. Рильке ее парижского театра марионеток, ее статьи о философии В. Соловьеве, некогда написавшем четверостишие в ее девичьем альбоме. В «Новоселье» она опубликовала статьи о С. Ковалевской, балете, искусстве, беллетризованные путевые заметки. Летом 1944 г. переводила тексты с английского для «китайского» номера «Новоселья».

В 1943 г. Сазонова занялась редактированием, сокращением и у устройством в нью-йоркской прессе очерков своей матери Фаины Слонимской. Первая публикация появилась за несколько дней до смерти матери в январе 1944 г.

Сазонова нередко выступала с докладами. В ноябре 1942 г. она прочла лекцию о Франции («Конец перемирия») в клубе «Горизонт». На вечере «Новоселья» в марте 1943 г. в ее «насыщенной содержанием речи» о «Душе Петербурга» «духовно-культурный облик Петербурга ожил перед глазами слушателей»²⁰. В мае 1943 г. она выступила с докладом о Немировиче-Данченко в клубе Общества приехавших из Европы. На вечере памяти И. А. Бунина (12 февр. 1954 г.) она прочла лекцию, подвергшуюся резкой критике И. Л. Тартака²¹.

Но завоевание русского Нью-Йорка удовлетворяло Сазонову не полностью. Русскоязычные издания платили такие крошечные гонорары, что на первых порах ей пришлось подрабатывать уроками русского языка. Сазонова пыталась проникнуть в англоязычный культурный мир. Во Франции ей помогали знание французского языка с детства и постоянная помощь Бориса Шлётцера и его жены-француженки. Хотя до войны Сазонова опубликовала одну статью на английском языке (о Станиславском /1939/), всерьез она взялась за английский по приезде в Нью-Йорк. В 1943 г. ей удалось устроить иллюстрированную статью о португальском фольклоре и танце в англоязычный журнал «Дэнс». Она также занялась переводом на английский более полной версии статьи об облике немца в русской литературе, опубликованной сначала в «Новоселье». Статья появилась в 1945 г. в академическом «Американском славянском и восточно-европейском вестнике».

Кармелитой Чейс Хинтон в 1935 г. была основана прогрессивная частная школа на ферме в маленьком вермонтском городке Патни. В школе стремились к выявлению индивидуальности, развитию академической свободы, ответственности перед обществом, поощряли искусства. Все учащиеся работали на ферме. После начала войны в школе появились преподаватели из Европы. Летом 1944 докторант Евгений Москов и дружившая с Сазоновой преподавательница Колумбийского университета порекомендовали Юлию Леонидовну в качестве лектора по русскому языку в школе Патни. Сазонова в течение 10 месяцев прочитала четыре курса лекций — три по французскому и один по русскому языку. К этому добавились вечерние занятия кукольным театром. Биограф основательницы школы Патни пишет, что «следуя собственному вдохновению, Хинтон часто нанимала преподавателей-неофитов с уверенностью в том, что опыт необычной жизни можно обратить в умение преподавать»²². Сазонова оказалась в числе таких удачных находок Хинтон. В 1944-45 гг. она жила в пансионате, а 1945-46

гг. снимала комнату в доме Брета Гарта (внука известного американского писателя).

Одна из учениц вспоминает пышный облик Сазоновой, ее длинные широкие юбки, ее косу серо-стального цвета. В школе царил принцип равенства, и ученики обращались к преподавателям по имени, но при обращении к ней всегда говорили «мадам Сазонова».

Первый спектакль организованного ею кукольного театра был показан перед рождеством 1944 г. А весной 1945-го был поставлен в кукольном исполнении спектакль «Руслан и Людмила» Пушкина в сопровождении музыки к одноименной опере Глинки, которая звучала с грампластинки. Балюстраду оклеили декоративным штотом. Ученики очень старались, и кукольный театр вновь стал ей интересен. Ставили также инсценировку «Рип ван Винкль» по повести Вашингтона Ирвинга²³. Макфарлин, основатель ежегодного журнала «Паппетри», опубликовал интервью с Сазоновой. В нем рассказывается о ее первом театре в Петербурге, Парижском театре и его турне по Голландии, о спектаклях в Патни.

Культурную жизнь в школе обогащали и другие мероприятия, наверняка подсказанные Сазоновой: выступление кукольного театра Уилкинсонов, фильм «Александр Невский»²⁴.

Окончив курс стенографии, Дмитрий Сазонов в 1944–45 г. преподавал французский язык в школе Патни, после чего поступил в колледж Миддлбери, где специализировался по французской литературе. В 1945 г. Михаил Фейер²⁵ основал русскую школу при колледже. Здесь Сазонова выступила с двумя лекциями о кукольном театре и столь успешно прочла курс лекций по театру, что получила приглашение издать его. Летом 1947 г. она там же вела занятия по сочинению на русском языке.

К этому времени Сазонова поняла, что не сделает ни шагу в интеллектуально-академическом мире Америки без высшей ученой степени от американского университета. В последнее время в России и за рубежом появились упоминания о преподавании Сазоновой в Колумбийском университете с 1942 г. по 1955 г. и о получении ею докторской степени. На самом деле Сазонова читала там лекции всего три семестра в 1946–47 гг., а ученой степени так и не получила.

Летом 1945 г. Сазонова поступила в педагогический колледж при Колумбийском университете, где изучала фонетику и сочинение на английском языке. Она записалась также на курсы преподавания иностранных языков в школе и впервые выступила с лекцией на английском языке, но не в качестве преподавателя, а как пригла-

шленный лектор. В своем выступлении она рассказала о русских женщинах, об их роли в войне, борьбе за равноправие, о Софье Ковалевской. За двухчасовую лекцию ей заплатили пять долларов. Летом 1946 г. Сазоновой, уже имеющей двухлетний опыт преподавания в Вермонте, предложили должность преподавателя русского языка на кафедре восточно-европейских языков Колумбийского университета. Она читала лекции и проводила занятия со студентами три раза в неделю. Ее контракт был продлен на осенний (1946/47) и весенний (1947 года) семестры, когда она занималась с двумя группами начинающих студентов. Этим ограничилась ее официальная деятельность в качестве преподавателя Колумбийского университета, хотя она продолжала иногда выступать с лекциями, особенно на занятиях ее приятельницы Елены Могилат. Заведующий кафедрой Э. Д. Симмонс объявил ей, что ее возраст исключает возможность предоставления ей постоянного места лектора. Сазонова умоляла его разрешить ей преподавание даже по самой низкой ставке, но он не мог нарушить университетские правила.

Весной 1947 г. Марк Слоним, коллега Сазоновой по «Новоселью», привез ее в колледж «Сара Лоуренс» в пригороде Нью-Йорка Бронксвиле. Президент колледжа предложил ей годовой оклад в 1200 долларов за курс занятий по русскому языку, однако интерес к русскому языку у студентов был не велик, и 8 марта 1948 г. президент сообщил Сазоновой, что не может продлить ее работу на следующий год. К этому времени Сазонова уже заключила выгодный контракт на издание книги, работе над которой она и решила посвятить все свое время. Таким образом, если не считать нескольких лекций, прочитанных Сазоновой в Колумбийском университете в последующие годы, ее педагогическая карьера завершилась весной 1948 г. Но она оставалась при университете в качестве аспирантки кафедры славянских языков. В течение 1947–49 гг. Сазонова посещала лекции по славянской филологии, русской литературе, английскому и польскому языкам; за эти курсы она получала хорошие отметки.

В мае 1949 г. Сазонова получила от Симмонса извещение об исключении ее из университета. При сдаче экзаменов по немецкому и польскому языкам для получения докторской степени у нее были сложности, и последний экзамен по специальности русская и польская литература она сдала только в декабре 1952 г. , что дало ей право писать докторскую диссертацию.

Согласно некоторым источникам, Сазонова защитила в Колумбийском университете диссертацию по Мицкевичу, но на самом деле

диссертацию она не закончила, а ее тему меняла несколько раз. В своем конспекте диссертации о Тредиаковском она пишет: «Стихи Тредиаковского, незаслуженно отвергнутые, являются первым опытом беззаботной светской поэзии». Тему диссертации о Тредиаковском Сазонова затрагивает в переписке с Якобсоном. Кому не понравилась эта тема — Симмонсу или Сазоновой — неизвестно. Но в 1953 г. писательница представила заведующему новый план: «Сумароков и его роль в создании и развитии русского театра». По мнению Сазоновой, Сумароков «пользовался классической формой, но наполнял ее своим содержанием». Напечатанный на пяти страницах план имеет более академическую форму, чем предыдущий.

В некрологе, посвященном Сазоновой, Сергей Лифарь написал, что она защищила диссертацию о Мицкевиче. По-видимому, она в третий раз поменяла тему, хотя точных доказательств этому нет. В 1951 г. Сазонова опубликовала статью о Мицкевиче. Учась в Колумбийском университете, она подружилась с основателем (в 1942 г.) Польского института в Нью-Йорке Ю. Крыжановским. Д. П. Сазонов пишет: «Мама знала польский язык и написала такую диссертацию о “Pan Tadeusz” Мицкевича, что специалист по польской литературе покойный — мама об этом знала и глубоко жалела — профессор Kridl даже обомлел, отнесся с раздражением и ревностью»²⁶.

В 1947–49 гг. Сазонова слушала лекции Р. О. Якобсона в Колумбийском университете. Якобсон прибыл в Нью-Йорк 4 июня 1941 г., а в 1942 г. был назначен профессором во французском университете (Вольной школе высших исследований). Это были бурные, опьяняющие дни в интеллектуальном мире Нью-Йорка. Именно здесь в годы войны получил дальнейшее развитие структурализм. С 1933 г. в школе преподавало немало беженцев, в с начала сороковых годов в их число вошли Борис Миркин-Гецевич и Александр Койранский²⁷. В 1943 г. президент колледжа Суартмор назвал школу «первым значительным вкладом Гитлера в американское образование».

Якобсон был назначен лектором сравнительной лингвистики в Колумбийском университете в 1943, профессором — в 1945, а с 1946 занимал кафедру чешских исследований им. Томаша Масарика. Лекции Якобсона проходили в почти театральной обстановке, на них приходило много русских эмигрантов, не связанных с университетом. До приезда в Нью-Йорк Сазонова не была знакома с Якобсоном. С ним был знаком ее старший брат Александр Слонимский, в свое время близкий к группировке ОПОЯЗ²⁸. Сазонову с Якобсо-

ном, вполне вероятно, познакомила С. Прегель, редактор «Новоселья», где была опубликована одна из первых его работ, написанных в Америке²⁹.

В поисках заработка Сазонова предприняла новую серию походов в американский культурный мир. В сентябре 1946 г. по рекомендации Колумбийского университета Сазонова получила приглашение на работу из Организации Объединенных Наций. Однако в архивах ООН не содержится никаких упоминаний о Сазоновой; возможно, что она вообще там не приступала к работе. Она работала в «Голосе Америки» с момента открытия русского отдела в Нью-Йорке в 1948 г. Писала тексты передач о Лифаре, Якобсоне, славянском отделе в Колумбийском университете.

К этому времени Сазонова уже заключила контракт о книге по истории русской литературы с американским издательством Э. П. Даттон, где редактором был ее давний друг Николай Вреден. Осенью 1946 г. Сазонова подала заявку на стипендию фонда Джона Саймона Гуггенхайма. Рекомендательные письма в поддержку заявки подписали Кармелита Хинтон, проф. Борис Бахметьев и Елена Могилат. План заявки был озаглавлен амбициозно: «История русской литературы с древних времен до наших дней (включая древнюю устную литературу и фольклор)». Сазонова заявила, что предполагаемый объем работы составляет «тысячу страниц или больше» и что несколько глав уже написаны. Сохранившийся план, написанный по-английски на девяти машинописных страницах, дает представление о большом труде. В дальнейшем первая часть его была опубликована Чеховским издательством в 1955 г.

В описании грандиозной и смелой работы сказывается семейная традиция Слонимских-Венгеровых (огромный словарь русской литературы, составленный дядей Сазоновой Семеном Венгеровым, многотомные музыковедческие словари под редакцией ее брата Николая Слонимского). Она писала: «Цель книги заключается в создании в ясной и яркой манере, на основе точного научного знания, самой полной и добросовестной картины развития русской литературы в связи с русской культурой и историческими условиями в России, а также в описании основных черт, характеризующих русскую литературу и русских писателей. Автор дает собственную интерпретацию литературных событий и определение целей литературных произведений. Эта интерпретация представлена на основе личного исследования. Книга написана не только для ограниченного круга университетских студентов, но и для более широкого круга культурных читателей».

Запланированный труд Сазоновой начинался с устной поэзии, мифологии, былин и их влияния на русскую литературу и музыку, включал языческие и христианские песни, жития святых, «Задонщину», сатиры Кантемира, поэзию Тредиаковского, драматургию Сумарокова, творчество поэтов и писателей XIX–XX вв. Последние главы посвящались основным авторам русского зарубежья, разным эпохам советской литературы и ее целям³⁰.

Получение гранта от Фонда Гуггенхейма освободило бы Сазонову от необходимости писать еженедельные фельетоны в газетах (за гроши) и от преподавательской работы. Сазонова конкурс не прошла, но продолжала писать свой труд в соответствии с указанным планом. В заявке она объявила, что могла бы закончить работу в течение года, но на самом деле у нее ушло на эту затею восемь лет.

В декабре 1949 г. Сазонова подписала с издательством Э. П. Даттона новый контракт на издание книги *A History of Russian Literature* (Volume I), соглашаясь представить готовую к изданию книгу в английском переводе до марта 1950 г. Согласно контракту, она получила аванс в размере 1100 долларов и должна была получить 75% прибыли от продажи книги. Свою «Историю литературы» Сазонова писала, естественно, на русском языке. По свидетельству Н. Л. Слонимского, она работала над переводом вместе с британским профессором, который не очень хорошо знал русский язык³¹. Совместная работа не ладилась, и перевод не был доведен до конца. Д. П. Сазонов пишет: «*Мама лишилась \$500, п[отому] ч[то] нуждалась в помощнике для английского языка, а мою помощь не хотела, боялась прервать мои занятия, а помощница, женщина так [...] скандалила, была психопаткой, что из-за нее не вышел в печать английский текст, а теперь вся работа как будто пропала*»³².

В 1951 г. в условиях «холодной» войны, на ассигнования Фордовского фонда с негласным участием ЦРУ было основано Издательство им. Чехова. Его возглавил Н. Вреден, с которым в том же году Сазонова заключила второй контракт об издании двухтомной «Истории русской литературы». Книгу, по требованию редакторов, пришлось перерабатывать, машинописная версия текста была сдана в набор в 1954 г., и двухтомник вышел в 1955 г. Он вызвал несколько положительных рецензий. Давний друг со временем сотрудничества в парижском «Звене» Георгий Адамович отозвался: «*Написана книга с такой непосредственностью и таким увлечением, что с первых же страниц забываешь о ее образовательных целях и с головой уходишь в мир далекий и вместе с тем близкий,*

*мертвый и живой, таинственно глубокий, неисчерпаемо богатый*³³. Владимир Рудинский писал: «Это, — если не самая лучшая из книг, выпущенных Чеховским издательством за все время его деятельности, то во всяком случае одна из лучших. При том, вероятно, самая полезная. [...] Автор показывает себя не только большим специалистом в своей области, но и настоящим русским человеком с живой любовью к Родине, с высоким и горячим чувством патриотизма и с нашим народным чувством юмора»³⁴. Однако было немало и отрицательных рецензий: в «Новом журнале» Ростислав Плетнев указал на неверные сведения, пропуски в списке цитируемой литературы, ошибки и опечатки. Самой уничтожительной была критика Дмитрия Чижевского в англоязычном «Американском славянском и восточно-европейском вестнике». По мнению Чижевского, книга не только не отвечала минимальным требованиям точности и ясности, но включала много деталей, не нужных студентам славистики, фантастические утверждения и ложные теории³⁵.

После возвращения из Вермонта в Нью-Йорк в 1946 г. Сазонова жила в гостинице «Невада» на Бродвее. В начале 1950-х, тяжело больная, она, по приглашению Ольги Всеволодовны Юркевич, переехала в Йонкерс, в нескольких километрах от Нью-Йорка. У Юркевичей за домом был прекрасный сад. Впоследствии сын Юркевичей женился на единственной дочери Николая Слонимского — Электре, ставшей Электрой Йорк. Осенью 1953-го Сазонова переехала на свою последнюю нью-йоркскую квартиру на Ривердейл. После отъезда матери в Париж (1955) в квартире жил ее сын. Он платил за нее 100 долларов в месяц, пока деньги, полученные им в наследство от И. А. Венгеровой, не иссякли. После этого Дмитрий Петрович оставил квартиру вместе с архивом матери, ее книгами и огромной библиотекой З. А. Венгеровой. На мольбы родственников о предоставлении им доверенности на ликвидацию квартиры Д. П. Сазонов не реагировал, и содержимое квартиры было выброшено.

Из Нью-Йорка Сазонова часто переписывалась с заокеанскими друзьями: Иваном и Верой Буниными, Борисом и Мари Шлётцерами, братьями Сергеем и Леонидом Лифарями, Надеждой Тэффи, Сергеем Маковским, Николаем Евреиновым, Анной Кашиной-Евреиновой, Зинаидой Спесивцевой и, конечно, с Николаем Миллиоти. В течение долгих лет возвращение к друзьям в райский Париж было доминантой ее переписки. После шума и одиночества в чуждом ей Нью-Йорке Франция манила к себе. Бесконечные корректуры ее «Истории литературы» мучили ее физически и духовно. Именно в период ее жизни в Нью-Йорке у нее появились горькие мысли

Ю. Сазонова (1948)

о бесцельности своего существования и сомнения в значимости ее собственных достижений. «*Скачу в перегонки со временем*», писала она Шлётцеру, «и думаю о укорачивающемся расстоянии до финиша и о необходимости что-то до финиша “поспеть” — а собственно почему? Стоит только начать планировать надолго вперед, как останавливается мысль! Поступлю ли? И начинаю торопиться». «Жизнь прожита и поправлять ее все равно что исправлять уже вышедшую из печати книгу — пропало. [...] Теперь, в исступе перед концом, что-то пытаюсь сделать, прибавить какую-то главу, но как только начинаю планировать что-либо, наталкиваюсь на неумолимые цифры...³⁶»

Осуществить “что-то” дал ей возможность Сергей Лифарь, пригласивший Сазонову в Париж от имени Парижской оперы для написания книги об его балетном искусстве, которая была издана уже после ее смерти. Сазонова отправилась во Францию 5 февраля 1955 г. на корабле “Либертэ”.

Лучшие моменты ее творчества были связаны с театром, с жестом и движением. Тонкое чувство пластики сделало Сазонову выдающимся критиком балета, театра кукол, всех зрелищ, где царит движение. В качестве искусствоведа она сделала важные открытия в области истории балета. Современная эпоха особенноозвучна ей. Ее воспоминания о деятелях культуры Серебрянного века, со многими из которых она была лично знакома, не потеряли своей актуальности. Нью-йоркский период ее жизни, когда она занималась

русской древностью, вероятно, является самым слабым в ее творчестве (разумеется, это обобщение, из которого есть исключения). Сохраняют свое актуальное значение статьи, написанные Сазоновой на современные темы и воспоминания о деятелях культуры, опубликованные во время ее пребывания в Америке. Ее двухтомник был написан только как введение в многотомное издание, в котором самым интересным для нее должен был стать последний период — XX век. К сожалению, она не дожила до создания этой последней части.

Во Франции она снова строила многочисленные планы на будущее: заключила контракт с издательством “Оксфорд Юниверсити Пресс” на книгу о Бунине, договорилась с Антонио Ферро об издании в Париже своей книги о португальском фольклоре и танце, наметилась ее поездка в Лондон и к старшему брату в Советский Союз. В Париже она успела отредактировать мемуары Кшесинской и перевести на французский язык либретто оперы Глинки “Жизнь за царя”. Друзья в Америке ее не забыли, о чем свидетельствуют, помимо прочего, письма от Симмонса и Якобсона.

Последние пять месяцев жизни лежала, распухшая, слепая в американском госпитале в Нейи. Диагноз — болезнь сердца, пневмония, опухоль. София Прегель писала Миллиоти: «Жизнь еле теплится в ней». Сазонова умерла 18 ноября 1957 г. Ее отпевали в соборе Александра Невского на рю Дарю. Шел дождь. В похоронном кортеже за гробом шли близкие, преданные, любящие: Миллиоти с сыном Дмитрием Петровичем, С. Прегель, В. Бунина, Лифари, Э. Йорк и Ю. Юрьевич, отец Александр Чекан. На могиле по заказу Леонида Лифаря был установлен деревянный крест.

¹ Автор считает своим приятным долгом поблагодарить за ценные сведения, разрешение доступа к архивным материалам и оказанную помощь Анри Барралья, Элизабет Кридл Валкенир, Людвигу Джапаридзе, Ростислава Добужинского, проф. Ричарда Дэвиса, проф. Лоуренса Джонса, Н. Г. Жукову, Электру Йорк, проф. М. Д. Конолли, Мириам Корнман, Л. А. Короченецкую, проф. Хью Маклина, Дмитрия Мигунова, Елену Миллиоти, Джудит Морс, Дмитрия Сазонова, проф. Линду Уоу, проф. Дина Уэрта. За финансовую поддержку во время написания статьи приносим благодарность International Research Exchange Board with Funds provided by the U. S. Department of State (Title VIII Program), а также The American Council of Teachers of Russian (Research Scholars' Program) и Oklahoma State University (Sabbatical Leave).

² Настолько забытое, что в первых изданиях «Русской литературы в изгнании» Г. Струве приведена неправильная дата ее смерти, что В. А. Знаменская не знала, что Ю. Сазонова и Ю. Слонимская — одно и то же лицо, что до сих пор почти все источники указывают неправильную дату ее рождения.

³ Сазоновой-Слонимской были посвящены многочисленные науч. работы. Ниже приведены некоторые из них. *Jurkowski Henryk. Dzieje teatru lalek: od romantizmu do wilkiej reformy teatr. Warszawa: Panstwowy Instytut Wadawniczy, 1976. P. 234–244; Tribble Keith. The Last Symbolist Marionette Theater (Sazonova-Slonimskaja) // European Symbolist Theater: Conventions and Innovations. Doctoral Dissertation. University of Washington, Seattle, 1990. P. 911–938; Зыкова Елена, Иванова Анна. «Нас возвышающий обман...»: Марионеточный театр Юлии Сазоновой // Кукольники в Петербурге (под ред. Кулиша А. Л.). С.-ПТб.: С.-Петербургская Академия театрального искусства, 1995. С. 107–127; Азадовский Константин. «Совершенные существа»: Райнер Мария Рильке и Русский театр марионеток // Marionette Theater of the Symbolist Era (Ed. by Keith Tribble). Lewiston; New York: Edwin Mellen Press, 2002. P. 289–325; Posner Dassia Nadezhda. Chapter 3: «Théâtre des petits comédiens de bois»: Slonimskaja's «Puppet Theater» // Little Wooden Actors: Puppet Theatre in Russia during the Silver Age, 1905–1920. Master of Arts Thesis. Tufts University, 2003. P. 60–94; Войсун Леся. «Все образует в мире круг...»: О Юлии Сазоновой (Слонимской) и ее «Театре маленьких деревянных комедиантов» в Париже. РЕВЗ. Т. 10. С. 433–450.*

⁴ Миллиоти Н. Д. Дневник. Запись за 26 дек. 1933 (Собр. Е. Ю. Миллиоти, Москва).

⁵ Там же. Запись за 9 окт. 1952 (Собр. Е. Ю. Миллиоти, Москва).

⁶ Личное сообщение автору статьи.

⁷ Семейное прозвище Ю. Сазоновой-Слонимской.

⁸ Сазонов Петр Павлович (1883–1969), актер, режиссер, в первом браке женатый на Слонимской с 1908 г.

⁹ См.: История одной полемики. Переписка Николая Евреинова и Анны Кашиной с Юлией Сазоновой. 1937–1954. Статья Юлии Сазоновой «Уличный театр». Публ. , вступ. текст и примеч. Кита Триббла // Мнемозина. Документы и факты из истории отечественного театра XX века /. Ред.-сост. Вл. Иванов. Вып. 3. М.: «Артист. Режиссер. Театр», 2004. С. 313–332, 598–602.

¹⁰ В письме-разрешении автору статьи на получение копий писем и их публикацию Д. П. Сазонов перечисляет следующих корреспондентов матери: И. А., З. А. и С. А. Венгеровы, Ф. А., Л. З., В. Л. , Н. Л. и М. Л. Слонимские, А. Н. Бенуа, Н. В. Дризен, Н. Н. Евреинов, А. А. Евреинова-Кашиня, А. Ф. Даманская, С. Ю. Прегель, З. Н. Гиппиус, Ф. К. Сологуб, А. М. Ремизов, И. А. Бунин, Ж. Rouché, О. Спесивцева, М. В. Вишняк, Н. Н. Черепнин, О. Ф. Глебова-Судейкина, М. В. Добужинский, Н. Д. Миллиоти, М. А. Алданов, М. Л. Слоним, Р. М. Гуль, В. С. Познер, А. Седых, Б. Ф. Шлётцер, Г. П. Струве, и др.

¹¹ Гуль Роман. Я унес Россию. Том III. Россия в Америке. Ред. О. Коростелев. М.: В. С. Т. — Пресс, 2001. С. 215.

¹² Шлётцер Борис Федорович (1881–1969), музыковед, переводчик и философ; Шлётцер Мари (урожд. Marie Marguerite Boulian (1900–1990).

¹³ В связи с поступлением Сазоновой в С.-Петербургское театральное училище в Рос. гос. ист. архиве (Ф. 498. О. 1. Д. 5185, Л. 2) хранится письмо ее отца: «Разрешаю своей дочери Юлии Леонидовне Слонимской, 18 лет, посещать драматические курсы при театральном училище. Коллежский секретарь Леонид Зиновьевич Слонимский. Спб. 2 сентября 1902». Подтверждения этого года рождения (1884) содержатся также в переписке Слонимских и Венгеровых.

¹⁴ См. о ней в статье: Бергнер-Тавгер Белла. Вечно юный Николас (Николай) Слонимский // ЕВКРЗ. 1995. Т. 4. С. 469–487.

¹⁵ См.: Грэзин Иван. Алфавитный список русских захоронений на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Париж: Жак Ферран, 1995. С. 337.

¹⁶ В мае и июне 1909 г. она занимала должность театрального рецензента в «Слово», а после его закрытия перешла на ту же работу в открывшуюся с осени 1909 г. газету «Речь».

¹⁷ Подробнее об этом см.: *Tribble Keith. The Puppet Theaters of Julia Sazonova-Slonimskaya* // *Puppetry Yearbook*. Vol. 6. Lewiston, N.-Y.: Edwin Mellen Press, 2004. P. 161-208; *Tribble Keith. On the Unpublished Letters of Nikolai Kalmakov to Ivan Stepanov* // *Experiment*. Vol. 7. Los Angeles: Institute of Modern Russian Culture, 2001. P. 157-175.

¹⁸ См. о нем в статье: *Богуславский Иосиф*. Искусство собирать искусство. Максим Каролик (1893-1963) // *Русские евреи в Америке*, кн. 1. Ред.-сост. Э. Зальцберг, М. Пархомовский. Иерусалим – Торонто – Москва, 2005. С. 92-103.

¹⁹ Автором наст. публикации готовится к изданию библиогр. всех работ Ю. Л. Сазоновой.

²⁰ Вечер «Новоселья» // Новое рус. сл. 1942. № 10859. 15 нояб. С. 5.

²¹ Хроника. Вечер памяти И. А. Бунина // Новое рус. сл. 1954. 12 февр. № 15266. С. 3.

²² *Lloyd Susan*. Кармелита Хинтон и Школа Патни // В сб.: *Founding Mothers and Others*. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2002. Р. 119.

²³ См. письмо Д. П. Сазонова к А. Л. Слонимскому от 17 октября 1958 г. // РГАЛИ. Ф. 2281. О. 1. Ед. хр. 178. Л. 81.

²⁴ См. школьный журнал «Putney». Dec. 1945. Р. 33. Фильм Эйзенштейна был показан 9 марта 1946 г.

²⁵ Фейер Михаил Максимович (Fayer Mischa Harry; 1902-1977) сын эмигрантов из России. Уехал с родителями в Россию, где окончил Белецкую гимназию в Бессарабии в 1924 г. Вернулся в Америку и получил докт. степень в Колумбийском ун-те.

²⁶ Письмо Д. П. Сазонова к А. Л. Слонимскому от 17 октября 1958 г. // РГАЛИ. Ф. 2281. Оп. 1. Ед. хр. 178. Л. 58.

²⁷ *Jehlman Jeffrey*. *Emigré New York. French Intellectuals in Wartime Manhattan, 1940-1944*. Baltimore and London: Johns Hopkins Press, 2000. Р. 25-30, 133, 182, 190-192.

²⁸ Общество по изучению поэтического языка.

²⁹ *Якобсон Р. Неизвестные стихи Маяковского* // Новоселье. 1942. № 2. С. 60-62.

³⁰ *Sazonova Julia. History of Russian Literature. Concise Statement of Project (Plan)* // *Archive of the John Simon Guggenheim Foundation*. Кроме плана, в архиве хранятся резюме Сазоновой и выписки из рекомендательных писем. Перевод Кита Триббла.

³¹ *Slonimsky Nicolas. Perfect Pitch. A Life Story*. Oxford-New York: Oxford University Press, 1988. Р. 185.

³² Письма Д. П. Сазонова А. Л. Слонимскому от 30. 6.-13. 9. 1958 // РГАЛИ. Ф. 2281. О. 1. Ед. хр. 178. Л. 6, 39, 39об.

³³ *Адамович Георгий*. Русская мысль. 1956. № 966. 18 окт. С. 4-5.

³⁴ *Рудницкий Вадимир*. Среди книг и журналов. Юлия Сазонова: «История русской литературы» // Возрождение. 1955. С. 142-143.

³⁵ *Чижевский Дмитрий*. *The American Slavic and East European Review*. 1955. V. XIV. Р. 564-566.

³⁶ *Сазонова Юлия*. Письма Б. Ф. Шлётцу от 26 сент. 1944 и 22 окт. 1947 (последнее датировано предположительно) // Собрание Б. Ф. Шлётца, Bibliothèque Louis Notari, Monte Carlo, Monaco.

Российский филолог в Америке (Анатолий Либерман о себе)

Анатолий Либерман (Миннеаполис, США)

Э. А. Зальцберг предложил мне рассказать о себе на страницах редактируемого им издания «Русские евреи в Америке». Это большая честь для меня, но выполнить его просьбу непросто. Многие ли из нас столь объективны, что составили о себе непредвзятое мнение? Ниже, говоря о своей деятельности, я постараюсь обойтись без оценочных эпитетов и остановлюсь преимущественно на тех моментах, которые могут быть интересны и неспециалистам, хотя, говоря о научных разысканиях, нельзя полностью ограничиться беллетристикой.

Есть и еще одна трудность. В Америке я провел лишь вторую половину жизни и, следовательно, должен задержаться на сделанном до эмиграции. В Соединенные Штаты я приехал не с пустыми руками.

Начало

Я родился в 1937 году в Ленинграде в семье инженера и учительницы музыки (рояль). Мои родители выросли в Витебске и уехали из Белоруссии после революции. Отец пропал без вести на Ленинградском фронте в декабре 1941 года, а мы с матерью эвакуировались в Челябинск и вернулись в Ленинград в августе 1944 года, после снятия блокады. Наш дом за углом от того места, где впоследствии стоял крейсер «Аврора», не разбомбили, а на «жилплощадь» у нас как у семьи военнослужащего была броня.

Люди, занявшие нашу комнату и топившие буржуйку, по непостижимой причине не сожгли ни пианино, ни книги с открытой этажерки. Оба эти обстоятельства сыграли важную роль в моей жизни. Учиться музыке я начал еще в эвакуации, где мать нарисовала мне бумажную клавиатуру, но изредка я имел доступ и к настоящему инструменту. Там же, в Челябинске, я научился грамоте (не помню, как) и к возвращению домой мог читать все, что хотел. Уцелевшая библиотека родителей была не слишком обширной (одна этажерка), но собранной с большим вкусом: основная русская классика (кое-что из дореволюционных изданий), переплетенные приложения к «Ниве», довольно много томов «Академии» и разные ставшие потом большой редкостью мемуары. Потрясения детских

лет, которых бы не было, если бы те книги сгорели в наше отсутствие, определили и мои взрослые пристрастия, и частично мой психический склад. Сказки Оскара Уайльда, «Портрет Дориана Грея», «Синяя птица», Лермонтов (чуть ли не все стихи которого я знал наизусть годам к двенадцати), «Орлеанская девственница» в переводе Георгия Иванова (о том, что это за переводчик, я не имел тогда ни малейшего понятия), «Хижина дяди Тома», новеллы Стефана Цвейга, «Остров пингвинов», «Отелло» (почему-то других пьес Шекспира в собрании не оказалось) вошли в память в подростковом возрасте и остались там навсегда. Не хватало только Диккенса, обнаруженного позже и ставшего моим любимым писателем.

Музыке я учился охотно, но природная музыкальность не соединилась во мне с необходимой техникой. Все же я доигрался до средней трудности сонат Бетховена, некоторых этюдов Шопена, прелюдий Скрябина и прочих хороших вещей, часто выступал и в школе, и в институте, а дома играл до тех пор, пока (уже через много лет в Америке) не уехал учиться в университет наш сын. Мне кажется, что для успешного исследователя самое главное — это способность к быстрой и нетривиальной ассоциации. Мои ассоциации почти всегда уходят своими корнями в прочитанные книги и музыку. Лет в двенадцать я сочинил оперу «Овод», клавир которой я записать, разумеется, не мог. Помню только, что для романса любовницы Ривареса (Артура) я интуитивно изобрел то, что называется цыганским ладом, и много позже, узнав о его существовании, очень гордился своим открытием.

Оглядываясь назад и оценивая свое нищее послевоенное детство, я понимаю, что все могло быть гораздо хуже. Безотцовщина, убожество коммунальной квартиры и антисемитизм на каждом шагу были уделом миллионов, но я жил в великом городе, ходил в театр и филармонию, едва ли не каждое воскресенье проводил несколько часов в Эрмитаже, а с одиннадцати лет меня стали учить частным образом английскому. В последних классах я попал к очень хорошей преподавательнице и решил, что буду поступать в университет, на английское отделение филфака. То, что без золотой медали меня туда не возьмут, ни у кого сомнения не вызывало, и медаль эту я честно заработал. Правда, в Гороно ее понизили на серебряную, поставив четверку по сочинению, но в то время (1954 г.) обе медали предоставляли абитуриентам одинаковые права. Я понес документы на филфак, однако в последний момент сделал чудовищную глупость. Вообразив, что английский я и так знаю неплохо, я надумал подать на журналистику (вот была бы карьера!). Там, как

мне объяснили, нужен стаж в газете, и я ткнулся на русское отделение, чего с моей фамилией делать не следовало. Умникам вроде меня устроили погромное собеседование и только что не вытолкали на улицу. Я бросился в Педагогический институт имени Герцена («Герценовский»). Там на литфаке (факультете русской литературы) квота на медалистов к середине июня была заполнена, а на английский факультет, куда через 15-20 лет попасть стало невозможно, меня приняли без всяких разговоров. Так я оказался там, где мне и надлежало быть. Попал ли бы я на английское отделение университетского филфака, я уже не узнаю никогда.

Основы филологии

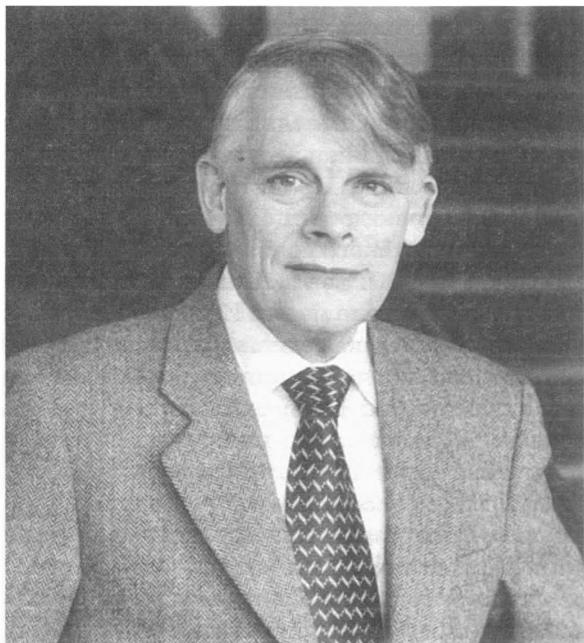
В университете на теоретические предметы обращали такое же внимание, как и на практические, а в Герценовском теоретических курсов было мало, особенно по литературе (зато проходили методику преподавания и историю педагогики). Языком же там при желании можно было овладеть хорошо, если отвлечься от забавного обстоятельства, что, кроме двух пожилых женщин, с незапамятных времен попавших к нам из Америки и чудесным образом уцелевших, английский вели люди, которые не только не провели ни дня в англоязычном мире, но и не учились у людей оттуда. Отсутствие теоретических курсов в какой-то мере компенсировалось СНО (Студенческим научным обществом); в нем я делал доклады все годы. На первом курсе я с жаром включился в работу кружка зарубежной литературы на литфаке. Староста кончал четвертый курс (в то время Герценовский был четырехлетним вузом), и руководитель кружка, продвинутый аспирант, спросил, не возражаю ли я занять освободившееся место. Я, конечно, согласился, но через две недели он с большим смущением сообщил мне, что «факультет» мою кандидатуру не принял. Боюсь, что старостой мне все равно не пришлось бы быть, так как в 1955 году факультеты иностранных языков перевели с Невского за Нарвские ворота. Наши контакты с «метрополией» прервались, и СНО осталось только лингвистическое.

Примерно в то же время было принято постановление, что учителя должны кончать институт по двум специальностям. Нам прибавили пятый курс и много часов на второй язык. В 1959 году я получил диплом учителя английского и немецкого языка и лелеял надежду остаться в аспирантуре. Все к тому и шло. Один раз я даже получил стипендию, которая и после ХХ съезда продолжала называться Сталинской, и чуть не попал на месяц в Англию: по разна-

рядке с нашего факультета туда посыпали именно сталинского стипендиата. Чтобы этого не случилось, стипендию у меня отняли и передали девушке, ничем, как я понимаю, не прославившейся. Я активно участвовал в художественной самодеятельности: играл, читал стихи, получал призы в конкурсах и писал капустники — словом, был на виду. В ту простодушную эпоху списки с отметками висели около деканата. Вывесили и список окончивших (около 150 человек, если не ошибаюсь), где фамилии располагались в порядке убывания среднего балла. Я возглавлял этот список, так как единственный не получил за все годы ни одной четверки. Но на последнем курсе появился новый декан, который сказал двум доцентам, отправившимся к нему с ходатайством, что не знает меня (не успел познакомиться), и к приемным экзаменам в аспирантуру меня не допустили.

Почему-то Герценовский в ленинградские школы никого, кроме тех, на кого по знакомству пришли персональные заявки, не распределял. Запросы поступали со всей страны. Самой желанной была для меня, естественно, Ленинградская область. Нас вызывали в деканат по тому списку, где я значился первым. Представительница Облоно заявила, что ни одного ленинградца она в Ленинградскую область не пустит. Я отказался подписать ближайшую к нам новгородскую и псковскую область, и меня выставили вон. Я сидел в коридоре и ждал. Уже кончились северо-западные края. Подошла очередь Сибири и Казахстана. Меня снова вызвали, и я снова отказался поставить подпись. Как мне потом рассказывали, партийцы в комиссии (!) продолжали уламывать даму из Облоно и куда-то звонили (значит, одно место все-таки зарезервировали). В середине дня я получил направление в Ленинградскую область и ушел, напутствуемый руганью начальственной представительницы, предсказавшей мне побег и бесславное будущее.

Тогда я, конечно, не мог знать, какую услугу оказал мне необщительный декан. Аспирантура по моей специальности была в Герценовском слабой, и диссертацию я бы там написал несущественную. Скорее всего, я бы утонул в банальной грамматике, которой почти все занимались в то время. Защитив ее, я попал бы под новое распределение и точно застрял бы в третьесортном далеком вузе, начальство которого согласилось бы взять в штат еврея. Мои надежды получить открепление («единственный сын у матери» и прочая дореволюционная фразеология) не увенчались успехом, и я отправился в Жихарево, поселок городского типа между Мгой и Волховстроем, одно из самых страшных мест Ленинградского фронта. В

А. С. Либерман (2002)

нескольких километрах от интерната, куда меня определили воспитателем четвертого класса и учителем немецкого языка (замененного по моей просьбе английским), стоял непроходимый лес; в нем росла клюква, валялись неразорвавшиеся снаряды и черепа солдат обеих армий. Отношения с детьми и коллегами сложились у меня самым наилучшим образом, и из Жихарева я не смог вырваться, пока не истекли три года отработки, положенные молодым специалистам. Суббота была тогда рабочим днем, но мои уроки кончались в пятницу, и, если была не моя смена дежурить по выходным, я сразу уезжал домой и проводил субботу и воскресенье в Публичной библиотеке, так как решил сдать экзамены кандидатского минимума. И здесь я не могу обойтись без некоторого количества того, что называется техническими подробностями.

Аспирантура длилась три года, то есть имела ту же структуру, что и сейчас. За это время надо было не только написать диссертацию, но и сдать серию очень нелегких экзаменов, и многие уходили в люди без защиты. Мне предстояло сдать таких экзаменов шесть. Первым германским племенем, принявшим христианство и, следовательно, нуждавшимся в письменности, были готы (IV в.), и от них сохранились части Библии. Это самый ранний германский

язык, дошедший до нас в большом объеме. Поэтому с него начинается образование будущих специалистов по английской, немецкой и скандинавской филологии с уклоном в лингвистику. Готский язык проанализирован в мельчайших подробностях, и пособий по нему десятки, но в СССР невозможно было пойти в магазин и купить или заказать напечатанную на Западе книгу. Правда, кое-что переиздавали в ГДР, и один учебник я по случаю достал. На мое счастье, именно тогда в Москве вышел учебник готского языка, составленный непряшливо, но со знанием дела. Его я и вез в Жихарево. Тогда же невероятное стечние обстоятельств свело меня с Ириной Петровной Ивановой, профессором и заведующей кафедрой английской филологии ЛГУ. Она не только оказала мне честь, приняв у себя дома, но и пообещала, если удастся, взять на кафедру соискателем, то есть лицом, которому разрешено сдавать экзамены кандидатского минимума. За пять лет, прошедших с того памятного собеседования, университет не изменился к лучшему, но соискательство, видимо, считалось столь мелкой монетой, что за него в администрации не сражались, и я был принят. Так «официально» закончились мои отношения с Герценовским и приоткрылось окошко в университет.

Воспитателем я пробыл один год (а в дальнейшем имел только «часы»), и он был, пожалуй, самым тяжелым в моей жизни, но к маю я все-таки подготовил готский. Я поднимался в гору, как та лошадка, везущая хворосту воз. Иногда несколько часов уходило, чтобы справиться с одной-двумя строчками. Текст известный — Евангелие, но и его взять было негде, чтобы уточнить перевод. Готский текст не самоцель, а повод для обсуждения исторической фонетики, исторической грамматики и этимологии. В этой части я был не столь беспомощен, так как издавна собирал литературу по языкоznанию. Недостающие сведения заглатывались в Публичной библиотеке за выходные дни. Многие годы спустя, ведя для аспирантов готский в Миннесоте, я с завистью думал: «Мне бы в молодости такие семинары!» Но нет худа без добра. Лишенный нормальных условий для занятий, я должен был любую загадку разгадывать сам, а знания, добытые такими усилиями, не забываются. Отец юного героя книги Киплинга «Отважные капитаны», мультимиллионер, сказал сыну (цитирую по памяти): «Я никогда не учился и то, что знаю, подобрал по крохам сам. И это чувствуется». Всю жизнь чувствую и я, что ни в германистике, ни во многих других областях у меня не было школы.

Мои раскопки не шли дальше поверхностных слоев, но их хватило для дальнейшей работы и экзамена. Текст я читал с листа, а о

теоретических предметах знал столько, сколько ожидалось от начинающего. Я сдал экзамен, и Ирина Петровна начала смотреть на меня с некоторым любопытством: людей, самостоятельно выучивших готский, работая, как это тогда называлось, на периферии, она, видимо, еще не встречала. После готского древнеанглийский показался мне детской забавой. К тому же Ирина Петровна одолжила мне на лето превосходную антологию. Древнеанглийским называется период от начала английской письменности (VIII–IX вв.) до норманнского завоевания (1066 г., битва при Гастингсе и воцарение Вильгельма). На самом деле этот язык, на котором написаны замечательные поэмы (самая знаменитая из них — «Беовульф»), хроники, проповеди и многое другое, таит массу сложностей, но и здесь речь шла о верхах, а не о глубинах. Я сдал экзамен с большой группой незнакомых мне аспирантов, даже не заметив его. Оставались среднеанглийский, теоретическая грамматика, второй язык и «философия». Рассказывать о них подробно не имеет смысла. Условные даты среднеанглийского периода 1066–1485. Кое-что, написанное в XIV–XV вв., выглядит полузнакомо для человека, знающего современный язык, но есть и поэзия, и проза, которую надо буквально расшифровывать строчка за строчкой. Впервые у меня не было учебников, так что подготовка целиком пришлась на субботу и воскресенье. Теоретическая грамматика беспокоила меня меньше, а немецким я для экзамена владел достаточно.

Самым страшным испытанием была «философия». В библиотеке жихаревского дома культуры стояли полные собрания сочинений «классиков», и я их усердно (и должен признаться, с интересом) штудировал. Как раз здесь у меня «школа» была, да и немецкий экзамен предполагал умение читать Маркса и Энгельса в оригинале. Но знающие люди меня предупредили, что «философия» не готский епископ Вульфил и не «Беовульф» с Чосером: если не ходишь на семинары, провалят. Проваливали (и отчисляли из аспирантуры) даже и посещавших занятия. Я сам видел, как унесли в обморок девушку после неудачной второй попытки. А у меня к тому же плохая память на числа, и я с огромным трудом запоминал, сколько чугуна и стали выпускала страна в каждой пятилетке. Срезали не на Гегеле и Фейербахе, а на решениях съездов и пленумов. Едва ли бы эта история имела счастливый конец, если бы один из семинаров не назначили на субботу.

Принимали экзамен два отвратительных человека: доктор наук, много лет отсидевший (философ с уклоном в семантику), не спешивший вернуться в лагерь и ведший себя сверхортодоксально, и срав-

нительно молодой доцент крайне неинтеллигентного вида. Доценту я не понравился, так как сказал, что общечеловеческий язык будущего — вещь совершенно немыслимая, не подозревая, что корифей всех наук имел противоположный взгляд на этот предмет. Ссылаясь на него в 1962 году уже (или еще) нужды не было, но многие его бредовые теории оставались в силе, а доцент, кажется, написал диссертацию об общечеловеческом языке в соответствии с предназначениями корифея. Я лихо защищался, но, почувствовав угрозу, признал, что не все в моей аргументации убедительно: есть дивергенция, есть и конвергенция (диалектика). Сиделец особенно не свирепствовал, но поинтересовался, думаю ли я, что культ личности помешал нашему движению к коммунизму. Провокация была столь грубой, что опасности не представляла. Я заверил его, что никто не в силах отменить объективных законов истории (ему ли было не знать!), разве что замедлить поступательное движение советского общества вперед (я так никогда и не понял, почему полагалось называть это движение поступательным). В результате мне поставили пять с минусом, и я получил справку об успешной сдаче экзаменов кандидатского минимума.

Аспирантура

Расставшись с Жихаревым, я вернулся в Ленинград. Два события подоспели к тому времени, когда я оказался на перепутье. Во-первых, вышло постановление, что сдавшие экзамены кандидатского минимума принимаются в аспирантуру без экзаменов, а во-вторых, при больших вузах организовали вечерние курсы иностранных языков, сразу завоевавшие популярность. И. П. Иванова, принимавшая у меня экзамены по специальности, сделалась моим союзником, и я пошел узнавать у нее, могу ли я на что-нибудь рассчитывать. «Об очной аспирантуре не может быть и речи, — ответила она, — а заочную я попробую пробить», — и пробила. Я полагал, что она возьмет меня к себе, но она сказала: «Вам будет лучше у Михаила Ивановича Стеблин-Каменского». Я удивился, но не мне было решать, и я начал срочно искать работу. К сентябрю надлежало представить в отдел аспирантуры штамп в паспорте, так как я был заочником; на время отпуска действовал жихаревский штамп. Знакомые знакомых рекомендовали меня сотруднице кафедры иностранных языков Политехнического института. Она как раз набирала людей на вечерние курсы. Почасовикам с нагрузкой в 240 часов (так, кажется) ставили штамп в паспорте. Работа была легкая,

платили копейки, но я с первого курса подрабатывал уроками, так что с голода я бы не умер ни при каких обстоятельствах. Я был молод (25 лет), прекрасно ладил со студентами всех возрастов, не халтурил и свободно говорил по-английски — умение в те времена даже среди преподавателей не слишком распространенное. Кафедрой в Политехническом институте руководил молодой активный партиец, ценивший хороших специалистов. Весной он сказал, что хочет взять меня в штат. Сейчас уже мало кто отдает себе отчет в том, сколь немыслимо было такое предложение человеку с моей анкетой, не имевшему никаких связей и ни на что не претендовавшему. На его кафедре я и проработал следующие два года.

М. И. Стеблин-Каменский был знаменитым лингвистом и историком литературы. Вначале он занимался древнеанглийской поэзией, но вскоре заинтересовался скандинавскими языками и самостоятельно выучил их. После войны он организовал в университете первую и долго остававшуюся единственной в стране кафедру скандинавской филологии и ухитрился при этом не вступить в партию (беспартийной, кстати, была и И. П. Иванова). Незадолго до моего поступления в аспирантуру он занялся исторической фонологией, и о ней я должен рассказать подробнее.

Производство и восприятие звуков речи изучает фонетика. В англоязычном мире фонетику издавна называли фонологией. Но в России, а впоследствии и во всем мире в термин *фонология* вложили иной смысл. В своей совокупности звуки образуют нечто вроде решетки. В пространствах, ограниченных прутьями, «обитают» единицы противопоставления, например, *a* и *o*, как в *мал* и *мол*. Передвижения внутри клетки разрешаются и напоминают прогулку на довольно длинном поводке. С физической точки зрения в *мол* и *моль* произносятся разные гласные, но люди, для которых русский язык родной, замечают эту тонкость, только если что-то не так скажет иностранец, а противопоставление *a* ~ *o* слышат сразу. Есть что-то общее между *o* в *мол* и *моль* (а также между *o* в *мой*, *лом*), что позволяет им оставаться на одном поводке и быть вариантами одной единицы противопоставления; это и есть фонема. Фонема существует только в своих вариантах, оставаясь при этом самой собой. Единицы, ведущие себя таким образом, называются инвариантами. Фонемы — объект изучения фонологии, а бесконечным богатством звуков занимается фонетика. На самом деле все не так просто, но для первичной ориентации подобное размежевание сфер деятельности достаточно.

Когда в европейской науке возникла фонетика как специальная область исследования, самым важным казалось уловить и описать

максимальное количество вариантов. Поначалу их опознание зависело от изощренного слуха; потом появились инструменты. Но «решетка» держится на инвариантах (фонемах), и, не зная ее устройства, невозможно понять, как функционирует язык. Первые выдающиеся работы по фонологии были написаны в конце XIX в. — в начале XX в. в России. Впоследствии выяснилось, что фонологическая решетка языка не менее сложна, чем молекулярная организация физического тела или генетический код живых существ. Отвлекаясь от бесчисленных вариантов, фонология оперирует абстракциями, хотя и не в такой степени, как алгебра: алгебре безразлично, что скрывается за иксами и игреками, а фонология навечно привязана к звуковой материи. Все же ее тема — инварианты. В XX веке инвариантами начала заниматься область гуманитарного знания, которую назвали структурализмом (этот термин был придуман Р. О. Якобсоном¹). С некоторой натяжкой можно сказать, что разные школы структурализма выросли из фонологии. Сказанное особенно справедливо в отношении знаменитого Пражского лингвистического кружка, душой которого были два эмигранта: Р. О. Якобсон и Н. С. Трубецкой.

Хотя трудно себе представить науку более далекую от политики, чем фонология, именно в ее аполитичности марксисты усмелись для себя смертельную угрозу. От идеи фонемы не отказались (как никак ее впервые сформулировали в России), но в тех случаях, когда упоминались одиозные имена Якобсона и Трубецкого (один — эмигрант и еврей, другой — князь и «белоэмigrant»: неизвестно, что хуже), выливались привычные помои: идеализм, агностицизм, отрыв содержания от формы, буржуазная наука и прочее. А между тем фонология достигла больших успехов; советское же языкознание отстало от мирового на несколько десятилетий, причем исторической фонологии в нем не было вовсе (несколько робких статей без ссылок).

Самый беглый взгляд на язык с длительной письменной историей показывает, что меняются не только слова и грамматические формы, но и «звуки». Фонемы пробиваются сквозь прутья своих клеток и сливаются со своими соседями (например, фонема, обозначавшаяся буквой ять, слилась с е). Слuchaется и противоположное: одна фонема распадается на две. Иногда возникают целые группы фонем (когда-то в русском языке не было мягких согласных). Даже внутри «клетки» происходят плохо понятные перемещения. Все эти вопросы и составляют предмет исторической фонологии. С «оттепелью» стала оттаивать в СССР и научная жизнь. На страни-

цах ведущего (по сути дела, единственного) лингвистического журнала страны «Вопросы языкоznания» разрешили открыть дискуссию о структурализме. М. И. Стеблин-Каменский первым в Советском Союзе начал систематически разрабатывать историческую фонологию и увлек этим делом И. П. Иванову, которая и мне посоветовала взять тему из той же области (тогда я еще не знал, что не она будет руководить мной). Я понятия не имел ни об общей, ни об исторической фонологии, если не считать элементарных и устаревших сведений из студенческих учебников, но к тому времени уже опубликовали русский перевод главной книги Трубецкого «Основы фонологии». Я взял ее в отпуск, прочел, что-то понял и, вернувшись, сказал, что против фонологии не возражаю. Так я сделался фонологом, и это, как и многое другое, произшедшее со мной по воле случая, обернулось большой удачей. По-моему глубокому убеждению, нет лучшего трамплина в серьезное языкоznание, чем фонология в ее пражском варианте.

Работая в Политехническом институте, я написал кандидатскую диссертацию по исторической фонологии английского языка. Тему под руководством М. И. Стеблин-Каменского я выбрал сам, не подозревая, что ее ответвлений мне хватит на всю жизнь. Не догадывался об этом и М. И. Я пропущу здесь все то, что касается характеристики этого замечательного человека и его стиля руководства, так как писал о нем много раз. Интересующиеся могут обратиться к моим воспоминаниям, опубликованным в книге М. И. Стеблин-Каменский. «Труды по филологии» (СПб.: Изд-во филолог. ф-та Санкт-Петербургского университета, 2003). Скажу только, что работа под его началом — удача, о которой можно было только мечтать. Не буду рассказывать и о своей диссертации. Одно ее название «Среднеанглийское удлинение гласных в открытом слоге» вгонит любого неспециалиста в депрессию. Речь шла о грандиозной перестройке всей структуры английского языка в XIII и XIV вв. Я много прочел, много узнал и кое-что придумал неплохо, но мои тогдашние представления о глубинных силах, вызвавших ту перестройку, были, как я довольно скоро убедился, наивными. Тем не менее М. И. остался моей работой доволен, и защита прошла в университете без всяких осложнений.

В те годы начались катания Хрущева по всему свету. Съездил он и в Швецию, от которой пришел в восторг. Ничего не поняв, он вообразил, что шведский уклад жизни — это тот рай на земле, который коммунисты обещали всему человечеству: с одной стороны, социализм, а с другой — все сыты, живут, как люди, и вроде бы

довольны. Вернувшись домой, он отдал один из своих бессмысленных («волонтистских») приказов — изучить и внедрить скандинавский опыт. Никто не представлял себе, что надо изучать и тем более внедрять, но не спрашивать же было! Институты Академии наук получили распоряжение открыть скандинавские группы. Институт языкоznания пригласил М. И. Стеблин-Каменского возглавить такую группу в составе сектора индоевропейских языков. Он отказался уйти из университета (где, напомню, заведовал кафедрой), и его оформили на полставки; тогда подобное совместительство разрешалось. При этом он поставил ряд условий. Одним из них было зачисление в штат младшего научного сотрудника, которого он найдет сам. У администрации не было выбора, и М. И. предложил это место мне. На мой изумленный вопрос, как я могу решиться на столь смелый шаг, зная из скандинавских языков только начатки древнескандинавского, он ответил: «Языки выучите. Я тоже пришел в скандинавскую филологию из английской, а мне нужен активно работающий человек. Для Вас это исключительная возможность уйти от преподавательской работы». Два раза подобных предложений не делают, и я согласился. В 1965 году я начал работать в Институте языкоznания, и, как до того фонология, так отныне скандинавистика сделалась моей основной специальностью.

Институт языкоznания

Тому, кто знает английский и немецкий, не очень трудно научиться читать на других германских языках, а на бумаге шведский, норвежский и датский выглядят довольно сходно. Только исландский, древний и современный, невероятно сложны для иностранца. Здесь я должен вернуться к защите своей кандидатской диссертации. Моим первым оппонентом был старший научный сотрудник Института языкоznания Соломон Давидович Кацнельсон. К моменту нашей встречи он завершил капитальный труд под названием «Сравнительная акцентология германских языков». Акцентология означает «наука об ударении». Она в высшей степени специальна, но знание ее необходимо, поскольку она составляет основу многих разделов исторического языкоznания. Работая над диссертацией, я столкнулся с ударением и в какой-то мере вошел в курс дела. С. Д., в сущности, создал сравнительную акцентологию германских языков, охватив скандинавский, немецкий и голландский материал единой концепцией. Английского и исландского он не затронул, так как считал, что ничего интересного там для себя не

найдет. Хотя исландской фонетикой С. Д. не занимался, он упомянул вскользь брошенную его давним предшественником мысль о близости одного явления в исландском и датском (внешне между ними мало сходства). Эта мысль чрезвычайно заинтересовала меня, и из нее выросла моя докторская диссертация «Исландская просодика», в которой, конечно, рассматривалось и многое другое. Попраздительно, что исландские лингвисты прошли мимо такой важной темы. Не без некоторого удовлетворения должен заметить, что после моих публикаций они занялись ею с излишним даже жаром, упорно пытаясь опровергнуть мою интерпретацию, но, насколько я могу судить, большого успеха в этом начинании не имели, хотя некоторые поправки и уточнения были мне, как всегда в таких случаях, полезны. Все это хорошо известно: наука не только борьба мнений, но и жестокая борьба честолюбий.

Старшие научные сотрудники приходили в институт по присутственным дням, два раза в неделю. Часть времени, которое С. Д. проводил «в присутствии», он просиживал, растолковывая мне темные места своей книги. Многое в ней сказано поспешно, и сомнительные гипотезы соседствуют с глубокими, им впервые сформулированными положениями, но тогда мне было не до критики: я учился основам акцентологии и принял книгу целиком, о чем нисколько не жалею. Переосмысление пришло позже. В советском языкоznании С. Д. как акцентолог (а был он выдающимся специалистом во многих областях), кроме меня, почти не имел последователей; западные же германисты лишь в крайних случаях читают по-русски. Исключение составил один фонолог из ГДР, но ни его пересказ книги С. Д. по-немецки, ни мой по-английски никого не заинтересовали, и замечательная, пусть и не безупречная, книга упала, как камень в воду, так что и кругов не осталось. Германистические работы не следует издавать на славянских языках. То же относится к романistique и кельтологии.

Докторскую диссертацию я написал без большого труда. После не слишком угрожающих проволочек в 1972 году я защитил ее и был произведен в старшие научные сотрудники. С. Д. Кацнельсон уговорил меня продолжить работу над скандинавской акцентологией. Если бы он знал, к чему приведет его рекомендация, он бы ее наверняка не давал. «Что же я буду делать? — спросил я. — Переписывать Вашу книгу?» «Я уверен, что Вы найдете много нового», — успокоил он меня. Так и случилось, но результат оказался неожиданным. Научившись у него самому главному, я отказался от некоторых его основных идей. Замечу, что разошелся я по ряду

вопросов и с М. И. Стеблин-Каменским. Оба они с полным основанием считали меня своим учеником и отнеслись к «бунту на корабле» с большим раздражением.

Я уже говорил, что М. И. Стеблин-Каменский был одинаково знаменит и как языковед, и как историк литературы. Рядом с ним только глупец мог остаться «чистым лингвистом». Я стал серьезно заниматься древнеанглийской и древнеисландской литературой, особенно поэзией. Кажется, в 1972 году я организовал в институте два семинара: филологический (на нем обсуждали новые книги и разные концепции) и по германской героической поэзии (начали с «Беовульфа» и «Эдды»). Второй из них надолго пережил мою эмиграцию; до отъезда я еще успел отредактировать и прокомментировать перевод «Беовульфа» на русский язык.

О годах, которые я провел в институте (1965–1975), я сохранил самые теплые воспоминания. Но вокруг, свирепея с каждым днем, доживал развитый (зрелый) социализм, все железнее становился занавес, отделявший нас от мира, и будущее выглядело мрачно, хотя, каким оно стало, никому бы тогда не пришло в голову. Я уже был женат, и в ночь после банкета, непременного заключительного акта любой защиты, у меня родился сын. Вокруг едва ли не главной темой разговоров стала эмиграция в Израиль. Решили ехать и мы, но я хотел дождаться утверждения из ВАК'а, чтобы, если застряну в отказе и обрету статус тунеядца, иметь в глазах властей некоторый вес, а если выпустят, уехать доктором наук. Больше года нам не доставляли вызовов, которые на наш адрес регулярно присыпали знакомые и полузнакомые люди, но вдруг пришло сразу несколько (значит, в ОВИР'е было решено нас выпустить). Мое расставание с институтом заслуживает специального и очень грустного очерка (тогда еще проводились осуждающие собрания коллектива), но здесь о нем рассказывать не место. Я уезжал, выполнив плановую работу, и увозил с собой толстую книгу, в которой излагал свою концепцию скандинавской акцентологии. Рукопись взяли в голландском посольстве, и в Америке я получил свой четвертый экземпляр в целости и сохранности.

В Америке

Мы колебались, ехать в Израиль или в Америку. Наше передвижение в свободный мир проходило по обычному тогда маршруту через Вену и Рим. Из ответов коллег, работавших в Израиле, я понял, что герmaniстика там не нужна. Моя жена — по образованию

инженер-сантехник, но ивритом мы почти не владели, на руках был маленький ребенок, и рассчитывать приходилось на меня. Стало ясно, что ехать надо в Америку, и мы попали туда в конце августа 1975 года. Незадолго до нашего отъезда из СССР в Миннесоте (этот штат на границе с Канадой) скоропостижно умер профессор по близкой мне специальности, и я был принят на его место: сначала на один год, потом постоянно. История этой исключительной удачи заняла бы много страниц, и я ее пропущу, как пропустил отчет о собрании в институте. Меня взяли в университет (в Миннеаполисе), чтобы я вел курсы по средневековым германским языкам и литературам. Если не считать готского и древнеисландского, остальные курсы, многие из которых я сам и предложил, были для меня совершенно новыми, да и древнеисландский я никогда не преподавал, а готский вел только один раз, готовя соискателей на кафедре иностранных языков в Институте холодильной промышленности. И вообще, есть большая разница между знанием материала и его преподаванием.

Прежде всего от меня требовались древне- и средневерхненемецкий (наряду с общим курсом по истории немецкого языка), то есть именно те предметы, которыми я никогда специально не занимался. Первые годы я ежедневно готовился к семинарам и лекциям по четыре-пять часов. Необходимо было не только выучить эти языки, но и прочесть необозримую литературу на них и о них. От средневерхненемецкого периода остались величайшие произведения мировой литературы: «Песнь о Нibelунгах», «Тристан» и «Парцифаль». А параллельно с ними расцвела столь же замечательная лирическая поэзия (миннезанг). По взрыву гениальности начало XIII века в Германии сравнимо с эпохой Шекспира в Англии. Книги, которые я назвал, — это вершины. Не менее важно было освоить фон. Я читал днями напролет прекрасную поэзию и бесчисленные исследования о ней. Не знаю, что запомнилось моим слушателям, но для меня это была вторая молодость. Интересен и средневерхненемецкий, но скорее в лингвистическом, чем в литературном, отношении, так как в Германии долго не было оригинальной прозы, и лишь малая часть уцелевших стихотворных памятников представляет эстетическую ценность. Зато на севере, на языке, который сейчас называется древнесаксонским, неизвестный автор сочинил великолепную поэму «Спаситель». Впоследствии к средненемецкому, средненемецкому и древнесаксонскому я добавил среднеголландский и древнефризский.

Заслуживает упоминания одна любопытная подробность. Когда я пришел на кафедру в 1975 году, само собой разумелось, что глав-

ное для студентов — литература (условно после 1800 года), а история языка и прочие чудачества — дань отжившей моде. Но за последние полвека американским гуманитариям удалось свести литературную критику к жонглированию научообразными терминами и политическими ярлыками. Уже давно мало кто читает для удовольствия классическую литературу даже на родном языке (длинно, скучно, непонятные слова, да и незачем), а студенты иностранных кафедр редко владеют языком настолько, чтобы осилить самый несложный текст без постоянного заглядывания в словарь. На занятии берется рассказ и обсуждается, что бы нашли в нем марксисты, неомарксисты и феминистки и что он значит в свете фрейдизма, расизма, гомосексуализма (десятилетиями пируют вокруг «Смерти в Венеции» Томаса Манна), постколониализма и деконструкции. Это называется литературным анализом, и им изводят аспирантов, но и со студентами, не прочитавшими в жизни ни одного романа, изучают отрывки из Ницше, Хайдеггера и Лакана (в переводе). Подчеркивается множественность подходов, из которых все относительны, ибо истины нет, а есть лишь одинаково заслуживающие интереса точки зрения (абсолютно объективны лишь отметки за курс). Сквозь этот частокол не без труда пробиваются такие темы, как «Немецкая драма», «Немецкий романтизм» и им подобные. В результате даже на обязательные курсы по литературе идут неохотно и на них постоянно недобор, а на языковые — с радостью. Когда, не уверенный в успехе, я объявил «Немецкие диалекты», записалось 23 человека, и популярность этого курса с годами не ослабевает. Даже на древнесаксонский, кроме «запланированных» трех-четырех аспирантов, приходит студентов десять.

Конечно, Миннесотский университет — особое место. В нем задолго до моего появления была организована программа по германской филологии, и на такие предметы уже был спрос (поэтому и место для меня там нашлось). Благодаря эмиграции из специалиста по английскому и скандинавскому языкознанию я сделался настоящим германистом. К тому же я усердно занялся литературой. Одними древними языками, рассчитанными лишь на сравнительно узкий контингент студентов, я не мог заполнить положенную мне нагрузку, тем более, что я не единственный филолог на кафедре. Мне нужны были курсы, защищенные от всяких веяний (вдруг объявят средневековую филологию пережитком прошлого и отменят — нечто подобное происходит по всей стране) и рассчитанные на большую аудиторию. Для этой цели я предложил «Немецкий фольклор» и «Скандинавские мифы» и довел их с 20-25 слушате-

лей до 100-130. Кроме меня, на них никто не претендует, и я читаю их с радостью, стараясь каждый год добавлять что-нибудь новое. Часть одной из моих книг посвящена мифам, и скоро выйдет вторая на ту же тему.

Я — хороший рассказчик и доброжелательный преподаватель, то есть люблю тех, кто любит меня, но кое в чем другие лекторы имеют передо мной несомненные преимущества. Передовая американская педагогика настаивает на активном участии студентов в любом занятии, будь то практикум (где подобное участие само собой разумеется) или теоретический предмет. Поэтому слушателей везде разбивают на группы, подбрасывают им «дискуссионный» вопрос (например, я бы мог спросить, почему Серый Волк не съел Красную Шапочку, а занялся бабушкой и устроил нелепый маскарад), выслушивают их мнения и корректно — ибо любая истина относительна и все должны чувствовать себя, как дома, — предлагаю свое, подчеркивая, что студенты и преподаватели равны и никто никому своих взглядов не навязывает. Все действительное разумно, и любой вздор ценен тем, что существует. Я же этот метод на лекциях не применяю. Передо мной сидит сто с лишним человек со всего университета. Почти никто из них толком не знает, кто такой Зевс, а из Андерсена они читали в лучшем случае «Гадкого утенка» и «Дюймовочку» в пересказе для детского сада. Что они могут сказать друг другу? Пусть лучше послушают меня. Зато я поощряю вопросы, присланные заранее или заданные по ходу дела. В нашем педагогическом лексиконе слово *лекция* — нечто вроде непристойности, а я именно лекции и читаю.

Во-вторых, все теперь визуально. Любое выступление сопровождается показом компьютерных картинок, а на конференциях иногда даже текст доклада частично или целиком проецируется на экран. Студенты разучились понимать устную речь. Я же говорю, что многих не столько сердит, сколько изумляет. Но кое-кто мне сочувствует и мой метод одобряет. Любой курс заканчивается заполнением вопросников. В них студенты оценивают преподавателя. Некоторым я не нравлюсь (в этом нет ничего страшного: не все ведь и мне нравятся), но, учитывая, что я многое делаю не так, как от меня ожидают, вежливо, но настойчиво требователен и становлюсь все старше (а американские студенты лучше реагируют на молодых преподавателей и пиетета к сединам не испытывают), я рад, что более трех десятилетий остаюсь очень высоко на шкале оценок. Этой статистикой занимается целое бюро. Цветов здесь преподавателям дарить не принято, но не раз и не два студенты говорили мне, что

мой курс рекомендовали им родители, которые прошли его, когда учились в университете сами. Где-то меня принимают вне очереди: медсестра слышала, как я рассказывал сказки на курсе по фольклору, а компьютерщик до сих пор помнит и фольклор, и мифы. Так что дело обстоит лучше, чем могло бы.

Работая в Академии наук, я был далек от славистики, но в Америке я задумал серию «Выдающиеся русские филологи» в английских переводах. Хотя серия не состоялась, кое-что сделать удалось. Я собрал программные статьи знаменитого фольклориста В. Я. Проппа, частично перевел их сам, отредактировал чужие переводы, написал подробные примечания и обстоятельное предисловие. Это издание разошлось очень хорошо, а в Англии получило премию за лучшую книгу о фольклоре. За Проппом последовали три тома Н. С. Трубецкого: литературоведение, евразийство и языкознание (тот же формат). В мире читают в основном по-английски, а Трубецкой печатал свои статьи по-немецки, по-русски и изредка по-французски.

Кто не занимался таким делом, не подозревает, насколько оно трудоемко. Надо прочесть абсолютно все, что написал данный автор и что написано о нем (а откопать старые рецензии непросто), отобрать лучшее, перевести или отредактировать чужие переводы (иногда полностью их переработать, сражаясь за каждое предложение), выверить сотни ссылок, разъяснить в примечаниях то, что может быть не понято иностранцами, а во вступительном очерке поставить опус в контекст прошедшей эпохи и нашего времени. Например, Проппа большую часть жизни либо замалчивали, либо травили (за формализм, за низкопоклонство перед Западом, за немецкое происхождение) и признали, лишь когда усилиями Р. О. Якобсона он прославился в Америке и Европе. Трубецкого помнят как основателя фонологии, а остальное почти пропустили, и потребовалось немало усилий, чтобы сделать его доступным широкому кругу исследователей, фактически вырвать из забвения. Замечу, что, даже когда автор пишет по-английски, работы в англоязычной стране над изданием его избранных сочинений не многим меньше. В этом я убедился, занимаясь наследием исландского филолога Стефауна Эйнарссона (но ради него я поехал в Исландию и изучал его архив; в связи с Проппом и Трубецким ездить никуда не пришлось). Редактура, примечания и вступительные очерки никому не принесли славы, но не ради славы я за них и брался. Я написал подробное послесловие к английскому переводу книги М. И. Стеблин-Каменского «Миф» и пространные рецензии-пересказы книг моих друзей-германистов, работавших в России, как когда-то пе-

рассказывал «Сравнительную акцентологию» С. Д. Кацнельсона. Наука не Олимпийские игры, и не за медали сражаются ученые.

Я всю жизнь пишу и перевожу стихи, но до отъезда из России смог напечатать (в петрозаводском журнале «Север») лишь подборку сонетов Шекспира и три стихотворения исландца Йоуна Хельгасона. В Америке возникла скромная возможность публикаций в альманахах («Встречи» и «Побережье», оба в Филадельфии), в нью-йоркских «Новом Журнале» и «Слове/Word» и много позже — во франкфуртских «Мостах». Неизвестно, сколько людей прочло написанное мною. Скорее всего, их количество ничтожно, но создается иллюзия выхода в мир. В 1990 году я выпустил небольшую книжку своих стихов и переводов («Врачевание духа»), куда включил и переведенную еще в России «Балладу Редингской тюрьмы», дань благодарности Оскару Уайльду. Ни один экземпляр «Врачевания», посланный по почте в доперестроечную Россию, до адресата не дошел, и я льщу себя мыслью, что советские Шпекины оценили мое творчество. Такое случалось и раньше: «Германскую акцентологию» украли со стенда выставки университетского клуба, а другая книга (о ней речь пойдет ниже) пропала среди своих на кафедре. У воров бывает хороший вкус.

Особое место в моей работе заняли переводы русской классики на английский язык, хотя, если заказывали, я переводил кое-что и из современных авторов. Почти сразу после приезда в Америку мне пришло в голову перевести некоторые стихи Лермонтова. К многочисленным существовавшим переводам я отнесся с большим неодобрением. Было бы интересно сравнивать превосходные переводы англоязычной поэзии, выполненные в России (от Чосера и Шекспира до Одена и Роберта Фроста), и унылую, а часто топорную продукцию, выдаваемую за переводы русских поэтов в Англии, Америке и Канаде. Исключение составляет «Евгений Онегин», который переводили более десяти раз, и успех несомненен. Но разговор на эту тему вышел бы за рамки данной статьи. Скажу лишь, что в переводах я сохраняю размер и систему рифмовки подлинника, хотя двадцатый век разверщен свободным стихом и к своим великим романтикам (Байрону, Шелли, Китсу и прочим) относится с полным равнодушием, а Теннисона и Лонгфелло откровенно презирает, по большей части не зная их.

Окружающие хвалили мои опыты, и я потихоньку перевел всю основную лирику Лермонтова и главные поэмы, не отважившись взяться только за «Сашку». Публиковать же эти переводы никто бы не стал: стихи продаются из рук вон плохо, а переводные — тем

более. Спас меня избранный мною формат. Почти сразу стало ясно, что к стихам требуются пояснения, исторические и «страноведческие», как, например, к «Смерти поэта» и «Валерику», и литературные: надо было обратить внимание читателей на мастерство Лермонтова, на источники тем, на связи образов в современной ему поэзии и прочее. Так я оказался в привычной мне роли комментатора (с той лишь разницей, что русская литература была для меня новой областью), и я с наслаждением погрузился в бесчисленные статьи и книги о Лермонтове и, конечно, обо всей той эпохе. Благодаря моим германским штудиям, давнему интересу к метрике и многолетнему чтению русских формалистов (Тынянов, Якобсон, Шкловский, Эйхенбаум и их ученики) и пришедших им на смену литературоведов, в поэтике я не был неучем, но все равно приходилось осваивать материал, известный мне мало.

Мой аннотированный перевод Лермонтова с массой иллюстраций и необычайно красивой суперобложкой по мотивам Врубеля (ее сделала моя жена, окончившая к тому времени в университете художественный факультет) вышел в 1982 году, и его приняли так хорошо, как, пожалуй, ни одну другую мою книгу. Дело было не только в одобрительном тоне рецензий в ведущих газетах и журналах, но и в их количестве. Вторым поэтом стал Тютчев. В мои школьные годы он еще не удостоился внимания программ, и я оценил его гораздо позже. Лирика Тютчева — одно из чудес света. Теперь я знаю всю ее наизусть. Если переводить не спеша, выгуливая какую-нибудь строфию про «солнца раскаленный шар» две недели, запоминание неизбежно. Книга была выпущена в 1994 году и на этот раз с комментарием и введением (тот же жанр типа «Литературные памятники»), но она получилась не такой красивой, как «Лермонтов», и имела меньший резонанс. Тютчева знают на Западе только те, кто может читать его в оригинале, а о Лермонтове благодаря «Герою нашего времени» слышали многие. Готова у меня и почти полная лирика Боратынского, но пока она лежит в столе: не закончен комментарий. Однако мой перевод четверостишия «Умом Россию не понять ...» я видел на бесчисленных сайтах, в том числе и российских (Бог ведает, зачем он им по-английски), и именно «Тютчева» забыл вернуть кто-то из моих коллег на кафедре.

В 1994 году В. П. Крейд (Крейденков) предложил мне постоянное сотрудничество в нью-йоркском «Новом Журнале», редактором которого он незадолго до этого стал. Он был профессором славянской кафедры университета Айовы. Денежного вознаграждения никакого не полагалось, но приглашение показалось мне заманчивым.

Мы решили, что я буду рецензировать поступающие в редакцию книги, и вскоре я стал членом редакционной коллегии и попечительского совета (обе должности имели орнаментальный характер: руководство было у Крейда и двух спонсоров, доставшихся ему по наследству от Романа Гуля). К девяностым годам журнал захирел, а рецензии почти исчезли. Поэтому книги туда почти никто не посыпал, но что-то продолжало пылиться на полках. Я активно взялся за дело, и оживший раздел сразу заметили. Крейд был в восторге. Издательства и авторы затопили нас литературой. Появились и другие желающие писать рецензии, и критика стала занимать около четверти объема каждого номера: романы, сборники стихов и рассказов, история, политика (по-русски и по-английски), искусство. «Новый Журнал» выходил четыре раза в год. К каждому выпуску я прочитывал 1500-2000 страниц и писал двадцатистраничный обзор. Заседания редколлегии проходили в Нью-Йорке, и Крейд согласился устраивать выездные сессии. Мы рассказывали о журнале, читали стихи и вербовали подписчиков. Так продолжалось одиннадцать лет. С годами работать с Крейдом становилось все труднее, и наши отношения, поначалу сверхдружеские, испортились. В разразившемся конфликте члены редколлегии единодушно стали на сторону «начальства». Я был изгнан и сразу перешел на столь же «хлебную» должность к В. С. Батшеву во франкфуртские «Мосты» (тоже ежеквартальный журнал). Вскоре ушел с редакторства и Крейд.

За последние 15 лет я в качестве рецензента прочел по меньшей мере 100 000 страниц, иногда выбирая книги сам, но чаще следя за потоком. Кое-что в этом потоке, может быть, и не заслуживало внимания, но попадались и очень хорошие книги. Те, кто следил за моей деятельностью, часто удивлялись: «Зачем тратить время и силы на проходные книги? Пиши только о самом интересном в современной литературе». Но, во-первых, «самое интересное» часто оказывалось хорошо раскрученной макулатурой, а во-вторых, я всегда помнил, как редко и скучно отзываются критика на сочинения эмигрантов (а они-то и составляли львиную долю моей почты) и как много значит даже для успешного автора рецензия в солидном журнале. Пишу я и очерки и надеюсь в неслишком отдаленном будущем собрать самые интересные статьи и рецензии и выпустить их отдельной книгой. То же я намерен сделать и с лучшими стихами. Легко видеть, что количество обещанных публике полуфабрикатов неустанно растет, и все же меня не оставляет надежда увидеть их в готовом виде.

Непредвиденно сложилась в Америке и моя лингвистическая карьера. Когда рукопись «Акцентологии» добралась до Миннеаполиса, я стал переводить ее на английский язык, но Америка внесла в мои планы серьезные корректизы. Узнав, что место моего назначения — Миннеаполис, я не представлял себе, что значит заниматься в библиотеке с открытым доступом и как богаты книжные фонды университетов Среднего Запада. Исследуя шифр за шифром, я натолкнулся не только на книги, которые были в СССР в одном экземпляре и которых там вовсе не было (а здесь они есть в любом крупном колледже), но и на такие, которые там, возможно, были. Однако их заглавия не сулили мне ничего интересного, и они не попали в поле моего зрения. Откровением стали журналы. Теперь я мог просматривать их комплекты за все годы и, конечно, обратил внимание на десятки интересных статей. Они позволили мне кое-что улучшить и даже передумать.

Дел поначалу было много: устройство на новом месте, частичная переквалификация, бесконечная подготовка к занятиям, желание сделать все сразу, масса дополнительных курсов (мое жалование было очень скромным, и я искал приработки повсюду), маленький ребенок. На перевод и додумывание книги ушло много времени, и она увидела свет только в 1982 году как первый том германской акцентологии («Скандинавские языки»). Второй том, на который я получил весьма чтимуую стипендию Гуггенхайма, должен был быть посвящен западногерманским языкам: немецкому, голландскому, английскому и фризскому, а также реконструкции прагерманского состояния. Однако понемногу обнаружилось, что западногерманский том не будет аналогом скандинавского, что тема требует углубленных новых исследований. Частично изменился и мой взгляд на прошлое германской просодики. Вместо книги я стал писать статьи. Каждая из них — глава второго тома, и, кажется, я подошел к концу, но все нити предстоит собрать воедино. Кончается лето 2009 года, и этот том, наряду с Боратынским, возглавляет список полуфабрикатов.

Знаменательный поворот в моей жизни произошел в связи с тем, что в 1988 году я решил писать этимологический словарь английского языка — предприятие весьма рискованное, потому что за словари лучше браться в молодости. О происхождении слов высказываются различные гипотезы: исконные они или заимствованные; если заимствованные, то откуда; если исконные, то есть ли у них соответствия в родственных языках, и прочее. Статья в хорошем этимологическом словаре — это не только изложение взглядов ав-

тора, а еще и критически осмысленная сводка мнений. Подробные этимологические словари написаны для многих языков, живых (например, русского и литовского) и мертвых (например, латинского и готского), но, как ни странно, не для английского (странны это потому, что английский — самый исследованный язык в мире), и я вознамерился исправить столь вопиющую несправедливость.

История того, почему я решил спасти подвластную мне часть мира (и именно в 1988 году) и как принялся за дело, — сюжет для пространной повести; ограничусь лишь намеком на нее. Смысл задуманного словаря состоял в том, чтобы проследить поиски этимологии каждого слова. Моя оценка этих поисков и новые решения разумелись сами собой. Надо было прочесть и проанализировать печатную продукцию за несколько веков на всех языках, на которых что-либо писалось об истории английских слов. Первый этимологический словарь английского языка был издан в 1617 году. Журналы появились в Европе в XVII веке, но расцвет этимологии приходится на XIX век, особенно на вторую его половину. XX век был веком структурных методов. Их успех привел к тому, что интерес к истории увял: этимология выжила, но на вторых и третьих ролях. К счастью, публика, не знающая о подводных течениях в лингвистике и безразличная к ним, по-прежнему ищет ответы на вопросы о происхождении слов. Она ежегодно поглощает не менее десяти новых английских книг по этимологии (в основном, тривиальных, но бойких), да и некоторые научные журналы охотно печалят статьи на эту тему. Я могу сослаться и на свой опыт. Несколько раз в году я выступаю по радио и отвечаю на вопросы слушателей, откуда пришло то или иное слово; поток спрашивающих не иссякает. Изданная в 2005 году в Оксфорде, моя книга о происхождении слов недавно вышла вторым изданием, а мой еженедельный блог на сайте издательства Оксфордского университета читают и перепечатывают от моря и до моря.

Такова реакция публики. На верхних этажах науки дело обстоит иначе. Все мои попытки получить грант от главной государственной организации, ведающей гуманитарными специальностями, потерпели провал. Лейтмотив большинства отрицательных отзывов был: «Кому это нужно?» Но мой университет и два частных лица поверили в меня, и проект выжил. Волонтеры просмотрели бесчисленные тома популярных журналов и принесли мне копии переснятых статей, а я читал и расписывал их на слова, об истории которых шла речь. Наиболее продвинутые студенты делали то же самое с немецкой и скандинавской периодикой. Литературу на остальных

языках читал я сам. Тонны книг присыпали мне со всего света по межбиблиотечному абонементу. Деньги уходили на оплату часов, которые студенты проводили в библиотеке, на копирование тысяч страниц (даже и сейчас далеко не все можно найти в интернете), а также на услуги студентов, вносявших данные в компьютер, и программистов. По американским понятиям, за двадцать с лишним лет через мои руки прошли ничтожные суммы, но на гуманитарный проект и самую скромную дотацию получить непросто. Когда база данных приняла внушительные размеры, я решил, что надо сделать ее доступной всем, и в 2009 году огромная книга (более 20 000 названий на 23 языках: список работ и словник) была издана Миннесотским университетом. Он же издает словарь.

Чтобы не утонуть в море слов (опасность, подстерегающая любого лексикографа), я отобрал те из них, происхождение которых остается загадкой. Только им и будет посвящен мой словарь. Пока, в 2008 году, вышел первый том. Сколько еще понадобится томов и хватит ли мне на них времени, покажет будущее. Предприятие по производству полуфабрикатов работает с полной нагрузкой, а на пенсию университеты не гонят. Как говорит один мой знакомый: «Пока мы живы, все впереди».

Итоги

Мне было 38 лет, когда я уехал из Советского Союза. В Америке я прожил 34 года и в Россию приезжал лишь дважды, оба раза по приглашению и лишь на несколько дней: в 2003 году (в Петербург) на празднование столетия М. И. Стеблин-Каменского и в 2009 году (в Москву) на восьмидесятилетний юбилей Вячеслава Всеволодовича Иванова, — но я регулярно печатаюсь в российских сборниках и журналах. Вне всякого сомнения, я везучий человек. По-настоящему судьба была ко мне несправедлива, только когда лишила отца. Жестокая система закалила мою волю, не подмяв под себя и не раздавив. А в остальном меня не принимали туда, куда я рвался по ошибке, благодаря чему я оказывался там, где надо. С какого-то момента моя жизнь была цепью сплошных удач (в хронологическом порядке): углубленные занятия английским (а не теорией), пятый курс в Герценовском и немецкий, встреча с И. П. Ивановой, ученичество у М. И. Стеблин-Каменского, изучение фонологии, переход в скандинавистику, Институт языкоизнания, счастливая женитьба, не сопровождавшаяся травмами эмиграция, с первого дня работа по специальности в Соединенных Штатах, связи с пре-

красными издательствами. У людей, даже осведомленных о состоянии дел в Америке (в том числе и у многих американцев), лишь несколько названий — Гарвард, Йель, Принстон и еще два-три — вызывают священный трепет, но мне было много лучше оказаться в большом государственном университете, где я получил полную свободу действий. Ни в Гарварде, ни в Принстоне я бы не вел курсы столь необъятного диапазона: от «Русского формализма» и «Немецкого фольклора» до «Рунических надписей» и «Древнефризского». Миннесота дала мне возможность охватить все средневековые германские языки и литературы. В Америке я впервые профессионально приблизился к русской литературе, от которой отогнали серебряного медалиста выпуска 1954 года, а моя деятельность рецензента сродни журнализму, по глупости привлекавшему меня в ранней молодости. Все в свое время.

Я привез в Америку устоявшуюся систему взглядов и мог позволить себе не поступиться ими. Мне глубоко претит политизация гуманитарных наук на Западе, недетская их левизна и сползание в РАПП'овскую пропасть. Не в моей власти приостановить это сползание, но я могу противостоять ему, что и делаю в меру сил. В Америке я, пришедший из грозящего ей будущего, безусловно, русский филолог. Мои издания свидетельствуют о том же. В старых университетах было принято оставлять самых перспективных выпускников при кафедре. Эта традиция умерла везде. Мои лучшие ученики работают далеко от меня. Но есть большой мир, и в нем я не одинок.

Легко видеть, что я доволен тем, как сложилась моя жизнь в Америке. Оглядываясь на свою научную карьеру, я могу сказать, что иногда мне удавалось объяснить явления, ставившие в тупик моих предшественников. Так обстоит дело с общей теорией ударения, с некоторыми процессами в исторической фонологии и с историей слов. Отсюда удовлетворение сделанным. Поклонники же появляются лишь в награду за успешную рекламу, которой я не занимался. Так, наверно, было всегда, но в наши дни без сплоченной группы энтузиастов, трубящих по всему свету о достижениях своего учителя, пробиться сквозь мировой шум трудно.

В лекциях я часто ссылаюсь на опыт современной лингвистики. Гениальный Фердинанд де Соссюр несколько раз прочел в Женеве курс лекций по общему языкознанию и умер нестарым человеком. Его студенты собрали конспекты лекций и накануне Первой мировой войны издали их в виде книги. Ее появление ознаменовало новую эпоху в истории науки XX века. Книгу, как видим, заметили и оценили (без рекламы!). В наши дни этого бы не произошло. После

войны крупнейшим событием стала деятельность Пражского лингвистического кружка, но славой своей кружок был обязан не только оригинальностью идей, но и организационным талантам Р. О. Якобсона: подготавливались выступления на конгрессах (на которые тогда еще не съезжалось по 700-800 человек), выпускались и рассылались бесплатно сборники статей и завязывались полезные связи. Хомскианская революция² была, на мой взгляд, катастрофой, однако характерно ее «триумфальное шествие». Наука до 1956 года была объявлена в лучшем случае предысторией нового учения, но, в основном, наивной ересью. Молодым исследователям пообещали пропуск в рай, причем немедленно. Шумиха сопровождалась безудержной политизацией (естественно, «влево») и толпы стекались под новые знамена.

При нормальных же обстоятельствах ученый пишет статью или книгу и надеется, что ее прочтут, но книг, не говоря уже о статьях, тысячи, а с добавлением интернета — десятки тысяч. Даже самые добросовестные специалисты не в силах уследить за ними. Поэтому серьезное открытие может и не повлиять на исследовательскую практику, по крайней мере, в гуманитарных областях, в которых истина обладает раздражающей изворотливостью. И все же, повторяю, кое-где я разрушил давние заблуждения и сделал известными незаслуженно забытые мысли.

Но довольна ли Америка мной? Извечен вопрос о мере признания эмигранта на новом месте. Все зависит от того, какой мерой мерить признание. Меня всегда страшила административная деятельность и не привлекала власть. К тому же, рано заметив и осудив в себе стадный инстинкт, я чуялся группировок, научных клик и прочих мафиозных институтов, и если течение относило меня в сторону от тех мест, куда хотел плыть я, то плыл против него. Я не заискивал перед функционерами, никому не оказывал услуг в надежде на взаимность и не написал ни одной хвалебной рецензии на плохую книгу. Господствующие теории в современной филологии: мультикультуризм, деконструкция, порождающая грамматика с фонологией — вызывают у меня отвращение, и в Америке я не скрывал своих чувств. Никакого героизма мои поступки не требовали: достаточно было не идти на сговор с собственной совестью ради почетного звания, прибавки к жалованию и одобрительного взгляда вышестоящих — чрезвычайно невысокая плата за сохранение себя как личности. И в прошлой жизни мои устремления не шли дальше того, чтобы не стыдно было смотреть на себя в зеркало. В Америке легче оставаться порядочным чело-

веком, чем в России: здесь необязательно быть ни диссидентом, ни героем.

По всем этим причинам я не оброс регалиями, но и не остался на обочине: у меня повсюду находились единомышленники, даже если и не по полной программе. Я получил много самых почетных наград вроде тех, о которых говорил выше (Гуггенхайм; лучшая книга года по фольклору). Меня постоянно, и с давних пор, приглашают читать лекции в крупнейших университетах и делать пленарные доклады на американских и международных конференциях. Я преподавал не только в Миннесоте и Гарварде (там только один семестр), но и в Италии, Германии и Англии, и именно с Англией связано одно из самых моих приятных воспоминаний. Во время семестра, проведенного в Кембридже, я прочел четыре лекции о средневековой культуре. В здании, где я выступал, аудитории сконструированы с передвижными перегородками. На первую лекцию пришло человек пятнадцать, на второй стенку пришлось отодвинуть, так что размеры помещения удвоились. Следующую перегородку убрали через неделю, а на последней лекции сидели на подоконниках, и один из самых знаменитых медиевистов сказал мне: «К сожалению, у нас подобных циклов никто не читает». В послужной список такое не вставишь, но и за деньги не купишь.

Моими книгами пользуются от Японии до Канады. Однако даже самые популярные из них адресованы немногим. Если издательству удается продать пять-семь тысяч экземпляров, издание считается академическим бестселлером; обычный тираж не дотягивает и до одной тысячи. Этому не приходится удивляться. Скольких людей интересуют германские акценты, скандинавские мифы, статьи Проппа, идеи Трубецкого и стихи русских поэтов в английских переводах? Даже читающийся как детектив этимологический словарь не сравнится с мемуарами самого бездарного президента. Я хорошо известен тем, кому я нужен. Мое признание соответствует моим заслугам. Было бы нелепо ожидать большего.

Выборочный список книг А. С. Либермана

Если считать каждый обзор в «Новом Журнале» и «Мостах», а также всю поэтическую продукцию, появившуюся в каждом году, за один номер, мой список публикаций содержит 530 работ. Последняя статья, написанная мной до эмиграции, имела номер 92 (но вышло к 1975 году 86). В Америке, где объем печатной продукции — основной пропуск в пантеон славы, 86 — внушительное число, и оно

произвело соответствующее впечатление. Ниже я назову только книги, которые я написал или отредактировал (о типе редакторства см. выше). Книги, в которых я был редактором, отмечены звездочкой.

1. Поговорим об искусстве. — Л.: Учпедгиз, 1963. — Серия «Разговорный английский язык»; Соавт. В. П. Беляцкая.
2. Торговля. — Л.: Учпедгиз, 1966. — Серия «Разговорный английский язык».
3. Исландская просодика: к фонологической характеристике исландского языка и его истории. — М.: Наука, 1971.
4. Врачевание духа: стихи и переводы. — New York: Effect Publishing Inc., 1996.
5. *Germanic Accentology, Volume 1: The Scandinavian Languages*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982.
6. *Mikhail Lermontov, Major Poetical Works...* Minneapolis: University of Minnesota Press, 1983.
7. **Vladimir Propp, Theory and History of Folklore*. Minneapolis and Manchester: University of Minnesota Press, 1984.
8. **Stefan Einarsson, Studies in Germanic Philology*. Hamburg: Helmut Buske.
9. **N. S. Trubetzkoy, Writings on Literature*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1990.
10. **N. S. Trubetzkoy, The Legacy of Genghis Khan and Other Essays on Russian Identity*. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 1991.
11. *On the Height of Creation: The Lyrics of Fedor Tyutchev*. Greenwich, CT; London, England: JAI Press, 1993.
12. *Word Heath.... Essays on Germanic Literature and Usage (1972–1992)*. Rome: Il Calamo, 1994.
13. **N. S. Trubetzkoy, Studies in General Linguistics and Language Structure*. Durham and London: Duke University Press, 2001.
14. *Etymology for Everyone: Word Origins... and How We Know Them*. Oxford: Oxford University Press, 2005.
15. *An Analytic Dictionary of English Etymology: An Introduction*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008.
16. **A Bibliography of English Etymology (1599–1999)*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2009.

Приложение

Мои переводы русских поэтов имеют, как уже говорилось, довольно широкое хождение, но мои собственные стихи читали немногие. Я отобрал стихотворения, которые в каком-то смысле отражают содержание очерка. Миннеаполис построен в верховьях Миссисипи, и я живу почти на набережной. За сорок минут ходьбы выше по течению расположены корпуса университета. Почти все свои стихи я сочинил по дороге в университет и обратно. Речной темой и открывается подборка. «Воздух леса и лугов» ничуть не вреден мне, но большая часть моей жизни прошла среди книг. Как бы иначе узнал я то, что сейчас знаю? Работа над этимологическим словарем превратила меня в полупрофессионального библиографа (об этом я рассказал в статье «Американский этимолог в библиографических джунглях», опубликованной в первом номере российского журнала «Библиография» за 2007 год). Без воздуха книгохранилищ я был бы другим человеком.

Для людей моего поколения война никогда не кончится, и они никогда не перестанут писать о ней; я не исключение. Стихи о музыке и поэтах не нуждаются в комментариях, как и извечная попытка (особенно к старости) осмыслить прожитую жизнь и свое место в ней. Мои подражания миннезангу (ниже приведено лишь одно из них) — дань моей любви к великой лирической поэзии XIII века. С тех пор, как я обратился к сонетам Шекспира, их переводили на русский язык снова и снова. Все, кто может читать их в оригинале, спешат поделиться своим восторгом с теми, кто лишен этой возможности. О соперничестве говорить не приходится: рядом с Шекспиром никого из нас не видно.

На природе

Среди обиженных и нуоришей
Я совершаю свой привычный круг,
Жуя овес навязчивых двустиший,
Из шелухи высасывая звук —
В дни ураганов и в часы затишний,
Под пенье птиц и завыванье вьюг.

А путь мой вдоль реки, где мели, плесы:
Все у великих рек, как у людей.
По берегам то инеи, то росы,
То кучки аппетитных желудей.

Мне не до них. Передо мной вопросы,
Со временем не ставшие светлей.

В неведомые годы чьи-то предки
Заговорили новым языком,
И до сих пор в его нелепой клетке
Довольные собою, мы живем.
К прадереву, к той незаконной ветке,
Не к желудям я мыслями влеком.

В воде икру немая рыба мечет,
Но выше гомон и небесный гром.
Гудит пчела, исходит в криках кречет.
Еще не овладевши топором,
Хрипящий человек стремится к речи,
Чтобы над всеми сделаться царем.

Я среди тех, кому был миф — наука
И заклинатель заменял врача,
Кто знал, что смысл рождается из звука,
Кто, слыша грай, сумел наречь грача,
Кто в дичь и зверя целился из лука
И безбоязненно рубил сплеча.

Но мир вокруг не продолженье мифа,
И заклинают нынче только змей.
Столкнувшись с рифмой, как с подножьем рифа,
Я, пасынок языковых семей,
Потомок суетливого Сизифа,
Иду, дивясь, что круг не стал прямей.

* * *

Мне вреден воздух леса и лугов,
Он к нам пришел, преданьем не испытан:
Не отстоялся в глубине веков
И благодарной пылью не пропитан.
Но я люблю открыть старинный том;
Его страницы, тронутые тленьем,
Красноречиво говорят о том,
Что было страстью, мукой и томленьем.
Я провожу рукой по корешку,
Держу ладонь на ржавом переплете,

И рыцарь замирает на скаку,
Олень — в прыжке, и горлица — в полете.
И только аромат цветов и трав
Не смог войти в настой из старых глав.

Война, которой не будет конца

Господин капитан Ганс Бетке,
Вы сгинули в сорок первом году под Смоленском,
Не вернувшись из той разведки.
Но так случилось в круговороте вселенском,
Что рядом — цвета почти что воска —
Стонал человек, не заглушая обстрела, —
Младший лейтенант противоположного войска,
Превращавшийся из живого человека в тело.
Я не военный: не обучен, потому что не годен,
И должно быть, не все рассказал, как надо;
Например, забыл, что в сраженьях во славу родин
Гром орудий называется канонадой.
Но суть событий изложена верно
(Не учтены лишь звезда и крестик из жести):
Два совсем еще молодых офицера
Погибли одновременно, но как бы не вместе.
А отец Ваш дождался победы
В сгоревшем тысячелетнем рейхе,
И с ним Нибелунги, Вёльсунги и обе «Эдды»
Дошли до мая без единой прорехи.
Помните: германские древности были
Отцу-профессору любовью и болью —
Такие же кровожадные, как и ныне, были,
Но тронутые респектабельной молью.
Он посвятил Вам свою книгу³, где Тор и Бальдр
Тоже погибли. Писал ее, плача.
Хороший был отец Бетке Вальтер!
Мне бы такого. Да вот неудача:
Помните младшего лейтенанта рядом?
Мой отец. Говорят, отличался живостью слога.
Где вы сейчас? Каким парадом
Проходите мимо Господа Бога?
Познакомились, сдружились? Мы ведь

Не то, что на горке, на пункте энском.
Мы-то здесь дружим, и только память
В годовщипу гвоздит и погода Смоленском.

* * *

Я мог бы выйти на Сенатскую площадь
И быть повешен
Или сгинуть в Сибири — ничего проще,
Но не замешан,
Ибо родился, сам того пе желая,
Позже тех прaporщиков и Николая.

Меня могли бы задавить на Ходынке —
Такой был случай!
Не понадобились бы и помипки,
Но я везучий:
Ни тому самодержцу, ни его тезке
Не пришлось дарить мне сосновые доски.

Я мог бы сгинуть — звездочка на погоне,
(Нашивки, ромбы):
Обезноженный, не убежишь от погони,
И всюду бомбы.
Опять запоздал. Ветер полощет знамя —
Впереди все войны, но Москва за нами.

Я мог бы выйти на Дворцовую площадь
Того же града
И громко крикнуть: «Все устали и ропщут.
Уйдите, гады!»
Но я не крикнул. Мир меня не услышал.
Я мог бы выйти. Мог бы. Но я пе выпиел.

ПОЭТЫ

Боратынский

Притворной нежности не требуй от меня.
Я даже и тогда любил тебя едва ли;
Мы разошлись легко, друг друга пе виня,
И все, что можно было, о себе узнали.
Но столько лет прошло: ты стала забывать,

Что я был искренен и честен в заблужденье;
Тебе ж хотелось лишь царить, повелевать,
А не делить со мной сердечное влеченье.
И нет мне радости, что ты нам всем лгала —
Тебе уже тогда мужская страсть приелась!
Но твой альбомный друг, поэт, сгорел дотла:
Стал опытнее дух, и наступила зрелость.
Зачем же ворошить дела давнишних дней?
Любовь, ты говоришь, в разлуке лишь окрепла,
Облагородилась и сделалась нежней.
Нет, зря ты ищешь жар в остывшей груде пепла!
Не связанный ни с кем, чудак-анахорет,
Я зрящих слез не лью; найду и я подругу,
Когда вернусь домой и, сбросив тяжесть лет,
Пойду людской тропой и по земному кругу.
В рассветный час любви мы грезим об одной,
В разуверении легко и быстро дружим.
Не спрашивай, молю, кто будет мне женой,
А посочувствуй той, которой буду мужем!

Анна Ахматова

Здесь всё меня переживает,
Неизойдет в последнем всхлипе:
Пологий берег Миссисипи,
Размытый током вешних вод,
Все то, чему пришел черед:
Дупло в полуистлевшей липе,
Мостки, зашедшиеся в скрипе, —
Но что не рухнет, не умрет,
Не растворится в едком дыме...
И я бы мог, сравнявшись с ними,
Застыть недвижно навсегда,
Но скучно вековое бденье
Тому, кто не остался тенью
У царскосельского пруда.

Мандельштам

В Петербурге не сойтись нам снова.
Некому сходиться — и зачем?

На его проспектах нет нам крова:
Воздух дик, а город пуст и нем.

И в те дни, когда закрывши створки
Высохших колодников-дверей,
Мы познали первые восторги
Худосочной юности своей,
И тогда не северной Пальмирай,
А тюрьмой был наш красавец-дом.
А теперь нам, старым, за полмира
Он и вспоминается с трудом.

Время то длиннее, то короче —
Только череда одна:
Черный бархат злой декабряской ночи,
Майский шлейф белее полотна.
Видишь осыпающийся тополь?
Все покрыл, как снегом, нежный пух.
Так хоронят царственный Петрополь,
Где бродил вокруг тебя наш дух.

Музыка

По радио играют «Карнавал».
Ломает руки ласковый Эвзебий,
И Флорестан проносится, как шквал:
Порыв и грэзы — неизбытный жребий.

Я был, как вы; я знаю эту дрожь —
Проклятье поэтического дара —
И дух любви, любви, которой ждешь:
Бесплотная, единственная Клара.

Я вас играл, как кто-то молодой
Сейчас играет в обомлевшем зале,
И мчится жизнь моя передо мной
В трагическом, но сладком карнавале.

Конец. Бравурный марш. Парад алле.
Сплетаясь в клубок, уходят в вечность темы,
И мы идем за ними по земле,
Растянуты, окрылены, но немы.

Подражание миннезангу

О, этот зов голодной плоти
И жажда низменных услад!
Направленный на женщин взгляд —
Всегда, повсюду на охоте.
А рядом похвалы достойны,
Патрицианки. О таких
Певцы возносят к небу стих,
И из-за них ведутся войны.
Когда забывший путь к отказу
Во мне охотник ублажен,
Среди легко доступных жен
Я забываю стыд не сразу.
Но, успокоившись, дуэнье
Пою влюбленный мадригал
И замечаю, что снискал
Своим искусством одобренье.
Я мог бы петь звезде в тумане,
Надеясь сбросить страсти гнет
(Бывает ведь: звезда мигнет
Тому, чей взор она приманит),
И было б так же. Издалека
Забрезжила бы красота.
О прелесть губ и тайны рта
И глаз бездонных поволока!
Избранница! Прими на веру
Мою бесхитростную речь.
Мне так хотелось бы сберечь —
Нет, не умеренность, а меру.
Мне жутко в пропасти. С обрыва
Я камнем скатываюсь вниз,
А на вершинах я закис.
Как мне, любя, прожить счастливо?
Неужто где-то в нашем мире
Долина есть, где ровен свет,
Где крайностей любовных нет
И не лежат на сердце гири?

30

Когда перед моим немым судом
Щемящих дум проходит длинный строй,
Я с новой болью думаю о том,
Как скромно все, достигнутое мной.
И я тогда не сдерживаю слез
О самых тяжких из моих утрат:
О той, чей образ натиск лет унес,
О тех, чью память только сны хранят.
О старой грусти я опять грущу,
Счетам всей жизни подвожу итог
И плачу вновь, и вновь по ним плачу,
Как будто векселям не вышел срок.

И только мысль, что есть на свете друг,
Снимает боль от горестей и мук.

35

Прошу, содеянным себя не мучь;
У роз — шипы, на дне ключа — осадок,
Светил порой не видно из-за туч,
И червь находит плод, который сладок.
Кто без ошибок может век прожить?
Вот я зачем твой грех вставляю в ямбы,
Сквозь стыд тебя стараясь ублажить,
Прощая то, чего не сделал сам бы?
Я чувств ищу, где чувственность одна;
Я у врага — покорным адвокатом.
Любовь во мне, как ненависть, сильна,
И сам себе кажусь я виноватым.

Как вора, друга я зову на суд,
Но пусть меня сообщником ведут.

66

Я смерти был бы рад, чтоб не видать,
Как честность побирается под дверью,
Как на глупцов нисходит благодать,

Как вера превращается в безверье,
Как ложь вершит над правдой приговор,
Как подлость совершенство задушила,
Как девственность выводят на позор,
Как слабость обессиливает силу,
Как власть поэту зажимает рот,
Как чванный хам берется мудрость школить,
Как лишь простак по простоте не врет,
Как зло вольно везде добро неволить.

Я смерти был бы рад. Одна печаль:
Тебя оставить в этом мире жаль.

73

Во мне то время года видишь ты,
Когда с ветвей уже слетел убор
И ветер рвет последние листы;
Разрушен клирос, смолкнул птичий хор.
Во мне ты видишь, как закатный свет
Почти угас и переходит в тьму,
А дальше ночь, как смерть, ползет восторг,
Чтоб все укрыть и дать покой всему.
Во мне ты видишь, как приник к огню
Последний сук истлевшего ствола
И душит даже эту головню
С нее самой летящая зола.

Пусть так. Но тем моя любовь сильней,
Чем меньше мне любить осталось дней.

129

Растрана духа на потребу тела –
Вот похоть в действии, ее игра
Подла, груба, кровава, оголтела,
Жестока, зла, безудержна, хитра.
Утолена — ее мы ненавидим;
Ее желаем; получив свое,
Уже жалеем; лишь приманку видим
И вместе с ней глотаем острие;
Стремясь излиться, в буре излиянья,
Изливши страсть — безудержна во всем.

Она восторг и пытка в испытанье;
Приходит счастьем, а уходит сном.

И, всё познав, все вновь и вновь спешат
Изведать рай, ведущий в этот ад.

¹ О Р. О. Якобсоне см: *A. Либерман*. Роман Осипович Якобсон. В кн.: Русские евреи в Америке, кн. 2. Иерусалим — Торонто — Санкт-Петербург, 2007. С. 62–75 (примеч. ред.-сост.).

² О хомскианской революции и Р. О. Якобсоне см. примеч. 1 (примеч. ред.-сост.)

³ Вальтер Бетке. «О духе и наследии Севера. Статьи о духовной жизни и верованиях древних скандинавов и немцев». Геттинген, 1944. Памяти моего любимого сына капитана инженерных войск Ганса Бетке, павшего под Смоленском 7 сентября 1941 года (нем.).

ИСКУССТВО

Сын утерянного города

Виталий Орлов (Нью-Йорк)

Илья Шенкер родился в Одессе 23 августа 1920 года, вскоре после революции, на исходе Гражданской войны. В детстве он увлекался рисованием и искусством. Одним из лучших своих педагогов художник считает учителя рисования и прекрасного художника Анатолия Дивари, грека по национальности. В те времена в Одессе проживало много греков, но в 30-е годы они были депортированы большевиками.

Илья хотел учиться искусству живописи, однако после окончания средней школы, по настоянию родителей поступил на архитектурный факультет Одесского инженерно-строительного института, так как они считали, что профессия художника — это «несерьезно». Когда И. Шенкер был на третьем курсе института, за два месяца до его 21-летия началась Великая Отечественная война.

23 июня он был призван в армию, и когда новобранцев спросили, кто хочет служить в авиации — сделал шаг вперед. После этого с группой товарищей Илья прошел пешком от Одессы до Николаева, а оттуда был отправлен на Кавказ, чтобы обучаться авиационному делу. Он прослужил в авиационных частях в должности авиатехника по оборудованию и уходу за самолетами, прошел весь путь от Украины до Германии и в мае 1945 года был среди победителей в Берлине.

После войны Илья закончил архитектурный факультет Одесского строительного института и затем 8 лет проработал архитектором. Одновременно он посещал классы живописи профессора Одесского художественного училища Фраермана.

Вскоре Илья Шенкер стал профессиональным художником. С 1957 года участвовал в выставках в СССР — в Одессе, Киеве, Москве. С 1968 по 1976 годы его работы экспонировались в Болгарии, Венгрии, Египте.

Ему хотелось воплощать свои замыслы, а вместо этого нужно было творить по указанию, выслушивать демагогические призывы полуграмотных партийных невежд.

В 1975 году художник эмигрирует в Америку. По пути в США он 6 месяцев жил в Италии. Там судьба свела Илью с богатыми торговцами картинами. Одному из них нравились его акварели, другому — масло.

И. Шенкеру никогда прежде не приходилось трудиться столь интенсивно, но нужны были деньги, и он продавал свои работы за бесценок. В конце концов, заработав несколько тысяч, он приехал с семьей в Нью-Йорк и уже здесь узнал, что итальянцы устроили выставку его работ, и все они были успешно проданы.

И. Шенкер еще некоторое время отправлял в Италию свои картины. Это было уже поважнее, чем доллары, — это было имя.

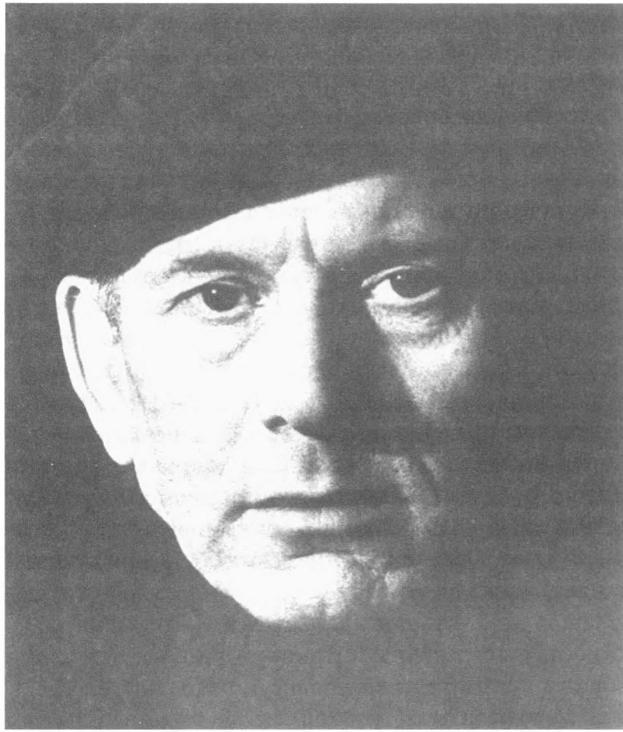
По приезде в Нью-Йорк он покупает студию на 33-й улице в Манхэттене, где вскоре начинают появляться заказчики. Его картины охотно покупают и экспонируют на выставках.

В 1999 г. я побывал на выставке Шенкера в Pace University в Нью-Йорке, где познакомился с художником — обаятельным и неунывающим человеком, предложившим осмотреть выставку вместе с ним, без шума и суеты, которые обычно сопровождают презентации.

Этот пир красных красок, дробящихся и раскалывающихся во множестве персонажей И. Шенкера, в бесконечном количестве светящихся точек — то ли лампочек, то ли отблесков света в стеклах нескончаемых верениц окон домов — притягивает взгляд, ищущий разгадку некоей тайны, присутствующей во всех работах художника — от символической «Однажды на Пятой Авеню» («Иисус Христос на Пятой Авеню») до великолепных портретов.

Постепенно понимаю, что И. Шенкера меньше всего волнуют чисто живописные изыски. Просто его колористические приемы, композиция, весь интеллектуальный багаж художника, накопленный в течение долгой и нелегкой жизни — все это подчинено трепетной любви к людям. Они могут быть красивыми и безобразными, счастливыми и несчастными, современниками и библейскими персонажами, рабочим-жестянщиком или живописцем по имени Рембрандт. Ему хочется, чтобы на его полотнах людей было как можно больше, чтобы ни единого кусочка холста не оставалось не занятым ими. Если же это портрет, то обязательно духовно прекрасного человека, и в этом случае вся любовь художника устремлена на него одного.

Конечно, изображая эпизоды из жизни Иудеи, Древнего Рима или России, он не мог пройти мимо их трагической истории, будь то Иудейская война его соплеменников-евреев, восстание Спартака или расстрел декабристов. Но и в этом случае он «милость к падшим призывал»...

И. Шенкер

Очень часто И. Шенкер использует по сути сюрреалистический прием соединения в завораживающей форме лиц и событий, принадлежащих разным эпохам и местам действия. Это дает ему возможность контрастно выявить и отношение к своим героям, и собственное мироощущение в целом. Среди его персонажей и исторические личности, и члены его многочисленной семьи. Он охотно изображает эпизоды из прошлой российско-одесской жизни, которые, видимо, навсегда остались в цепкой памяти художника.

В картине 1995 года «Одесса. Большой обед», посвященной событиям пятидесятилетней давности, он воссоздает людей, заполнивших столовую его дома. В этой толпе — члены его семьи и друзья, старики и дети, а один из мужчин похож на Эфроима Севелу; все пространство переполнено счастливыми людьми. На столе — вино и фрукты, царит теплая и сердечная атмосфера, все чувствуют себя легко и непринужденно. Женщины как будто плавают в море ярких красок, одна из них, молодая и прекрасная, изображенная смеющейся на переднем плане, вызывает в памяти кустодиевс-

ких красавиц. Картина написана яркими, быстрыми мазками, легко касающимися холста.

В картине «Кантонисты» (1998) автор обращается к истории России столетней давности. Это совсем другие воспоминания и совсем другие события. Речь идет о жестокой социальной реальности, с которой сталкивались евреи России. По глухой заснеженной российской дороге бредет группа мальчишек с широко раскрытыми глазами. Это еврейские дети, призванные на военную службу в русскую армию. Перед ними выбор — дойти и стать «русскими», потерять свое еврейство, а значит, и душу, или — умереть в дороге, что, очевидно, со многими и произошло. Справа мы видим крупную фигуру ведущего их солдата, олицетворяющего силу и могущество государственной и военной машины. В отличие от «Обеда», картина написана тяжелыми, неровными мазками, особенно при изображении лица и рук солдата, его фигуры и замерзающих кантонистов, придавленных к земле. Серое единообразие вызывает мысль об угнетенности и печали российской жизни.

Красивые и легкие летние платья женщин из «Обеда» — и не по размеру большая униформа на измученных еврейских рекрутах-кантонистах. Можно сказать, что эти две картины — два полюса гуманистического мироощущения Ильи Шенкера. Он — художник-рассказчик, и его рассказ — о гармонии частной, чаще всего еврейской жизни, о духовной свободе, входящей в противоречие с насыщенной конфликтами жизнью общества, о подавлении свободы и о смерти. Между этими полюсами располагаются и другие картины-рассказы художника, в которых, как правило, распознается философская притча, что вовсе не лишает их и чисто изобразительной привлекательности.

Одна из таких запоминающихся картин — «Рембрандт посещает нашу семью» (1996). Как и в «Большом обеде», семья Шенкера сидит вокруг стола, и мы ощущаем родственную и духовную близость ее членов, несмотря на разнообразие представленных характеров. Вместе со всеми за столом сидит Рембрандт, а позади него фигура его музы, может быть, Сасскии. Он пришел из другого века, в знакомом по автопортретам костюме, сел за стол в привычной позе, но не выглядит здесь инородным. Для Шенкера важна эта возможность собраться за семейным столом вместе, друг с другом, и с теми, кто олицетворяет для него высокое искусство. Тема эта присутствует во многих работах художника: «Рокфеллерский центр», «Кафе в Нью-Йорке», «Танцы на Брайтон-Бич», героями которых является как бы одна большая счастливая семья и отдельные ее яркие пред-

ставители — евреи — люди Книги, для которых характерна созерцательность, погруженность в себя, преданность вере вне зависимости от обстоятельств.

В 1998–1999 годах И. Шенкер пишет большое эпическое полотно — драматический триптих «Арка Тита». Центральная часть триптиха изображает толпу евреев, которую гонят через арку Тита римские легионеры — те самые, которые сожгли Храм в Иерусалиме и навечно обрекли евреев на жизнь в диаспоре. Еврейские женщины испуганы, мужчины выглядят обреченными, но непокоренными, а вокруг ликуют римские граждане. Вся эта толпа окружена стенами, по очертаниям похожими на Колизей. Создается впечатление, что уничтожение евреев для римлян — просто развлечение. Центральная часть написана свободными, динамическими мазками, она хорошо освещена, в отличие от темных боковых панелей, где в реалистической манере изображены, надо думать, потомки выживших евреев, для которых, как обычно, И. Шенкеру позировали члены его семьи и друзья. Но здесь нет призыва к мести, это счастливые люди, наслаждающиеся жизнью, знающие, что такая радость, даже если они — во враждебном окружении.

С большой нежностью показывает И. Шенкер жизнь еврейского местечка Липовца, откуда родом его отец: «Хасиды в Липовце», «Местечко горит», «Тревожная суббота в красных башмачках» — название картины является цитатой из «Конармии» Бабеля.

Прием сюрреалистического совмещения, использованный в картине «Рембрандт посещает мою семью», достиг поистине бауховского звучания в картине «11 сентября». Поэтесса Марина Георгадзе писала о создании этой картины:

Не будь тема столь серьезна и трагична, историю рождения этой картины можно было бы сравнить с достопамятным поленом Папы Карло, которое чуть ли не по собственной воле превратилось в Буратино.

Утром 11 сентября сего года художник Илья Шенкер покинул мастерскую в Среднем Манхэттене, направляясь в Чайна-Таун за холстами, купил их — разъемные, удобные для транспортировки, и решил отвезти удачную покупку в бруклинскую квартиру, где обыкновенно работает. Он сел в поезд линии «R», но не доехал до места назначения. На остановке Ректор-Стрит Шенкера вместе с прочими пассажирами высадили. Выбравшись на улицу, он попал в незнакомый мир. Ясное летнее утро превратилось в нечто напоминающее атомную зиму. Белая пыль покрывала все и вся. Дым, запах гари, сверху что-то падает. Задыхаясь, Илья Шенкер добрел

до Гудзона, и там его — со словами «Возьмем этого Пикассо!» — подобрал паром, перевозивший желающих от греха подальше на нью-джерсийский берег.

Прошло около двух месяцев — и события того дня воскресли на одном из путешествовавших вместе с художником холстов, став одним из важнейших элементов в аллегорической картине мира, обрамляющей Второе пришествие Христа.

Христос и апостолы стоят лицом к зрителю па пятаке между двух автострад. Ладони Христа развернуты, на широком лице с изумрудными глазами написаны горечь и недоумение; пе нимб, а светлая оторочка, заметная лишь при определенном освещении, охватывает коротко стриженую голову... На картине Христос скорее похож на героя Пирсмани, чем на аскета... Апостолы — за исключением желтоволосого женственного Иоанна — тоже напоминают грустных грузинских и армянских крестьян... Все жмутся к Учителю. За их спинами поднимается как костер мир, в который они попали.

В задымленной тьме, сквозь которую летят горящие красные и желтые прокламации, прямо над головами святых, висят три фигуры поменьше. Справа — раввин в черно-белом талесе; в центре — Папа Римский Иоанн-Павел II, согбенный, с палочкой; следом — один из великих ересиархов Лев Толстой.

На следующем ярусе картины два черных рукава расходятся направо и налево, а в них — две процесии под кровавого цвета знаменами продвигаются сверху вниз. Слева на знамени — черная свастика; справа — желтый серп и молот. Слева нацисты в зеленых мундирах со штыками и немецкие овчарки ведут на смерть еврейских детей и учителя Корчака; справа — коммунисты в таких же мундирах с такими же собаками ведут врачей-«убийц». Лица жертв выписаны подробно и выразительно, хотя художник и не пытался придерживаться «буквы» истории, изображая реальных врачей-евреев или реального Корчака.

Горящие «близнецы»-башни показаны в знакомом по многочисленным фотографиям ракурсе «вид снизу» — уходящими прочь от зрителя в небо, слегка склоненными друг к другу, что придает всей композиции цельность и устремленность направленной вверх стрелы. И вот — из клуба огня на уровне «плеч» башен вытекает чернота, которая возвращает нас вниз, в темную часть картины. Круг замыкается.

О картине «11 сентября» говорит сам художник:

Мысли картины — три фашизма. После пережитых нами сталинистов (я — из России) и гитлеровцев (я — участник той войны), третий фашизм — бешеный, дикий исламизм».

Дон Кихот и Санчо Панса

Один из ведущих американских критиков Дональд Каспит, высоко оценивая творчество И. Шенкера, сказал о двух картинах («Однажды на Пятой авеню» и «11 сентября»), главным героем которых является Иисус Христос:

Полотна Ильи Шенкера — это не религиозное искусство. Это — о человеческом состоянии, понятом через противоречие между Христом и современным миром. Шенкер использует Библию, как литературную основу для исследования человеческих страданий, абсурдности людского существования.

Работы И. Шенкера блистательно абсурдны. Их значение — экзистенциально, а отнюдь не религиозно.

В 1965–1978 гг. художник создал серию гравюр, посвященных Пушкину. Они называются «Пушкин в Одессе». Последние были сделаны уже в Америке. Почти все работы купили пушкинские му-

зеи Москвы, Ленинграда и Одессы. Одна из них — «Пушкин в театре» (1970), помещена в книге Е. В. Павловой «Пушкин в портретах» (1983).

В других работах художник продолжает фантастическую серию, в которой приводит исторических и литературных героев далекого прошлого в наше беспокойное время, сталкивая их с современными проблемами. Он дарит нам неожиданное и удивительное свидание с великим Рембрандтом и Дон Кихотом в картинах «Рембрандт в Нью-Йорке» и «Дон Кихот на Бродвее». Перед нами предстает облик Рембрандта, которого мы до этого не знали. Для своей композиции Шенкер из огромной портретной галереи великого голландца выбрал близкий ему образ — «Портрет старого еврея», одно из вдохновенных созданий Рембрандта. Лицо старого еврея словно излучает внутренний свет, в бездонных глазах — поиск ответа на трудные вопросы; оно отражает не только прошлое, но трагедию народа на протяжении столетий. Шенкер особо подчеркнул гордость и величие старого еврея, использовав для этого не только живописное мастерство. Он нашел блестящее композиционное решение — его герой доминирует над великим городом Америки.

Живопись картины — сдержанная и одновременно взволнованная, будто освещенная пылающим семисвечником и по-рембрандтовски контрастная. В ней проявилось какое-то мистическое единство двух художников разных эпох, словно дух великого голландца водил кистью вечного одессита.

Гениальный романист и фантазей Сервантес был бы доволен выдумкой Шенкера, который перенес скитания Дон Кихота в наши дни и «переселил» его не в какую-то глухую провинцию, а в бурлящий центр современной цивилизации.

Художник ярко и сочно обозначил на холсте свой манифест (возможно, в назидание современным скептикам): есть в наше время донкихоты, есть место мечте о жизни достойной, о благородстве, любви, доблести и самопожертвовании. В этом нас убеждает не только гордый Дон Кихот на коне с верным Санчо на ослике, изображенные на красочном и шумном Бродвее, но и прохожие, восхищенные мужеством средневековых гостей, которые отнюдь не воспринимаются как персонажи бродвейского спектакля или карнавальные маски. Герои Сервантеса и Шенкера — реальные люди, защитники униженных всех времен.

Интересно мнение писателя Марка Поповского о творчестве И. Шенкера:

Илья Шенкер, на мой взгляд, самый значительный художник русской эмиграции. Я знаю его уже около 20 лет. Больше всего я ценю в нем интерес к человеческому лицу. Был период, когда Шенкер писал серию картин «Нью-йоркские кафе». Это осталось в моей памяти потому, что там было изображено несколько дорогих мне лиц. Каждое лицо, изображенное Шенкером, неповторимо, он знает и помнит всех своих героев, и не просто помнит, а проникает в их психологию, и это и есть, мне кажется, форма его самовыражения. Меня не всегда, правда, устраивает его прием совмещения разных пластов истории, потому что это часто вызывает необходимость специальных пояснений. Но это всегда интересно, ибо Шенкер как художник требует от нас, зрителей, определенных знаний. Главное в творчестве Ильи Шенкера — человек и толпа, художник и толпа, художник и семья, художник и мы с вами. Это как бы групповой портрет русско-американско-еврейской нации.

Илья Шенкер — сын золотого Юга, он — еврей и русский, украинец и русский, американец, но все еще русский. Сын утерянного города Одессы, он своими картинами говорит ей: «Прощай, любимый город». Работы Шенкера рассказывают нам об его украденном веке, потерянной юности, о жизни в условиях тоталитарного политического режима, об его одиночестве и воспоминаниях о красно-черном апокалипсисе.

Но есть в них и чудо выживания на новой земле.

Илья Шенкер — художник эпохи.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Персональные выставки И. Шенкера

- 1975. Галерея Il Saggittario, Болонья, Италия.
- 1976. Галерея Banakh, Нью-Йорк.
- 1977. Галерея Rowe House, Вашингтон.
- 1977. Галерея Э. Нахамкина, Нью-Йорк.
- 1980. Галерея изящных искусств Монако, Монте Карло.
- 1981. Галерея Graziussy, Венеция, Италия.
- 1981. Галерея Э. Нахамкина, Нью-Йорк.
- 1982. Музей de L'Athenee, Женева.
- 1983. Галерея Гамильтон, Лондон.
- 1985. Музей de L'Athenee, Женева.
- 1986. Галерея В. Н. Corner, Лондон.
- 1986, 1987. Галерея Э. Нахамкина, Нью-Йорк.

1990. Галерея *Hittite*, Торонто, Канада.
1993. Русский дом, Нью-Йорк.
1994. Галерея *Faces Persona*, Нью-Йорк.
1996. Галерея *Cogswell*, Филадельфия.
2001–2006. Галерея *Grant*, Нью-Йорк.
2008. Галерея *Interart*, Нью-Йорк.

Коллективные выставки с участием И. Шенкера

1968. Варна, Болгария.
1969. Будапешт, Венгрия.
1971. Александрия, Египет.
1976. Галерея *Ligoa Duncan*, Нью-Йорк.
1978. 45-й Салон независимых художников, Люксембургский музей, Париж.
1978. Галерея *Raymond Duncan*, Париж.
1998. Модернизм и пост-модернизм: Русское искусство в конце тысячелетия. Музей Ягера, Нью-Йорк. Выставка была показана также в Балтиморе, Детройте, Питтсбурге и Гринвилле.

Работы И. Шенкера экспонируются в следующих музеях:

Музеи А. С. Пушкина в Москве и Санкт-Петербурге (Россия); Музей украинского искусства (Киев, Украина); и Музей русского искусства (Одесса, Украина).

О творчестве художника в эмиграции. Илья Шенкер

Сергей Голлербах (Нью-Йорк)

В историю русского искусства двадцатого века уже вписаны страницы, относящиеся к исходу художников и значительной части интеллигенции на Запад. Начался он вскоре после революции семнадцатого года, когда в Западную Европу уехали такие блестящие представители русского искусства Серебряного века как Александр Бенуа, Мстислав Добужинский, Лев Бакст, Иван Билибин, Юрий Анненков, Зинаида Серебрякова, Борис Григорьев, Александр Яковлев и многие другие. Не вернулся в советскую Россию находившийся в Германии в командировке Василий Кандинский, остался в Финляндии, несмотря на многочисленные уговоры, Илья Ефимович Репин, в Германию, а затем в Англию переехал на жительство Леонид Пастернак, отец Бориса Пастернака, а в Соединенные Штаты потянулась цепь русских деятелей искусства самых различных направлений — от Давида Бурлюка до скульпторов Глеба Дерюжинского, Александра Архипенко и Сергея Коненкова, от Николая Рериха до Николая Фешина. Список можно было бы продолжить. Насколько мне известно, только двое — Иван Билибин и Сергей Коненков, вернулись в Советский Союз, остальные же продолжали жить и успешно работать на Западе, о чем, кстати, большинство советских граждан не имело понятия.

Вторая мировая война вынесла за пределы родины еще одну большую группу беженцев, среди которых были и художники. Но то была, главным образом, молодежь, начавшая свое художественное образование еще на родине и созревшая уже на Западе. Наконец, третий исход художников из Советского Союза начался в 70-е годы прошлого века. То были диссиденты и нонконформисты, многие из которых подвергались преследованиям. За ними последовали и все те, кто получил возможность вылететь из клетки тоталитарной системы на свободу. Местами их расселения стали Америка, Израиль, Франция, Германия. Отрезанные от Запада «железным» занавесом, они не представляли себе проблем, связанных с рыночной экономикой демократического общества, и испытали поначалу немалый шок. «Культура — это сквознячок», — писал в свое время В. В. Розанов. К счастью, большинство художников привыкло к этому «сквознячку», а с распадом Советского Союза не только смогло вернуться на родину своим творчеством, но и периодически приезжать и жить там.

Все же проблемы творчества у художника-эмигранта не исчезли. Главным образом это касается тех художников, которые покинули Россию уже в зрелом возрасте и созревшими мастерами. Чем питается их творчество? Воспоминаниями о прошлой жизни? Пожалуй, только Марк Шагал способен был жить родным Витебском и Библией на протяжении всей своей жизни. Другие же должны были воплощать впечатления от новой и часто чуждой им природы и быта. Тем не менее, утверждения советских критиков прошлых лет о невозможности плодотворно работать вне «живых соков» родной земли, неверно. Все зависит от дарования художника, от его непредвзятой восприимчивости и жизнеутверждающего мироощущения. Именно таким художником я считаю Илью Шенкера, с творчеством которого я знаком в течение многих лет, и о ком мне не раз приходилось писать.

Характерная черта его дарования — многогранность. Прекрасный график и рисовальщик, акварелист, пейзажист, портретист и автор многофигурных композиций, Шенкер во всех этих жанрах остается на высоком художественном уровне, что само по себе явление редкое — обычно художник сильнее в одной области и слабее в другой. Эта широта делает Шенкера своего рода «человеком Ренессанса».

Насколько мне известно, он не был художником-диссидентом, но понимал всю порочность советской системы и, когда представилась возможность, эмигрировал в 1975 году в Соединенные Штаты и проживает по сей день в Нью-Йорке. Решиться покинуть родину в возрасте пятидесяти пяти лет — шаг серьёзный для всякого творческого человека.

Но художник не побоялся его сделать. «Илья Шенкер — какая жизнь!» — писал Марк Зувер в предисловии к каталогу выставки художника в Pace University Gallery в Нью-Йорке в 1999 году. «Мечты, террор, смерть, выживание, раздвоенность бытия, возрождение, осознание себя как еврея — и все это в течение одной жизни, одного века!» Действительно, жизнеутверждающая основа творчества Ильи Шенкера сложилась в результате борьбы за сохранение искусства в себе и себя в искусстве. В Нью-Йорке начался новый и очень плодотворный период в творчестве художника, новый расцвет его таланта. Помимо персональных и групповых выставок в Нью-Йорке, Филадельфии, Вашингтоне, Балтиморе и Детройте, можно назвать многочисленные выставки работ Ильи Шенкера в европейских городах — в Париже, Лондоне, Женеве, Венеции и Монте-Карло. Полотна художника находятся в музеях А. С. Пушкина в Моск-

Портрет П. Тодоровского

ве и Санкт-Петербурге, художественных музеях Киева и Одессы, в Институте Вейцмана в Израиле. Из частных собраний надо упомянуть коллекцию Владимира Ашкенази, Ее Величества королевы Дании, семей Шолома Алейхема и сенатора Джейкоба Джавица, а также коллекции князя Трубецкого, княгини Долгоруковой и графини Алсуфьевой. Список можно продолжить.

Кто же такой Илья Шенкер как художник?

Обычно, давая характеристику творчества художника, принято указывать на главные его произведения, в которых выражено все, что он хотел сказать. Однако многосторонний талант Ильи Шенкера делает такой подход затруднительным. Поэтому я буду говорить о тех истоках, влияниях и импульсах, которыми руководствуется художник, и о том синтезе, который он создает из них силой своего таланта.

Следует отметить, что Одесса — родина художника — второй наряду с Санкт-Петербургом космополитический город России. Но если «северная Пальмира» была проводником влияния европейс-

кого севера, то над Одессой веял дух средиземноморской культуры — дух Италии, Греции и Ближнего Востока. И он влиял на творчество художников-одесситов. Мне вспомнилось, что в одной из бесед с Ильей Шенкером он сказал мне: «В армии меня и других одесситов называли «французами»». Какой бы насмешливый смысл не вкладывался в это слово, оно означало принадлежность к западной культуре.

Перейду теперь к более подробной характеристике творчества Ильи Шенкера. Как рисовальщик он следует традициям русского графического искусства Серебряного века, этого блестящего периода в современной русской истории, который закончился с провозглашением соцреализма как единственного правильного направления в искусстве. Его жертвой стали, в первую очередь, живопись и скульптура, но графическое искусство уцелело, как мне думается, в силу своей связи с книжной иллюстрацией. Обратимся поэтому к иллюстрациям Ильи Шенкера, например, к его линогравюрам для книги «Пушкин в Одессе». Они полны экспрессии и юмора, хорошо передающими мироощущение поэта в бытность его в этом южном городе. Надо особо отметить умение художника передать жест. Вспомним, что в древние времена, когда большинство населения было неграмотно, картина или фреска были рассказом, повествующим о каком-то событии, и жесты персонажей в них играли важнейшую роль. В наше время искусство жеста сохранилось лишь в театре, балете, пантомиме и, пожалуй, в фигурном катании на коньках. В изобразительном искусстве, в связи с появлением абстрактной живописи, само понятие жеста изменилось и только в иллюстрации сохранило свое прежнее значение, что прекрасно понимает и чувствует Илья Шенкер.

Примером многогранности таланта художника может служить серия акварелей, навеянных китайским искусством. Мы знаем, что заимствование стиля и техники старых мастеров художниками последующих поколений — явление нередкое, но часто мало удачное. Многие боятся быть на кого-то похожими и поэтому стремятся создать что-то новое. Илья Шенкер этого страха не знает. Наша западноевропейская культура, как известно, антропоцентрична, человек в ней — мерило всего, и поэтому флора и фауна долгое время не считались достойными быть главным сюжетом произведений изобразительного искусства.

Не то на Востоке, где преобладал пантеизм, и где животному миру уделялось большое внимание. Китайские художники прекрасно изображали птиц, рыб, а из домашних животных — кошек, в то

Из цикла
«Пушкин в Одессе»

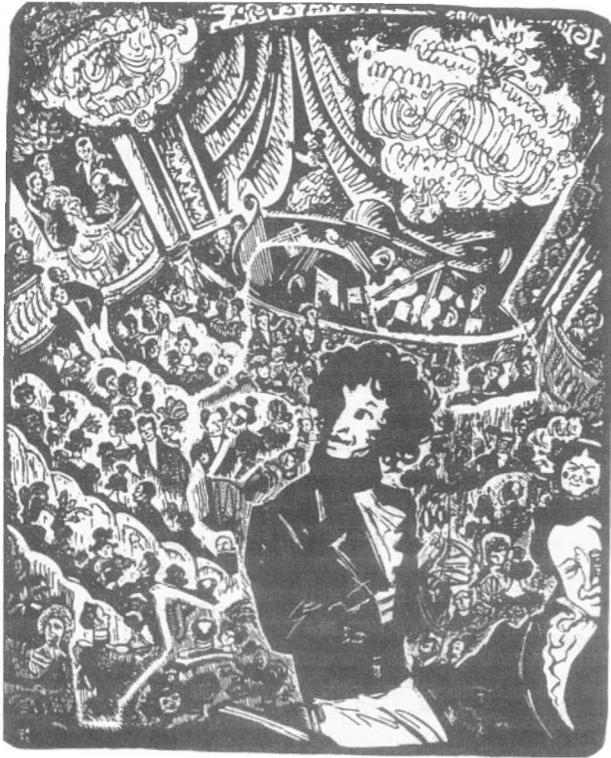
время как в работах мастеров Возрождения наши «меньшие братья» все еще оставались статичными и схематичными. Только современная реалистическая живопись стала изображать животных такими, какие они есть, но, надо добавить, без тонкого чувства стиля, присущего каждой твари, в частности — кошачьей породе. Это чувство стиля и привлекло Илью Шенкера к китайской живописи, и он создал серию акварелей, изображающих кошек, которые следует считать не подражанием китайским образцам, а вариациями на их тему. Так многие композиторы писали музыку на темы своих предшественников.

Рассмотрим теперь портреты Ильи Шенкера. Они явно принадлежат к русской портретной школе, но, конечно, не XIX, а XX века. В чем ее главные черты? Наши художники, многие из которых побывали в Париже в начале прошлого века, не избежали влияния западного модернизма, но переработали его на свой русский лад. Для русского портрета XX века характерны отсутствие всякой иллюзорности и световых эффектов, но заметно влияние кубизма и

фовизма, а также подчеркнутая экспрессивность. Таковы работы художников группы «Бубновый валет». Портреты работы Шенкера более сдержаны, но все же по духу принадлежат этому течению, которое мы называем русским постимпрессионизмом. Существует мнение, что художник-портретист, кого бы он ни писал, всегда в каком-то смысле пишет свой автопортрет. Если это верно, то в портретах Шенкера мы видим вдумчивого, наблюдательного художника, не старающегося выдвинуть свою индивидуальность, свой почерк в ущерб психологической выразительности и художественной правде.

Значительную часть в творчестве Ильи Шенкера составляют пейзажи. Это виды родной Одессы, написанные как на родине, так и в Америке по сделанным раньше акварелями и зарисовкам. Писал художник и северную Россию и, конечно, европейские города, в которых побывал уже после эмиграции на Запад. И здесь Илья Шенкер следует традиции, я бы сказал, «психологического пейзажа», то есть пейзажа с настроением, а не просто бесстрастного изображения видимого. Этим и отличается русская пейзажная живопись от западной, в которой передается характер и состояние природы, в то время как в нашей — чувства, вызванные ею. Конечно, четких границ не существует, и обобщения всегда опасны, но в основном эта разница, по моему мнению, существует. Палитра Шенкера сдержанна, без всяких влияний фовизма, ее заменяет структура и, я бы сказал, динамика изображаемого.

Следует вспомнить, что художник по образованию — архитектор, а архитектуру часто называли застывшей динамикой. Конечно, всякое изображение по сути своей статично и обладает лишь внутренней, а не видимой динамикой. Передать движение на полотне невозможно, хотя итальянский футурист Умберто Боккиони и пытался это сделать в начале прошлого века. Говоря о статике и динамике в живописи, нельзя не упомянуть еще один сюжет в творчестве Ильи Шенкера — это балет. Мы знаем, что балерин рисовал и писал замечательный французский художник Эдгар Дега. Будучи реалистом, он, естественно, изображал балерин в спокойных позах, понимая, что передать движение нельзя. Да и танцзал, в котором репетируют балерины, передан реалистически. Как же подходит к этой теме Илья Шенкер? Он переносит действие в нереальный мир театральной постановки и изображает балерин на пуантах на фоне декораций. Таким образом, движение становится элементом нереального мира и обретает необходимую для живописи статичность, в то же время сохраняя внутреннюю динамику. Так Дега следует

Из цикла
«Пушкин в Одессе»

логике реализма, а Шенкер — логике театра, и оба правы в своем подходе.

Позволю себе сделать несколько замечаний, касающихся реальности и вымысла. Еще в середине XIX века славянофилы утверждали, что Запад погряз в материализме, а Россия — духовна. Эти же нотки, в другом только преломлении, звучали и в советское время: мы, коммунисты, идеяны, а западные люди — безыдейные формалисты. Оставим этот вопрос открытым и скажем только, что западные искусствоведы не придают большого значения русской реалистической живописи, считая ее подражанием Западу, но высоко ценят русскую икону и русский авангард, то есть искусство, отошедшее от реализма в сторону религии, философии и формальных ценностей. Иными словами, Запад ценит нереалистичность нашего искусства, его духовные, а не реалистические ценности. Несомненно, об этом можно спорить до бесконечности, но я делаю эту сноску для того, чтобы рассмотреть творчество Ильи Шенкера в

контексте этих двух положений. И вывод ясен — Илья Шенкер — не реалист, не соцреалист, но и не формалист, он целиком принадлежит тому миру, где воедино сливаются народный быт, русский и еврейский, символика, сказочная декоративность и всевозможные нюансы жизненного опыта человека, прожившего долгую и сложную жизнь.

Интересно, что в русской языке слово «мир» имеет три значения: мир — это примирение враждующих сторон, мир — это весь земной шар и мир — это все мы, народ (мировой судья означает народный судья, «миром решили» — сообща решили, «миром Господа помолимся» — помолимся все вместе). Мне кажется, что творческий мир Ильи Шенкера содержит все три аспекта этого слова.

Наконец — многофигурные композиции художника. Они чрезвычайно разнообразны по содержанию, включая отклики на современные события, как, например, гибель башен Всемирного торгового центра в Нью-Йорке 11-го сентября 2001-го года.

Не разбирая эти композиции по сюжетам, буду говорить о принципах, которыми руководствовался художник при их создании. Один из них — многоликость, где изображенные одна к другой головы занимают все пространство картины. Принцип этот восходит к эпохе Возрождения — вспомним, например, картину Эль Греко «Похороны графа Оргаза» в церкви Сан Томэ в Толедо, в Испании. У нас Василий Суриков использовал этот композиционный принцип в своей «Боярыне Морозовой». Внутренняя динамика заложена здесь в выражении отдельных лиц, составляющих своего рода мозаику.

Второй принцип — динамические композиции, изображающие танцы, свадьбы, празднества. Как уже было сказано выше, Илья Шенкер нигде не старается имитировать движение, зная, что это невозможно, и применяет здесь декоративный прием. Декоративность как бы закрепляет движение в плоскости, превращая его в узор. Надо сказать, что трехмерное изображение появилось в искусстве лишь в эпоху Возрождения, с открытием перспективы и эффектов светотени. Все древние искусства, за исключением, конечно, скульптуры, были плоскостны и поэтому в какой-то степени «абстрактны». Считать, что иллюзия глубины — прогресс в живописи — ошибочно. Современное искусство вернулось к принципу плоскостности и этим возвратило нам забытые ценности. Илья Шенкер, следуя правильному инстинкту, пользуется принципом декоративности и плоскостности там, где сюжет этого требует.

Четвертый принцип в живописи художника я назвал бы архитектурным... Картина создается как «здание», возводятся «стены», завершающиеся «куполом». То могут быть ветви деревьев, вздымающиеся к небу и даже само небо, которое мы часто называем куполом...

Надеюсь, что все мои размышления о картинах Ильи Шенкера не покажутся слишком отвлеченными, по я хочу в этом очерке охарактеризовать творчество художника. Кроме того, его искусство наводит па мысли о проблемах творчества и поэтому, в заключение, я хочу коснуться соотношения формы и содержания в живописи. Во дни моей юности в России я был уверен в том, что смысл всякой картины — в ее содержании. Картина — это рассказ, вызывающий в зрителе какие-то мысли и чувства. Форма же, то есть краски, рисунок, композиция — зависят от таланта художника. Очутившись в результате Второй мировой войны на Западе и продолжая там мое художественное образование, я столкнулся с диаметрально противоположной точкой зрения, а именно: форма определяет содержание. Все остальное — картинки, иллюстрации, не имеющие ничего общего с настоящим искусством. На эту тему можно было бы долго спорить. Ясно одно — в настоящем произведении искусства форма и содержание равнозначны, ни одно не доминирует над другим. Вот такое равновесие формы и содержания я нахожу в работах Ильи Шенкера. Что бы он ни писал, его подход, принципы композиции и техника создают сюжетом единое целое. Ему удается это в силу его большого таланта, жизненного и художественного опыта, и в этом заключается ценность его творчества.

Сергей Блюмин в Америке

Елена Ясногородская (Нью-Йорк)

Сергей Блюмин прилетел в Нью-Йорк в 1979 году. Позади осталась карьера профессионального музыканта, работавшего в течение десяти лет в Кировском театре оперы и балета, в Ленинградской филармонии и в Камерном оркестре старинной и современной музыки. Позади осталось его участие в качестве члена ленинградского отделения Союза художников в десятках городских и всесоюзных художественных выставок и персональная выставка в Павильоне Росси в Летнем саду в 1976 году.

Позади остался удивительный год жизни в Вене, в течение которого Сергей выставлял свои акварели в галерее Alte Shmide, а металлическую пластику — в галерее Am Graben, владелицей которой была Инге Ассенбаум, ведущий европейский специалист 80-х годов по прикладному и ювелирному искусству. Наконец, позади остались шесть удивительных месяцев жизни во Флоренции.

Сергей об этом пребывании в Италии, чрезвычайно важном для его развития как профессионального художника, рассказывает так: «*Князь Андрей Волконский, бывший руководитель ансамбля “Мадригал”, которого я случайно встретил вскоре после своего приезда в Рим, познакомил меня со своей кузиной, Еленой Волконской; та, в свою очередь, свела с бывшей владелицей виллы Боргезе, графиней Боргезе, оказавшейся скульптором. В день инаугурации Папы на площади Святого Петра она купила у меня работу, что само по себе было своего рода символичным; но в дополнение к этому, благодаря графине Боргезе, я познакомился с принадлежавшей к роду Козимо Медичи Боной Сальвиати. И она пригласила меня с моей бывшей женой, поэтессой Мариной Темкиной, и сыном Даниилом во Флоренцию. В течение нескольких месяцев мы жили в ее доме, Борго Пинти 82, на крыше которого я писал картину. По поводу этой картины рабочие, которые красили соседний дом, шутили по-итальянски: “Смотри, парень, ты все еще работаешь над своей картиной, а мы уже покрасили целый дом”*»¹.

Картину «Human World», о которой идет речь, Сергей Блюмин начал писать еще в Вене². А истоки ее образного строя, в котором чувствуется влияние П. Филонова, были определены в России и связаны с общением Сергея с другом и учеником П. Филонова, Борисом Гурвичем. С бесед с Гурвичем в 1975 г. началось его образование как живописца, которое, после приезда в Нью-Йорк, было

С. Блюмин

дополнено углубленным самообразованием. С 1981-го по 1989-й Сергей, в сущности, проходил курс академического рисунка, работая с обнаженной моделью в частной нью-йоркской студии. Подобно студенту Академии художеств, он делал многочисленные штудии с картин Рембрандта, Веласкеса, Рубенса, Хальса в нью-йоркском музее Metropolitan, анализируя работы старых мастеров. За годы жизни в Америке Блюминым были прочитаны по-английски десятки книг по технике живописи и композиции и истории мирового искусства.

Неизменной областью его интересов оставались биографии

выдающихся художников прошлого, включая крупных мастеров XX века, творчество которых было для Сергея тем критерием, по которому он оценивал собственные достижения.

В связи с этим приведем следующее высказывание Сергея: «Я верю, что богатейшее художественное и культурное наследие прошлого формирует сегодня в мозгу любого художника некую, построенную на ассоциативных и психологических механизмах, матрицу, фигурально говоря, выполняющую роль грунтового слоя, на который каждый художник, в процессе работы над образом, наносит слои собственных концепций, ассоциаций, идей. Художественные традиции прошлого составляют психологический подтекст картины, который проступает сквозь ее смысловые слои, как проступает в картине фактура холста сквозь слои живописные»³. Став профессионалом высокого уровня, не получив формального образования, Сергей Блюмин присоединился к достойной когорте: ни один из импрессионистов и пост-импрессионистов, другими словами, всех тех, кто определил магистральные направления искусства XX века, не окончил Парижской Академии художеств.

Однако, вернемся в Италию, где Блюмин оказался гостем представительницы рода Козимо Медичи — рода, который покровительствовал когда-то самому Микельанджело. На первом этапе эмиграции судьба улыбалась Блюмину еще и потому, что его профессиональное становление художника-живописца происходило в легендарной Флоренции, насквозь пропитанной духом Возрождения. Это было почти как пансионерство студента прежней Академии художеств, только умноженное на весь предыдущий музыкальный и художественный опыт Сергея, которое определило ракурс его творческого видения на годы вперед.

Светозарная атмосфера итальянского Ренессанса, ощущаемая во Флоренции на каждом шагу — в расписанных фресками и украшенных цветными мраморами, мозаиками и витражами соборах, в стенной кладке зданий и мостовых, в галерее Уффици — вся эта художественно-архитектурная полифония, перемешанная в тугом клубке с живой жизнью современной Италии, оказала серьезное влияние на семиотику блюминского стиля и на его понимание социальной функции художника в обществе. Много лет спустя, он скажет: *«Художники Ренессанса работали не по вдохновению, а выполняли художественно-социальный заказ. Ренессанс возможен и сегодня — должен лишь найтись художник, и должна найтись общественная сеть, которая, поддержав его, дала бы ему возможность реализовать его жизненную миссию».*

В конце 1979 года Сергей прилетел в Нью-Йорк, обогащенный драгоценным опытом пребывания в возрожденческой Италии. Между тем, для Соединенных Штатов и для Европы это был период господства минимализма с его культом прямолинейной геометрии в сочетании с поп-артом — китчем; это был период так называемого гиперреализма, намеренно отказывавшегося от художественной интерпретации окружающего; это был период становящихся модными инсталляций, питавшихся открытиями сюрреализма, для которого характерно восприятие реальности как откровенного абсурда; наконец, это был период агрессивного нонконформистского движения в еще не развалившемся СССР, апофеозом которого явилась знаменитая «бульдозерная» выставка 1974-го года; ее эхо продолжало слышаться на Западе годы спустя.

Если из приведенной выше схемы пытаться выводить главные художественно-смысловые закономерности, характерные для произведений искусства, созданных в ее пределах, то придется говорить о раздробленности и намеренной примитивизации художественной формы — с одной стороны, а с другой — о замысловатых,

закодированных образах, в которых художественное начало — порой осознанно, порой нет — подменялось умозрительной интеллектуализацией. Придется говорить о мотивах разрушения, о скепсисе и отчужденности, о жестокости и одиночестве, разобщенности и печали. Человек конца XX века не хочет видеть мир целостным и не-расчлененным. Но искусство только тогда искусство, когда оно не лжет. Отсюда — образная стилистика современной живописи, скульптуры, графики. С одной стороны, это огромное количество цитат — из классического наследия и примитива, из Кандинского и Клее, Пикассо и Поллока, Кокошки и Матисса, из сюрреализма, абстракционизма, поп-арта — цитат, используемых для выражения выше описанных концепций и идей. С другой стороны — это деформированные фрагменты предметов или фигур; это не выраждающие счастливых эмоций лица, или лица, искаженные горем, насмешкой, уродливой гримасой; это абстрактные комбинации из живых тел, или индустриальных деталей, или шокирующих дисгармонией мертвенных нагромождений; наконец, это пугающие пустынные интерьеры или пейзажи, в которых человек ощущает себя заброшенным, не способным на просветленное гармоническое ощущение жизни. Другими словами, в мотивах искусства конца века — широчайший набор негативных эмоций, главными средствами выражения которых являются гротеск, сарказм и ирония. Причины, по которым энергетика изобразительного искусства конца XX века несет в себе мощный негативный импульс, очевидны: глобальный духовный кризис; распад семьи — основополагающего института личных человеческих отношений; глобальные стихийные бедствия — наводнения, ураганы, землетрясения; глобальная дегуманизация человеческого существования — войны, развал социальных систем, терроризм.

Как в данном контексте соотнести художественную стилистику Сергея Блюмина с художественной стилистикой его времени, особенно если учесть, что важнейшее социальное достижение культуры эпохи Возрождения, глубоко повлиявшее на развитие художника, — гуманизм? Сумев разомкнуть ауру возрожденческого мироощущения, Сергей Блюмин остался при этом художником сугубо современного видения. Да, во всех его работах свет Возрождения пробивается сквозь художественные традиции не только после-, но и довоорожденческих эпох. Однако вторым доминирующим мотивом в творчестве Блюмина является первобытный примитив (и его современная модификация — абстракция); эти два ведущих мотива, пересекаясь друг с другом в непростых, требующих внимательного всматривания переплетениях, формируют основу блю-

минской образности — независимой, энергичной и, одновременно, поэтической, не устающей проходить через новые творческие переосмысления. «Мне интересно, — указывает Блюмин, — отфильтровать объективный мотив, чтобы его окрасило мое индивидуальное восприятие, но при этом чтобы он не превратился в некую субъективную, полностью закодированную сущность. Я ощущаю себя канатоходцем, постоянно пытающимся сохранить равновесие, идя по канату, переброшенному между абстрактным и фигуративным видением окружающей меня реальности»⁴.

С момента приезда в Соединенные Штаты и до 1986 года Блюмин писал яркие фигуративные картины («Tango Fatal», «Coffee Addict», «Dance with a Fan», «Annunciation»)⁵, в которых прослеживается связь с его «Миром человека». С другой стороны, в картинах данной серии переосмысливается наследие двух экспериментальных художественных течений начала века — кубизма и супрематизма. Сергею удалось разомкнуть формальную загерметизированность обоих течений, создав серию фигуративных образов, ассоциирующихся с одушевленными цвето-геометрическими калейдоскопами, в каждом из которых заключена собственная образная идея. Сам Сергей говорит, что возрожденческие тенденции в этих картинах совместились с элементами русского конструктивизма, а строились они на системе диссонансов. Интересно, что в самоанализе Блюмина проявляется опыт музыканта — в течение всей жизни, работая над цветовыми гаммами своих картин, художник использовал обретенное в молодости знание музыкально-гармонических закономерностей.

Помимо картин, развивающих тенденции, заложенные в «Мире человека», в течение первого американского периода Сергей работал над пейзажами, такими как «Farm House», и натюрмортами («Stair to Haven», «Hat Stretcher», «The Preacher»)⁶. Их объединяет солнечная гамма, построенная на ином, монументальном цветовом ритме, продиктованном иной задачей: пейзажи и натюрморты первой половины 80-х годов — это знакомство со страной, осознание масштаба ее прошлого. Американские фермы, неотделимые от американских сельских пейзажей, — одушевленная история. Отсюда — героическая монументализация скромных фермерских строений и ушедших в необратимое прошлое предметов деревенского и ремесленного быта: старинных кувшинов, керосиновых воронок, масленок, рассчитанных на большие фермерские семьи чайников, прялок, сеялок, ножниц для стрижки овец, слесарных и столярных инструментов.

Бумажный змей

Внутренний мир натюрмортов замкнут, отделен от настоящего навсегда ушедшим в прошлое, утраченным сегодня ремесленным мастерством, к которому художник испытывает чувство почти религиозного уважения. Отсюда — героизированные масштабы композиций, заставляющие воспринимать «персонажей» блюминских натюрмортов не как предметы прозаического быта, а как загадочные символы старинных баллад. *«Чистые формы предметов, отделенные от былого их назначения, сложились в неподвластный человеку, странный мир, озаренный холодным светом»⁷.*

«Лестница, уходящая в небо» — это почти Мантея⁸, настолько значительно выглядят расположенные на первом плане бесслонесные «герои» натюрморта, подобные величавым мифологическим персонажам. Их взаимоотношения друг с другом построены на многоголосном речитативе, включающем контрастные — басовые мужские и высокие женские — партии. Возрожденческое видение просвечивает здесь сквозь выстроенную, как в Проторенессансе, композицию — первый, средний (оконный проем в стене) и дальний план (голубая река, сливающаяся у горизонта с голубой далью).

Но здесь одновременно присутствует и композиционно-цветовой подход к картинной плоскости, свойственный пост-импрессионизму и аналитическому кубизму, и обобщенное понимание формы, своеобразное абстракционизму. А в итоге — образ, таинственный, как вещь в себе, почти мистический, особенно, если вспомнить, что уходящая в небо лестница обычно изображается в распространенном религиозном сюжете «Видение Иоанна Лествичника».

Летом 1985 года Сергей уезжает во Францию. Он проводит в стране, где когда-то творили Сезанн, Ван Гог, Пикассо, три месяца, объезжает всю ее центральную часть, включая Бретань, в которой в свое время колдовали над созданием собственного стиля Бернар и Гоген, посещает Шартр, видит знаменитые замки Луары, и, конечно, какое-то время живет в Париже, сначала — в районе Музея современного искусства, позже — на Монмартре. Там, в Париже, художник создает свои «Крыши» («Rooftops»), которые будет продолжать писать и по возвращении в Штаты. Как и в натюрмортах первой половины 80-х годов, в изображениях городских крыш присутствует тайна — не потому ли сам Сергей определяет картины этой группы как закрытую реальность? «Крыши» — это скрытая жизнь тех, кого отделяют от посторонних глаз непрозрачные загадочные окна и непроницаемые стены городских домов. С точки зрения преемственности стилей «Крыши» — комментарий Блюмина к открытиям кубизма. Как полуслухи говорят сам Сергей, живя в Париже, было невозможно не изобрести кубизм, если внимательно вглядываться в знаменитые парижские мансарды с высоты легендарного Монмартра. В «Крышах», однако, кубистическое наследство переосмыслено существенным образом. Блюминская трактовка изображения городских улиц — некая криптография. Геометризованные цветоформы «Крыш» обращаются художником в полихромные многоступенчатые архитектурные хоры, вызывающие острое ощущение таинства быта, жизни, бытия.

Удовлетворяя свой интерес к ушедшему в безвозвратное прошлое образу жизни, Сергей проводил во Франции много времени в антикварных лавках и на распродажах предметов старины. На сегодняшний день, его коллекция включает в себя, наряду с привезенными из Европы (в дополнение к приобретенным в Штатах) бытовыми и ремесленными инструментами, пластику неолита, средневековую китайскую и африканскую скульптуру.

Для Блюмина коллекционирование — нечто большее, чем любознательное собирательство. Оно также стимулирует его творческий интеллект, как и чтение документально-исторической литературы.

туры, и как постоянное изобретательство новых техник. В течение своей многолетней карьеры художник работал в масле, акварели, пастели, гуаши, энкаустике; его творчество включает компьютерную графику, деревянную и металлическую скульптуру; наконец, им создано огромное количество коллажей и рельефов в смешанных техниках. В Париже, помимо масляных картин, Сергей закончил работу над несколькими рельефами из проклеенного картона. Одновременно с созданием произведений парижского периода шла работа над серией, которую Блюмин назвал «*Sentimental Paintings*» (1986–1988 гг.). В серию вошла группа картин, изображающих любовные пары. Главным достоинством серии является всякое отсутствие поверхностно-сентиментального изображения любовного чувства. Каждая из картин заключает в себе неповторимый нюанс меланхолии или страсти, грусти или сомнения, нежности, ласки, коварства, осознания единства — но только не прямолинейная сентиментальность. Есть в серии и объединяющий лейтмотив, являющийся сквозной темой блюминского творчества. Это — ирония.

Сарказмом, гротеском, иронией и их комбинациями пропитаны произведения подавляющего большинства современных художников. Но важно определить градации: если за сарказмом и гротеском скрывается ожесточение, то за иронией прячется печаль, компенсирующая голод по отсутствию гуманистического идеала. Ирония — ключ к пониманию творчества двух представителей поколения и интеллектуального круга, близкого Сергею Блюмину. Речь идет об Иосифе Бродском, с которым Сергей познакомился и общался в Нью-Йорке, и Сергеем Довлатове, который в Америке стал его близким другом. Не случайно графика Блюмина столь органично выглядит на обложках изданных в Нью-Йорке довлатовских книг, и не случайно образный строй его работ естественным образом ассоциируется с богатой сюрреалистическими реминисценциями поэзией Бродского.

Природу блюминской иронии трудно уловить, наверное потому, что она уж очень отстраненная. В блюминских картинах нет быта, а есть бытие. Его герои с однозначно узнаваемой отрешенной мимикой и намеренно неловкой жестикуляцией одиноки, недаром им так хочется заполнить пространство блюминских холстов, также как его хочется заполнить домам и предметам в его пейзажах и настюромтах — им хочется компенсировать пустоту. Однако, пространства фонов в блюминских полотнах — это не сухие нейтральные абстракции. Если мысленно отделить от них фигуративные элементы, останутся комбинации тончайше разработанных тонов

и полутона, создающие в каждой работе неповторимую атмосферу для своих персонажей. Блюминские фоны — это всегда аккомпанемент того или иного мотива или настроения, всегда некий контрапункт к сюжетно-фигуративным компонентам живописного сюжета. Порой — это метафора душевной опустошенности героя, порой — суровая пустынность мироздания, тоскливая мелодия печали или духовного голода, порой — чреватая сдерживаемым сиянием, изолированная от остального мира интимная завеса, под сенью которой, вопреки всевластному космическому холоду, таится женская нежность. В чем же ирония? Как раз в противоречии между неодолимым стремлением художника к заоблачному, внебытийному, идеальному в своей гармонии миру и его органической способностью вычленять из него неустранимый сор прозаического земного существования.

В 1992–1993 гг. Блюмин написал три удивительные картины, своего рода триптих — «Матрос», «Невеста» и «Курорт». Во всех трех Сергей намеренно использовал белый цвет (любимый цвет художника) который, как никакой другой, способен преобразить прозаическую реальность и приблизить ее к идеально-гармоническому миру. Его глуповатый «Матрос» и странноватая «Невеста» одеты в безгрешного цвета одежды, а их не заботящиеся об изяществе позы и боящиеся нежности жесты (в «Курорте»), напоминают о том, что, на самом деле, любовь тепла. И, казалось бы, происходит преображение. Фигуры «Матроса» и «Невесты», накладываясь одна на другую, образуют почти идеальной формы нерасторжимое, живописно-ритмическое единство — это ли не выразительная метафора любовной близости? И трогательно прикасаются друг к другу их руки, но при этом до смешного растопырены их ладони, неуклюжи позы, слишком простодушны выражения. Словом, «Матросу» и его простоватой подруге не дано преобразиться через сказочность чувства в доброго молодца и красну девицу. Времена не те. Чувства не те. Они, кажется, и сами удивлены невозможностью сказочного перевоплощения.

Выражение удивления, часто окрашивающее лица блюминских персонажей — второй важнейший лейтмотив его творчества. Удивленные лица — такой же отличительный знак его работ, как мазки Ван Гога или шеи Модильяни; они, однако, далеко не однозначны в своих выражениях. Различия выражений — от крайне скрупульно приоткрываемого художником внутреннего состояния, будь то гнев или грусть, злость или тайное знание. Похожесть выражений — от скрываемого под молчанием или беззвучным криком, наивного, сердито-

того, возмущенного, гневного удивления, порой — изумления. Оно — в высоко поднятых линиях бровей, в кубистических сдвигах голов, в укороченных профилях сознательно схематизированных лиц, хранящих, однако, под своей кубизированной схематичностью память о чьем-то — мягким или резком, добром или гневном, хмуром или печальном, неповторимом человеческом лице. Может быть, удивление, не покидающее разноликих и, одновременно, похожих блюминских героев, на самом деле — выражение самоощущения художника, скрывающее его не-проходящее сожаление о том, что примирить реальное и идеальное невозможно, и только отрекающаяся ирония может спасти от неизбежно повторяющихся разочарований?

Тем не менее, есть у Сергея Блюмина группа картин, в которых иронический элемент сведен на нет, но в котором увековечен идеально-гармонический мир. Это — мир музыки. В атмосфере «музыкальных» картин есть длящийся магнетизм. В них хочется вглядываться долго, как хочется снова обращаться к раскрывающей душу музыкальной теме. Этот магнитический, долго длящийся эффект далеко не случаен. *«Музыка, — говорит художник, — развивается и разворачивается во времени. В живописи же время вовлечено в создание картины, но оно заключено в момент создания картины, а вот в момент восприятия... По сути дела, чтобы понять, что в ней написано, надо потратить, ну, не совсем то время, которое художник потратил на ее создание, но, по крайней мере, какое-то время, которое бы позволило зрителю понять... Эти два вида искусства — у них как бы очень много общих компонентов, но они работают совершенно по-разному... В музыке всегда есть ритм, наконец, в музыке есть акустика... Например, я пришел к выводу, что белое — это акустика цвета. Поэтому мазок, когда он лежит на белом фоне, совершенно иначе работает. Он работает, как молекула художественно-интеллектуальной мысли, если можно так выразиться... Музыкальный элемент заключен в любой картине любого художника. Я много думал об этом, и это привело к тем поискам... к выводу, что время — это пространство вечности, а пространство — это время бесконечности»*⁹.

Грустные пианисты и скрипачи, гитаристы и барабанщики блюминских «музыкальных» холстов, как и его, ни на кого не похожие трио, квартеты и квинтеты — это мир, в котором слышна музыка сфер. Скрупулезно разработанные цветовые модуляции фонов создают вневременную полуреальную атмосферу — то лучезарную, то меланхолическую, то пронизанную мистическим или вибриру-

ющим светом. Погружение музыкантов в исполнение абсолютно. Глядя на их трепетно прикасающиеся к инструментам пальцы, на склонившиеся над грифами скрипок и виолончелей или клавиатурой роялей лица с отрешенными выражениями, верится, что им ведомо звучание вечности. Посвященные музыке картины Блюмина — это некая оратория, почти церковная по чистоте звучания.

Сергея всегда интересовали нюансы одной темы, которую он не уставал варьировать, добиваясь, в итоге, полифонического эффекта в ее трактовке. В 1992 году художник начал работать над серией, названной им «Храм Афродиты» («The Aphrodite Temple, Demonstration of Incapacity in Academic Drawing»)¹⁰. Одной из самых значительных работ серии стали «Парки».

Парки в римском пантеоне (Мойры — в греческом) — богини судьбы, прядущие пряжу жизни живущих на земле смертных. От их воли зависит любой человек, земная жизнь которого заканчивается тогда, когда богини решают оборвать нить его судьбы. Перед зрителем — знакомая по музыкальным сюжетам композиция, только атмосфера в картине исполнена не гармонии, а тревоги. Фигуры безликого трио со спрятанными под спутанной пряжей лицами и изломанными позами, мертвой хваткой вцепившиеся в спицы, кажутся зловещими. Вздутые от неземного ветра полы окружающего их шатра; его дно подобно разваливающейся палубе качающегося на штормовых волнах корабля, но... С ядовитым цветом шатрового дна спорит безгрешный цвет белых одежд, с коварной изломанностью поз — их женственная гибкость. А ироничный автопортрет, легко, по-пушкински набросанный на бумажном листке, будто случайно залетевшем в потусторонний мир греческих богов (погадать о судьбе?), разбавляет напряжение почти веселой нотой. И та же философская емкость при всяком отсутствии категоричности — в другой программной картине серии, названной художником «Aurora Borealis» («Северное сияние»).

На первый взгляд, живописное содержание картины не соответствует названию, ибо, прежде всего, в ней обращает на себя внимание обессиленная алкогольным зельем мужская фигура, пребывающая в полной гармонии с собой и миром; расслабленное, удобно раскинувшееся на земле тело, — тому красноречивое свидетельство. Пожалуй, в искусстве нового времени только фламандцы (Рубенс, Йорданс) умели так непредвзято изобразить состояние опьянения, более того, героизировать его. Было бы, однако, опрометчиво ограничиться выше приведенной ассоциацией, ибо картина скрывает под первым, очевидным, второй, закодированный смысл.

Трио

Начнем с того, что в ней изображено трио греческих богов: Афродита, Адонис и Эрот. Лукавый сын богини любви Афродиты Эрот развлекается. Выбрав на этот раз в качестве волшебного оружия детскую рогатку, он метит ею в захмелевшего Адониса¹¹, обрекая его на роковую любовь. Афродита — в легкомысленном открытом платьице, любующаяся собой в зеркальце, не обращает внимания на бедокурящего сына, ибо заранее знает о неизбежном исходе игры всевластного мальчика-бога. А что же Адонис (пусть предельно модернизированный — с сигаретой в одной руке и стаканом хмельного напитка — в другой; лишь зеленый цвет костюма намекает на его божественный статус)? Этот бог, отнюдь не утративший в хмельном забытьи свою олимпийскую силу, на глазах наивного зрителя вершит магический ритуал. Как бы случайным, небрежным движением он зажигает световой зарницей небо. И от этого неосознанного, как бы беспомощного движения, небо охватывает бледное си-

яние. О чем это странное полотно? О загадочном переплетении материального и духовного, о неразрывном взаимодействии и влиянии тайного на явное, о скрытой силе слабости, о единстве всего сущего в мироздании.

В работе художника прослеживается та синтетическая широта видения, которая была свойственна античной цивилизации, проявившаяся в полном отсутствии дидактического осуждения негативных аспектов поведения и у людей, и у богов. В порядке доказательства достаточно вспомнить знаменитую роспись древне-греческого килика «Последствия Симпосия», относящуюся к V веку до н.э. — периоду высшего расцвета греческой культуры. То был период, когда шла грандиозная реконструкция Акрополя, когда творили Мирон, Фидий и Поликлет, а в Афинах процветало недавно родившееся искусство великой древнегреческой трагедии. На дне килика изображен юноша, с губ которого сбегает вниз, к его ногам, ритмизованная струя, изысканно «рифмующаяся» с ритмизованными очертаниями его хитона — вот уж воистину, непредвзятое отношение к, казалось бы, самому неэстетичному проявлению человеческой физиологии. По словам самого художника, «Храм Афродиты» явился реакцией на феномен современной культуры, называемый *multiculturalism*, в определенном смысле, вытеснивший из современного культурологического контекста греко-романский идеал. «Хотел его возродить» — комментирует Сергей свою, пожалуй, самую значительную серию, в которую вошло более 300 пастелей, гуашей, черно-белых рисунков, рисунков углем, а кроме них, более 30 картин, написанных маслом. Героями серии, наряду с представленными выше, стали Геракл, Сизиф, Силенус, Орфей, Эвридика и другие персонажи древнегреческих мифов. Снова напрашивается музыкальная аналогия: работы серии — словно многоголосый греческий хор, каждая работа в отдельности — самостоятельная партия.

Во второй половине 90-х годов, параллельно с «Храмом Афродиты», Блюмин развивает несколько новых тематических циклов, в каждом решается своя специфическая задача. В «Baroque Paintings» («Барочной серии») Сергей ведет мысленный диалог с художниками прошлого, предлагая собственные версии классических сюжетов и тем; диалог с Сезанном превращается в отдельную самостоятельную вариацию — «Bathers» («Купальщики»). В небольших картинах серии «Bread winners» («Добытчики-кормильцы»), построенных на изощренной балансировке между фигуративной и абстрактной интерпретацией реальности, Блюмин ищет масляные эквиваленты своим венским акварелям. В техническом

смысле «Bread winners» — значительный шаг вперед по сравнению с венскими работами, ибо в масляной технике неизмеримо сложнее выстроить смысловую светоцветовую структуру, нежели в более послушной и гибкой технике акварели. В 1997 году серия «Bread winners» логически завершается созданием десяти работ, в которых Сергей ставит перед собой труднейшую художественную задачу: найти цветовой эквивалент каждой ноте. Картины объединяются в цикл под названием «Tonal Paintings».

«Tonal Paintings» — своего рода апофеоз творческого метода Блюмина, результат многолетних экспериментов, приведших художника к важному открытию, заслуживающему отдельного исследования. В интервью на RTN Сергей кратко воссоздает предысторию зарождения принципов, разработанных им в тональной серии: «Я когда-то очень любил гармонию, композицию, занимался, брал эти классы... И те же самые музыкальные принципы я старался применить в живописи. Первые попытки, как это ни странно, были предприняты Гете. Потом... все знают светомузыку Скрябина... Он работал просто с цветными тонами... А то, о чем я говорю, и это все — в процессе развития, — это абсолютно точное совпадение звуковой и цветовой волны, то есть, — гармонически-тональные взаимоотношения цветов... Скажем, “до” — такого цвета, “ре” — такого цвета, и так далее... Изначально я делал это чисто эмпирически. Потом я стал спрашивать у своих многочисленных друзей, высокого уровня музыкантов, у которых есть сверхчувствительность к этому делу, что они думают. Скажем, у меня было открытие с нотой «фа»... Я обнаружил, что «фа» — это зеленый цвет... А сейчас я про это и говорю потому, что две мои, казалось бы, противоположные профессии... в конце концов, слились». После создания тональной серии у Сергея появляется своеобразный камертон, позволяющий ему на ином уровне выверять светоцветовой строй своих живописных вещей. В 1999 году был написан «The Kite»¹² — картина, в которой опыт художника и музыканта не просто слились, но преобразовались в таинственную фантасмагорию, смысл которой сам мастер объясняет так: «Это картина о том, как художники хоронят квадрат Малевича. Белый светлый квадрат наверху — это змей, который юноша держит в руках, и мой младший сын и сейчас себя узнает в нем, хотя, когда я писал эту картину, ему было пять лет, а сейчас ему уже двенадцать скоро. Вот этот черный... как бы гроб — это квадрат Малевича. И здесь, наверное, я смог ближе всего подойти к мышлению Венечки Ерофеева. Это такой театр жизни, где люди занимаются своим делом. И

*женщина там в правом углу сидит и продает единственное, что у нее есть — это как бы птицу какую-то, что, надо сказать, в христианской символике — символ души. Девочка с коляской — это моя дочка, которой сейчас восемь лет, Дафни. Ну, а все эти муз-канты мне очень знакомы, потому что я в двенадцать лет уже играл на похоронах, поэтому для меня — это все известные персонажи. Там есть один музыкант, который очень тревожно играет на треугольнике — очень редкий инструмент... В живописи, наверно, треугольник никогда не изображался. Он, очевидно, пытается призвать к какому-то определенному смыслу*¹³.

«Черный квадрат» Малевича, быть может, самый известный предвестник абстракционизма, был создан в 1915 г., когда закладывались принципы модернизма — важнейшей ветвью его и стал абстракционизм. В истории модернизма нет более популярного образа, иллюстрирующего манифест русских художников-авангардистов, провозгласивших в начале века конец станкового искусства как такового. «The Kite» Сергея Блюмина написан в конце века. Это тоже манифест, доказывающий, что создание станковой картины возможно и в период, который обозначен современными искусствоведами как пост-постмодернизм. Более того, модернистское видение включается Сергеем в спектр художественных традиций, на творческом переосмыслении которых зиждется образный строй «Воздушного змея».

Картина Блюмина пропитана символическими дуализмами. На фоне разреженного белесыми сплохами грозового неба музыканты на семи инструментах (количество нот в музыкальной гамме) играют похоронный марш предвестнику абстрактного метода. При этом персонажи картины (хотя и индивидуализированы) похожи друг на друга печально-загадочными выражениями глаз и абстрагированными очертаниями лиц и фигур. Позы музыкантов естественны, но и условны; условны и их костюмы, гамма которых выстроена не по натуралистическому, а по символически-абстрактному принципу. Результат несомненно оправдывает метод — первый план полотна излучает радужное сияние. Черному гробу, которому вскоре предстоит быть преданным земле, противостоит повторяющий его абрис воздушный змей — при этом белый символ устремлен в небо. Покидающая земной мир женщина составляет разительный возрастной контраст играющему с воздушным змеем юношей — при этом она прижимает к груди белую птицу, символ бессмертия. Скрытый пафос этой фантастической и, в то же время, реальной, трагической и, одновременно, торжественной сцены будоражит интеллект, застав-

ляет вспомнить, что смерть — катализатор, благодаря которому человеческий разум способен осмыслить жизнь; юность — лишь состояние, в конечном итоге, обреченное на старость, однако, старость — тоже лишь состояние, вслед за которым следует не просто смерть, а реинкарнация¹⁴

И все же... Зашифрованный смысл картины Блюмина упрямо сопротивляется любой словесной интерпретации — что-то неуловимое неизбежно ускользает от очередных попыток найти адекватное смысловое выражение группе загадочных персонажей с отрешенно-трагическими глазами, ибо это подлинная живопись, на самом деле, не переводимая на язык другого вида искусства, такая же первозданная по своей природе, как «Авиньонские девушки» Пикассо или «Ночной дозор» Рембрандта. Аналогии с «Авиньонскими девушками» напрашиваются в связи с трактовкой выражений лиц персонажей и в связи с тяготеющему к двухмерности картинному пространству, характерному для после-кубистической эпохи. Аналогии с «Ночным дозором» — в связи с композиционными параллелями и перекличкой загадочной символики картин: в «Ночном дозоре» — это девочка с птицей и лицом старухи, в «Воздушном змее» — это старуха с птицей, символом бессмертия, т.е. символом вечной юности человеческой души.

Религиозно-мифологическая тематика, интересовавшая Блюмина в течение всей жизни (вспомним «Храм Афродиты»), никогда не трактовалась им буквально. Религиозно-мифологические сюжеты, испокон века являвшиеся бессмертным эликсиром для художников разных исторических эпох, в течение многих лет помогали Сергею выстраивать собственную концепцию понимания мироздания. Несомненная вершина на этом мучительном пути — его грандиозное «Поклонение волхвов»¹⁵.

Поклонение волхвов — канонический христианский сюжет, которому на протяжении столетий были посвящены тысячи произведений искусства — от средневековых икон до картин художников нового времени. Необходимо обладать чрезвычайно яркой индивидуальностью, чтобы на подобном художественно-историческом фоне создать оригинальный, ни на кого не похожий образ. Сергею Блюмину удалось не только это — ему удалось изобразить одно из самых загадочных событий христианской истории адекватно, т.е. подняться на уровень так никогда и не разгаданной человечеством тайны.

Таинственно восхождение звезды над Вифлеемом, послужившее волхвам сигналом о том, что дева Мария подарила миру будущего Спасителя. Таинственен приход к бедному хлеву трех будущих по-

сланников христианской веры, которым было суждено распространить ее по миру. Как бы ни относиться к христианскому сюжету — принимать его буквально, или отвергать как очевидный миф — трудно не согласиться с фактом: тайна, лежащая в его основе, заключает в себе нечто большее, чем рассказ о мистическом эпизоде христианской истории, описанном в Евангелии. Как в капле воды отражается земной пейзаж, так в этом эпизоде отражается лежащая в основе земной истории неразгаданная тайна. Выше шла речь о блюминских пейзажах и натюрмортах — неких вещах в себе, вызывающих явное ощущение загадочности жизни. В них, однако, оно было опосредованным, скрытым. В «Поклонении» художник ставит зрителя лицом к лицу перед главной загадкой бытия — загадкой жизни, смерти и воскресения души. С древнейших времен человек пытается найти разгадку мучительной тайны своего прихода в земной мир, за которым неумолимо следует уход в вечное забвение — ей, в конечном итоге, посвящены все древние мифологические эпосы, в ряду которых собственное, специфическое место занимает Евангелие.

Картина Сергея Блюмина — о мистическом таинстве жизни; сюжет — лишь повод. Царствует в картине жест. «...Вот этот жест мужчины, который трогает Деву Марию... он, собственно говоря, и родил эту картину, потому что суть этого жеста, с моей точки зрения, заключается в неверии в то, что все это реально происходит... Он притрагивается, чтобы убедиться...»¹⁶. Движение руки одного из волхвов, касающегося плаща Марии, преисполнено невероятной энергии; его рука как мост над пропастью, пропастью между верой в тайну и скептическим сомнением, ее убивающим; пейзаж играет незаменимую роль в создании ощущения, что под рукой волхва — бездна. По левую сторону от нее — три фигуры, лица которых отражают три градации сомнения. Казалось бы, откуда сомнение у самых преданных провозвестников новой веры? Но задумчивость, похожая на сомнение, ощущается и в фигуре Иосифа, не случайно вызывающей в памяти роденовского «Мыслителя». Даже лицо Марии создает ощущение неопределенности — его изменила мысль, застывшая в мучительной раздвоенности, не знающая, куда стремиться дальше. Сомнение — любимое дитя Просвещения! Оно не может не быть составляющим компонентом мышления художника конца XX века. Печально, когда оно перерождается в фатально-ядовитый скепсис, т. е. в неверие. Весело, когда оно — лишь аккомпанемент процесса познания, подтверждающего интуитивное (первозданное) знание, т. е. веру — веру в чудо.

Поклонение волхвов

В блюминском «Поклонении» чудо вершится на наших глазах. Под рукой Марии — ничем не закрепленная, ни на что не опирающаяся, парит над пропастью младенческая колыбель. А в ней намеренно скрыт от глаз зрителя тот, кому принадлежит судьба самого загадочного персонажа в драме под названием «история земной цивилизации». Другими словами, блюминская колыбель — неразгаданная загадка, таинственный магнит, вечная вещь в себе.

Казалось бы, подведен итог. Пора ставить точку. Но невозможно закончить разговор о творчестве Сергея Блюмина, ничего не сказав о полотне, которое он посвятил одному из самых трагических событий нашего времени — взрыву нью-йоркского Торгового центра. Страшное событие свершилось 11 сентября 2001 года; через два дня было написано «Облако». Первое впечатление от картины — самоочевидно. Над Гудзоном стелется гигантское белесое месиво, образовавшееся в результате взрывов, вызванных пассажирскими самолетами, врезавшимися в два знаменитых нью-йоркских небоскреба. *«...Оно накрыло, по сути дела, сначала весь downtown, а потом путешествовало по всему городу, направляясь в New Jersey»*¹⁷. Но на самом деле, над водным пространством, прекрасным даже в момент величайшей трагедии современности, склонился дьявол! Раскинув над рекой коварное объятие, он разглядывает себя подобно Нарциссу, герою греческого мифа, который умер оттого, что чесами не мог оторвать взгляда от собственного отражения в воде. Какая емкая, многозначительная метафора! И какое неожиданное решение — представить символ Зла с помощью — пусть переливающегося отраженными от воды бликами — но белого цвета.

Для художника, испытавшего на себе в период творческого становления влияние итальянского Ренессанса, всегда было очевидно: миссия искусства не в смаковании низменного, а в его преображении, ведущем к катарсису, к духовному очищению (а это уже из уроков великой греческой культуры). Лучезарная Греция, солнечная Италия, по которой было совершено новое большое путешествие в начале 90-х годов — те вехи, по которым, в конечном итоге, выстураивается искусство Сергея Блюмина.

И вот возникает вопрос. Откуда к человеку, получившему по призванию музыкальное образование и счастливо совмещавшему в течение многих лет музыкальную и художественную карьеру, в середине жизни вдруг пришло странное желание: полностью порвать с музыкальной специальностью, обеспечивавшей ему стабильный источник существования, развернуться в неведомом направлении и начать неизведанный путь, на котором ему было суждено пережить огромное количество разочарований и потерь. Что заставило его, рожденного в атеистическом государстве, в семье еврейских интеллигентов, не имеющих отношения к художественной деятельности, начать профессионально заниматься живописью, обратившись при этом к не самой популярной в эпоху постмодернизма традиции — итальянскому Возрождению? Видимо, душа художника откликнулась на не мотивированный бытовой логикой зов — подобными таинственными зовами пронизано, на самом деле, наше существование; им искусство Сергея Блюмина посвящает — уже на протяжении 40 лет — величавую серенаду. В интервью на RTN он сказал: *«Я, по сути дела, как живописец, развивался уже на Западе за последние 30 лет... Масляная живопись, это такая довольно серьезная техника... Я когда-то считал, что в меня переселилась душа Бенвенуто Челлини... У меня все это было в руках. Вот, скажем, живописная техника, которой я пользуюсь, это техника, которой пользовался Ван Эйк...»*.

Творчески переработав богатейший спектр художественных традиций прошлого, среди которых итальянское Возрождение и первобытный примитив сыграли важнейшую роль, Сергей Блюмин сумел создать собственную художественную идиому, другими словами, собственный стиль, основополагающим признаком которого является синтезированный художественный образ. А синтез — выше однозначной эмоции и шире сухого интеллектуального вывода. Он рождает новую эстетику, другими словами, новое понимание красоты. Характерные для современного художественного видения мотивы — разобщенность, отчужденность, жестокость,

печаль, присутствуют в работах Блюмина, но преображаются под его рукой в изображения, несущие в себе свет, будь это его картина или акварель, пастель или гуашь, энкаустика или скульптура, произведение компьютерной графики или коллаж¹⁸. Другими словами, его творческий метод приумножает важнейшее достижение мировой культуры — преемственность, а его творческий мир представляет своеобразную вселенную. Для ее адекватного осмысления необходима монография; объем статьи явно недостаточен, чтобы представить художественное наследие этого мастера, являющегося также создателем самобытных фотографий, автором стихов на английском языке, пьес, написанных в традициях оберегов.

Среди работ таких художников, как В. Комар, А. Меламид, Э. Неизвестный, М. Шемякин, Г. Брускин, И. Кабаков и др., эмигрировавших из СССР в конце 70-х — начале 80-х годов, и его известных современников, работавших в до- и после-перестроечной России (В. Попков, Д. Жилинский, В. Янкилевский, Н. Нестерова, З. Аршакуни, Т. Назаренко, А. Ситников и др.), творческому наследию Сергея Блюмина принадлежит своя уникальная роль. Оно, несомненно, относится к «золотым ценностям современности», по выражению поэта Леонида Мартынова. В заключение хочется привести строки из стихотворения любимого поэта Сергея Блюмина, Осипа Мандельштама. Каким-то таинственным образом они перекликаются не только с основными мотивами его творчества, но и с его судьбой:

...Ну а в комнате белой как прялка стоит тишина.
Пахнет уксусом, краской и свежим вином из подвала.
Помнишь, в греческом доме: любимая всеми жена —
Не Елена — другая — как долго она вышивала?

Золотое руно, где же ты, золотое руно?
Всю дорогу шумели морские тяжелые волны,
И покинув корабль, натрудивший в морях полотно,
Одиссей возвратился, пространством и временем полный¹⁹.

Музеи, в которых представлены работы Сергея Блюмина

Бакнельский университет, Люисбург, Пенсильвания
Музей прикладного искусства, Вена, Австрия
Государственный Русский музей, Санкт-Петербург
Государственный исторический музей, Москва

Избранные персональные выставки:

- 2006 Jericho, Публичная библиотека, Джерико, Нью-Йорк
1995 Z-Gallery, Нью-Йорк
1994 LMG Gallery, Нью-Йорк
1992 Alex Edmund Galleries, Нью-Йорк
1987 Vorpal Gallery, Нью-Йорк
1986 Neil Isman Gallery, Нью-Йорк
1980 Gallerie am Graben, Вена, Австрия
1979 Palazzo Rucclai, Флоренция, Италия
1977 Союз художников, Санкт-Петербург
Павильон Росси, Санкт-Петербург

Избранные групповые выставки:

- 2004 Cinema Arts Centre, Хантингтон, Нью-Йорк
2000 Museum of Design, Цюрих, Швейцария
1999–2000 Grant Gallery, Нью-Йорк
1996–1999 Mimi Fertz Gallery, Нью-Йорк
Z-Gallery/Central Fine Arts, Нью-Йорк
1996 Hurlbutt Gallery, Гринвич, Коннектикут
1992–1994 Alex Edmund Galleries, Нью-Йорк
1991 Center Gallery, Bucknell University, Люисбург,
Пенсильвания The Neo Persona Gallery, Нью-Йорк
1990 The Gallery at Lincoln Center, Нью-Йорк
1988–1989 Helen Drutt Gallery, Нью-Йорк
1987 Art Expo, Нью-Йорк
1985–1986 Neil Isman Gallery, Нью-Йорк
1984 Mitchell Museum of Art, Иллинойс
Fashion Institute of Technology, Нью-Йорк
1981–1983 Spring Street Enamels Gallery, Нью-Йорк
1983 International Art Exhibit, Токио, Япония
1981 National Gallery of Victoria, Австралия
Academy of Coburg, Германия
Biennale de l'Art, Лимож, Франция
1982 Brisbane Civic Art Museum, Австралия
Goldsmiths' Hall, Лондон, Англия
Landesmuseum, Грац, Австрия
1978 Gallerie am Graben, Вена, Австрия
Schmickmuseum, Форхайм, Германия
Музей 20-го века, Вена, Австрия

¹ Из интервью Сергея Блюмила на нью-йоркском канале RTN, 12 октября 2005 года.

² «Мир человека», масло, 1978.

³ Символы и смыслы // «Новое русское слово», 23 мая 2006.

⁴ Yelena Yaser. About Sergei Blumin // New Art International 2007–2008. Book Art Press, 2007. P. 96–105, 168.

⁵ «Фатальное танго», «Любительница кофе», «Танец с веером», «Благовещение».

⁶ «Ферма», «Лестница в небо», «Растяжка для шляп», «Проповедник».

⁷ Н. Раковская. Очерк о художнике (рукопись, хранится у автора). Нью-Йорк, 1983.

⁸ Мантеня, Андреа (ок.1431–1506) — один из крупнейших живописцев эпохи Возрождения в Северной Италии.

⁹ Из интервью Сергея Блюмила на RTN.

¹⁰ «Храм Афродиты. Демонстрация неспособности к академическому рисунку».

¹¹ Согласно греческой мифологии — прекрасный юноша, бог растительного царства. Адонис был смертельно ранен диким кабаном, насланным на него Артемидой, разгневанной тем, что юноша предпочел ей богиню любви Афродиту.

¹² «Бумажный змей» (картина — часть незаконченной серии «Процессы»).

¹³ Из интервью Сергея Блюмила на RTN.

¹⁴ На данную тему сегодня существует обширная литература на разных языках, включая русский. В качестве примера сошлемся на книги выдающегося американского исследователя Джозефа Кембелла.

¹⁵ «Adoration of the Magi», 2002 г.

¹⁶ Из интервью Сергея Блюмила на RTN.

¹⁷ Из интервью Сергея Блюмила на RTN.

¹⁸ См. www.sergeiblumin.com

¹⁹ О. Мандельштам. «Золотистого меда струя из бутылки текла». YMCA-Press, Paris, 1983. С. 44–45.

Неуловимых образов искатель

Сергей Блюмин (Нью-Йорк)

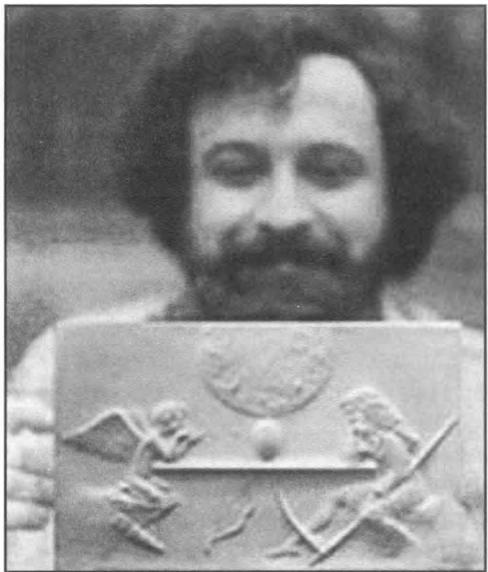
Многоголосье безголосых птиц
стихает в тишине, не вызывая эха,
приобретая цельность
в стемленьи к совершенству.
Пространство вечности шагами измеряя
нетвердой поступью текущей жизни,
конечным меряя движенье в бесконечность,
стремясь к слиянию времени в пространстве,
в недостижимой точке
звучит многоголосье безголосых птиц.

С. Блюмин

Художники Ренессанса не работали по вдохновению. Они работали по заказу, находя истоки для своих произведений в античности, взращенной, в свою очередь, на архаических прообразах. Поддержка патрона создавала условия для творческого развития ренессансного художника. Творческая позиция Игоря Песочинского была подсознательно родственна возрожденческому образцу, однако условия, в которых ему пришлось работать, сильно отличались от ренессансных. Возможно, он был неоклассицист, погруженный в сумятицу современного, охваченного войнами, мира, в котором нет места классическому канону. Навязший в зубах академический рельеф, изображавший Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, размноженный в миллионах копий, вряд ли мог вдохновить будущего создателя советской камеи, утраченное искусство которой он сумел возродить вопреки идеологическому климату времени, обогатив его изобретенными им творческими приемами.

Игорь Песочинский начал свой непростой путь, родившись в «правильное время» (в 1937-м году), в правильном месте (в Ленинграде). В трехлетнем возрасте, в связи с войной, он был эвакуирован в Сибирь; в восьмилетнем возрасте, по возвращении из эвакуации, впервые попробовал белый хлеб. Воспоминание сохранилось на всю жизнь и вкуса хлеба не смогло затмить ни одно пирожное.

Возвращение в Ленинград означало для Игоря начало мирного времени. Столичный облик классического Петербурга должен был поразить контрастом с провинциальным сибирским городом. Мно-

Игорь Песочинский

гозначительные персонажи рельефов модерна, ставшие прообразами камей, созданных Игорем в начале 70-х годов, пристально смотрели с карнизов петербургских домов.

Бормашина — инструмент, которым он впоследствии резал камеи по раковине и камню, объединяла его с родителями — зубными врачами, Михаилом Семеновичем (во время войны — военным врачом) и Лидией Григорьевной Песочинскими, которые вместе с сыном вернулись в квартиру на Гатчинской в 45-м году.

Автобиография Игоря

подкупает скромностью и поражает своей краткостью даже в эпоху, девизом которой является выражение «Less is more» — «Меньше — это больше» (сохранена орфография автора):

По нетвердым воспоминаниям первоочевидца — моим: вылупился 5 июня 1937 г. После армейской службы в 1959 г.¹ вышел в пустоту, увлекся художественным словом. Для пропитания и служебной самозащиты слесарил, размечал корабли на Адмиралтейском заводе. Хотел в трамваи или троллейбусы — за еврейство не подпустили. В 1970-м начал обучаться ювелирному мастерству (отец устроил). Там случайно познакомился с понятием «камея» — увлекся. Учиться этому было не у кого — разбирался сам. Освоив достаточно, набрался наглости показать на художественном совете. Не помню, что он советовал, но помню, что он решал, кому быть в продаже на почтенных лавках художника, а кому нет. Повезло — стало быть. Там мы и познакомились, Сережа, — не так ли? В 1977-м выехал. После 4-х месяцев ожидания визы в Италии в самом начале 1978 г. въехал в Штаты за грандиозным успехом. Год — Колорадо, остальное — в Нью-Йорке и вокруг. Резал камеи по камню и раковине, создавал настенные барельефы. В 62 года ушел на пенсию, проработав много лет в ювелирной промышленности, изготавляя модели. Написал несколько пустяков. Тे-

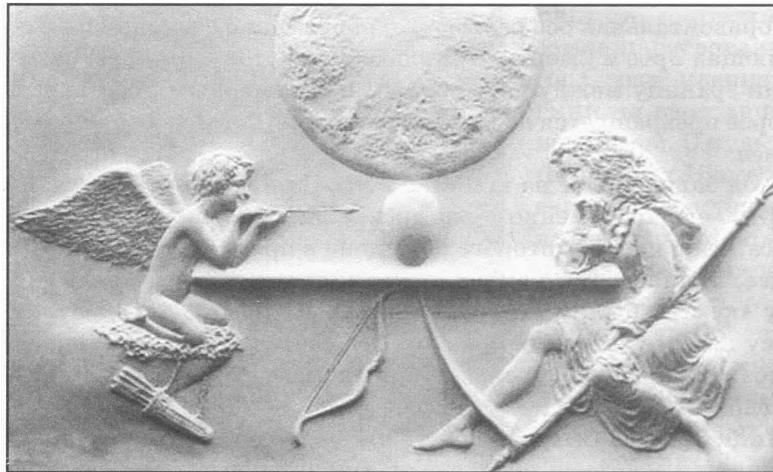
перь, на 72-м году с момента моего первого крика «Караул! Хочу обратно (все хотят, ни у кого не получается)!» готовлюсь к последнему исходу с одним желанием — вкусить настоящего арбуза.

Свои литературные работы Игорь небрежно охарактеризовал как пустяки. Вот один из них:

Налей себе стакан, мой старый друг!
За прошлое в последний раз мы выпьем,
Где в мертвых стенах прежних лет,
Архивы памяти лежат безмолвно
Под толстым слоем онемевшей пыли.
Туда мы больше не пойдем!
Там только тлен пустых воспоминаний
О том, чего давно уж нет
и быть не может больше.
И без ненужных, друг мой, сожалений
Пустые мы стаканы разобьем о стены склепа,
И, взявшись за руки, назад не глядя,
Туда пойдем, где свежий воздух обновлений
И где неведомых еще друзей найдем.

Стремление к совершенству двигало Игорем в развитии утраченного в России искусства резьбы по камню и раковине. С приходом революции камея — разновидность античного портрета, в конце средних веков олицетворявшая образ прекрасной дамы, а в новое время — незнакомки символистов, вместившая в себя античное, средневековое и возрожденческое миниатюрное портретное изображение, деградировала в штампованный рельеф комсомольского значка. Игорю предстояло пройти путь первооткрывателя как в воссоздании специфической образности миниатюрного изображения на камне, так и в изобретении художественно-технических методов резьбы.

С этой задачей Игорь справился великолепно. Когда он принес свои камеи в Метрополитен музей, куратор отдела глиптики (отдела резьбы по камню) выразила свое изумление, сказав, что «ни с чем подобным в своей практике не сталкивалась». Изобретенный Игорем метод позволял ему создавать цельный образ из элементов разноцветных полудрагоценных камней, которым он придавал желаемую форму миниатюрными алмазными дисками. Каждый элемент обрабатывался со всех сторон для последующего точного соединения с соседствующими элементами. Сборка осуществлялась на прозрачном стекле, что позволяло в заключительной стадии перевести созданный рельеф с плоского стекла на плоскость камня.

Миг равновесия. Винтерстоун, 2005

Между визитом в Метрополитен в начале 80-х годов и первым появлением Игоря на приемной комиссии ленинградского комбината декоративно-прикладного искусства, где он услышал: «Наконец-то, у нас появилась советская камея» — путь, включивший в себя создание 400 произведений, в 70-е годы успешно продававшихся в Лавке художника в Ленинграде, в 80-е годы — на аукционе Кристи в Нью-Йорке (здесь было продано 12 неоклассических камей Игоря, осевших в частных коллекциях), экспозиции в галерее Аарона Фэбера на 53-й улице в Нью-Йорке, напротив Музея современного искусства.

В конце 80-х — начале 90-х годов в творчестве Песочинского наступил новый этап — работа над барельефами, которые он научился отливать в искусственном камне (winterstone). Лучший барельеф Игоря, «Миг равновесия», — заключительный.

Древняя мифологическая идея о вечно неразрешенном противоборстве любви и смерти представлена в нем с парадоксальной в своей многогранности лаконичностью, с помощью изощренного подбора символов: мистической леонардовской улыбки, подвешенных в зыбком метафизическом пространстве фигур Смерти и Эроса — вестника любви, лука, дамской ножки, традиционного атрибута смерти — косы, яйца — маятника, который олицетворяет зарождающуюся жизнь и неустойчивое равновесие вечности и способен в любой момент качнуться в сторону жизни или смерти.

Горизонтальная ось рельефа, одновременно соединяющая и разделяющая Эрос и Смерть, — иллюзорный стол-саркофаг, размывающий границу между двухмерным и трехмерным пространством, которое превращается во что-то эфемерное, затягивающее-потустороннее.

Стол балансирует на кончике косы Смерти и луке Эроса. Образ Смерти — одновременно образ древнейшего божества — двуликого Януса, одно из лиц которого обращено в прошлое, а другое — в будущее, являясь, тем самым, пограничным столбом, памятником тому «кем ты был, и кем стал теперь» (Стравинский). Двуликуму Янусу известно таинство равновесия света и тьмы. Прячущаяся в волосах прекрасной сирены устрашающая маска смерти ждет своего мгновения.

Лица Эроса и Смерти зеркальны — в любой момент они могут поменяться местами; они играют в понятную только им игру под бесстрастным взглядом солнечно-лунного диска — символа жизни и вечности во многих древних религиях. Эрос, конечно, проткнет своей стрелой скорлупу яйца, дав начало новой жизни, но последнее слово будет за Смертью. Чаруя, она зазывает в свои объятия, ссылаясь на освобождение души от скорлупы земного плена.

Игорь давал новую жизнь античным образам, обновляя их современным прочтением. Все его творчество было попыткой разрешить настоящим конфликт между прошлым и будущим. В «Сусанне и старцах» обыграна идея божественного присутствия в любой женщине дионисийского начала. Купание Сусанны прервано появлением старцев, паломников храма Афродиты, одновременно напоминающих участников дионисийских процессий, босковских персонажей, захмелевших бродяг, или просто бездомных, поклоняющихся своей уличной подруге. Отвлеченная вожделенными взглядами от своего туалета, она то ли стыдливо прикрывает лицо прозрачным подолом, то ли фривольно демонстрирует, по определению Гюстава Курбе, «врата жизни». Так в миниатюрном рельефе с четырьмя персонажами совместились важнейшие культурные слои истории, а библейская тема преобразовалась в своего рода эротическое шоу.

Противоположный женский образ представлен в камее «Деметра». Героиня камеи, женщина, поливающая цветок, — современная ипостась Деметры, богини плодородия «с волосами цвета спелой пшеницы», проливавшей слезы по своей, похищенной Аидом, дочери Персефоне в ожидании ее возвращения из подземного царства. В течение трети года, которую Персефона проводила в

Аriadна. Камея на раковине (1984)

ставая быть частью интерьера сосуда, принадлежит и Земле, и Небу. Небо мимолетно отражается в ней, а Земля поглощает животворную влагу, возвращая семя надежды в начинающем новый цикл ростке. Росток, успевший распуститься в цветок, тоже принадлежит одновременно и Земле, и Небу.

Как в «Миге равновесия», ситуация опять зеркальна: период подземного развития — это прошлое, завершающееся освобождением от защитной тьмы земного покрова, в которую цветок уходит корнями; он распускается в ожидании будущего, предпочитая неопределенность света определенности тьмы. Подчиняясь извечному тяготению к земле, капля вращает колесо водяных часов, добавляя новое звено в незамкнутой цепи, тянувшейся из древности в будущее. Капля — олицетворение центральной мертвой точки, существующей в центре любого смерча. Своей обманчиво хрупкой уязвимостью она противостоит его все разрушающей силе. Гармонический образ Деметры, охраняемый центростремительным движением, очерчивающим

царство мертвых, на земле царствовала зима. С возвращением богини на свет начиналась весна. С культурами Деметры и Персефоны связаны представления древних о природных циклах — об умирании и возрождении.

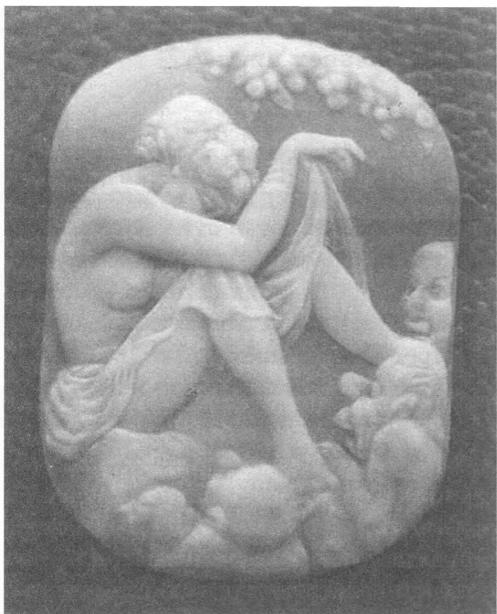
В камеи Песочинского пятнадцать элементов, вырезанных из полудрагоценных камней, собраны в миниатюрный рельеф, спокойной цветовой гаммой символизирующими цветущие сезоны. Со слезами Деметры ассоциируется хрустальная капля. В своем полете из прошлого в будущее она проходит перевоплощение и, пере-

овал, противостоит разрушительности смерча, кружащегося за пределами овала по закону центробежной силы. Ее цельный образ — триумф абсолютного покоя в мертвой точке эпицентра смерча.

Творчество Игоря было той же точкой покоя в океане бушующего вокруг нее циклона. Он отлично осознавал невозможность примирения миоощущений, породивших «Сусанну и старцев» и «Деметру». Он тяготел к классической гармонии вопреки мощным центробежным силам современности, которые неуклонно стремятся разрушить гармонический образ. Он тосковал по нему, ощущая его как неуловимую, но живую часть жизни. Незадолго до смерти он написал:

Скажи мой друг, когда в последний раз
ты к звездам взор свой поднимал,
когда в последний раз во снах своих летал
не в мрачных стенах необъятных подземелий,
в которых выход ты искал туда,
где свет, и нет больных похмелий
в тех бесконечностях неведомых и чудных
с цветными ароматами полей,
и горной свежестью, и грозностью морей?
Когда в последний раз ты выполз из берлоги,
не для того чтобы до зелья добрести,
а чтобы отдыщаться
от пыльной одинокой темноты,
в которой хмеля мутные тревоги
с мозгов своих надеешься ты книгой соскести,
когда в последний раз ты пьяное зелье
не высосал до дна,
а выплеснул туда, откуда
не смог бы ты вдохнуть его обратно никогда?
И, наконец, когда в последний раз
ты в чьи-нибудь глаза взглянул
и выловил оттуда
Кусочек чуда?

Вид искусства, в котором работал Игорь Песочинский, является кусочком чуда. За последние 3000 лет камея эволюционировала меньше всего. Сегодня по ней датируют эпохи, анализируют историю развития костюма. Будучи миниатюрным рельефом, любая чеканная монета, зародившаяся в глубокой древности, является той

Сусанна и старцы. Камея на раковине (1984)

же самой камеей. Камея — продукт замедленного времени, частица вечности.

Время, которому принадлежало творчество Игоря Песочинского, закончившись, стало частью вечного времени. Произошло слияние творца с реализованным им объектом, ставшим памятником его создателю. Но как в его «Деметре» чистая капля надежды создает образ постоянства, извечной естественной цикличности, реализованной в незамкнутом звене цепи, протянутой из древности в будущее, так искусство камеи ожидает своего продолжения.

За несколько дней до кончины Игорь сказал, что смертельную болезнь можно воспринимать как трагедию, а можно — с юмором. Он относился к жизни, как к дару, с которым надо уметь расставаться с мужественной легкостью.

Сказал мне мудрый старичок —
дареному коню ты в зубы не смотри,
ты отведи его в сторонку,
а лучше — за угол, где незаметно
ему ты рот открай и посчитай коронки.
Коль что не так, тихонько удави,
дарильщику же доброму скажи,
что конь лихой в свободные просторы ускакал,
за ним стрелой помчался ты,
но прыткого конягу не догнал.
Печально друга щедрого ты обними,
похлопай удрученно по спине,
в глаза ему ты горестно взгляни,
и тяжко плечи опустив, иди домой.

Для Игоря Песочинского слияние с вечностью обозначало возвращение домой. Смерть стала завершением цикла².

¹ По словам Игоря, не дождавшись выпускных экзаменов, он сам пошел в военкомат, чтобы поступить в армию, считая, что его характер нуждается в доработке.

² Игорь Песочинский скончался в Ньютоне (штат Нью-Джерси) 23 апреля 2009 г.

Клавиши и струны

Валерий Базаров (Нью-Йорк)

Состанным чувством незавершенности приступаю я к изложению этой истории. Ее нельзя назвать биографией — слишком много белых пятен остается в жизни героев. Ее нельзя назвать творческой биографией, потому что автор не стремился воссоздать картину творческой деятельности четырех музыкантов, по свидетельству многих специалистов — гениальных.

Назовем это эпизодами из жизни братьев Китаиных. Романтический ореол, окружавший их рано проявившийся талант, мировая известность и почти полное забвение, невероятные приключения, драмы и трагедии, выпавшие на их долю, заворожили меня. Несколько раз я пытался перенести на бумагу свои находки, но что-то мешало, не хватало какой-то существенной детали. И только сейчас, когда прояснилась картина гибели младшего брата — Александра, я понял, что откладывать больше нельзя. Полная или неполная, но история братьев Китаиных, забытых гениев России, должна быть услышана.

...Концерт состоялся в Эрмитажном театре на берегу Зимней Канавки. Здесь выступали Павлова, Шаляпин. И вот теперь — братья Китаины. Роберту, игравшему на скрипке, — 11 лет, Анатолю, такому маленькому рядом с огромным роялем, — 10.

Полукруглый зал театра на 250 мест, предназначенный для императорской семьи и дворцовой знати, заполнен. Чернота мужских фраков подчеркивает белизну женских плеч, а мягкий свет, отражающийся в алмазных ожерельях и серьгах, мешает сосредоточиться на музыке. Кресла обиты красным бархатом, на полах ковры, в которых утопает нога, люстры мягко освещают небольшой зал, но главное — акустика, позволяющая без искажений слышать все, что происходит на сцене...

В небольшой части партера, отделенной от остального зала мраморными колоннами, — Великий Князь Михаил Александрович, брат царя, и его тетка, Великая Княгиня Мария Павловна. Княгиня любила и понимала музыку. Она вряд ли смогла бы занимать должность Президента Российской Академии художеств, если бы не была родственницей царя, но, как бы теперь сказали, должности этой соответствовала полностью. Двор ее, в отличие от императорского, блестал не кликушами вроде Распутина, а художественными талантами, пользующимися мировой известностью. За что ее и не любили в кругах, близких к царице Александре Федоровне.

Выступление братьев Китаиных удалось. Маленькие артисты привели в восторг августейших зрителей. Совершенная техника игры в сочетании с детской непосредственностью действовали неотразимо. Роберт и Анатоль устали кланяться аплодирующему залу. Отец был рядом и тихо уговаривал: «Ну, еще поклон, вон видите ту даму? Пошлите ей воздушный поцелуй...» Наконец, овации стихли. Мария Павловна пригласила мальчиков подойти и обняла их.

— Вас ждет великое будущее, — только и сказала она. Затем позвала кого-то из окружающих и шепнула короткую фразу.

Спустя несколько минут слуга принес скрипичный футляр и вручил его Роберту. Мальчик открыл футляр и замер. На синем бархате засияла, отражая яркий свет канделябров, скрипка.

— Это тебе. Ты заслужил эту скрипку. Ее сделал сам Гварнери.

Наверное, впервые в жизни Анатоль пожалел, что играет на таком большом инструменте, как рояль — его не завернешь в подарочный пакет. И, может, вспомнил об этом вечере пианист с мировым именем, Анатоль Китаин, когда играл в Нью-Йорке на единственном в мире фортепиано, деревянные части которого были сделаны согласно легенде из колонны храма, построенного Соломоном, да, да — тем самым, царем Израиля.

* * *

Хотя известно, что Мендель Пейсахович Китаин родился в 1864 году, жизнь его семьи удалось проследить по нескольким сохранившимся в архивах документам лишь с 1909 года. К этому году Мендель был женат на Басс Заславской и имел трех сыновей — Роберта, родившегося в 1902 году, Анатоля, появившегося на свет в 1903, и Бориса, который родился в 1905. Числился Мендель мещанином города Луги, куда переехал из Бобруйска. Законы Российской империи не позволяли евреям проживать за чертой оседлости, но иногда законы эти, как и сама черта, были расплывчаты. Поскольку Луга входила административно в столичную губернию, Мендель Китаин мог поселиться в Петербурге, что многим евреям было недоступно. Человеком он был высокообразованным и музыкально одаренным, иначе не мог бы уже в 1911 году занять должность профессора пения в Петербурге. Где именно был он профессором пения — установить не удалось. В газетных материалах о Китаинах упоминается Консерватория, но это не так. Для меня это не было важно. Много лет спустя, его сын Анатоль вспомнит, что отец учился пению в Италии, а в России был учеником Римского-Корсакова.

Информацию эту проверить не удалось, да и музыковеды считают этот факт маловероятным, но вот известно точно, что Михаил Фистулиари в учениках Римского-Корсакова состоял.

А Фистулиари, в будущем композитор и дирижер, и Мендель Китайн были женаты на сестрах Заславских. Узок был круг этих еврейских музыкальных талантов России...

В начале 1909 года семья Китайных переезжает в Петербург, где 4 апреля у них рождается четвертый сын, Александр. Как водится среди добропорядочных евреев, Александр на восьмой день был обрезан, о чем есть запись в Петербургской хоральной синагоге от 11 апреля 1909 года. Но вот запись в Евангелической лютеранской церкви города Выборга от 10 июля того же 1909 года сообщает о крещении Роберта, Анатоля и Бориса, детей Михаила Григорьевича (не Пейсаховича!) и Марии Яковлевны Китайных, принадлежащих к церкви лютеран-евангелистов. А выселения из столицы лютеранам Китайным уже не нужно было опасаться.

Здесь все непонятно. Почему крестились? Если для того, чтобы убрать преграду к карьере, то в стране, где церковь не отделена от государства и где официальная религия — православие, лютеранам приходилось немногим лучше, чем евреям. С таким же успехом можно было перейти в католичество. Может быть, лютеранство имело для Менделя Китайна какое-то особое притяжение? Как-то сомнительно... Если же разрыв с иудаизмом был совершен по идейным соображениям, то почему сохранили еврейство Александра? Может быть, именно это решение через много лет привело к трагическому финалу. Несомненно одно — решение креститься самим и крестить трех сыновей из четырех пришло после рождения Александра.

По всем петербургским адресам до 1914 года (некоторое время Китайны жили в доме, принадлежавшем князю Юсупову-Эльстону, будущему убийце Распутина) значится Михаил Григорьевич Китайн.

Это было хорошее время. То есть, как смотреть. Если на политico-экономическое положение России, то все шло из рук вон плохо. Самодержавие усиленно пилило дерево, на котором сидело, не желая делить власть с буржуазией. Буржуазия доказывала свое право на политический пирог и развивала промышленность, строила дороги, заводы, догоняя передовой Запад, несмотря на преграды, которые ей ставили и справа, и слева. Интеллигенция... Интеллигенция добивалась революции. И добилась. Ну, а потом стали добивать интеллигенцию. И добили...

Но если смотреть на культурную жизнь, то, как мы теперь твердо знаем, это был серебряный век расцвета поэзии, литературы, театра, изобразительных искусств, музыки. В доме Китайных царила музыка. Мария Китайна, хотя и не получила профессионального образования, была великолепной пианисткой. Оба ее брата, Александр и Николай, оставили след в музыкальной жизни если не России, то Америки. Александр играл на скрипке сначала в Нью-Йоркском, а затем в Лос-Анджелесском симфоническом оркестре, а Николай был известен в еврейских музыкальных кругах как композитор, кантор и пианист.

Сыновья Марии и Михаила Китайных унаследовали семейный талант. Братья первый и третий играли на скрипке, второй и четвертый — на фортепиано: *клавиши и струны*. Среди друзей дома — Александр Глазунов, Цезарь Кюи. Прямо из детской братья уходили в консерваторию. Роберт и Анатоль — в десять лет (в 1912 и 1913 годах), Борис — в 1914, когда ему было только девять. Александр поступить в консерваторию не успел, но пианистом все же стал.

Китайны не стремились прославиться за счет детей-вундеркиндов. Дети оставались детьми, их не лишали обычных развлечений ради бесконечного разучивания гамм. В памяти Анатоля, единственного из братьев, кто оставил подобие мемуаров (подобие, потому что автор явно не сверял свою память с документами), остался праздничный блеск театрального Петербурга, нарядная толпа прогуливающихся по проспектам и площадям горожан, солнечное великолепие Крыма, куда семья выезжала каждое лето. Там, в Феодосии и состоялся дебют Анатоля, ему тогда было девять лет. Слух о необыкновенных музыкантах дошел до царской семьи, чья резиденция находилась неподалеку. Той же осенью Анатоля и Роберта пригласили выступить в Зимнем дворце. Документов, свидетельствующих о том, что произошло на этом концерте, как, кстати, и о самом концерте, найти не удалось. В то же время рассказ о скрипке, подаренной мальчику-виртуозу, неизменно повторяется в газетах и журналах всего мира на протяжении всей музыкальной жизни Роберта Китайна. И хотя дочь Роберта Китайна, Тамара, утверждала в беседе со мной, что отец ее был большой выдумщик, эпизод этот так естественно вписывается в жизнь Китайных, что именно с него мы и начали свой рассказ. Тем более, что история скрипки Гварнери имела свое продолжение.

Наступил 1914 год, с газетных страниц все более крупным шрифтом замелькало слово — война. И она действительно началась. Семья была в Крыму и с трудом смогла вернуться в Петроград. Поез-

да были переполнены, на всех станциях солдаты, плачущие дети и женщины. Все расползлось. Даже в консерватории произошли перемены. Мест в госпиталях не хватало, и верхний этаж отдали для раненых. Михаил Григорьевич организовывал для них концерты. Вот как описывает это время Анатоль Китаин¹:

Рождество в этом году было веселым. Мы получили много приглашений. Было очень холодно. Отец простудился, проболел неделю и умер. Как невыносимо было смотреть на его любимое лицо, теперь уже мертвое. Он так любил и баловал меня, а теперь лежит мертвый в гробу. Нас забрали из дома, чтобы мы не были на похоронах. Это был ужасный удар. Мать была в полном отчаяния. Что поделаешь, если и известия с фронта тоже не были утешительными. Много убитых, отступление, наступление... Я не очень-то разбирался в военных действиях. Снабжение стало плохим... Летом мы поехали в Киев, где жизнь была лучше, так как Украина всегда была закромами России. Там провели мы все лето. А осенью снова в Петроград. Занятия в консерватории. Уже был на высшем курсе, зима была суровой, и вдруг в один прекрасный день грянула революция...

Из приведенного отрывка ясно, что в 1917 году Анатоль Китаин был на высшем курсе Петроградской консерватории. Но вот, что говорят документы этой консерватории. Старший брат Роберт поступил в Петербургскую консерваторию 8 октября 1912 года, но уже 23 октября был отчислен без указания причин. Анатоль стал студентом 31 августа 1913 года, а 15 марта 1914 из нее отчислен. В то же время многочисленные пресс-релизы, посвященные выступлениям Анатоля Китаина, рассказывая о его музыкальном образовании, неизменно упоминают учебу в Императорской Санкт-Петербургской консерватории вместе с Владимиром Горовицем. Обычно добавляют, что оба великих пианиста учились в классе Тарновского. Но ни Владимир Горовиц, ни Тарновский никакого отношения к Петербургской консерватории не имели — их деятельность была связана с Киевской консерваторией. Где же учились братья Китаины?

В своей автобиографии Анатоль Китаин часто упоминает Киев, как место, где ему работалось спокойно:

Зиму опять провели в Киеве. Так как в городе жить было трудно, мы сняли домик в дачном поселке Святошино, в двух километрах от Киева. Зима в этом году была особенно суровой. Я много работал здесь, вдали от городской суеты. Работать было особенно хорошо.

Может быть, уйдя из Петербургской консерватории, Анатоль перешел в Киевскую? Тем более, что мать, Мария Заславская, была родом из Киева и принадлежала к музыкальной среде этого города. Подтверждение этой догадки пришло от редактора сборника Эрнста Зальцберга, живущего в Канаде. В книге Ю. Зильбермана и Ю. Смелянской, посвященной Владимиру Горовицу², Эрнст нашел следующие строчки:

После смерти Тарновского Джейфри Вагнер, влиятельный американский критик, опубликовал о нем статью... Вагнер упоминает всех известных учеников Тарновского: В. Горовица, А. Китаина, который был соучеником Горовица в Киевской консерватории.

Известно, что Горовиц учился там с 1913 по 1920 год. Но вот справка по итогам проведенного по моей просьбе поиска в Киевском городском архиве, где хранятся документы консерватории с ее основания:

Документы, относящиеся к студентам Китаиным, Роберту, Анатолю, Борису и Александру, в архиве Киевской консерватории не обнаружены...

И снова большой вопросительный знак...

После Февраля наступил Октябрь 1917 года. Анатоль дает большевикам банальную характеристику — «банда негодяев». Он и Роберт записываются в Добрармию Деникина. Была надежда с армией добраться до Крыма, а оттуда — в Константинополь. Шел 1919 год. Роберту было 17, а Анатолю — 16 лет.

Они добрались до Кисловодска. Здесь собирались сбежавшие от «товарищей» актеры и музыканты. С организацией Клуба искусств началось какое-то подобие культурной жизни. Выступления братьев Китаиных в кисловодском курзале проходили с большим успехом. Но это был пир во время чумы. Власть Советов пришла в Кисловодск и во всю заработали подвалы ЧК. Впрочем, почему именно подвалы? Братьев Китаиных расстреляли за городом. Я не оговорился — Роберта и Анатоля действительно расстреляли, но не убили. Пьяные бандиты с красными повязками на рукавах ворвались ночью к ним в дом, побросали жильцов в грузовик и увезли за город. Поставили на пустыре и дали залп. Все повалились на землю. К счастью, «красногвардейцы» не проверили, кого нужно добить, и умчались обратно, видимо, за новыми жертвами.

Братья добрались до Москвы, холодной и голодной. Наступил 1920 год. Неожиданно музыканты были востребованы, и Роберта и Анатоля даже допустили в столовую для высокопоставленныхсовслужащих. Здесь получила продолжение история с царским

Анатоль и Роберт Китаины

скрипку не нашли. Погоревав, Роберт переключился на другие заботы, главной из которых было выжить. Ему, матери, братьям...

Но судьба приготовила Роберту еще одну, казалось бы, совершенно невозможную встречу. Спустя год после пропажи, Роберт оказался в Архангельске. Проходя по одной из улиц, он заметил у самой кромки деревянного тротуара окно маленькой лавочонки, в котором была выставлена всякая дребедень. Среди ржавых утюгов и кастрюль притаился, как бы стесняясь такого соседства, ... скрипичный футляр. Роберт узнал его мгновенно...

Старуха, сидевшая за прилавком, молча глядела на вошедшего. Китаин осматривался, искал, к чему бы прицениться, не желая показывать интерес к футляру. Ничего не найдя, он сказал:

— Там в окне коробка, она может мне пригодиться. Покажи.
— Которая? Нешто с балалайкой?

Старуха нехотя сползла со своего места, подошла к окну и подала футляр Китаину.

Негнущимися пальцами он открыл замок. В футляре лежала скрипка. Его скрипка. Его Гварнери.

Как из под земли донесся голос старухи:

подарком — скрипкой Гварнери. До сих пор, несмотря на головокружительный калейдоскоп событий, Роберту удавалось сохранить скрипку. Но однажды, когда братья были в театре, их квартиру ограбили, и вместе с другими вещами грабители унесли футляр с драгоценной скрипкой. Сам Луначарский, комиссар искусств, приказал провести полное расследование. Он впал во вполне объяснимую ярость — только большевики имели право грабить предметы искусства такой ценности. Тем не менее,

— Хочешь коробку, бери все. Балалайку подаришь дитю играть-ся.

Отдышавшись, Роберт произнес:

— Сколько просишь?

— Дак, давай двадцать лимонов, да и бери все.

По меркам того времени, когда деньги стоили дешевле бумаги, на которой их печатали, это было даром... Да и кто бы торговался? Роберт не помнил, как очутился на улице, как добежал до квартиры, в которой жил... Инструмент оказался совершенно расстроенным, но в остальном — в полном порядке.

И снова они стали неразлучны — артист и скрипка.

И все же расстаться им пришлось при обстоятельствах весьма драматических. Но об этом позже.

Дальнейшая жизнь Китаиных до 1927 года неизвестна. Они играли, выступали, но никакие подробности до нас не дошли. В дневнике Анатоля происходит очередной сдвиг по времени. Последний этап гражданской войны, зверства ЧК, послевоенная разруха — все это слилось в один непрерывный кошмар длиною в семь лет. А ведь к 1927 году положение страны чуть-чуть улучшилось. Но для Анатоля по-прежнему «...жизнь в России не стоила ни гроша. Вся Россия трепетала от страха перед расстрелами и произволом бесчинствующей толпы». Анатоль был неправ. Бесчинствующие толпы закончились с Гражданской войной, а произвол творился по плану и под жестким контролем.

Анатоль подал заявление на выезд заграницу, но получил отказ. Подавал он один или с братьями — неизвестно, но можно предположить, что вместе, потому что следующий шаг — гастрольное турне по России вдоль Транссибирской магистрали от Москвы до Благовещенска — был задуман с одной целью — перейти границу в Китай. Почему далекий Китай, а не Польша или Румыния? Не по сходству же с фамилией. В Благовещенске граница лежала за рекой.

Раскроем еще раз «Автобиографию» Анатоля.

Моей целью было вырваться заграницу. И вот я решился. Сибирь для России всегда была чем-то ужасным, так как сотни лет туда ссылали политических заключенных, но в действительности это были прекрасные города. Сначала Вологда, потом Омск, Томск, Красноярск, Иркутск... Сибирь — чудесный край России. Естественно, там бывает очень холодно, но публика из ссыльных интеллигентна. Путешествуя так несколько месяцев, прибыли мы, наконец, в Благовещенск, маленький город у китайской границы. С первого дня прибытия в Благовещенск, мы не отрывно смотрели

ли на другой берег. Там свобода, а здесь постоянный страх за жизнь. И между этим только река. Было по-летнему тепло, и мы думали, что сможем перебраться на другой берег вплавь, но все оказалось не так просто. Плыть было довольно далеко и, кроме того, посты чекистов. Как же перебраться на другой берег? Я нашел семью, которая разделяла мои намерения. И наступил день, когда решалось, спастись или остаться в серой беспросветной России. В один прекрасный день совершили мы с братом побег. Мы и еще два человека сели в лодку и оттолкнулись от берега в темноту. Медленно продвигаясь вперед, мы, наконец, очутились в Китае...

Поразмыслим над прочитанным. Анатоль предпринимает гастрольную поездку по России. Он так и пишет: Я предпринял... Но уже несколькими строчками ниже: Прибыли мы... Кто мы? Совершили мы с братом побег... С каким из братьев? Очевидно, с Робертом, поскольку о других братьях в дневнике не говорится вообще. Мы и еще два человека сели в лодку... Итак, сам Анатоль, Роберт и еще семья из двух человек, с которыми Анатоль познакомился в Благовещенске. Логично. Но вот передо мной фотография, любезно предоставленная дочерью Роберта Китаина, Тамарой. На ней семья Китаиных вскоре после побега в Китай. Все четыре брата — Анатоль, Роберт, Борис и Александр и их мать, Мария Яковлевна. А кроме них, еще первая жена Роберта вместе с маленькой дочерью Ириной. Итого — семья человек. Так что, если там была еще и другая семья, для побега нужна была большая лодка.

После успешного перехода границы начинается дальневосточно-южноазиатский цикл Китаиных: Мукден, Харбин, Шанхай, Йокогама, Кобе, Токио, Осака, Гонконг, Филиппины, Ява, Борнео, Целебес, Суматра, Сингапур. Но кто из семьи принимал участие в экзотическом турне кроме Анатоля, узнать не удалось. Лишь в одном, чуть не закончившемся трагедией случае, два газетных сообщения, одно о Роберте, второе об Анатоле, помещают братьев в одну временную и географическую точку — в охваченную пожаром гостиницу в Мукдене. Примечательно, что каждая из газет не упоминает о другом брате, и только прочитав оба репортажа, можно понять, что Анатоль и Роберт гастролировали в Мукдене вместе. Братья спаслись, выпрыгнув из окна второго этажа, причем Анатоль серьезно повредил спину, и его пришлось поместить в больницу. В огне погибла скрипка Гварнери, подарок Великой Княгини. После пожара газеты поместили некрологи, посвященные смерти обоих братьев. Еще большую сенсацию вызвало появление «воскресших» братьев на сцене.

После Азии пришла очередь Европы. Триумфальные выступления в Лондоне, Париже, Амстердаме, Будапеште, где в 1933 году Анатоль завоевывает первое место на международном конкурсе имени Листа. По европейским столицам братья путешествуют отдельно, хотя и с равным успехом. О выступлениях Бориса и Александра, если они и были, сведений найти не удалось. В 1934 году Анатоль впервые пересекает Атлантический океан и дебютирует в Карнеги холле. Его принимает и угождает чаем Сара Делано Рузвельт, мать президента. Но постоянное место жительство Китаиных — Франция, в то время Мекка русской эмиграции. В парижских «Новостях недели» и «Возрождении» то и дело появляется информация о концертах пианиста Анатолия Китаина (в их числе благотворительном, 2 декабря 1932, в пользу русского приюта для девочек, организованного кн. Ириной Павловой), «рекитале известного скрипача Роберта Китаина» — 2 мая 1932 года, 19 декабря 1933-го. Жизнь налаживается. Материальное положение Китаиных позволяет жить на широкую ногу. Анатоль коллекционирует картины и почтовые марки.

Но пока утонченная публика наслаждается игрой Роберта и Анатоля, мир постепенно погружается в хаос. Фашизм, коммунизм, Мюнхен, Нюрнбергские законы, Кристаллахт, аншлюс, Польша — война...

Роберт Китаин уехал из Франции до ее начала. Его семейная жизнь разладилась, и он расстался с женой, хотя помогал ей и дочери до конца жизни. Он поселился в Соединенных Штатах, что сыграло немаловажную роль в судьбе семьи Китаиных.

Анатоль, когда началась война, записался добровольцем во французскую армию. Война, как мы знаем, была быстро проиграна. Анатоль вернулся, чтобы узнать, что дом, где он тогда жил, был разбомблен, а марки и картины погибли. Китаины стали хлопотать о разрешении на въезд в Америку. Для этого нужна была выездная виза из Франции, испанская транзитная виза, португальская транзитная виза, въездная виза в Соединенные Штаты и билет на пароход. Для получения визы в США нужно было поручительство человека, там проживающего, и счастье, что Роберт оказался в Штатах. Визы выдавались на четыре месяца, и продлить их было невозможно, а билеты на трансатлантические рейсы были распроданы на много месяцев вперед. Анатоль, Борис, Александр и Мария Яковлевна жили в Каннах, а ХИАС, через который шли переговоры о выездных документах, находился в Марселе. В случаях, когда было необходимо лично присутствовать при оформлении какого-либо

документа, приходилось обращаться в полицию за разрешением на проезд из одного города в другой.

Бесчисленные анкеты, справки, характеристики. Да-да, характеристики, и сертификаты о хорошем поведении, выдаваемые префектурой полиции. Дело о выезде Китайных разделили — Анатоль и Борис проходили по одной группе, а Александр с матерью — по другой. Анатоль и Борис получили визы первыми. Были куплены и билеты на корабль «Эскамбион», отплывавший в Нью-Йорк из Лиссабона в октябре. До Лиссабона они должны были добраться из Марселя на небольшом судне.

Накануне они попрощались с матерью и братом. Расставание было грустным, ведь никто не знал, увидятся ли снова. Делали вид, что все в порядке. Говорили об общих знакомых, передавали привет Роберту. Мать крепилась изо всех сил, но когда Анатоль и Борис сели в такси, отправляясь к марсельскому поезду, поднялась к себе в комнату и до утра не выходила.

Утром следующего дня Анатоль и Борис спокойно позавтракали в гостиничном ресторане, расположенном на открытой веранде. Они заняли столик у самого барьера, откуда открывался вид на залив и островок с башнями замка Иф. Братья, с детства знавшие роман Дюма, поежились — ведь и они были узниками. Но узниками накануне освобождения!

Анатоль достал из кармана плотный конверт с документами. Вид официальных бумаг успокаивал, укреплял надежду, что ежеминутно грозящие опасности их уже минуют. Позавтракали, посмотрели свежие газеты — было нелегко уйти от бурных европейских новостей: о вступлении германских войск в Румынию, о договоре Гитлера со Сталиным, который помогает Германии вести военные действия в Европе. И не только европейских — Германия, Италия и Япония создали ось Берлин—Рим—Токио. В газете не было, да и не могло быть сообщения о том, что на территории Польши, неподалеку от городка Освенцим, на строительство лагеря смерти немцы сожгли тысячи евреев. В этой массовой могиле суждено было погибнуть одному из братьев Китайных...

Трехминутная поездка на такси — и они в порту. По трапу уже поднималась цепочка людей. У нижней ступеньки трапа стоял французский жандарм, проверяющий документы, а в трех шагах от него стояли трое в штатском. Они переговаривались по-немецки.

— Приготовь бумаги, — сказал Борис брату, — не люблю оставлять на последнюю минуту. Анатоль поставил чемодан на мостовую и сунул руку во внутренний карман пиджака. Карман был пуст... Документов не было.

— Бумаг нет, нет бумаг... пропали...

— Мы же только что их смотрели за завтраком...

Анатоль хлопнул себя по лбу.

— Скорей, такси, назад... На столике, в ресторане...

Там они и оказались, лежавшие под газетой.

До Лиссабона и далее через океан, путешествие прошло без приключений.

Итак, трое братьев Китаиных ускользнули из мышеловки, в которую превратилась Франция для сотен тысяч евреев в 1940 году.

Тем временем для Марии Яковлевны и младшего брата Александра в Каннах конца хлопотам о получении американских виз не было видно. На какие средства жили мать с сыном, можно только предполагать. Впрочем, сохранилась афиша концерта, который дал Александр Китаин 15 апреля 1941 года в Каннском театре на Рю де Белж. Может быть, таких концертов было несколько...

Чем же объяснить нескончаемую волокиту с визами? Достаточно сказать, что в 1940 году помощник Госсекретаря США, Брекенридж Лонг, направил сотрудникам консульств секретный меморандум, в котором требовал приостановить «бессрочно» выдачу виз беженцам, оттягивая положительное решение и выдвигая все новые требования. Цель этой политики — прекращение потока беженцев, в числе которых, как опасались бдительные сотрудники ФБР, могли оказаться агенты гестапо.

Вот и тянулся нескончаемый поток писем, написанный людьми, доведенными до отчаяния...

Письма шли через ХИАС в Марселе на улице Рая 425, ставшим Шестым Управлением ООЕФ (Объединенного общества евреев Франции), которое по расчетам создавших его немецких и французских фашистов должно было, по примеру Польши, облегчить «окончательное решение еврейского вопроса». Наверное, были среди сотрудников ООЕФ люди, жившие по принципу — умри ты сегодня, а я — завтра. Но ясно, что на улице Рая работали люди, целью которых было вырвать из лап нацистов как можно больше евреев³.

Если до конца 1941 года политика нацистов и Виши была направлена на выталкивание евреев из страны, то после секретного совещания в Ванзее и принятия «окончательного решения еврейского вопроса», эмиграция стала почти невозможной. В немалой степени такому положению способствовало враждебное отношение стран западного полушария, в том числе и США, к въезду европейских евреев. В результате десятки тысяч французских и иностранных евреев, скопившихся на юге Франции, попали в капкан. В их числе были Мария и Александр Китаины.

В июле 1942 года Франция прекратила выдачу выездных виз. Премьер Вишистского правительства Пьер Лаваль лицемерно заявил, что для спасения французских евреев он по требованию Гитлера должен выдать иностранных евреев.

Оставалось ждать стука в дверь. Но его не последовало. Александра взяли на улице во время одной из облав, устроенных французской полицией в августе 1942 года.

ТЕЛЕГРАММЫ

25 сентября, 1942

ООЕФ Ницца

Мария КИТАИН настаивает на передачу в ХИАС, Нью-Йорк следующей информации:

Сообщите детям, Борису и Анатолю, что их брат, Александр, арестован и выслан в оккупированную зону. Мать пытается добиться его освобождения. Требует от детей немедленной оплаты в ХИАС стоимости проезда в Америку для нее и Александра.

29 сентября 1942

ООЕФ, Ницца

Настоящим подтверждаем получение телеграммы от 25 сентября. Мы телеграфировали нашему бюро в Лиссабон об оплате проезда Марии Китаин. Мы также просили передать ее детям, что их брат выбыл в неизвестном направлении. Поскольку он выехать не может, оплата его проезда не имеет смысла.

Шестого октября четыреста долларов для оплаты проезда было перечислено, и 12-го октября ООЕФ в Ницце получает из Марселя подтверждение о переводе, открывающем дорогу к получению американской визы. Тем не менее, 23 октября ООЕФ Ниццы пишет об отсутствии у Марии Китаиной документов, необходимых для выезда.

23 октября 1942

ООЕФ Ницца

Относительно Марии и Александра Китаиных

В продолжение нашего письма от 12 числа этого месяца и телефонного разговора 21 числа по поводу вышеуказанных лиц, сообщаем, что они не могут покинуть страну, т.к. не имеют ни подтверждения оплаты проезда, ни выездных виз.

После получения вышеуказанных документов мы передадим им письмо для консула Соединенных Штатов и сообщим о времени получения виз.

Третьего ноября Лиссабон вторично отправляет в Марсель официальный документ о подтверждении полной оплаты проезда Марии Китаиной в Соединенные Штаты.

Это был последний документ, касающийся Китаиных, обнаруженный мной в архиве ХИАСА.

11 ноября 1942 года немецкие войска заняли всю территорию Францию, и консульство США в Марселе закрыло свои двери. Границы с Испанией и Швейцарией были закрыты наглухо. Легальная эмиграция прекратилась. Мария Китаина выехать не успела. Каким-то образом ей удалось спастись, и после войны она воссоединилась с Анатолем, Робертом и Борисом в Америке.

А вот, что произошло с Александром, известно во всех деталях — бухгалтерия смерти работала куда эффективней.

Александра отправили в лагерь Дранси, находившийся под контролем французской полиции. 7 сентября 1942 года конвой Д901-24 с тысячью евреев, среди которых находился Александр, отошел от станции Ле Бурже. В Освенциме после селекции 59 мужчин и 52 женщины получили номера. Остальных повели в газовые камеры. Лагерный врач, доктор Кремер, аккуратно записал в свой дневник: «В четвертый раз сегодня присутствовал при спецобработке заключенных...» Двенадцать человек из отобранных в этот день дожили до освобождения. Александра среди них не было.

Анатоль и Борис прибыли в Нью-Йорк 11 октября 1940 года. Восемнадцатого декабря состоялся концерт Анатоля в Таун холле. Критики, отмечавшие одухотворенную игру артиста, заметили, что вначале Анатоль играл, словно человек, пришедший с холода. Если бы они знали, с какого холода.

Но жить было надо, а поскольку музыка была единственным проявлением жизни Китаиных, то их имена все чаще появлялись на афишах самых известных концертных залов мира. В 1947 году Роберт и Анатоль отправились в первое турне по Центральной и Южной Америке. Поездка включала Мексику, Кубу, Бразилию, Аргентину. Судьба привела Роберта Китаина во Дворец искусств в Мехико. Послушать братьев пришел старый друг Роберта еще по Франции, Александр Залкинд. Тот самый Залкинд, который спустя пару десятков лет прославится постановкой «Трех мушкетеров» и еще более известного «Супермена». Пришел Залкинд не один, а со своей невестой Бланкой Домингез, которая в свою очередь привела подругу детства, Ирену Таламас. После концерта Залкинд пригласил Роберта и Анатоля к себе домой отпраздновать успех. Была там и Бланка с подругой. Весь вечер Роберт не отходил от Ирены.

Ирена Таламас была молода, красива и обаятельна, умна, и можно понять Роберта, который влюбился в Ирену, если не с первого взгляда, то уж точно с первой встречи. В свои двадцать восемь лет, Ирена добилась немалых успехов. Окончив в 1944 году с отличием медицинский факультет мексиканского университета, она стала специалистом по пластической хирургии лица, которая занимается людьми с врожденными или полученными в результате несчастного случая уродствами, области для Мексики совершенно новой. К моменту встречи с Робертом она уже успела пройти стажировку в Англии и Америке, и на очереди была поездка в Париж. Ирена должна была стать не только первым хирургом Мексики в этой области. Она была первой женщиной-хирургом!

Не думаю, что Роберт был в состоянии оценить успехи, достигнутые Иреной в области медицины. Он видел перед собой очаровательную женщину, образованную и великолепно оценивающую блестки его остроумия, щедро рассыпаемые перед ней.

На этом вечере присутствовал Диего Ривера. Личность Роберта, его талант покорили художника. Он пригласил скрипача к себе в студию, нарисовал его портрет и подарил Роберту.

Между тем, роман Роберта и Ирены развивался по всем законам сентиментального жанра. По этим законам на сцене полагалось появиться родителям невесты, имеющим совсем другие планы в отношении своей дочки. Донне Долорес Ваккез де Таламас, консервативной христианке, русский скрипач еврейского происхождения пришелся совсем не по вкусу. И когда Роберт звонил, а звонил он каждую свободную минуту, Ирены не было дома. Концертное турне продолжалось, и наступил момент, когда перед концертом Роберт заявил брату:

— Если я не услышу ее голос, я не смогу играть...

Никакие уговоры не помогали. Анатоль позвонил Залкинду, подняв его с постели. Тот подключил Бланку, свою невесту и давнюю знакомую Ирены. Крайние меры помогли. Продолжались телефонные randevu недолго — вскоре Ирена уехала в Европу.

Однажды вечером, когда усталая Ирена вышла из парижской больницы, где она стажировалась, и направилась к остановке автобуса, к ней подошел высокий мужчина и преградил дорогу. Испуганная девушка подняла глаза. Это был Роберт Китаин! Тогда состоялось его последнее (по нашим данным) выступление в Париже — 25 февраля 1950 года он исполнял Концерт для скрипки с оркестром Чайковского, о чём с восторгом отзывалась «Русская мысль».

Через несколько месяцев, когда Ирена закончила работу, они тайно зарегистрировали свой брак в посольстве Мексики и уехали в Нью-Йорк на пароходе. Вернувшись в Мексику, Ирена сообщила родителям, что выходит замуж за Роберта Китаина. Официальную свадьбу сыграли 16 августа 1950 года в особняке семьи Таламас Ваккез в одном из аристократических районов Мехико.

Через год родился сын Игорь. Несмотря на рост домашних забот, Ирена продолжала работать — оперировала, писала статьи в научные журналы. Не помешала ее работе и вторая беременность. Вот как описывает день рождения второго ребенка texassкая газета «Галвестон Ньюс»:

Утром Ирена Таламас, единственная женщина в Мексике, занимающаяся пластической хирургией, провела четыре успешных операции, затем поехала домой и после ланча попросила свою сестру отвезти ее в другой госпиталь. Ирена Таламас Китаин прибыла в госпиталь в три часа пополудни и через двадцать минут родила девочку. Мать и дочь чувствуют себя хорошо. Муж Ирены, знаменитый скрипач Роберт Китаин, прервал концертное турне в Канаде и прилетел в Мексику, чтобы быть рядом с женой и детьми, сыном Игорем и новорожденной Тамарой.

Вначале все было замечательно. Роберт обожал жену и детей настолько, что без колебаний решил остаться в Мексике, хотя отлично понимал, как тесно его таланту в стране третьего мира. Ирена любила мужа, и все свободное время отдавала семье. Но — практикующий хирург, президент Медицинского общества, член мексиканского Института социальных услуг, автор многочисленных статей на специальные темы — много ли свободного времени оставалось на семью? Увы, немного, и Роберт бунтовал. Жена должна быть хозяйкой его дома, а медицина может обойтись без нее. То, что Ирена не могла обойтись без медицины, он не понимал. Так или иначе, но при всей любви друг к другу, Роберт и Ирена развелись, когда Игорю было восемь, а Тамаре — шесть лет.

Несмотря на развод, Роберт остается в Мексике и принимает мексиканское гражданство. Жизни вдали от детей он себе не представляет. На фотографиях, появляющихся в прессе, видно, как счастлив он в минуты общения с сыном и дочкой. И в то же время музыкальные критики, отмечая виртуозность игры Роберта Китаина, добавляют, что таланту музыканта требуется простор, настоящие ценители, которых в Мексике, увы, было мало. Да Роберт и сам это чувствовал и видел, что его концерты, на которые в Европе или США ломилась бы публика, собирают едва ли половину зала. Он выезжал

Р. Китаин. Рисунок Диего Риверы (1947)

на гастроли, его называли «славой Мексики». Дмитрий Шостакович и Давид Ойструх во время визитов в Мексику гостили в его доме и говорили, как ценят его искусство в недоступной России. Но противоречие между тем, кем он был и кем он мог быть, мучило артиста.

В 1968 году Роберт Китаин скончался от сердечной недостаточности. Ни он, ни Ирена, пережившая Роберта почти на сорок лет (она умерла в 2007 в возрасте 87 лет), в новый брак не вступили. Решение Роберта оставаться в Мексике рядом с детьми в ущерб музыкальной карьере говорит о его человеческих качествах не меньше, чем мастерство виртуоза о его музыкальной одаренности.

Напомним, что в Мексику Роберт Китаин попал во время первого после войны совместного концертного тура с братом Анатолем. Его имя регулярно появлялось на афишах Карнеги холла и Линкольн центра. Его игру знала и ценила публика не только Америки, но и всего музыкального мира. Анатоль не раз приезжал в Мексику, и братья снова выступали вместе. А Роберт присаживал в Штаты. В 1954 они, начав с Карнеги холла, посетили Австралию и Новую Зеландию. Но чаще гастроли их проходили раздельно. По выражению одного из критиков, перечисление городов, в которых выступал знаменитый пианист, напоминало рекламу бюро путешествий. Не раз после концерта благодарный зал вставал и обрушивал на исполнителя гром оваций.

Музыкальным обозревателям ведущих газет мира не хватало эпитетов для описания игры виртуоза. Вот одно из них: «...Его интерпретация Рахманинова, Листа, Де Фалья вызывала в памяти поток искрящихся алмазов, которыми осыпал слушателей сам великий Рахманинов».

Имя Анатоля Китаина постоянно упоминалось в одном ряду с именами Рахманинова, Артура Рубинштейна, Горовица.

В 1956 году, на 53-ем году жизни, Анатоль наконец женился. Он случайно попал на показ мод в Нью-Йорке. По окончании шоу его познакомили с супермоделью Мери Граймс. Анатоль попал под очарование молодой женщины. После короткого романа Мери развелась и вышла замуж за Анатоля. Пианист был уже не молод, но мировая известность, неиссякаемые творческие силы, молодая красивая жена, наконец, сын, которого назвали в честь деда Михаилом, все это создавало основу счастья, возможного при этих составляющих и без всемирной славы. Жили они все вместе в Мексике, и дети Роберта, Игорь и Тамара, играли со своим двоюродным братом.

Счастье было недолгим. Вскоре после рождения сына у Мери обнаружили серьезное заболевание, и Анатоль часто должен был оставаться дома, пропуская репетиции и отменяя концерты. В 1963 году он появился в последний раз на сцене Карнеги холла. Последняя афиша, которую я смог разыскать, датирована 1967 годом. Предыдущая — 1964-м. Больше великий пианист не выступал...

Постепенно финансовые дела Анатоля Китаина пришли в упадок. Супруги переселились в Сан-Франциско, где Анатолю все же удалось дать сыну отличное музыкальное образование. У Миши рано, как у всех Китаиных, проявился талант, на сей раз в области балета. Небольшой доход приносила продажа пластинок, а затем стала помогать племянница Тамара, дочь Роберта. Тамара и ее брат

Игорь учились музыке, играли на фортепиано, но профессионалами не стали. Тамара стала экономистом и много лет занимала пост Генерального Консула Мексики в Гамбурге. Игорь стал архитектором. Миша Китаин, которого называли вторым Нуриевым, после блестящего начала в Сан-Францисском театре, повредил на одной из репетиций позвоночник и был вынужден уйти из театра. В 1974 году Мери умерла, но возвратиться в мир искусства, где он когда-то играл одну из главных ролей, Анатоль уже не мог — ему было за 70, и он не играл уже больше семи лет.

Прошло еще три года. Жизнь когда-то блестящего музыканта и светского льва, всегда бывшего в центре духовной элиты общества, превратилась в прозябанье. Может, тогда-то Анатоль и набросал свою автобиографию (почему-то на немецком языке), в которой так трудно отделить факты от домысла. Но одиночество, глубокая печаль, тоска по давно прошедшем днам чувствуется почти в каждой строчке. «Борис умер⁴ ... Роберт умер...»

Иногда Анатоль еще посещал концерты — билеты тогда не стоили так дорого как сейчас. Однажды он пошел послушать молодую пианистку Пину Антонелли, ставшую известной любителям музыки. Ее талант и манера исполнения обещали еще большую славу в будущем.

Высокий, элегантный, Анатоль, даже в потертом пиджаке и стертых туфлях, производил впечатление принца, покинувшего свой дворец инкогнито. Игра пианистки затронула в Анатоле какие-то еще им не осознанные чувства. Ему захотелось продлить общение с молодой женщиной, и он пригласил ее к себе на чашечку кофе. Польщенная вниманием знаменитого маэстро, Пина согласилась, но когда увидела его квартиру с ободранными стенами, грязной посудой и застоявшимся запахом давно не проветриваемого помещения, она пожалела, что пришла.

Беседа не клеилась, и Пина думала только о том, как быстрее уйти, не обидев старого артиста. Как бы почувствовав, что тонкая ниточка, связавшая их, вот-вот оборвется, Анатоль сел за фортепиано. Он играл Чакону Баха-Бузони. Божественные звуки музыки заслонили убожество обстановки, воздух стал свежим, будто океанский бриз прорвался сквозь плотно закрытые окна. Пальцы Анатоля мелькали над клавиатурой, и их неуловимые движения притягивали и завораживали. Пина, слышавшая многих мастеров и сама опытная пианистка, не могла себе представить, что такое возможно...

Игра оборвалась. Руки Анатоля, только что извлекавшие волшебные звуки из инструмента, бессильно повисли. Огонь, на корот-

кое время вернувший старого мастера в мир музыки, исчез. Но для Пины все изменилось навсегда. Ее будущее, ее путь в искусство, который она так тщательно готовила, больше не имели никакого значения. Это было озарение — она почувствовала себя избранницей судьбы — Эвридикой, которая, вопреки древнему мифу, должна вернуть миру Орфея из преисподней.

— Вы должны вернуться на сцену, — сказала Пина негромко.

Анатоль поднял обе руки и посмотрел на свои раскрытые ладони. Тонкие пальцы пианиста казались изваянием великого скульптора — столько жизни и скрытой энергии было в их неподвижности. Но мрамор может лишь сохранять память о прошлом музыканта, а не рождать звуки. Маэстро Китайна больше не существовало... То, что произошло несколько минут назад, было поистине чудом, которое не повторяется.

Но Пину остановить было нельзя. Со сверхъестественной силой убеждения предлагала она всю себя посвятить Анатолю, его возвращению к музыке. Не может быть, говорила она, что Анатоль случайно подошел к ней после концерта. Что она случайно согласилась прийти к нему домой. И уж конечно, на несколько минут вернувшееся мастерство гениального пианиста, было прямым указанием свыше.

— Я была послана судьбой. А с ней не спорят.

И Анатоль согласился на этот, как он называл, «не научный эксперимент». Вероятно, немалую роль в его согласии сыграло то, что Пина была не только красноречива, но и чертовски хороша собой.

Первой задачей Пины было привести квартиру Анатоля в человеческий вид. Когда же «авгиева конюшня» была вычищена, хозяйка объявила, что она не возобновляет контракт на съем квартиры, и Анатолю нужно искать новое жилье. Пина была в отчаянье — сколько сил потрачено зря! Затем, поразмыслив, успокоилась — в Сан-Франциско Анатоль находился в том старом окружении, где он потерял себя и свой талант. Необходимо было новое начало, и они переселились на Северо-Восточное побережье, в Нью-Джерси, где у Пины был свой дом. Неподалеку жила Тельма Китайн, невестка Анатоля, бывшая жена Бориса. Тельма очень сблизилась с Пиной, и у них появился круг общения, в котором Анатолю было комфортно и ничего не напоминало о его жизненном кризисе.

Вскоре Пина и Анатоль обручились. Несмотря на большую разницу в возрасте, в их отношениях царила гармония, о которой обычно можно только мечтать. Талант Анатоля не кружил голову его невесте, у нее самой было замечательное будущее. Но ей владела

The distinguished Anatole Kitain returns to the concert stage

Besides Horowitz, he is the only survivor and exponent of the grand romantic style of playing and the tradition of the famous Russian School of the early 20th century.

Kitain is back—
a welcome pianist!
“music making of the
sort one does not
encounter
hereabouts any-
more” Wm. Bender

“The degree of
eloquence reached
by Anatole Kitain
is rarely achieved.”

Noel Straus

A unique event no music lover should miss!

Alice Tully Hall—At Lincoln Center
Sunday, September 14th. 8pm
Tickets \$6, \$8, \$10 on sale August 14th.

Объявление о последнем (нессостоявшемся) концерте Анатоля Китаина
в «Линкольн центре» в Нью-Йорке

бескорыстная страсть — вернуть Анатолю мастерство виртуоза, которым он когда-то владел.

Она заставляла Анатоля играть часами каждый день. Иногда он взрывался, иногда начинал подшучивать:

— Ну, что ты, в самом деле, тратишь время на старика, найди кого-нибудь помоложе...

Пина, которая была младше своего жениха на тридцать пять лет, побледнела:

— Никогда, слышишь, никогда у меня не будет никого, кроме тебя, клянусь!

Анатоль даже немного испугался, такой страстью был наполнен голос молодой женщины. Вопрос был закрыт надолго.

Часы упражнений переходили в дни, дни сливались в недели и месяцы, месяцы складывались в годы медленного, но постоянного улучшения техники игры. Через два года упорной работы ожидания Пины оправдались — когда Анатоль прикасался к клавишам, она слышала Китаина, которому аплодировал весь мир. Пора было испытывать достигнутое мастерство на поле сражения — на сцене.

Но сначала нужно было напомнить миру о пианисте — мирская слава проходит быстро. За это взялись друзья, и после хорошо проведенной рекламной кампании, Анатоль вновь привлек внимание прессы, а значит и публики. Пятнадцатого сентября 1980 года в Карнеги холле должен был состояться его первый за тринадцать лет концерт. В истории музыки это был второй случай подобного возвращения, или, вернее сказать, — воскрешения⁵. Музыкальный мир замер в ожидании, и билеты были раскуплены за долго до концерта.

За полтора месяца до назначенного дня, утром 30 июля 1980 года, Анатоль и Пина завтракали в столовой своего дома. Пина читала вслух статью из газеты — *Великий Китаин возвращается!* Вдруг она услышала сдавленный стон. Вскинув голову, Пина сначала не осознала, что смотрит на Анатоля — его лицо было искажено болью и было шафранно-желтого цвета. Он прижал руку к правому боку. Глаза Анатоля были полузакрыты, он явно терял сознание. Полуживая от ужаса, Пина набрала 911...

Анатоль никогда не говорил Пине, что в течение многих лет страдал острыми болями в спине, последствия прыжка со второго этажа горящей гостиницы в Мукдене. Анатоль принимал болеутоляющие таблетки, запивая их... глотком виски. Он не стал ни алкоголиком, ни наркоманом, но постепенно разрушил печень. И вот теперь болезнь прорвалась. Прямо со скрой его повезли в операционную.

Когда носилки с Анатолем вкатывали в операционный зал, он открыл глаза и слабо улыбнулся. Пина, глотая слезы, взяла его беспомощно висевшую руку.

— Не бойся, — услышала она его шепот, — не волнуйся о своей клятве. Я пошлю тебе другого, помоложе... Я хочу, чтобы ты была счастлива...

Это были последние слова Анатоля Китаина. Не приходя в сознание, он умер вскоре после операции.

Первые несколько лет Пина Антонелли находилась в глубокой депрессии. Затем, краски жизни стали потихоньку возвращаться, а с ними и звуки музыки. Она снова стала играть, и теперь уже ей самой приходилось упорной работой восстанавливать технику игры. Вскоре ее имя вновь появилось на афишах концертных залов.

Однажды, после одного из концертов, к ней подошел дирижер и музыковед Джеймс Чапмен. Неизвестно, хотел ли он высказать свои критические замечания по поводу исполнительского мастерства Пины, но точно известно, что эта встреча имела продолжение и после полугода почти беспрерывных телефонных звонков и свиданий то в Европе, то в Америке — таково было расписание турне пианистки — они поженились.

Надо отдать должное Джеймсу — он принял, как неизбежное, присутствие в их семье третьего — Анатоля Китаина. Философия Джеймса состоит в том, что прошлое есть часть человека, и если ты этого человека любишь, то принимаешь его целиком — вместе с прошлым.

Портреты Анатоля и его награды хранятся в специальной студии дома Пины и Джеймса. Там же и урна с прахом пианиста. Пина верит в то, что Анатоль не ушел совсем, что души тех, кого мы любили, продолжают жить в нас.

Джеймс и Пина счастливы. Иногда, когда она смотрит на своего мужа, ей кажется, что она слышит дорогой голос:

— Я пошлю тебе другого... Ты полюбишь еще...

Когда-то Роберт Китаин сказал: «Я играю, значит, я существую». Братья Китаины пронеслись яркими метеорами по музыкальному небосклону и исчезли, не войдя в созвездия виртуозов, чьи имена на устах не только знатоков, но и простых любителей музыки. Личные качества или мировые катаклизмы послужили причиной их забвения — кто может сказать?

Но записи их концертов сохранились и по-прежнему доставляют удовольствие слушателям. Звучит их музыка, и значит — братья Китаины живут.

¹ Оригинал автобиографии Анатоля Китаина (на немецком языке) хранится у Тамары Китаиной, дочери Роберта, и никогда не публиковался. Тамара, гражданка Мексики, долгое время занимала должность Генерального консула Мексики в Гамбурге. В настоящее время живет в Германии.

² Зильберман Ю., Смелянская Ю. «Киевская симфония Владимира Горовица». Киев, 2002.

³ Читателей, интересующихся деталями операции спасения, проводимой ХИ-АСом во время войны, отсылаю к своей статье «В перекрестье прицела», газета «Форвертс», ноябрь 2006, № 573, 574.

⁴ О Борисе Китаине мне почти ничего не удалось узнать, кроме того, что после приезда из Франции вместе с Анатолем он долго работал в Кливлендском и Индианаполисском симфонических оркестрах. Был женат, но развелся, умер в 1959 году в возрасте 54-х лет.

⁵ Владимир Горовиц не выступал публично с 1953 г. по 1965 г. (прим.ред.-сост.).

**«Ты не представляешь, как мне тебя здесь не хватает...»:
Дмитрий Темкин и Юрий Анненков — несколько эпизодов
60-летней дружбы**

Ирина Обухова-Зелиньска (Варшава)

Дмитрий Зиновьевич Темкин — крупная фигура культуры XX века. Его композиции и аранжировки определили музыкальное лицо послевоенного Голливуда, а продюсерская деятельность была энергичной и плодотворной. Его талант получил общественное признание и высокую оценку: среди многих премий и отличий стоит отметить, что он четырежды получал премию Американской Академии, так называемый «Оскар» (что само по себе случается не часто, особенно — если речь идет не о звезде экрана или кинорежиссере).

Жизненная и творческая биография творца такого формата заслуживает особого внимания. Разумеется, более или менее подробные биографии Темкина можно найти во многих американских, европейских и мировых энциклопедиях. С распространением Интернета появилась возможность ознакомиться с его персональным сайтом (<http://www.dimitritiomkin.com/biography-dimitri-tiomkin.cfm>).

Бросается в глаза, что во всех этих источниках русский период музыканта отражен наименее слабо — сведения о нем фрагментарны и не слишком точны. Между тем, Темкин подчеркивал, что истоки его творческого потенциала следуют искать в России — там он получил консерваторское образование, а до того — практику тапера и аккомпаниатора, что позволило ему быстро и легко адаптироваться в кино, достигнув в этой области замечательных успехов. Еще в Петербурге он познакомился с джазом и практически овладел им как исполнитель и импровизатор. Темкин выехал из России в 1921 г. в возрасте 27 лет, уже сформировавшись как личность и как музыкант. Многие его знакомства того времени не прервались, поскольку в течение нескольких лет после революции деятели культуры массово выезжали из России, находя свое поприще в других странах и на иных континентах. На бывшей родине Темкин был совершенно забыт, хотя фильм «Большой вальс» (1939, реж. Ж. Дювивье), для которого Темкин адаптировал музыку Иоганна Штрауса, стал почти культовым для послевоенных поколений. Однако зрители редко обращают внимание на мелькающие в титрах фамилии композиторов, операторов или художников, а советские СМИ и официальные издания не допускали упоминаний эмигрантов. Помимо фильмов, названных в представленном Документе 1,

Ю. Анненков. Портрет Д. Темкина

Темкин написал музыку к таким известным фильмам, как «Мистер Смит едет в Вашингтон» (1939), «Рио Браво» (1959), «Пушки Навароны» (1961), «Падение Римской империи» (1964), был продюсером фильма «Золото Маккены» (1969).

В данном очерке мы публикуем материалы из личного архива Юрия Анненкова — известного художника и литератора, с 1924 г. жившего в Париже. Дружба с Темкиным продолжалась всю их долгую жизнь. У нас нет возможности реконструировать русский период жизни Темкина или последовательно восстановить историю этой творческой дружбы, однако представленные документы позволяют приблизиться к пониманию некоторых немаловажных эпизодов жизни и творчества двух выдающихся деятелей культуры.

Все документы публикуются впервые по оригиналам парижского архива Ю. Анненкова, находящегося в настоящее время в частном собрании в Москве (поз. 1020).

ЭПИЗОД 1. Загадки биографии.

ДОКУМЕНТ 1. Краткая биография Д. Темкина (машинопись).

Находящийся в архиве Анненкова текст краткой биографии Темкина не датирован. Вероятнее всего, он был прислан Анненкову в период подготовки «Золотой книги эмиграции» (возможно, это был стандартный текст, который рассыпался в случае запросов газет или справочников). В 1962 г. в Париже был учрежден Комитет по изданию «Золотой книги эмиграции» и его Редакционная комиссия, генеральным секретарем которой избрали Юрия Анненкова. Поскольку он взял на себя подготовку материалов по теме «Русские эмигранты в западном кинематографе», то в связи со сбором дан-

ных об артистах, режиссерах, операторах, сценаристах, композиторах, художниках, гримерах и т. д. обращался к представителям этих профессий с просьбой сообщить о своем участии в работе над конкретными фильмами. Благодаря этой инициативе, в архиве Анненкова собрался бесценный материал. В 1968 г. он был частично опубликован в пяти номерах журнала «Возрождение»¹. В первую очередь Анненков обращался к людям, которых знал лично и адреса которых были ему известны. Благодаря наличию в архиве Анненкова краткой биографии Темкина, мы можем сравнить представленные в ней данные с биографическими сведениями сайта Темкина².

Творческие люди того времени были склонны в той или иной степени мифологизировать свою биографию. Особенно легко это было сделать эмигрантам, поскольку документы неоднократно обменивались, иногда записи производились со слов их владельца и так далее. Следы этих явлений мы видим и в краткой «канонической» биографии Темкина. По поводу дня его рождения в источниках, как правило, нет расхождений — 10 мая. Год указывается либо 1894, либо 1899. Появление второй даты объясняется на персональном сайте: отец Темкина, вторично женившийся еще до революции и живший в Берлине, в 1921 г. способствовал выезду сына из советской России и устроил ему паспорт с «подправленной» датой рождения, вероятно, чтобы самому также слегка «омолодиться». Впоследствии Дмитрий нередко сообщал именно эту дату, зафиксированную в документах. Недаром Тынянов говорил, что документы врут как люди! Чтобы представить себе реальный возраст Темкина, достаточно вспомнить, что он был постоянным посетителем «Бродячей собаки» (она открылась 31 декабря 1911 г. и просуществовала до 1915 г.) — трудно себе представить там 13-15-летнего подростка, зато для молодого человека 18-21 лет такого рода досуги выглядят вполне естественно.

По поводу места рождения композитора можно предположить, что это был все же Кременчуг. Но на Западе Темкин стал со временем указывать Петербург — вероятно, ему было приятнее называть местом рождения всем известную столицу Российской империи. В этих вопросах логика у каждого своя. Его друг Анненков, напротив, упорно называл местом своего рождения Петропавловск-Камчатский, хотя и родился в Петропавловске Тобольской губернии, куда был сослан его отец — казалось бы, тоже достаточно экзотичный географический пункт.

Возникают вопросы и по поводу имени и фамилии композитора. Несмотря на то, что Темкин задолго до 1917 г. поселился в Петер-

бурге (впрочем, точная дата его приезда неизвестна), среди Темкиных, фигурирующих в справочнике «Весь Петербург» за 1917 г.³, его имени в известной нам интерпретации нет. Поскольку трудно себе представить, что Темкин прожил 6 — 8 лет в Петербурге нелегально, обучаясь при этом в консерватории, то наиболее вероятное объяснение состоит в том, что употреблявшееся в быту имя Дмитрий (как и отчество Зиновьевич) заменяло более непривычное еврейское имя в паспорте. Эта практика была очень распространена среди представителей различных национальностей (в том числе и среди русских — в России до сих пор паспортное имя не обязательно соответствует реально используемому, не говоря уже о различных его сокращениях или модификациях) и почти повсеместна среди столичных русских евреев начала XX в. Известно, например, что современник Темкина, композитор-авангардист Артур Сергеевич (Наум Израилевич) Лурье, желая подчеркнуть свое духовное родство с Артуром Шопенгауэром и Винсентом Ван Гогом, официально поменял свое имя в паспорте на Артур Винсент. У парижских художников — выходцев из Российской империи — как правило, образовывалось три ряда имен: 1) полученное при рождении 2) употреблявшееся в русскоязычной среде и периодике 3) французская версия этого имени (или новый псевдоним). Возможно, при выезде Дмитрия из России и получении им новых документов в Германии отец не только поменял дату рождения сына, но и зафиксировал его реально употреблявшееся имя, причем в несколько архаической версии «Димитрий» (именно так он чаще всего подписывался). В Америке близкие друзья называли его Дими. Вероятно, этот вопрос можно выяснить при помощи документов, осевших в петербургских городских архивах.

ЭПИЗОД 2. Истоки дружбы — дней славное начало.

ДОКУМЕНТ 2. Личные письма Темкина Анненкову от 13. 01. 1963, 5. 04. 1963 и 23. 04. 1963 (машинопись с приписками от руки).

Сохранившиеся в архиве письма — немногочисленные имеющиеся в нашем распоряжении документы личного характера, хотя по тону и содержанию писем видно, что друзья не теряли друг друга из виду, общаясь, видимо, не только путем переписки, но и по телефону.

Что нам известно о начале этой творческой дружбы? Вероятнее всего, молодые люди познакомились в «Бродячей собаке». Этот артистический кабачок, в котором собирался модернистский и богемный Петербург, со временем оброс многочисленными легендами и

превратился в символ Серебряного века, который после революции казался его посетителям золотым — тем более, что был связан с их молодостью и началом творческого пути.

В 1920 г. мы уже обнаруживаем обоих молодых людей в составе постановочной группы, подготовившей и осуществившей паратеатральное представление в честь третьей годовщины Октябрьской революции. Массовое зрелище, поражающее своими масштабами (особенно, учитывая обстоятельства места и времени), вошло в историю и вызвало далеко идущие последствия. Оно было задумано как пропагандистская военизированная акция, демонстрирующая друзьям и врагам силу и боеспособность нового, окрепшего в боях Гражданской войны государства. Для необычной постановки были буквально мобилизованы артисты всех петроградских театров, цирка и прочих зрелищных учреждений. Политуправление предоставило вооруженные военные части и технику, включая крейсер «Аврора».

В литературе и энциклопедических статьях второй половины XX в., посвященных этой достопримечательной постановке, чаще всего указывается Евреинов как главный режиссер, а также фамилии 4-5 режиссеров и Анненкова как художника-декоратора (он был также одним из режиссеров). Фамилия Темкина нередко «выпадает» из этого перечня. Между тем, постановочная группа была довольно многочисленной, а роль Темкина в планировании и осуществлении зрелища — совсем немаловажной. В тексте сайта Темкина высказывается предположение, что он заведовал музыкальной частью инсценировки. Это не так — за музыкальное сопровождение отвечал неоднократно участвовавший в постановках массовых зрелищ того времени Гуго Варлих. Анненков в мемуарной книге «Дневник моих встреч» называет Темкина организатором зрелища. Более точно его должность и функции описаны Н. Евреиновым в заметке, опубликованной в «Жизни искусства» через четыре года после постановки (и, кстати, за несколько месяцев до отъезда самого Евреинова в эмиграцию)⁴:

«Мне выпала высокая честь быть назначенным начальником постановочной части и главным ответственным режиссером этой инсценировки, не имевшей, по грандиозности своей задачи, примера в истории театральных зрелищ! Начать с того, что (по идее особо уполномоченного от Армии и Флота по организации Октябрьских празднеств в 1920 г. Д. Н. Темкина) местом действия в задуманной инсценировке должно было служить само здание Зимнего Дворца на площади Урицкого! Число участвующих намечалось в количестве до 10 000 человек! Призыв к творческой работе осущес-

ствился путем мобилизации артистических, военных и технических сил! В число участников призывался на Неву сам исторический красный крейсер “Аврора”!

Уже одно это огромное количество участующих, не говоря про другие сложные организационные задачи, потребовало образования многолюдного, энергичного штаба особо уполномоченного (занявшего часть нижнего этажа Зимнего Дворца), регулировавшего, между прочим, такие наружные вопросы, как ежедневное питание (в репетиционные перерывы) нескольких сот человек гигантской “труппы”, выдача продуктовых пайков артистическим силам, служба связи, медицинская помощь, санитарный контроль и т.п.

Работа в помещении штаба, в “репетиционных залах” (Гербовом, Георгиевском и Николаевском) равно как и на самой площади Урицкого, кипела не только днем, но порою и ночью по той простой причине, что дата Октябрьской революции обязывала к срочности выполнения постановочного задания, а времени для этого было дано не более полутора месяцев. В этот краткий срок необычайное задание постановки соблазнило “перевернуть страницу” не только истории режиссуры, но и истории драматургии; короче говоря: создать сперва, на новых началах, оригинальный материал для режиссерского творчества, т. е. сочинить своеобразную “пьесу”, достойную быть представленной в знаменательный день, перед всем тогдашним Петроградом, ныне — Ленинградом.

Эта задача была разрешена творческими усилиями “коллективного автора” под моим председательством. В число лиц, составлявших “коллективного автора”, вошли режиссеры, литераторы, публицисты, художники, архитекторы, электротехники, военруки и партийные работники...

Ближайшее, хотя и далеко не одинаковое участие в выработке сценария приняли, насколько мне не изменяет память, Ю. П. Анненков, проф. Н. И. Мишеев, А. Р. Кугель (Noto novus), Н. В. Петров, Гуго Варлих, Д. Н. Темкин, А. Ф. Кларк, К. Н. Державин и А. Г. Мовшензон».

Далее Евреинов более детально указывает авторов отдельных частей постановки — они же, в основном, принимали участие в режиссерском руководстве ходом массового зрелища 8 ноября в присутствии многочисленных зрителей. Заметим, что при упоминании Темкина Евреинов дважды в качестве инициала отчества дает букву «Н», а не «З». Если это не ошибка памяти, то следует предположить, что до отъезда из Петрограда Темкин употреблял какое-то иное отчество, не Зиновьевич.

Об участии Темкина в постановке этого массового зрелища писал в своих воспоминаниях Лев Никулин — в то время сотрудник Политупра и также участник постановочной группы. Поскольку его мемуарная книга была опубликована в 1931 г., когда об эмигрантах можно было писать только в крайне негативных формулировках, не будем удивляться презрительно-пренебрежительному тону:

«Творческий азарт художников и административный восторг организаторов доходили до экстаза. Некто Темкин, пианист и работник политотдела окружного военкомата, доходил уже до того, что предлагал разрушить двадцать, тридцать домов на Гороховой улице, чтобы открыть вид на иллюминированное Адмиралтейство со стороны Детскосельского вокзала. До разрушения тридцати домов не дошло, но некто Темкин утверждал — не дошло только потому, что до праздника осталось мало времени. Я говорю "некто", потому что этот восторженный организатор и энтузиаст-разрушитель ровно через пять лет оказался в Нью-Йорке и там женился на престарелой богатой американке, антрепренерше балетных ансамблей. Престарелая супруга и теперь оплачивает его фраки и галстуки и концерты, которые раз в год дает в здании Большой оперы ее счастливый супруг. Так, в конце концов, люди находят себя»⁵.

В этом фрагменте обращает на себя внимание сообщение о женитЬбе Темкина на «престарелой богатой американке». Темкин приехал в Нью-Йорк в 1925 г. Его выступления начались с того, что он и его парижский партнер Михаил Харитон аккомпанировали выступлениям балетной труппы Альбертины Ращ. Брак Темкина с Альбертиной Ращ, заключенный в 1928 г., явно носил характер творческого содружества композитора и директрисы балетной труппы. По поводу «престарелости» супруги Темкина можно сказать, что разница в возрасте была не более 3 лет⁶.

Как бы то ни было, уже в 1920 г. Темкин проявил организаторский талант, который в дальнейшем нашел воплощение в его продюсерской деятельности. Что касается массового зрелища, разыгранного на площади Урицкого и в Зимнем дворце 8 ноября 1920 г., то именно оно стало прообразом для штурма Зимнего, снятого потом Эйзенштейном в игровом фильме «Октябрь», фрагменты которого нередко использовались как документальный фильм.

Интересно, что некоторые черты молодого Темкина Анненков передал колоритному персонажу изданной в 1934 г. в Берлине «Повести о пустяках» Дэви Шапкину. Напомним, что в «Повести» в иронической, порой гротескной форме отражена петербургская

жизнь с начала ХХ в. примерно до второй половины 1920-х гг. Это калейдоскоп фактов и выдумки, причудливые гибриды язвительных карикатур и зарисовок с натуры. Анненков изобретательно и непринужденно перетасовывал биографии, лепил маски, подсмеиваясь над теорией и литературными приемами и не давая читателю времени сообразить, где кончилась литература и началась история — или наоборот. Дэви Шапкин, получивший от Темкина прическу (щегольские бачки предреволюционного денди) и профессию тапера, появляется на страницах повести примерно в начале 1914 г., когда художник Хохлов (сквозной персонаж, наделенный некоторыми биографическими чертами автора «Повести») знакомится с ним в одном из петроградских кинематографов:

«Первые признаки существования Дэви Шапкина обнаружились в кинематографе "Иллюзион". В "Иллюзионе" Шапкин служил тапером. Никто не спрашивал, откуда Шапкин пришел в "Иллюзион", и никто не удивился бы, если в метрике Шапкина против "месторождения" стояло бы слово "Иллюзион". Но, играя, Шапкин так изумительно вскидывал руки, что с ним нельзя было не познакомиться. Коленъка Хохлов разговорился с ним в антракте, когда прислонившись к пианино, Дэви зубочисткой чистил ногти. Он был прирожденным музыкантом. Даже и вне кинематографа "Иллюзион" Дэви Шапкин мог без устали играть танго своего сочинения»⁷.

Обратим внимание, что ритмика имени-фамилии персонажа в скрытой форме указывает на Темкина: Дима Темкин — Дэви Шапкин. Кроме того, Анненков дает понять, что Дэви — не петербуржец, никому не известно, откуда он появился. Разумеется, Шапкин — не портрет Темкина, а собирательный образ, смонтированный из характерных черт, «взятых взаймы» у реальных лиц, сплавленных и выраженных в художественной форме (например, после революции Шапкин едет комиссаром в Бобуйск, что указывает на иного знакомца Анненкова — Марка Шагала, с которым они вместе посещали художественную студию С. Зейденберга). Оба, Темкин и Анненков, умели ценить остроумную шутку и литературную игру — вероятно, узнаваемость в нагловатом и авантюрном Шапкине некоторых деталей «из жизни» Темкина немало их позабавила. Далее Шапкин появляется на страницах повести в невероятной папахе то за роялем, который, по его словам, «придется, кажется, реквизинуть»⁸, то в квартире Коленъки на Фурштадской (Анненков, частичный прототип Хохлова, жил в то время на улице Кирочной — параллельной Фурштадской):

«Дэви Шапкин, так и не вернувшись в Бобруйск, расположился с ногами на диване, надвинув папаху на уши. Шапкину поручено “музыкальное оформление” первомайских шествий»⁹.

Как видим, все эти детали не случайны. Наконец, после всех перипетий «Повести» (именно повести, а не отдельных персонажей, которые появляются лишь в качестве иллюстраций хода исторических событий), в ее finale художник Хохлов сидит в большом парижском кафе на шумном и пестром бульваре и слышит в общем гомоне голос Шапкина:

«...Коленька оборачивается. Они встречаются взглядами, они спешат друг к другу, как старые друзья, они целуются и смеются. [...]»

— Когда в Россию? — спрашивает Коленька Шапкина, и Дэви Шапкин отвечает, забыв, что повесть еще раскрыта:

— Я *перерос Советов*¹⁰.

Этой забавной (и при всей своей пародийности — символической) фразой заканчивается «Повесть». В реальной жизни Темкин и Анненков имели возможность встретиться в Париже в 1924–1925 гг. Указывая в краткой биографии на то, что у него много друзей в Европе, Темкин, несомненно, имел в виду и Анненкова.

ЭПИЗОД 3. Несостоявшийся (?) проект.

ДОКУМЕНТ 2 (см. выше) и ДОКУМЕНТ 3. Письмо Габриэля Ару Димитрию Темкину.

В письмах Темкина Анненкову речь идет о проекте, судьба которого не совсем ясна. В 1952 г. Анненков в качестве художника по костюмам принимал участие в работе над фильмом «Удовольствие» (режиссер — Макс Офюльс) по мотивам рассказов Ги де Мопассана (одним из них было «Заведение Телье»). У фильма была сложная судьба: съемка прерывалась, один из сюжетов пришлось заменить, часть отнятой пленки оказалась бракованной и т. д. Анненков описал эти перипетии в книге «Макс Офюльс». Видимо, его уже тогда увлекла работа над материалом и живописность эпохи. Вероятно, на этот раз планировалась постановка музыкального спектакля в США. В одном из писем Темкин предлагает Анненкову текст договора и указывает на сценариста — Г. Ару, в другом передает через него привет «Gabrielu» — это все тот же Г. Ару. Однако по приведенному в Документе 3 письму Ару Темкину (оно написано годом позже, в 1964) видно, что это сотрудничество оказалось не совсем удачным. Пока что неизвестно, удалось ли найти компромисс, и была ли осуществлена постановка.

ЭПИЗОД 4. Темкин-коллекционер.

ДОКУМЕНТ 4. Аттестат к картине «Bleu», высыпаемой Анненковым Темкину в Лондон, и банковский чек в счет ее оплаты.

Темкин не случайно спрашивает Анненкова в одном из писем, над чем тот работает. Он живо интересовался его литературным и художественным творчеством. В книге «Дневник моих встреч» Анненков упоминает, что Темкину принадлежат такие его работы, как портрет Мейерхольда (один из самых знаменитых на Западе портретов режиссера) и портрет Мориса Равеля. По приведенным документам видно, что Темкин покупал также и другие произведения Анненкова. Что представляет собой картина, упомянутая в Документе 4, сказать пока трудно — если она экспонировалась на каких-то выставках, то, возможно, где-нибудь найдется ее воспроизведение. Вероятно, упомянутые произведения Анненкова не исчезают «его фонд» в собрании Темкина. Было бы интересно более подробно знать, что еще входило в это собрание, как из произведений Анненкова, так и других художников, но больше никакими данными на этот счет мы не располагаем.

ЭПИЗОД 5. Темкин в Москве.

ДОКУМЕНТ 5. Вырезка из французской газеты с анонсом фильма «Чайковский».

В послевоенное время Темкин установил контакты с СССР по линии кино — именно благодаря ему на советских экранах демонстрировались многие американские фильмы. В 1966 г. Темкин приехал в Москву лично. Он привез идею проекта постановки совместного американо-советского фильма о Чайковском. Идея кажется фантастической, однако, на волне «оттепели» она оказалась осуществимой. Правда, Темкину пришлось отказаться от роли продюсера фильма и от намерения создать сценарий по известной на западе книге Нины Берберовой. Впрочем, хотя в основу сюжета были выбраны письма Чайковского Н. фон Мекк, какие-то моменты из книги Берберовой были негласно использованы. Сценариста Темкин выбрал сам — им стал Юрий Нагибин. Режиссером фильма был Игорь Таланкин, роль Чайковского исполнял Иннокентий Смоктуновский, Рубинштейна — Владислав Стржельчик, Надежды фон Мекк — Антонина Шуранова. Несмотря на прекрасный состав создателей фильма, хорошую сценарную основу и великолепные аранжировки Темкина (он был композитором фильма), в СССР, где он

вышел на экраны в 1969 г., фильм пользовался лишь относительным успехом, возможно, из-за чрезмерной мелодраматичности и не совсем уместной многозначительности. Независимо от оценки фильма, он стал событием международной жизни — во-первых, это был первый и в течение многих лет единственный американо-советский художественный фильм (вплоть до перестроечной «Синей птицы»). Во-вторых, он был отмечен зарубежной критикой: в 1972 номинирован на «Оскара» как лучший иностранный фильм года. В том же году он получил приз кинофестиваля в Сан-Себастьян — за лучшую главную роль (Смоктуновский) и за режиссуру (Таланкин).

Визит Темкина в Москву и его работа на Мосфильме прошли не-замеченными — кроме съемочной группы, мало кто знал об этом, прессы хранила молчание. Спустя много лет о визите Темкина довольно интересные детали сообщил в своих мемуарах А. Рекемчук, который был в то время редактором Мосфильма и лично общался с Темкиным¹¹. «Чайковский» оказался предпоследним фильмом талантливого композитора — он скончался в 1979 г. Его друг Юрий Анненков умер в Париже в 1974 г.

ДОКУМЕНТ 1

DIMITRI TIOMKIN

Dimitri Tiomkin, le célèbre symphoniste et compositeur américain de musique de film, vient de recevoir à l'occasion de son jubilé la médaille d'or Maurice Ravel, décernée par la S.A.C.E.M.

Né à Saint'Petersbourg le 10 Mai 1899, il est sociétaire depuis 1928 de la Société des Auteurs, Compositeurs et Éditeurs de Musique française. Sa mère était professeur de musique et son père mèdecin très connu en Russie participa aux recherches du Professeur Ehrlich, Prix Nobel en 1908.

Dès sa jeunesse Dimitri TIOMKIN s'intéresse évidemment à la musique mais aussi aux mathématiques, au théâtre, pour se consacrer enfin au piano. A Saint'Petersbourg il est l'élève de Félix Blumenfeld, professeur également de Vladimir Horovitz. Les évènements survenus en Russie à l'époque l'incitent à se rendre à Berlin où il parfait sa technique avec Feruccio Busoni. Il joue dans l'orchestre philharmonique de cette ville puis donne des récitals dans toute l'Allemagne.

En 1924, Paris le voit débuter à la Salle Gaveau. Le jeune artiste, empreint du romantisme russe et du classicisme allemand, est attiré par le jazz. Il écoute et apprécie Gershwin, Vincent Youmans et Irving Berlin.

En 1925, il part pour les États-Unis où, après des débuts difficiles, il remporte de nombreux succès au cours de récitals placés sous l'égide de la «Pro Musica

Society». Il interprète Auric, Debussy, Honneger, Milhaud, Poulenc, Ravel. Sa préférence cependant se porte sur Maurice Ravel dont il interprète de nombreuses œuvres et donne, notamment, en 1928, en première audition devant un public américain «la Valse».

Il épouse Albertine Rasch, directrice de ballets, dont notoriété lui facilite l'accès du théâtre newyorkais. Il fait alors la connaissance de Rodgers, de Hart, de Jérôme Kern, de Gershwin enfin, dont il présente en 1928 à l'Opéra de Paris en première européenne, le «Concerto en Fa» pour piano et orchestre.

C'est 1930 que commence la carrière de compositeur de musique de film de Dimitri TIOMKIN. D'après une œuvre de Franz Lehár il écrit l'adaptation musicale de «The Rogue Song», pour la Metro Goldwin Meyer. Cependant ce premier essai ne l'ayant pas satisfait, il se tourne vers le théâtre, reprend ses récitals jusqu'en 1933 date «d'Alice au pays des merveilles» dont il compose la musique pour la Paramount.

Suivent les compositions musicales de 140 films qui lui valent d'être cité 24 fois pour des «Academy Award» et de remporter 4 «Oscar» pour les partitions de «Le train sifflera trois fois», «Écrit dans le ciel», «Géant», «Le vieil homme et la mer», L'association des correspondants étrangers à Hollywood lui a en outre décerné 8 «Golden Globes».

C'est lui qui a sans aucun doute contribué le plus à donner de l'importance aux partitions musicales de films en imposant une musique spécialement écrite pour le cinéma et non point adaptée après coup aux images.

Dimitri TIOMKIN qui habite Los Angeles effectue souvent des séjours en Europe où il compte de nombreux amis. Il est Chevalier de la Légion d'Honneur et Chevalier de l'Ordre d'Isabelle La Catholique.

[Перевод с французского]¹²

Димитрий Темкин, композитор и аранжировщик, автор музыкального сопровождения к кинофильмам, только что получил по случаю своего юбилея золотую медаль Мориса Равеля, присужденную ему Союзом композиторов, аранжировщиков и музыкальных издателей S.A.C.E.M.

Темкин родился в Петербурге 10 мая 1899 г., с 1928 г. является членом французского Союза композиторов, аранжировщиков и музыкальных издателей (S.A.C.E.M.). Его мать была преподавателем музыки, отец — известным в России врачом, принимавшим участие в исследованиях профессора Эрлиха, получившего в 1908 г. Нобелевскую премию.

Дмитрий Темкин с юных лет интересовался музыкой, а также математикой и театром, но в конце концов посвятил себя игре на фортепиано. В Санкт-Петербурге он учился у профессора Феликса

Блуменфельда, учеником которого был также Владимир Горовиц¹³. Последовавшие затем в России события вынудили его переехать в Берлин, где он продолжил совершенствовать технику игры на фортепиано у Феруччо Бузони. Темкин играл с Берлинским Филармоническим оркестром, а затем выступал с концертами по всей Германии.

В 1924 г. Темкин дебютировал в Париже в зале Гаво. Молодой артист, находившийся под влиянием русского романтизма и немецкого классицизма, увлекся джазом — он услышал и оценил Гершвина, Винсента Юманса, Ирвинга Берлина.

В 1925 г. он выехал в США. Преодолев трудности начального периода, он много и успешно выступал с концертами в составе «Pro Musica Society». Он исполнял сочинения Орика, Дебюсси, Онеггера, Мийо, Пуленка, Равеля. Его особой любовью пользовался Равель, произведения которого он исполнял многократно, а в 1928 г. впервые представил американской аудитории его знаменитый «Вальс».

Темкин вступил в брак с Альбертиной Раш¹⁴, руководительницей балетной труппы, чья слава облегчила ему завоевание нью-йоркских театров. Именно тогда он познакомился с Роджерсом, Хартом, Джеромом Керном и, наконец, с Гершвином. Его концерт для фортепиано с оркестром («Concerto in F») Темкин исполнил в парижской Опере в 1928 г. — это была европейская премьера произведения.

В 1930 г. начинается карьера Темкина в качестве композитора музыки для кинофильмов — он сделал аранжировку произведений Франца Легара для фильма «The Rogue Song», снятого на киностудии «Метро-Голливуд-Майер». Впрочем, эта попытка оказалась не слишком удачной, и Темкин вернулся в балетную труппу, с которой концертировал до 1933 г., когда по заказу «Парамаунта» он написал музыку к фильму «Алиса в стране чудес».

После этого он написал музыку еще к 140 фильмам; 24 раза был номинирован на Премию Американской академии киноискусства («Оскар»), полученную им 4 раза за музыку к фильмам: «Le train sifflera trois fois» («Поезд даст сигнал трижды»)¹⁵, «Écrit dans le ciel» («Суждено на небесах»)¹⁶, «Géant» («Гигант»)¹⁷, «Le vieil homme et la mer» («Старик и море»). Кроме того, Ассоциация иностранной прессы Голливуда восьмикратно присуждала ему свой приз «Золотой глобус»¹⁸.

Не подлежит сомнению, что прежде всего благодаря Темкину была признана важность музыкального сопровождения фильма, поскольку он писал музыку специально для данной картины, а не просто подбирал подходящие фрагменты к изображению.

Дмитрий Темкин живет постоянно в Лос-Анджелесе, но часто бывает в Европе, где у него много друзей. Он — кавалер Ордена Почетного Легиона и Ордена Изабеллы Католической.

ДОКУМЕНТ 2

1)

Pº CASTELANA, 57
MADRID — ESPAGÑA
TELÉFONO 57-22-00
CABLE: HILTELS MADRID
CASTELLANA HILTON
Madrid, la 13 Janvier, 1963

Mon cher Georges,

Tue ne peux savoir combien tu me manques! Me voilà de retour à Madrid où je travaille jour et nuit pour mon film. Je n'ai pour le moment pas beaucoup de nouvelles à te communiquer car ma journée se passe principalement à écrire «mon job».

Je trouve aussi Paris beaucoup de manque ainsi que vous tous. Comme le mois prochain je vais aller à Londre, je passerai quelques jours à Paris et alors je connaîtrai mes plans pour le futur. Peut-être serai-je obligé de revenir à Madrid et si c'est le cas tu viendras me voir ici où tu seras mon invité.

Dis toute mon affection à Madeleine et toi écris moi quels nouveaux livres tu as écrits et quelles peintures tu es en train de faire maintenant.

Je t'embrasse avec toute mon affection,
С любовью

Dimitri

Dimitri Tiomkin

Monsieur Georges Annenkoff
37 bis Rue Campagne Première
Paris 14ème — France
A Hilton Hotel

[Перевод с французского языка]

[Письмо написано на бланке отеля]:
КАСТЕЛЛНА ХИЛТОН
Мадрид, 13 января 1963 г.

Мой дорогой Жорж,

Ты не можешь представить, как мне тебя не хватает! Но вот я вернулся в Мадрид, где приходится работать день и ночь над фильмом¹⁹. Пока что у меня нет особых новостей для тебя, потому что все мои дни заняты главным образом работой, «ton job».

Оказалось, что Парижа мне не хватает не меньше, чем всех вас. В следующем месяце я поеду в Лондон, это позволит мне провести несколько дней в Париже, и тогда я буду знать свои планы на будущее. Вероятно, мне надо будет вернуться в Мадрид, и если у тебя будет возможность, то приезжай сюда — будешь моим гостем.

Передай мои искренние чувства Мадлен²⁰, а ты напиши мне, какие новые книги ты написал и над какими картинами сейчас работаешь.

Искренне тебя обнимаю.

[Приписка от руки] С любовью

[подпись] Димитрий Темкин

[Адрес Анненкова в Париже]

2)

DIMITRI TIOMKIN

333 South Windsor Boulevard
LOS ANGELES 5.CALIFORNIA

April 5, 1963

Mr. Georges Annenkov
31 Bis Rue Campagne-Premier
Paris, 14, France

Dear Annenkov:

This letter will serve to confirm our oral agreement made in our last several conversations. Based upon this it is understood as follows:

1. By letter today I have employed, engaged and otherwise commissioned M. Gabriel Arout to write an original play based upon a short story written by Guy de Mopassant entitled "MAISON TELLIER". Based upon M. Arout's acceptance of my letter, I hereby employ, engage and commission you to act as consultant and designer in the creation of original costumes and apparel to be worn by characters in the theatrical production based upon the adaptation and translation of the play to be written by M. Arout.

2. As partial compensation for your work as aforesaid, I agree to pay you the sum of Five Hundred Dollars (\$500.) to be paid as follows:

(A) \$200 by check enclosed herewith (the endorsement of which constitutes acceptance of this letter agreement),

(B) \$100 more when M. Arout submits to me an outline or first draft, and

(C) \$200 more upon the completion by M. Arout of the play.

(D) In addition to the above, when work upon the production is commenced, I will pay you another sum of money equal to that paid to other costume designers of your standing in the profession in the New York theatrical area. This amount we shall work out at a later time before work on production shall commence.

3. Your preliminary sketches, designs and/or drawings should be ready within a reasonable time after the completion by M. Arout of the final draft of his play but before production is commenced thereof.

4. When these designs, sketches and/or drawings are submitted to me pursuant to this letter, it is understood that you will guarantee that these are original sketches, designs and drawings, that you are the sole owner of them and have the full power and authority to copyright them and to make this agreement, that the sketches, designs and drawings do not infringe any copyright or violate any property rights.

5. It is also understood that I shall have the exclusive right to take out copyright of the work in my name in the United States and in my name or in any other name in other countries. Consequently, I will, upon my request, expect you to do all acts necessary to effect and protect the copyright and the renewals thereof.

If you find that this letter sets forth our understanding, please sign the copy at the place indicated, return to me, and endorse and deposit the check herewith enclosed.

Sincerely

Dimitri Tiomkin

Dimitri Tiomkin

Georges Annenkov

Encl.

[Перевод с английского]

[Адрес Темкина в СИИА]

5 апреля 1963 г.

[Адрес Анненкова в Париже]

Дорогой Анненков,

Это письмо является письменным подтверждением нашего устного соглашения, выработанного в результате нескольких разговоров в последнее время. Из него следует, что:

1. Сегодняшним письмом я взял на работу и поручил г-ну Габриэлю Ару написать оригинальную пьесу по новелле Ги де Мопассана «ЗАВЕДЕНИЕ ТЕЛЬЕ». Основываясь на согласии г-на Ару с содержанием моего письма, я поручаю тебе работу консультанта и дизайнера, задачей которого является создание оригинальных костюмов и аксессуаров для исполнителей театральной постановки, основанной на инсценировке и переводе пьесы, написанной г-ном Ару.

2. В качестве частичной компенсации за твою работу я должен буду уплатить тебе сумму пятьсот долларов (\$500.), которая будет выплачена следующим образом:

(А) 200 долларов прилагаемым здесь чеком, который является подтверждением заключенного в письме договора.

(Б) следующая выплата в размере 100 долларов поступит, когда г-н Ару представит мне конспект или первоначальный вариант пьесы и

(С) следующая выплата в размере 200 долларов поступит после того, как г-н Ару закончит пьесу.

(Д) В дополнение к вышесказанному, когда начнется работа над постановкой, я выплачу тебе сумму, эквивалентную той, которую платят другим дизайнерам твоего профессионального уровня в нью-йоркских театрах. Мы оговорим ее позже, но до того, как начнется работа над постановкой.

3. Твои предварительные эскизы, разработки и/или рисунки должны быть готовы в течение определенного времени после того, как г-н Ару представит окончательный текст своей пьесы, но до начала работы над постановкой.

4. Когда эти разработки, эскизы и/или рисунки будут представлены мне на основании настоящего письма, то ты должен гарантировать, что это будут оригинальные эскизы, разработки и рисунки, что ты являешься их единственным владельцем и обладаешь полным авторским правом на них, и подтвердить, что эти эскизы, разработки и рисунки не нарушают чьих-либо авторских прав и не являются чьей-либо собственностью.

5. Я также понимаю, что на основании договора мне принадлежит исключительное авторское право на эту работу, и я могу подписывать ее своим именем в США и своим или любым иным име-

нем в других странах. Следовательно, в дальнейшем я ожидаю, что ты по моему требованию предпримешь все необходимые действия по защите и возобновлению моих авторских прав на вышеуказанную работу.

Если ты считаешь, что в этом письме решены все вопросы, то, пожалуйста, подпиши копию в указанном месте и верни ее мне, а так же положи прилагаемый чек на свой счет в банке.

Искренне — Димитрий Темкин

Жорж Анненков

Приложение.

3)

DIMITRI TIOMKIN

333 South Windsor Boulevard
LOS ANGELES 5.CALIFRNIA

April 23, 1963

My dear Georges:

I am arriving in Paris on May seventh or eight and I hope to see you and Mr. Arout immediately.

Thanks for your letter and please work hard on our project. I am happy that you will have difficulty to translate my letter because this will give you a chance to learn a little bit of English.

My best to your wife and family.

С любовью и преданностью

Your friend

Димитрий

Mr. Grorges Annenkov
31 Bis Rue Campagne-Premier
Paris, 14, France

Передай мой привет Gabrielu и скажи, что я лично привезу необходимые ему документы.

Д. Т.

[Перевод с английского]

[Адрес Темкина в США]

23 апреля 1963 г.

[Адрес Анненкова в Париже]

Дорогой Жорж,

Я приезжаю в Париж седьмого или восьмого мая, надеюсь немедленно встретиться с тобой и с г-ном Ару. Спасибо тебе за письмо и прошу тебя как следует поработать над нашим проектом.

Я рад, что у тебя будут трудности с переводом моего письма, потому что это даст тебе возможность немножко поучиться английскому языку.

Всего самого лучшего твоей жене и семье
С любовью и преданностью
Твой друг Димитрий
[парижский адрес Ю. Анненкова]
Передай мой привет Gabrielu и скажи, что я лично привезу необходимые ему документы.

Д. Т.

ДОКУМЕНТ 3

Paris, le 13 Mai 1964
Monsieur Dimitri Tiomkin
333 South Windsor Boulevard
LOS ANGELES 5
CALIFORNIA USA

Cher Monsieur,

En quelques lignes brèves, vous dénoncez notre contrat concernant «La Maison Tellier» et me réclamez le chèque de 1.000 dollars que vous m'avez versé en avance de la somme forfaitaire que vous me deviez.

Permettez-moi de vous rappeler les péripéties de cette affaire. Aux termes de notre accord, j'avais promis de vous livrer, en Novembre dernier, une pièce («show») tirée de «La Maisom Tellier» dont vous deviez faire la musique. A cette date, j'ai effectivement terminé une version complète de cette pièce. Après relecture, elle ne m'a pas donné satisfaction.

Il m'eut suffi, à ce moment-là, me désintéressant de l'avenir de ce projet, de vous envoier cette version et d'encaisant la totalité de la somme forfaitaire que vous me deviez. J'ai estimé plus honnête de vous mettre au courant de la situation par une lettre à votre domicile de Los Angeles, confirmée par une conversation téléphonique que nous avons eu plus tard, de Londre à Crans en Suisse où je me trouvais à ce moment-là. Vous avez pris la décision de me faire confiance pour une nouvelle version sans qu'aucune date n'ait été précisée. A quelque temps de là, au cours d'une nouvelle conversation téléphonique (Londre ' Paris), vous

m'avez demandé des nouvelles de la pièce et aussi de vous faire parvenir un exemplaire de «Crime et Châtiment». Je vous ai adressé ma pièce «Crime et Châtiment», et quant au travail en cours, je vous ai fait savoir que, bien qu'il serait interrompu par une intervention chirurgicale que je devais subir au mois d'Avril, je comptais vous remettre cette seconde version à la fin du mois de Mai. Vous avez exprimé votre accord pour cette date de la fin Mai. Nous sommes aujourd'hui le 13 Mai, et le travail, déjà très avancée, sera à votre disposition à la date convenue.

Il ne s'agit pas ici pour moi de discuter sur mes droits de garder un chèque que je vous ai déjà renvoyé une fois, par le passé, mais de me demander si un double travail d'un auteur de mon standing peut être considéré comme nul et mon avenue du fait de votre caprice.

Je vous demande de réfléchir sur ce problème et vous prie de croire à mes sentiments distingués.

Gabriel AROUT

143 bd Brune

PARIS XIV

P.S. J'envoie un double de cette lettre à Monsieur Anenkov.

[Перевод с французского]

Париж, 13 мая 1964 г.

[Адрес Д. Темкина в Калифорнии, США]

Милостивый государь,

В нескольких коротких фразах Вы расторгаете наш контракт, связанный с постановкой «Заведения Телье», и требуете вернуть чек на 1000 долларов, который Вы мне выслали в качестве аванса в счет установленного ранее гонорара, который Вы должны были мне выплатить.

Разрешите мне напомнить Вам перипетии этого дела. В рамках нашего договора я обещал предоставить Вам в ноябре пьесу («шоу»), основанную на новелле «Заведение Телье», к которой Вы должны были написать музыку. К этой дате я действительно закончил полную версию этой пьесы. Перечитав ее, я понял, что текст меня не удовлетворяет.

В тот момент я бы мог, не заботясь о будущем нашего проекта, послать Вам эту версию и получить полностью оговоренную сумму гонорара, который Вы мне должны. Я считал более порядочным сообщить вам о сложившейся ситуации в письме, посланном на Ваш

домашний адрес в Лос Анджелесе; позже я подтвердил его содержание в нашем телефонном разговоре, когда Вы позвонили мне из Лондона в Кран, в Швейцарию, где я тогда находился. Вы решили поручить мне написать новую версию, не уточняя срока окончания работы. Некоторое время спустя, во время следующего телефонного разговора (Лондон — Париж), Вы попросили меня рассказать, как обстоят дела с пьесой, а также передать Вам экземпляр «Преступления и наказания». Я отправил Вам мою инсценировку «Преступления и наказания», а что касается хода работы над пьесой, то я сообщил, что, несмотря на перерыв в работе из-за предстоящей мне в апреле хирургической операции, я рассчитывал прислать Вам вторую версию в конце мая. Вы выразили согласие с этой датой. Сегодня у нас 13 мая, и работа, сильно продвинувшаяся, будет закончена к установленному сроку.

Не может быть и речи о том, чтобы обсуждать вопрос о возвращении чека, который Вы ранее прислали, и я должен спросить Вас: неужели двойная работа автора моего уровня ничего не значит для Вас и зависит только от Вашего каприза?

Я прошу Вас задуматься над этой проблемой и заверяю в моём наилучшем к Вам расположении.

Габриэль Ару.

[парижский адрес Г. Ару]

P. S. Я посыпаю копию этого письма г-ну Анненкову.

ДОКУМЕНТ 4

1)

COMITÉ PROFESSIONNEL DES GALERIES D'ART

SECRÉTARIAT GÉNÉRAL: 3, FAUBOURG SAINT-HONORÉ, PARIS — VIII
ANJou 11-37 — ANJou 69-37

ATTESTATION (Вписано от руки) Exportation définitive № (Вписано от руки) 2953 POUR L'ADMINISTRATION DES DOUANES

Paris, (Вписано от руки) le 24 Juin 1968

Je, soussigné, certifie:

que les oeuvres ci-dessous exportées par Meur Annenkoff, Georges à destination de Londre, Angleterre sont des oeuvres de peintres ou de sculpteurs actuellement vivants ou des oeuvres de peintres ou de sculpteurs décédés exécutées postérieurement à 1920⁽¹⁾

1. Pour les œuvres des artistes décédés représentant une valeur de plus de 500 francs, joindre 2 photographies.

2. La valeur à indiquer est celle certifiée par l'expéditeur sur la facture

ARTISTE TITRE DE L'ŒUVRE DIMENSION VALEUR

Следующая строчка вписана от руки

G. Annenkov Bleu 220 cm x 147 cm 10.000 fr
(cadeau)

**COMITÉ PROFESSIONEL DES GALERIES D'ART
C.P.C.A.**

3. F^g St-Honoré — Paris
ANJ 16-11

Secrétaire Général (подпись-от руки) M. Kraline

**ASSOCIATION RECONNUE (Loi de 1901) — SIÉGE SOCIAL: 3,
FAUBOURG SAINT-HONORÉ, PARIS — VIII**

[Перевод с французского]

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ГАЛЕРЕЙ

Генеральный секретариат, Фобур Сент-Оноре, д. 3; Париж — VIII
ANJou 11-37 — ANJou 69-37

АТТЕСТАТ постановление об экспорте № 2953 для администрации таможни.

Я, нижеподписавшийся, заявляю, что указанные ниже произведения, отправляемые г. Жоржем Анненковым, в Лондон, Англия, являются произведениями живущего художника или скульптора или же произведениями скончавшегося художника или скульптора, выполненными после 1920 г.

1) для произведений скончавшихся художников, представляющих ценность более 500 франков, приложить 2 фотографии

2) стоимость указывается и подтверждается экспедитором на фактуре

художник	название размеры	стоимость произведения
Ж. Анненков	Синее 220 см x 147 см	10 000 фр Подарок

[реквизиты Профессионального комитета художественных галерей]

2)

Reçu de Monsieur Dimitri Tiomkin la somme de QUATRE MILLE FRANCS (4.000 francs) en un chèque n° 0.005.290. série VK, tiré sur la SOCIETÉ GENERALE de Paris, Ageance L, 89, rue de Clichy.

Cette somme de 4.000 francs (contrevaleur de US \$ 800,—) représente le solde du prix du tableau commandé par Mr Dimitri Tiomkin à Monsieur Georges Annenkoff, toile mesurant 2 m 56 x 1,74 x 0 m 10 l'enlèvement en vue de l'expédition pour Londres ayant eu lieu le 5 Juin par l'entremise de W. WINGATE & JOHNSTONE, Paris.

Fait à Paris, le cinq Juin Mil neuf cent soixante neuf.

31 bis rue Campagne-Premiure
Paris

[Перевод с французского]

Получена от г. Дмитрия Темкина сумма в размере ЧЕТЫРЕ ТЫСЯЧИ франков (4.000 франков) чеком № 0.005.290 серия VK, выставленным на банк «SOCIETÉ GENERALE de Paris», отделение L, ул. Клиши, 89.

Этасумма 4.000 франков (эквивалент суммы 800 долларов США) представляет собой оплату картины, заказанной г-ном Дмитрием Темкиным г-ну Жоржу Анненкову, написанной на полотне размером 2 м 56 x 1,74 x 0 м 10, отправляемой в Лондон 5 июня компанией W. WINGATE & JOHNSTONE, Paris.

Составлено в Париже, 5 мая 1969 г.

[место для подписи, парижский адрес Ж. Анненкова]

3)

Reçu de Monsieur Dimitri Tiomkin la somme de US \$ 200 (DEUX CENTS DOLLARS US) en un chèque portant le n° 1345 tiré Par TIOMKIN MUSICAL ENTERPRISES, 333 South Windsor Boulevard, Los Angeles, California, 90005, USA, tiré sur SECURITY FIRST NATIONAL BANK Larchmont Boulevard Branch, Los Angeles, Cal, USA, à titre d'acompte sur une toile mesurant 2 m 56 x 1 m 74 x 0 m 10, commandé à Monsieur Georges Annenkoff, au prix convenu de; US \$ 1.000,— (MILLE DOLLARS US). Il est entendu que l'expédition à Londres du tableau en question se fera sur instructions de Monsieur Dimitri Tiomkin.

Fait à Paris, le quatre Juillet Mil neuf cent soixante huit.

Georges Annenkoff

31 bis rue Campagne-Premiure
Paris

[Перевод с французского]

Получена от г. Дмитрия Темкина сумма в размере 200 \$ (двести долларов США) чеком № 1345, выставленным компанией «TIOMKIN MUSICAL ENTERPRISES», 333, Бульвар Саут Виндзор, Лос-Анджелес, Калифорния, 90005 США, для получения денег в банке «SECURITY FIRST NATIONAL BANK Larchmont», бульвар Брэнч, Лос-Анджелес, Кал., США, в счет уплаты за картину размером 2 м 56 x 1 м 74 x 0 м 10, заказанную г-ну Жоржу Анненкову за 1000 долларов США (тысяча долларов США). Разумеется, доставка в Лондон в/у картины должна производиться в соответствии с инструкциями г-на Дмитрия Темкина.

Составлено в Париже, 4 июля 1968 г.

[место для подписи, парижский адрес Ж. Анненкова]

ДОКУМЕНТ 5

[Перевод с французского]

КИНО: музыкант Дмитрий Темкин будет одним из создателей фильма «Чайковский», — первого совместного американо-советского производства.

Дмитрию Темкину, американскому музыканту русского происхождения, лауреату четырех «Оскаров», полученных за музыку к фильмам, поручена постановка первого совместного американо-советского фильма, посвященного жизни Чайковского. Фильм будет сниматься на советской киностудии с американским техническим персоналом компании «Уорнер Бразерс». Роль Чайковского исполнит советский артист, но остальная съемочная группа будет международной. СССР решился на сотрудничество с американской кинокомпанией благодаря мировой славе и огромному успеху американского фильма «Моя прекрасная леди»²¹.

¹ Анненков Ю. Русские в мировой кинематографии // Возрождение (Париж) № № 8(200)-12(204).

² Интересные данные о генеалогии Д. Темкина можно найти так же на сайте <http://www.jewage.org>, любезно указанном М. А. Пархомовским.

³ Весь Петербург. Справочник за 1917 г.

⁴ Евреинов Н. Взятие Зимнего дворца. Воспоминания об инсценировке в означенование 3-ей годовщины Октябрьской революции // Жизнь искусства № 45, 4 ноября 1924 г. С. 7–9.

⁵ Никулин Л. Время, пространство, движение. М., 1934. С. 87–88.

⁶ Альбертина Раш, родившаяся в Вене и затем перебравшаяся в США, также несколько подправила дату рождения с реальной (1891) на «омолаживающую» 1896.

⁷ Тимирязев Б. (Анненков Ю.) Повесть о пустяках. М., 2001. С. 46. Первое издание «Повести» вышло в Берлине в 1934 г.

⁸ Там же. С. 70.

⁹ Там же. С. 77.

¹⁰ Там же. С. 205.

¹¹ Рекемчук А. Мамонты. М., 2006. С. 407–420.

¹² Все переводы с французского и английского – автора статьи.

¹³ В. Горовиц закончил Киевскую консерваторию по классу Ф. Блуменфельда в 1920 г. *Прим. ред.-сост.*

¹⁴ Брак с Альбертиной Раш был заключен в 1928 г.

¹⁵ Оригинальное название фильма «High Noon» («Ровно в полдень»).

¹⁶ Оригинальное название фильма «The High and the Mighty» («Высокий и могучий»).

¹⁷ По-видимому, фильм «Géant» («Гигант») попал в этот список по ошибке, так как он не получал «Оскара» ни за музыкальное сопровождение, ни за лучшую песню. *Прим. ред.-сост.*

¹⁸ Согласно персональному сайту Темкина, он получил премию «Оскар» четыре раза: за музыку к фильмам «Ровно в полдень» (1953), «Высокий и могучий» (1955) и «Старик и море» (1959) и за лучшую песню в фильме «Ровно в полдень» (1953). По данным этого же сайта, композитор награждался «Золотым глобусом» шесть раз. Согласно другому авторитетному сайту www.imdb.com, Темкин был представлен на премию «Оскар» 22 раза и получил ее четыре раза за указанные выше фильмы и песню. Согласно этому же сайту, композитор удостаивался «Золотого глобуса» восемь раз. *Прим. ред.-сост.*

¹⁹ Вероятно, речь идет о работе над фильмом «Circus World» (1964).

²⁰ Жена Анненкова.

²¹ Вырезка из газеты была послана Темкиным Анненкову, на ней нет никаких надписей, указывающих на дату и название газеты

НАУКА

От имперства к либерализму (Об Иосифе Гольдштейне)

Вадим Телицын (Москва)

Дождливым сентябрьским утром 1939 года в Нью-Йорке хорошили умершего накануне Иосифа Марковича Гольдштейна. Простились с усопшим пришло совсем немного людей, в основном – эмигранты из России. Прозвучали прощальные слова, отданы последние почести... и на долгие годы его имя оказалось забытым...

Иосиф Маркович Гольдштейн родился в январе 1868 года в Одессе. К сожалению, обнаружить каких-либо сведений о его социальном и имущественном положении не удалось. Но, видимо, жилось ему очень нелегко, получить высшее образование удалось только в 27 лет (его ровесники заканчивали университет в 22 года), и не в Москве или Петербурге, а на юридическом факультете Мюнхенского университета. Его учитель – Вальтер Лотц, немецкий экономист, специалист по денежным и банковским вопросам. Учеником Гольдштейн оказался способным, и в 1896–1897 гг. появились его первые публикации¹. Они касались конкретных аспектов развития хозяйственного комплекса Германии и России и возможностей влияния государства на экономику этих стран.

В 1898 г. Гольдштейн защитил (все в том же Мюнхенском университете) докторскую диссертацию по государственным наукам², с того же года он – доцент кафедры экономической политики и статистики Цюрихского университета. Преподавание Иосиф Маркович сочетает с научными исследованиями, благо, что в его распоряжении были крупнейшие библиотеки Западной Европы.

В это время выходит серия работ Гольдштейна, посвященных различным аспектам государственной службы, экономики, статистики и финансов³.

В Россию ему удалось вернуться только в 1901-м. В 1902 г. Гольдштейн сдал магистерский экзамен при Московском университете, а год спустя получил степень магистра политической экономии, представив к защите диссертацию «Проблемы населения во Франции»⁴. Степень доктора политической экономии за исследование «Синдикаты и тресты и современная экономическая политика»⁵ Гольдштейн получил в 1907 г. В диссертационных работах он рассматривал новейшие тенденции экономической эволюции и свободную конкуренцию, задачи картелей и трестов и их хозяйственную деятельность, раскол между обрабатывающей промышленностью и картелями, «захватившими» в свои руки производство сырья и полуфабрикатов, успехи картельного движения и статистику картелей в иностранных государствах и России. Он исследовал также «светлые» и «темные» стороны деятельности картелей и трестов, отношение к ним общественного мнения в России и за рубежом, проблему таможенного покровительства картелей, методы воздействия картелей и трестов на торговую политику. Все это составляло живую ткань экономической жизни страны, набиравшей в начале XX века обороты в социально-экономической сфере.

Круг интересов Иосифа Марковича был широк и включал следующие проблемы: экспортные поставки угля и кокса («в прежние эпохи и в настоящее время»); расходы синдикатов на выплату вывозных премий; цены на уголь и кокс после экономических кризисов 1901 и 1907 гг.; влияние кризисов на другие отрасли промышленности; создание монополий в области добычи угля и доходы углепромышленников; мероприятия угольных синдикатов по усилению их монополии и дальнейшему увеличению экспорта; форсирование экспорта чугуна и деятельность железных синдикатов на внутренних рынках России; продажа за границу железных и стальных труб, печатной и некоторых других сортов бумаги, хлопчатобумажной пряжи, джута, калийных солей, сахара, спирта и т. д., всего того, чем была богата Россия.

Сравнивая экономические потенциалы двух ведущих мировых держав — России и Соединенных Штатов Америки, Гольдштейн скрупулезно изучал такие аспекты хозяйственного развития, как роль Соединенных Штатов в мировом производстве различных продуктов, рост национального богатства США.

Не остались в стороне от внимания экономиста и развитие таких стран Западной Европы, как Германия, Великобритания, Голландия и Бельгия, в частности: характеристика выгод, получаемых от продажи за границу сырых материалов германской обрабатываю-

И. Гольдштейн

щей промышленностью; положение германских верфей в условиях конкуренции Голландии; форсирование экспорта сырых материалов и вызываемое им процветание английских верфей и заводов, производящих белую жесть, листовое железо, изделия из проволоки, машины и т д.; экспорт сырых материалов в Бельгию и Швейцарию и его результаты; рост экспорта сырых материалов и положение машиностроительной, электротехнической и других отраслей обрабатывающей промышленности Германии во время кризисов в 1901 и 1907 гг.

Итоговые обобщения и выводы Гольдштейна относительно российской экономики касались экспорта и вызываемых ими проблем между крупными и мелкими предприятиями. Он рассматривал также комбинированные предприятия и причины их прогресса, экономическое значение комбинированных предприятий для народного хозяйства в целом, итоги обострившегося в 1910 г. кризиса картельного движения и, не в последнюю очередь, неомеркантилистские идеалы руководителей синдикатов тяжелой промышленности.

С 1906 г. Иосиф Маркович читал курс экономической политики и истории экономических течений в Московском университете, курс статистики на Высших женских юридических курсах, вел специальный курс по политической экономии в Московском техническом училище и коммерческом институте. На первое десятилетие XX в. приходятся многие его публикации⁶.

Вокруг Гольдштейна складывается кружок выпускников столичных университетов с близкими ему интересами. Среди них — известные в будущем экономисты Л. Н. Литошенко, Л. Н. Кафенгауз, З. С. Каценеленбаум, А. А. Рыбников⁷.

В 1907 г. Иосиф Маркович выступил инициатором создания специальных семинариев по политической экономии в Московском университете (семинар имени М. А. Манташевой⁸), Московском коммерческом институте и на Высших женских курсах⁹.

В течение ряда лет Гольдштейн состоял экспертом Российской экспортной палаты и Комиссии по пересмотру торгового договора с Германией¹⁰.

Статьи, обзоры, рецензии Гольдштейна появлялись на страницах центральных специализированных периодических изданий: в «Русском слове», «Русском экономическом обозрении», «Вестнике финансов», «Торгово-промышленной газете», «Мире Божьем», «Русской мысли», «Вопросах права», «Журнале министерства народного просвещения», «Народном хозяйстве», «Вестнике фабричного законодательства», «Критическом обозрении»¹¹ и других, а затем выходили отдельными книгами и брошюрами¹². В этих работах Гольдштейн рассматривал деятельность мировых синдикатов по завоеванию российского рынка, в том числе путем обхода существующих торговых договоров, применения системы форсированного дешевого экспорта, выдачи тайных и явных вывозных премий и других мероприятий. Им рассматривались дешевые продажи за границу угля и кокса и расходы российских синдикатов на выплату вывозных премий, «форсирование» экспорта чугуна, проволоки, проволочных штифтов, листового, углового и других сортов железа, железных и стальных труб, бумаги, хлопчатобумажной пряжи, джута, сахара, спирта и др.¹³

Гольдштейна интересовало также то, как отражаются вывозные премии синдикатов на положение русской промышленности и русского экспорта; что делают другие страны для борьбы с форсированием экспорта иностранными синдикатами; в состоянии ли дополнительные пошлины на форсируемый синдикатами экспорт ускорить эмансиацию России от преобладания Германии в импорте и экспорте из России и др.¹⁴

С началом Первой мировой войны, неожиданно для всех Гольдштейн занял радикальную патриотическую позицию и стал сторонником «войны до победного конца»¹⁵.

В 1916 г. он редактировал журнал «Проблемы Великой России». Кстати, в этом журнале опубликовал свои первые публицистические статьи Н. В. Устрялов, чьи работы являлись эталоном идеологии русского империализма¹⁶. Любопытен и другой факт: журнал субсидировался успешными русскими предпринимателями Александром Коноваловым и Павлом Рябушинским. Современный философ и историк М. Колеров считает, что «журнал “Проблемы Великой России” был образцом качественной государственной геополитической мысли. Серьезная исследовательская проблема состоит в том, как не только описать этот мир, но и как просчитать внутренние, недореализованные его узлы»¹⁷.

После 1917-го Гольдштейн эмигрировал в США (большевистскую революцию он принять не мог), жил в Нью-Йорке, где, сам ис-

пытывая материальные затруднения, основал «Фонд помощи нуждающимся ученым, писателям и артистам Москвы». Благодаря фонду Гольдштейна, многие представители творческой интеллигенции-эмигранты из России, получили помочь в нелегкий период адаптации¹⁸.

Фонд оказывал содействие не только эмигрантам, проживающим в США или Канаде, но и в Западной Европе; поддерживал он и различные просветительские, научные и педагогические объединения в Германии, Чехословакии, странах Балтии. Не оставались без его внимания и периодические издания. Стоит отметить, что фонд Гольдштейна поддерживал исключительно научные и просветительские проекты, отказываясь от финансирования каких бы то ни было политических партий и групп.

От своих «увлечений» идеологией русского империализма Иосиф Маркович отошел, получив в качестве «образчика» имперства возрождающуюся на развалинах Российской империи империю советскую. Еще большую уверенность в ошибочности своей позиции в годы Первой мировой войны Иосиф Маркович получил, бывая (и выступая) на заседаниях Общества изучения русской эмиграции и Общества друзей русской культуры, где собирался «цвет» российской эмиграции – российская интеллигенция, не делившая людей на «эллинов» и «иудеев», ставившая интересы развития личности выше интересов государства.

Многое Иосиф Маркович смог почерпнуть и из эмигрантской периодической печати, в первую очередь, из «Нового русского слова», на страницах которого публиковались сторонники различных политических движений за исключением монархистов. К концу 1920-х гг. И. М. Гольдштейн – убежденный противник большевистского эксперимента и советского государства, выстраивающего свою идеологию вокруг имперского стрежня. По мнению Гольдштейна, социальная политика России после революции должна была определяться не целями отдельных классов или политических групп, не программами тех или иных политических объединений, а исключительно нуждами послереволюционной и послевоенной действительности, потребностями общества.

Сам Иосиф Маркович не оставлял своих исследований экономических проблем. Гольдштейн – сторонник государственного вмешательства в экономику не только в условиях чрезвычайных ситуаций (как война), но и в эпоху гражданского спокойствия. Свою позицию ученый объяснял тем, что только государство, используя свою власть и силу, в состоянии обеспечить все слои общества необходимыми для жизни условиями¹⁹.

Иосиф Маркович считал, что Россия не должна акцентировать внимание либо на сельском хозяйстве, либо на промышленности. И тот, и другой сектор экономики должны развиваться равномерно, используя все резервы и возможности как со стороны государства, так и частного предпринимательства.

В области страхования Гольдштейн отстаивал необходимость разработки гибкого законодательства, способного учесть все случаи, которые могут произойти с наемными рабочими.

Важный вывод о том, что государство на основе разумного законодательства должно устраниТЬ отрицательные последствия деятельности хозяйственных монополий и, для обеспечения нормального функционирования экономики, согласовать их потребности с интересами масс, И. М. Гольштейн сделал уже в середине 1920-х гг.

Эти идеи Гольдштейна нашли отражения в его последней книге, большая часть которой была посвящена анализу проблем, возникших в аграрном секторе после окончания мировой войны и получивших развитие в годы всеобщего мирового хозяйственного кризиса, охватившего страны Америки и Западной Европы²⁰.

В этой книге Гольдштейн писал, что главная и единственная задача российской экономической политики состоит в восстановлении производительной деятельности, в росте и интенсификации производства. Опыт двухлетнего социалистического хозяйства с совершенной наглядностью показал, что социализация или национализация всего народного хозяйства на современной стадии хозяйственной и общественной культуры может привести только к хозяйственной нищете, государственной разрухе и национальному моральному разложению.

И. М. Гольдштейн внимательно следил за тем, что происходило с советской экономикой во времена «военного коммунизма» и «новой экономической политики». Результатом осмысления особенностей развития хозяйства Советской России в 1920-е гг. явилась заметная эволюция взглядов ученого на роль государства в экономике. Уже в конце 1920-х гг. Гольдштейн считал, что в постреволюционных условиях единственной экономически рациональной формой организации восстановления разрушенного народного хозяйства является хозяйство, основанное на частной собственности, вольной торговле и частных свободно-договорных союзах и товариществах. Как видим, Гольдштейн постепенно отходит от своих эстатистских убеждений, приближаясь, под влиянием окружающей его хозяйственной действительности, к либеральным экономическим воззрениям. Государство, по мнению Иосифа Марковича, не в состоянии

восстановить своим аппаратом хозяйство страны. Частная предпринимчивость и инициатива, творческие силы населения – вот главная надежда на возрождение России. Других путей нет: если сила национального разложения окажется так велика, что частным хозяйствам не удастся вновь восстановить народнохозяйственный организм, то Россия, как независимое государство, окончательно погибнет. Поэтому восстановление частной собственности и создание условий для нормального функционирования индивидуального хозяйства – частной предпринимчивости есть основные условия как хозяйственного, так и национального, государственного возрождения.

Государственное вмешательство, по мнению ученого, внимательно следившего за тем, что происходило в Советской России за пять революционных лет, должно иметь своей целью содействие восстановлению деятельности частных предприятий и объединений.

Немало времени Иосиф Маркович посвящал преподаванию в Рутгеровском университете, в ряде колледжей. Конечно, создать свою «школу» в Соединенных Штатах Америки ему уже не удалось: возраст, подорванное здоровье, необходимость ориентироваться не на проблемы России, хорошо ему известные, а на проблемы США, экономика которых разительным образом отличалась от российской. То же можно было сказать и об американской студенческой аудитории, столь не похожий на ту, перед которой он выступал в Москве.

Состоял Иосиф Маркович и в Русском академическом союзе в США²¹, где близко сошелся с известными как в дореволюционной, так и в эмигрантской России учеными и общественными деятелями – А. Н. Авиновым, Н. Н. Мартиновичем, И. А. Гурвичем и В. И. Иохельсоном²². В задачи общества входили сохранение научных знаний и научной элиты, эмигрировавшей из России. В одной из юбилейных речей председатель Пушкинского общества в Америке Б. Брасоль отметил: «Долгом считаю теперь же засвидетельствовать, что все то полезное, что было сделано Обществом, всецело обязано отзывчивости и неизменной жертвенности его членов и друзей, видимо, чувствовавших, что в самом его бытии заложено некое чистое нравственное начало, которое необходимо бережно хранить»²³. Эти слова в полной мере относятся и к деятельности в США И. М. Гольдштейна.

¹ *Goldstein I. Deutschlands soda industrie in vergangenheit und gegenwart. Ein Kritischer beitrag zur geschichte der deutschen zollpolitik von I. G. Mit einem Vorwort von Walther Lotz. Stuttgart, 1896; Goldstein I. Berufsgliederung und Reichtum in England. München, 1897; Goldstein I. Berufsgliederung und Reichtum. Untersuchungen in der berufsgliederung auf reichtum und Staatsmacht. Stuttgart, 1897.*

² *Goldstein I. Die vermeintlichen und die wirklichen Ursachen des Bevölkerungsstillstandes in Frankreich. München, 1898.*

³ *Goldstein I. Die statistik und ihre Bedeutung für das moderne Gessellschaftsleben. München, 1899; Goldstein I. Bevölkerungsprobleme und Berufsgliederung in Frankreich. Berlin, 1900; Goldstein I. La statistique et son rôle pour la société contemporaine. Paris, 1900.*

⁴ *Гольдштейн И. М. Проблемы населения во Франции. СПб., 1903.*

⁵ *Гольдштейн И. М. Синдикаты и тресты и современная экономическая политика. М., 1907; 2-е изд. М., 1912. Ч. 1.*

⁶ *Гольдштейн И. М. Анкета о причинах упадка ввоза русской пшеницы в Англию и о средствах к поднятию русского экспорта в эту страну. СПб., 1903; Его же. Интересный случай из практики картелей. Б. м., 1903; Его же. Проблема населения во Франции. СПб., 1903; Его же. Статистика и ее значение для современного общества. СПб., 1903; Goldstein I. Der mitteleuropäische wirtschaftsverein und die Schweiz. Zürich, 1904; Kartellwessen. Bern, 1905; Гольдштейн И. О важнейших проблемах и задачах преподавания экономической политики. М., 1907.*

⁷ Литошенко Лев Николаевич (1886–1938?) — экономист и статистик, сторонник либерального направления экономической мысли. Репрессирован.

Кафенгауз Лев Николаевич (1885–1940) — экономист. В 1919–1930 гг. — начальник центрального отдела статистики ВЧНХ. В 1933–1937 гг. преподавал в Промышленно-экономическом институте им. Г. К. Орджоникидзе, в Институте стали им. И. В. Сталина, 1-м МГУ. В 1937–1940 гг. — старший научный сотрудник Института экономики АН СССР.

Капенеленбаум Захарий Соломонович (1885–1961) — юрист и экономист. Один из основателей Госбанка СССР.

Рыбников Александр Александрович (1878–1938 или 1939) — экономист, статистик. Сторонник так называемой «организационно-производственной школы». С 1917 г. — профессор, сотрудничал с Лигой аграрных реформ, состоял в Особом экономическом совещании Наркомзема. Был арестован в 1922 г. и включен в список высылаемых из страны «антисоветских элементов», высылка была отменена по ходатайству Наркомзема. В 1930 г. был арестован по делу т. н. «Трудовой крестьянской партии», но вскоре освобожден. Преподавал в МГУ и МПИ им. В. И. Ленина, работал во Всесоюзном НИИ льна и в Институте экономики Московской области. В декабре 1937 г. вновь арестован, в сентябре следующего года осужден за «терроризм против руководства ВКП (б)» и расстрелян. Реабилитирован в 1963 г.

⁸ Манташева М. А. — жена известного в России коммерсанта и нефтепромышленника А. А. Манташева.

⁹ *Гольдштейн И. М. Экономическая политика. Вып. 1. Союзы предпринимателей. История и теория. Курс лекций, читанный в Московском университете и Московском коммерческом институте. М., 1908.*

¹⁰ *Гольдштейн И. Русско-германский торговый договор и задачи России. М., 1912.*

¹¹ См.: Сапов В. В. Письма Б. А. Костяковского к М. О. Гершензону // Социологический журнал. 1994. № 3.

¹² *Гольдштейн И. М. Международный конгресс в Париже по рабочему законодательству. (С парижской выставки). Б. м. и г.; Его же. Реформа фабричной инс-*

пекции. Б. м. и г.; Его же. Союзы железнодорожных рабочих в Англии. Б. м. и г.; Его же. Экономическая жизнь на Западе. Б. м., 1900.

¹³ Гольдштейн И. М. Законодательства различных государств о синдикатах и трестах. СПб., 1910; Его же. Благоприятна ли русская действительность для образования синдикатов и трестов? Материалы к характеристике современного положения синдикатского вопроса в России. М., 1913; Его же. Синдикат «Продуголь» и кризис топлива. М., 1913.

¹⁴ Гольдштейн И. Германские синдикаты и русский экспорт. М., 1914.

¹⁵ Гольдштейн И. М. Война, германские синдикаты, русский экспорт и наши торговые договоры. М., 1915 (3-е изд. М., 1916); Его же. Немецкое иго и освободительная война. Сборник статей по вопросам о войне и немецком засилье в русской торговле и промышленности. М., 1915; Его же. Война, русско-германский торговый договор и следует ли России быть «колонией Германии» М., 1913 (2-е исправленное из значительно доп. изд. М., 1915). См., также: Иванов А. Е. Российское «ученое сословие» в годы «второй отечественной войны» (Очерк гражданской психологии и патриотической деятельности) // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 2. С. 108–127.

¹⁶ Устрилов Н. К вопросу о русском империализме // Проблемы Великой России. Журнал внешней политики и права. № 15. 15 (28) октября 1916 года. С. 1–5.

¹⁷ «Плох тот русский, кто не хочет написать “Вехи”». Встреча с Модестом Колеровским на Византийском клубе «Катехон» (июнь 2008 года) // Русский журнал. 2008 (электронная версия).

¹⁸ См.: Евсеева Е. Н. Союз русских писателей и журналистов в Чехословацкой республике (1922–1942 гг.) // Новый исторический вестник. 2002. № 1(6).

¹⁹ Гольдштейн И. Угрожает ли нашей промышленности крах? М., 1918.

²⁰ Goldstein I. The agricultural crisis. Is it a temporary problem? N-Y., 1935.

²¹ См.: Квакин А. В., Ульянкина Т. И. История, растиравшаяся на десятилетие: Русская академическая группа в США (Русский академический союз) (1921–1931) (по материалам Архива Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета США) // Записки Русской Академической Группы в США. Vol. XXXIV. 2006–2007. N.-Y., 2008. P. 237–276.

²² Руль. Берлин, 1924. 22 июля; Последние новости. Париж, 1938. 3 марта.

²³ См.: Петров Е. В. Научно-педагогическая деятельность русских историков-эмигрантов в США: автореферат. дисс. на соиск. степени канд. ист. наук. СПб., 2003.

Профессор Леонид Хейфец:
искусство плыть против течения

Галина Табачник-Хейфец (Торонто, Канада)

Москва, 14 октября 1966 года. В большом дворцовом здании XIX века, с хрустальными люстрами и мраморной, покрытой ковром лестницей, находится Академия медицинских наук. Идет заседание Ученого совета Академии по присуждению степени доктора медицинских наук. Как правило, она присуждалась уже состоявшемуся ученому за заслуги в развитии новых направлений и методики исследования. В этот день огромное помещение не могло вместить всех желающих. Зал был переполнен, и люди стояли и сидели на лестнице. Пришли ученые и медики из многих медицинских учреждений столицы. Научная Москва ждала скандала — экзекуции. Жертва — доктор Леонид Хейфец, экзекутор — могущественный заместитель министра здравоохранения Петр Бургасов. Защита окончилась полным триумфом диссертанта и поражением Бургасова. Нетрудно догадаться, что произошло после этого — шесть лет ожесточенной борьбы, в которой участвовал широкий круг ученых, окончившейся присуждением Леониду степени доктора медицинских наук. Этот эпизод — далеко не единственное драматическое событие в жизни Хейфеца.

Историю защиты и описание многих других, порой невероятных событий, Леонид Хейфец включил в недавно опубликованную книгу воспоминаний¹. Во введении автор пишет, что жизнь — это река. Плыть против течения представляется более трудным, чем плыть по течению, однако такой выбор часто может оказаться более продуктивным и даже менее опасным. Дополнительные усилия, необходимые для его осуществления, закаляют волю, приводят к сотрудничеству с единомышленниками и друзьями и часто удивляют противника. Автор пишет, что чаще всего предпочитал плыть против течения и оставаться самим собой (включая подчеркивание того, что он — еврей).

Эта книга, хотя и содержит элементы биографии автора, в основном посвящена описанию других людей и событий. По мнению сыновей автора, Михаила и Германа, написавших предисловие, книгу можно было бы назвать «Пятое путешествие Гулливера», по сходству нелепостей в СССР и вымыщенных странах, описанных Свифтом, которые посетил Гулливер. Леонид (Леня) — мой старший брат, и моя задача, в отличие от цели его книги, написать о нем. Это не

Л. Хейфец

могущественными бюрократами советского режима.

Леонид Хейфец родился в 1926 г. в г. Орша (Белоруссия) в семье врача и медицинской сестры. После окончания с отличием Московского медицинского института Леонид поступил в аспирантуру по эпидемиологии в том же институте, после чего был направлен для проведения исследований в институт, который подчинялся Министерству обороны. Обстановка в нем сложилась тяжёлая. За сотрудниками был постоянный надзор, люди, работавшие в одной комнате, боялись говорить друг с другом — секретность ставилась превыше всего. В этих условиях сотрудник-еврей оказался инородным телом. От него решили избавиться, и для окончания аспирантуры перевели в Московский научно-исследовательский Институт вакцин и сывороток имени Мечникова. В 1950 году его направили в Архангельск, где он проработал почти 8 лет в Медицинском институте: первые три года — ассистентом на кафедре микробиологии, в течении последующих четырех лет — доцентом на кафедре инфекционных болезней. В 1953 году он защитил диссертацию на звание кандидата медицинских наук.

легко, и не столько потому, что он мой брат, а главным образом, потому, что он, мягко говоря, далеко не простой человек с тенденцией «плыть против течения», жизнь которого переполнена приключениями, противоречиями и многими драматическими событиями.

Всё, что предшествовало вышеописанному дню защиты докторской диссертации — это история учёного, пытавшегося оставаться честным, не желавшего предавать профессиональные и научные принципы и вынужденного поэтому встать на путь неравной борьбы с

В 1957 году Леонид вернулся в Институт им. Мечникова в Москве, где вскоре стал руководителем лаборатории по испытанию новых вакцин в полевых условиях. Он начинает сотрудничать со Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) и получает от нее гранты в форме новейшего оборудования, что было довольно необычным в то время. Его пригласили быть членом Экспертной комиссии ВОЗ по кишечным инфекциям. Под руководством Хейфеца впервые в Советском Союзе была разработана методика сравнительной оценки вакцин с помощью контролируемых эпидемиологических опытов. Новая методика, основанная на рекомендациях ВОЗ², позволяла получить объективные данные об эффективности различных вакцин. Серия статей с результатами этих испытаний, в частности, об эффективности вакцин против брюшного тифа, была опубликована в советских медицинских журналах и за рубежом — в престижном Бюллете БОЗ.

Леонида не выпускали за рубеж, несмотря на многочисленные приглашения принять участие в различных международных конференциях. Однако, когда Министерство здравоохранения, в сотрудничестве с организацией Красного Креста, организовало под эгидой гуманитарной помощи (читай — для установления советского влияния) экспедицию в опустошенное и разрушенное войной бывшее Бельгийское Конго, Леониду предложили принять в ней участие в качестве лечащего врача и эпидемиолога. Он согласился, несмотря на очевидную трудность, физический риск и опасность. Для него, как ученого, это был уникальный шанс оказаться в эпицентре проблем инфекционных заболеваний. Небольшая группа врачей (включавшая также представителей КГБ) работала в отдаленных районах Конго, в джунглях Итури. Туземное население страдало множеством заболеваний, таких, как малярия, проказа, сонная болезнь. Нужно было соблюдать максимальную осторожность в условиях бивуачного быта и необходимости постоянно перемещаться из деревни в деревню. Леонид пользовался большой популярностью у местного населения, которая, как оказалось, была основана на том, что туземцы считали его шаманом, так как у него были тёмные глаза, и внешне он не был похож на остальных (русских) в их группе. Его слову туземцы верили и подчинялись его указаниям, но и ждали от него многого — шаман должен всё знать и творить чудеса! Он был участником двух поездок в Конго (1960 и 1962 гг.), а много позже, уже в своей американской жизни, снова посетил Африку как консультант по введению мер по контролю туберкулёза (1994–95 гг.).

Признание успехов Хейфеца за рубежом после опубликования результатов эпидемиологических опытов в иностранных журналах начало вызывать недовольство и зависть советских «ведущих ученых» и бюрократов. К тому же, некоторые вакцины, разработанные «ведущими учеными», оказались малоэффективными и даже неэффективными после их оценки по новой методике.

Особенно примечательна история с оценкой аэрозольной брюшнотифозной вакцины. Министерство обороны СССР обратилось к Министерству здравоохранения (Минздраву) с просьбой оценить эффективность этой вакцины в эпидемиологическом опыте. Минздрав поручил эту работу Хейфецу. Испытание было проведено в Таджикистане, где процент больных брюшным тифом был очень высок. Вопреки мнению представителей Министерства обороны, Хейфец добился, чтобы оно проводились по новой методике контроля эпидемиологических опытов. Необычным был факт, что эта вакцина предназначалась для быстрой вакцинации групп людей путем ее распыления в закрытом помещении. Известно, что брюшной тиф передается обычно не через воздух, а через загрязненную воду или пищу. Вакцина была разработана в 1963 году в одном из секретных институтов Министерства обороны с целью защиты войск и населения в условиях бактериологической войны, когда бактерии брюшного тифа распыляют в воздухе в виде аэрозоля. Было очевидно, что такая разработка свидетельствовала о подготовке Советского Союза к бактериологической войне, одной из задач которой является защита своих войск (и, в случае необходимости — населения) от применяемого бактериологического оружия. Защита от брюшного тифа с помощью аэрозольной вакцины должна была служить моделью для других инфекций. В разработке вакцины принимал участие сам генерал Петр Бургасов, который был руководителем программы бактериологической войны в 1950–1953 гг., работавший тогда под руководством Лаврентия Берии.

Результаты испытаний показали, что аэрозольная вакцина не защищала от брюшного тифа в условиях естественной эпидемии (нулевая эффективность). Представители Министерства обороны в частных разговорах обещали Хейфецу «золотые горы», пытаясь уговорить его оттянуть подачу отчета в Минздрав на неопределенное время. Не на того напали! Леонид представил отчет с четким заключением о неэффективности вакцины, что было немедленно использовано в «перманентной войне» между двумя ведомствами — Минздравом и Министерством обороны. В результате генерал Бургасов был уволен не только из Министерства обороны, где он зани-

мал пост Начальника сверхсекретного 7-го Главного управления, но также из армии.

Леонид приложил максимум усилий для того, чтобы обнародовать результаты эпидемиологического опыта. Помимо естественного для ученого желания опубликовать итоги исследований, Леонид хотел дискредитировать саму идею аэрозольных вакцин и тем самым нанести ущерб программе подготовки к бактериологической войне. Решив опубликовать результаты не только в советском журнале, но и за рубежом, он преодолел всевозможные барьеры секретности и добился разрешения Минздрава на представление доклада в Англию на Международный конгресс по биологической стандартизации. С целью маскировки и прохождения через цензуру, данные по аэрозольной вакцине были включены в общий обзор по испытанию разного типа вакцин. Все было сделано легально, хотя Леонид сознавал, что шел на несомненный риск. Зная, что его за рубеж не выпустят, он обратился к коллеге в Венгрии, с которым вёл научную переписку, и попросил его выступить на Конгрессе с докладом от имени группы доктора Хейфеца. Материалы Конгресса были опубликованы. К сожалению, никто на Западе не выразил удивления по поводу разработки в Советском Союзе аэрозольной вакцины против брюшного тифа, и тревожный сигнал из-за «железного занавеса» о подготовке к бактериологической войне остался неуслышанным.

Бургасов недолго был безработным после увольнения из армии. Вскоре, после короткого запоя, он всплыл на поверхность в должности заместителя Министра здравоохранения. Бургасов был коварным и опасным врагом. Над Леонидом повис дамоклов меч, который угрожал работе и жизни его самого и его семьи до эмиграции из СССР. Институт им. Мечникова оказался в прямом подчинении Бургасову. Он дает указание Институту провести испытание новой брюшнотифозной вакцины, созданной для вакцинации всего населения страны (20 миллионов человек в год). Вакцина включала шесть компонентов, большая часть которых была предназначена для защиты от инфекций, не имеющих массового распространения в стране (ботулизм, три типа газовой гангрены, холера). Бургасов в новой роли продолжал руководить работой «гражданских» учреждений по подготовке к бактериологической войне, и разработка новой шестикомпонентной вакцины была частью этой программы. Институт им. Мечникова «взбунтовался»! Его директором был профессор Иван Федорович Михайлов, талантливый ученый, герой войны, человек с высочайшими этическими принципами. Михайлов и

Хейфец решили выступить против испытаний новой вакцины, особенно после того, как были получены данные о ее высокой токсичности в опытах на животных и в наблюдениях над солдатами-«добровольцами». По инициативе Михайлова и Хейфеца, Ученый совет Института принял решение опротестовать директивы Министерства здравоохранения. Бунт был наказан: Бургасов прислал комиссию по расследованию работы Института. Его директор был смещен, и около 20 заведующих лабораториями потеряли работу. Лабораторию Хейфеца закрыли, но уволить не решились и перевели его на должность старшего научного сотрудника. Леонид понимал, что враждебное кольцо вокруг сужается. Давно зревшее намерение эмигрировать стало принимать реальную форму.

Если вернуться теперь к началу нашего повествования, к защите Леонидом докторской диссертации, то станет понятно, почему научная Москва ждала скандала. К счастью для Леонида, по мнению членов Ученого совета Академии медицинских наук, деятельность Бургасова, особенно в годы его работы в Министерстве обороны, была не только помехой, но, зачастую, и основным тормозом, мешавшим подлинной научной работе. Леонид оказался фигурант в шахматной игре между двумя сражающимися сторонами. Случилось невероятное: Ученый совет проголосовал единогласно за принятие диссертации, несмотря на угрозы Бургасова и его гневное письмо. Это была победа науки над режимом! Однако радоваться было рано. Вскоре Ученый совет по приказу Министерства здравоохранения был распущен, и власть снова была в руках Бургасова. Понадобилось шесть лет борьбы для того, чтобы диссертация Леонида была утверждена: в 1972 году ей присвоена степень доктора медицинских наук.

Одновременно Леонид одержал другую важную победу: в 1968 году была опубликована его книга, обобщающая данные докторской диссертации, включая описание новой методики контролируемых испытаний и результаты многих эпидемиологических опытов, проведенных в течение 10 лет³. В книжном киоске, расположенному в здании Минздрава, боясь гнева Бургасова, книгу продавали из-под прилавка. Интересно, что читатели из-за цвета обложки окрастили ее «черной книгой».

После этих двух важных побед над режимом и бюрократией эмиграция из Советского Союза не могла ассоциироваться с тем, что он уезжает из-за неуспеха и поражения. Однако уехать ученыму, имевшему допуск к секретной работе, было непросто: следовало проработать не менее 10 лет без допуска к секретной информации перед подачей заявления на эмиграцию.

В 1969 году Леонид начинает новую карьеру в качестве старшего научного сотрудника Центрального Института туберкулёза, где он проработал вплоть до конца 1978 года. В течение этого периода он не просто отсиживался в ожидании истечения срока действия секретного допуска, а стал экспертом в области туберкулеза. Параллельная работа в Институте научной информации давала скромный дополнительный приработок, а главное, позволяла детально знакомиться с иностранной литературой по туберкулезу. Он составлял рефераты статей, опубликованных на английском, немецком, французском, испанском, итальянском и даже японском языках. Оставаясь в тени, держа в секрете даже от близких людей планы эмиграции и претендую на полную лояльность (что было далеко не легко), он избегал вовлечения в какие-либо исследования, связанные с эпидемиологией туберкулеза, так как это грозило получением новой секретности. Одновременно Леонид усиленно изучал английский язык и разрабатывал способ «безопасной» эмиграции. Главная сложность была в том, что при подаче заявления на эмиграцию человек увольнялся со службы. В случае отказа в выезде его не восстанавливали на работе, и над таким «отказником» нависала угроза быть обвиненным в «тунеядстве» со всеми вытекающими последствиями.

Необходимо было предпринять что-то очень впечатляющее, чтобы успешно противостоять попытке администрации уволить его. Леонид разработал проект в области микробиологии туберкулеза, который закодировал для себя как «Проект зеленые яйца». Много лет спустя, живя в Америке, он опубликовал в международном журнале по туберкулезу серию статей под таким же заглавием с довольно занятной историей этой разработки⁴. Он нашел решение одной из проблем диагностики туберкулеза, а именно, как обеспечить лаборатории страны стандартной питательной средой для культивирования туберкулезных бактерий. Эта среда изготавливается из яичной массы и содергит, среди многих ингредиентов, малахитовую зелень, что придает ей зеленую окраску. Она была известна в течение многих десятилетий под названием среди Левенштейна-Йенсена. Новым было централизованное изготовление этой среды, что гарантировало ее качество. Используя широкие связи, Леонид вовлек в разработку стандартного сухого порошка этой среды физиков, биологов, химиков и организовал ее производство в г. Тюмени в Сибири. Директор Института туберкулеза наградил Хейфеца двухмесячной зарплатой. Через две недели Леонид заявил о намерении эмигрировать и попросил от администрации требуемую в ОВИРе «справку с мес-

та работы». В создавшейся ситуации администрация не могла уволить Хейфеца за «недостаточную эффективность работы». Прошло несколько месяцев борьбы, и Леонид с сыном Германом эмигрировали в конце октября 1978 года. Шесть месяцев спустя за ними последовали старший сын Михаил с женой Аленой и годовалым сыном Борей.

В 1979 году доктор Хейфец начинает свою жизнь в США. Когда Леонида спрашивают, сколько ему лет, он отвечает — 30, исчисляя это датой иммиграции в Америку. Он был готов начать новую жизнь в любом качестве и на любой работе. Забавно, что одной из идей было открыть ресторан, так как он всегда любил и умел готовить. Однако его имя было уже хорошо известно за рубежом. Более 100 научных публикаций делали его кандидатуру весьма желанной для научных центров США. Из предложенных ему вариантов он остановился на Денвере, Колорадо. Леонид всегда любил горы, ещё в Союзе альпинистские восхождения на Кавказе были разрядкой от напряжения, переутомления, многолетней борьбы за выживание и травли. Возможность жить вблизи от Скалистых гор в Колорадо определила решение.

По приезде в Денвер он в течение 18 месяцев был в докторантуре Национального Еврейского исследовательского центра, специализируясь в области молекулярной биологии. Начиная с 1980 года, Леонид становится директором небольшой диагностической туберкулёзной лаборатории в этом крупнейшем научно-исследовательском центре. Когда он начал руководить лабораторией, в ней работало 7 человек, а доход в фонд центра, приносимый анализами, составлял около 60 тысяч долларов в год. Сегодня возглавляемая им лаборатория насчитывает 18 человек, и ее доход в 2008 году составил 3,4 миллиона долларов. Лаборатория обслуживает более 1500 медицинских учреждений США. За эти годы Хейфец систематически получал гранты от Национального института здоровья и от многих фармацевтических компаний на проведение всевозможных исследований в области диагностики и лечения туберкулеза, которые принесли Национальному Еврейскому исследовательскому центру международное признание. Общая сумма грантов составила более 12 миллионов долларов. Сфера работ его лаборатории продолжает расширяться, проводятся многочисленные работы по улучшению методики, разработке инструкций для микробиологов и врачей, что помогает персоналу на местах улучшать качество лечения больных. Начав работать в США, доктор Хейфец получил возможность объективно сравнивать и анализировать различные

социальные и профессиональные аспекты в обеих странах. В самом начале он обратил внимание на недооценку назревающей в США опасности эпидемии туберкулёза и начал предпринимать всё возможное для того, чтобы привлечь внимание научных кругов США к этой проблеме. За годы работы в США Леонид опубликовал множество научных статей, монографий, методических пособий как в области туберкулёза, так и других заболеваний, вызываемых нетуберкулезными микобактериями (официальное название возбудителя туберкулеза — микобактерии туберкулёза). Он постоянно в поисках белых пятен, пытаясь обнаружить незамеченное, ускользнувшее из поля научного зрения факты, в постоянном поиске методов, которые позволили бы лучше анализировать, модифицировать, облегчать лечение туберкулеза и сходных инфекций, вызываемых нетуберкулезными микобактериями.

Научные титулы Леонида включают: профессор и директор референс-лаборатории микобактерий в Еврейском Национальном центре; профессор клинической микобактериологии фонда Крамера; профессор микробиологии медицинского факультета университета Колорадо. Он продолжает расширять свою лабораторию, которая обслуживает почти все штаты Америки, и постоянно публикует новые научные труды. На сегодняшний день количество его научных публикаций превышает 200 (около половины из них — на английском языке). Основные области исследования, в которые вовлечён Леонид, включают поиски новых антибиотиков против туберкулёза, оценку и сравнительный анализ эффективности комбинаций различных противотуберкулезных препаратов. Он также занят разработкой новых методов культивирования и определения чувствительности туберкулезных микобактерий к различным лекарственным препаратам.

Практически нет такого уголка на земном шаре, где Леонид не побывал бы либо в качестве лектора, приглашенного научными учреждениями и медицинскими факультетами университетов, либо участника международных симпозиумов и конференций. Его экспертизу по организации туберкулезных диагностических лабораторий и по подготовке персонала используют во многих странах мира. В возглавляемой им лаборатории проходили подготовку и стажировку микробиологи и врачи из России, Грузии, Чехословакии, Гонконга, Тайваня, Южной Африки, Турции, Ливана, Израиля, Швейцарии, Англии, Уганды, Аргентины, Колумбии и Индии.

На некоторых международных конференциях ему приходится встречаться не только с бывшими коллегами, но и с бывшими вра-

гами. Однако сегодняшний статус доктора Хейфеца вынуждает бывших недоброжелателей и людей, пытавшихся погубить его научную карьеру в Советском Союзе, обращаться с ним с уважением и даже с почтением. За годы работы в США он помог в организации диагностических лабораторий и в подготовке персонала во многих районах бывшего Советского Союза. В 2001–2007 годах по просьбе Международных организаций Леонид совершил поездки в Россию и дал консультации во многих медицинских центрах Сибири. В 2007 году он, будучи в научной командировке, проехал значительную часть советского Дальнего Востока на поезде и имел возможность наблюдать вблизи происходящие в стране изменения. Многие свои впечатления он описал в упомянутой выше книге. Леонид также побывал с научными целями в Израиле, Турции, Японии, Китае, Тайване, Сингапуре, Таиланде, Аргентине, Канаде, странах Африки, Южной Америки и Европы. Он всегда очень восприимчив и с интересом подмечает уникальные и индивидуальные особенности и характеры людей, с которыми ему приходиться быть в контакте. Многие из впечатлений нашли позже своё отражение в его книгах и статьях. Послужной список Леонида весьма внушительный. Помимо академических позиций, упомянутых выше, он состоит членом Американского общества микробиологов, Американского общества легочных заболеваний, членом Международной группы по микобактериям, членом Международного союза по борьбе с туберкулёзом и болезнями лёгких. Он является референтом в области туберкулёза в Колледже американских патологов, референтом многих американских и международных журналов в области туберкулёза. С 1995 до 2008 г. он был одним из редакторов международного журнала по туберкулёзу и лёгочным заболеваниям.

Его глубокие знания и умение понять политические и социальные аспекты эпидемий оказывают неоценимую помощь и влияние на разработку методов борьбы с туберкулёзом во всем мире. За выдающиеся заслуги в этой области доктор Хейфец удостоился многочисленных наград и грамот. Среди них — грамота северо-американского отделения Международного союза по борьбе с туберкулёзом и лёгочными заболеваниями за выдающийся вклад по борьбе и предупреждению туберкулёза (2009 г.).

Леонид и его семья полностью интегрированы в жизнь Америки. Он неоднократно говорит о любви к стране, в которой продолжает возглавлять туберкулезную лабораторию и живет полной творческой жизнью, где его работа признана и достойно вознаграждена.

Он любит классическую музыку, оперу, балет и использует любую возможность посетить концерты. Леонид пишет стихи и прозу, хочет объяснить детям и внукам прошлое и помочь им правильно увидеть и оценить сегодняшнюю жизнь и возможное будущее.

Осуществилась также его мечта жить поблизости от гор. Он — член Горного клуба Колорадо и в течение более 25 лет большую часть воскресений проводил в горах, совершая восхождения либо с друзьями, либо в качестве руководителя групп Клуба. Леонид — верующий еврей и член синагоги. Он не получил традиционного еврейского образования, и его религиозные взгляды базируются на глубоком изучении работ по эволюции Дарвина и современных философов. Выступая с лекциями о связи религии и науки, Леонид часто ссылается на Маймонида, который 800 лет тому назад заявил: «те, кто видят противоречие между религией и наукой, либо не понимают религию, либо не знакомы с наукой, либо не знают ни то, ни другое». Он считает американский период своей жизни самым насыщенным во многих отношениях. По его собственным словам — его акцент может быть и русским, но мысли, весь уклад жизни и восприятие — уже американские. Он ощущает себя «американцем без акцента».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список работ Л. Б. Хейфеца (1988–2009)

1 *Heifets L. B. Qualitative and quantitative drug-susceptibility tests in mycobacteriology. Am. Rev. Respir. Dis., vol. 137, № 5, 1988. P. 1217–1222.*

2 *Heifets L. B. Drug Susceptibility in the Chemotherapy of Mycobacterial Infections. CRC Press, Boca Raton – Ann Arbor – Boston – London, 1991.*

3 *Heifets L. B. (Guest Editor). Clinical Mycobacteriology. Clinics in Laboratory Medicine, vol. 16, № 3. Philadelphia: W. B. Saunders, 1996.*

4. *Heifets L. B. (Guest Editor). Tuberculosis: Sem. in Am. J. Respir. Crit. Care Med., vol. 18, № 5. NY–Stuttgart: Thieme Med. Publ. Inc., 1997.*

5. *Heifets L. B. Mycobacteriology laboratory. In: Iseman M. D., Huitt G. A. (eds.). Tuberculosis, Clin. Chest Med., vol. 18, 1997. P. 35–54.*

6. *Heifets L. B., Jenkins P. A.* Speciation of mycobacteria in clinical laboratories In: *Gangadharan P.R.J., Jenkins P.A.* (eds.). *Mycobacteria*, vol. 1. Basic aspects. Thompson Publ — Chapman & Hall Medical Microbiology Series, 1998. P. 308–350.
7. *Heifets L. B.* Pyrazinamide. In: *Yu V. L., Merigan T.C., Barriere S. L.* (eds.). *Antimicrob. Therapy and Vaccines*. Baltimore: Williams and Wilkins (Waverly Company), 1999. P. 668–676.
8. *Heifets L. B., Cangelosi G. A.* Drug susceptibility testing of *M. tuberculosis*: a neglected problem at the turn of the century. *Int. J. Tuberc. Lung Dis.*, vol. 3, № 7, 1999. P. 564–581.
9. *Heifets L.* Conventional methods for antimicrobial susceptibility testing of *M. tuberculosis* In: *Bastian I., Portaels F.* (eds.). *Multi-drug resistant tuberculosis*. Dordrecht-Boston-London: Kluwer Acad. Publ., 2000. P. 133–144.
10. *Heifets L.B.* (Guest Editor). Tuberculosis and other mycobacterial infections. *Sem. in Am. J. Respir. Crit. Care Med.* vol. 25, № 3. NY — Stuttgart: Thieme Med. Publ. Inc., 2004.
11. *Heifets L., Desmond E.* Clinical Mycobacteriology (TB) laboratory: services and methods. In: *Cole S. T., Eisenach K. D., McMurrey D. N., Jacobs W. R.* (eds.). *Tuberculosis and the Tubercl Bacillus*. ASM Press, 2005. P. 49–83.
12. *Gelperina S., Kisich K., Iseman M.D., Heifets L.B.* The potential advantages of nanoparticle drug delivery systems in chemotherapy of tuberculosis. *Am. J. Respir. Crit. Care Med.*, vol. 172, № 12, 2005. P. 1487–1490.
13. *Boulahbal F., Heifets L.* Bacteriology of tuberculosis. In: *Raviglione M. C.* (ed.). *Reichman and Hershfield's Tuberculosis: A Comprehensive, International Approach*, Third edition, Part A, Sect. I. Informa Healthcare USA Inc., 2006. P. 29–46.
14. *Heifets L. B., Richmond J. Y.* Modern biological safety standards in tuberculosis diagnostic laboratories. In: *Richmond J. Y.* (ed.). *Anthology of biosafety*. Am. Biological Safety Assoc., Mundeleyn, IL, 2006. P. 155–166.
15. *Heifets L., Gangelosi G.* Drug resistance assays for *Mycobacterium tuberculosis*. In: *Mayers D. L.* (ed.). *Antimicrobial Drug Resistance*. Humana Press of Springer Science, 2009. P. 1166–1170.
16. *Daley C. L., Leonid Heifets L.* Other mycobacteria causing human disease. In: *Schaaf H. S., Zumla A.* (eds.). *Tuberculosis*. Elsevier, 2009. P. 60–73.

1 *Heifets Leonid*. From Russia with Tales and Confessions to Discovering America. Dorrance Publishing Co., Pittsburg, PA, 2009.

2 *Pollok T. M. (ed.), Francis T., Gear J. H. S., Heifec L. B., Janganwalla N., Kamal A. M., Lepin P., Nauk E. G., Nobechi K., Ramos-Alvarez M., Sankole M.* Trials of prophylactic agents for the control of communicable diseases (A guide to their organization and evaluation). World Health Organization, Geneva, 1966.

3 Л. Хейфец. Теоретические и методические основы оценки эффективности специфической профилактики. «Медицина», Москва, 1968.

4 *Heifets L.* Three stories about green eggs. *Int. J. Lung Dis.*, 2000; 4 (10): 988-989; 4 (11): 1088; 4 (12): 1188-1189.

ВОЕННОЕ ДЕЛО

«Множественные миры» Хаймана Риковера

Иосиф Маляр (Кармиель, Израиль)

...В Овальном кабинете Белого дома внезапно возникла грозовая атмосфера, словно здесь сгустилось небесное электричество. Голос невысокого худощавого человека звенел на высоких нотах, он будто забыл, где он и кто рядом с ним, и почти кричал в лицо президенту Рейгану:

— Они ни черта не понимают в этом деле, только тормозят наши подводные лодки, если так пойдет дальше — нам нечем будет защищать страну... Когда они, тупые, это поймут...

Инициатором этой встречи в Белом доме был 40-летний Джон Леман, министр Военно-морских сил США, теперь он явно жалел об этом. Джон Леман давно чувствовал, как, мягко говоря, «непочтительно» относился к нему адмирал Риковер, ровно вдвое старше его по возрасту. Леман давно пытался выбраться из-под пресса его непрекаемого авторитета на флоте, вот почему он рискнул обратиться к президенту Рейгану с просьбой наконец-то отправить Риковера в отставку. Сейчас он, бледный, вытянувшись в струнку, слушал, как адмирал Риковер продолжал кричать:

— Господин президент! Этот червяк ничего не понимает во флоте!

Потом он повернулся к самому Леману: «Ты просто хочешь от меня избавиться, хочешь вытолкнуть меня из программы, чтобы ее развалить...».

Впоследствии в беседе с журналистами CNN сам Леман явно хотел смягчить впечатление от этого инцидента и сказал: «Это был тяжелый для президента момент в Овальном кабинете. Он беспокоился за адмирала Риковера и обратился к присутствующим, среди которых был и министр обороны Каспар Уайнбергер, со словами: "Адмирал Риковер и я смотрим на вещи одинаково. Не могли бы вы оставить нас на время? Нам нужно поговорить о политике..."».

Рональд Рейган тогда нашел добрые и лестные слова, отзываясь о прошлых заслугах Риковера, говорил мягко, но настойчиво и сумел убедить адмирала подать в отставку. 31 января 1982 года, че-

рез четыре дня после своего дня рождения (ему исполнилось 82), после 63(!) лет безупречной военной службы при 13 президентах США, от Вильсона до Рейгана, в звании адмирала, Хайман Рико-вер решил подать в отставку.

Когда через год, 28 февраля 1983 года, отмечалась официально оформленная отставка адмирала Риковера, среди гостей присутствовали три экс-президента США — Картер, Никсон и Форд. Президента Рейгана не было...

Если выехать из Варшавы в сторону Восточной Пруссии, то через 90-95 километров появится вдоль дороги окруженный редкими лесами небольшой старинный городок Маков-Мазовецкий. В конце XIX века евреев здесь жило чуть больше, чем поляков. В середине XX века Холокост выжег последние остатки еврейской общины Макова.

Впрочем, документов и старых фотографий все же осталось больше, чем людей, и местные краеведы могут вам рассказать, например, о том, что в середине семидесятых годов XIX века сюда приехал 17-летний Нахум Соколов, будущий видный деятель сионистского движения. В свои 17 лет он уже женился и переехал в Маков в дом тестя, который избавил его от забот о хлебе насущном. Нахум с радостью занялся самообразованием, стал писать небольшие заметки для еврейских газет в Варшаве. В конце XIX века здесь жили близкие родственники будущего премьер-министра Франции Леона Блюма, он даже присыпал им сюда нехитрые подарки «из самого Парижа». В 1922 году в Макове родился Давид Азрилевич, который прошел через страдания и военные невзгоды Второй мировой войны, через сибирскую тайгу, среднеазиатские аулы, английские лагеря на территории Ирана и оказался в Палестине. В мае 1948 года он сражался в боях за независимость Эрец-Исраэль, потом колесил по свету и десятилетия спустя вернулся в страну канадским архитектором и предпринимателем, впоследствии строил тель-авивские башни-небоскребы, и с гордостью дал им свое новое послевоенное имя — Азриэли... И, конечно, один из самых знаменитых уроженцев Макова — Хайман Риковер.

Я заглянул в старинную энциклопедию Брокгауза и Ефона и узнал о том, что вокруг Макова извечно были лишь торфяники, земли скучные, небогатые, да и жители городка, в основном евреи, не имели особой склонности к сельскохозяйственным работам; было среди них немало плотников, жестянщиков, мыловаров, были и свои сапожники, модистки и портные, которые не шили новое, а умело и споро переделывали старые вещи на «варшавский шик» и потом отправлялись в Варшаву на «перекладных», сдавали свою

Адмирал Х. Риковер

нул Абрам Риковер, старательный закройщик, который знал себе цену. Он и так уже подумывал об отъезде, а тут земля загорелась под ногами. Он уговорил свою Рахель остаться на время с детьми, пока не найдет свое место в далекой Америке, не скопит немного денег, чтобы прислать им на дорогу. И действительно, через год, в 1906, деньги пришли, семья собрала свой нехитрый скарб и отправилась за океан.

Абрам встретил свою семью в криках и суете таможенного ангаря на «острове слез», привез всех в Ист-Сайд на Манхэттене.

Через два года приятель-портной уговорил Абрама переехать в Чикаго, там возникло сразу несколько швейных предприятий, очень нужны были мастера швейного дела. Семья поселилась в Ланудайле, потом жили на улице Максвелл, той самой знаменитой улице, которая ныне осталась в легендах и, пожалуй, в фотографиях и экспозициях музея еврейской жизни в Чикаго. Посетителей здесь бывает не очень много, и если вы достаточно терпеливы, экскурсовод успеет вам рассказать, какие будущие «большие люди» вырастали в начале XX века на пыльной и замызганной улице Максвелл, каких вершин они достигли впоследствии.

продукцию в местные лавочки, где небогатые приказчики, почтовые служащие, официанты охотно приобретали «новинки моды», почти как из Парижа.

И такая захолустная жизнь на окраине царской России, к которой столетия относились эти польские земли, продолжалась бы еще долго, если бы не внезапные потрясения конца XIX и начала XX века, когда по всем окрестным городкам, Красносельцу и Чиханову, Пултуску и Макову прокатилась волна еврейских погромов.

Одним из первых дрог-

Это здесь, на этой улице когда-то бегал и дрался до крови с мальчишками Барух, Боренька Розовский. А в 30-х годах под именем Барни Росс он стал чемпионом мира по боксу. И этот Бени со своим голосистым кларнетом. Ведь это был будущий Бенни Гудмен, звезда и гордость американского джаза. И не забудьте, что здесь, на улице Максвелл, вырос и тот самый Гольдберг, потом он стал Артуром Гольдбергом, министром в правительстве Соединенных Штатов Америки. Все они были младше по возрасту, чем Хайм Рикover, родились уже на этой, американской земле, но их родителям, выходцам из царской России, еще снились по ночам кривобокие еврейские домики родных местечек...

Хайм Рикover брался за любую работу, чтобы помочь семье, разносил по домам ближних и дальних соседей заказанную у отца перелицованные одежду на «вырост», когда стал постарше — его взяли на «серъезную» службу: разносить телеграммы Western Union. Кто бы тогда мог подумать, что пройдут годы и его назовут «отцом атомного флота Америки».

Впоследствии Хайман Рикover вспоминал свои детские годы как время «тяжелой работы и дисциплины», что не так уж и плохо для будущей жизни.

Он учился в средней школе имени Джорджа Маршалла, закончил школу с отличием в 1918 году, в год окончания Первой мировой войны. В судьбе талантливого юноши принял самое деятельное участие конгрессмен Адольф Сабат, чешский еврей, который сам прошел «семь кругов ада», пока выбился в люди, поднялся наверх, теперь он желал этого своему подопечному и дал ему самые лестные характеристики. Прибавьте сюда глубокие знания вчерашнего школьника, и вы уже не будете удивляться, что он выдержал все самые сложные экзамены, прошел большой конкурс и был принят в Военно-морскую академию в Аннаполисе, которую закончил в 1922 году.

Молодой офицер получил назначение на эсминец «Ла Валетта», который, однако, был еще в далеком боевом походе. И тогда, не теряя времени, Хайман подал прошение и сумел добиться особой стипендии на изучение философии и истории в Чикагском университете — он всегда очень высоко ценил «фактор времени»...

Довольно быстро он получил инженерную должность, потом стал самым молодым старшим механиком крупной эскадры, и вскоре способного офицера перевели на линкор «Невада». Ему нравилась морская служба, морские походы, но он понимал, что способен на большее, у него было много новых идей, но их надо было основа-

тельно подкрепить новыми знаниями, и он подает рапорт с просьбой разрешить учебу в Колумбийском университете.

Дальнейший курс — на подводный флот, он лучше многих других понимал, что именно в этих подводных субмаринах — залог будущих побед на море, и четыре года напряженной службы в подводном флоте определили его интересы на всю оставшуюся жизнь.

Нельзя сказать, что морская служба Риковера в те годы складывалась совсем удачно и гладко. У него был нелегкий характер, для него не существовало авторитетов (большой недостаток для человека, который хочет сделать именно военную карьеру), и ему ничего не стоило сказать в глаза человеку все, что он о нем думает, а о большинстве сослуживцев у него было, увы, довольно нелестное мнение.

И все же, учитывая его блестящий послужной список, в 1937 году его назначают командиром крупного минного тральщика. Впрочем, он сам решил вскоре уйти на чисто инженерную работу, командовать разнохарактерным экипажем оказалось для него не просто.

В декабре 1941 года, когда командование военно-морского флота США немного оправилось от потрясений и потерь в Перл-Харборе, было принято решение — из пяти линкоров, затонувших после торпедных и бомбовых атак японской авиации, попытаться поднять из морских глубин наименее пострадавший линкор «Калифорния». Когда корабль оказался на плаву, ремонтники взялись за восстановление электрических моторов и генераторов. Эти работы возглавил Хайман Риковер. Он привел корабль в рабочее состояние, и судно своим ходом пришло из Перл-Харбора на верфь в Пьюджет Саунд. Впоследствии линкор «Калифорния» вновь принял участие в боевых операциях на Тихом океане.

Заслуги Хаймана Риковера перед страной и флотом в годы Второй мировой войны были отмечены, он получил орден, звание капитана.

В 1946 году, на волне эйфории, вызванной победной атомной бомбардировкой Хиросимы и Нагасаки, военное командование США принялось «атомизировать» всю военную промышленность, начали, как это бывало и в прошлом, с военно-морского флота. На основопроекта «Манхэттен» была создана особая лаборатория (ныне это громадный научно-производственный комплекс Оук-Ридж), которая приступила к разработке ядерных электрогенераторов, именно они могли бы решить проблему многомесячного подводного плавания американских субмарин в просторах мировых океанов.

Флот командировал на этот атомный проект восемь специалистов, среди них не было Хаймана Риковера, но он обратился к адми-

ралу Эрлу Миллсу, своему бывшему начальнику, который высоко ценил знания и энергию своего подопечного, и Риковера не только направили в Оук-Ридж, но сразу назначили заместителем руководителя всего проекта. Вполне понятно, что это ему не прибавило друзей... Вскоре в сотрудничестве с опытным физиком Алвином Вейнбергом он создал лабораторию технологии ядерных реакторов и начал работы над новой схемой реактора для подводных лодок.

В конце 1947 года Риковер отправил «наверх» очередное послание с обоснованием новой схемы, хотя давно уже разуверился в действенности подобных обращений. На этот раз, возможно, сработали скрытые механизмы, формировавшие курс на «холодную войну», и военно-морской министр распорядился оживить многострадальный проект.

Начался самый счастливый период в жизни «одержимого кэптина». Время для него спрессовалось невообразимо. Впоследствии его подчиненные рассказывали журналистам, что часто Риковер просто не успевал поесть, и чтобы не тратить минуты на хождение в служебный кафетерий, поставил себе в кабинет холодильник и принес электроплитку. Он составил для себя фантастически уплотненный график работ, от которого стонали все сотрудники. Но они смирялись, увидев, как их шеф диктует письма сразу двум секретаршам, одновременно пишет третье письмо, и при этом еще прижимает плечом к уху телефонную трубку! Он установил своим сотрудникам свободное рабочее расписание, а на упреки начальства резко отвечал: «Мы не можем заставить людей работать головой в определенные часы. А мои поручения требуют глубоких размышлений!».

Уже в феврале 1949 года Хайман Риковер стал директором отдела военно-морских реакторов в составе Комиссии по ядерной энергии. Под этим скромным названием скрывался огромный комплекс научно-исследовательских институтов и промышленных предприятий, которые работали над использованием атомной энергии в мирных и военных целях.

Через год Хайман Риковер получил особое задание: он возглавил работу по созданию первой в мире атомной подводной лодки, которую решили назвать, вслед за Жюль Верном, «Наутилус». Одновременно ему поручили контроль за строительством атомной электростанции в Шипингпорте. Здесь должен был вступить в строй первый так называемый «мирный» атомный реактор.

Впоследствии генерал Лесли Гровс, первый руководитель проектных и конструкторских работ по созданию американской атомной бомбы, вспоминал, как вместе с адмиралом Миллсом они об-

суждали кандидатуру будущего «лоцмана» атомных проектов на флоте.

— Конечно, Риковер не очень уживчив со «своими людьми», да и не очень популярен среди ученых, — говорил адмирал Миллс, — но он именно тот, на которого флот может положиться, и с каким бы сопротивлением он не столкнулся, он добьется победы, так как убежден в потенциале атомных подводных лодок.

Церемония закладки первой в мире атомной лодки состоялась 14 июня 1952 года на верфи в Нью-Лондоне в штате Коннектикут. На этой церемонии выступил президент США Гарри Трумен. Через 23 дня произошло памятное событие в жизни Риковера — его наградили американской медалью Почетного легиона с двумя звездами.

Уместно напомнить, что в Советском Союзе пристально следили за этими «совершенно секретными» событиями. Спустя три месяца, 17 сентября 1952 года, Сталин подписал постановление о создании в СССР «своей» атомной подлодки.

В 1954 году журнал «Тайм», рассказывая о Хаймане Риковере, не преминул довольно едко подчеркнуть, что он доводил своих сотрудников до изнеможения, своих подрядчиков — до бешенства, наживал себе кучу врагов, но всегда доводил дело до победного конца.

Хайман Риковер был весь создан из сложных противоречий, вмешая в себя, по выражению Уолта Уитмена, поистине «множества», я бы сказал — множество миров.

Современники оставили немало страниц воспоминаний о Риковере, и если собрать их воедино, то «проявляется», как некогда в старинных фотокюветах, многоцветный отпечаток почти непонятной и непонятой многими жизни. Даже не верится, что можно оставить о себе такие «полярные» отзывы, мнения, вот уж, поистине, «лед и пламень». И если бы можно было сегодня устроить «мини-опрос» его современников, то ответы прозвучали бы с резким перепадом от «плюса» до «минуса»:

- Сверхактивный, «моторный», неудержимый,
- «Одержаный» идеями защиты и безопасности страны, политизированный сверх меры,
- Бесцеремонный, неуживчивый, резкий в отношениях с теми, кто ему явно не нравился,
- Требовательный, настойчивый, добивающийся своей цели любым путем, порой ценой потери дружбы и добрых отношений.

Чего стоит, например, высказывание одного из его друзей еще по чикагским двадцатым годам, когда они были молоды, порой бесцеремонны с людьми:

— Хайман уже тогда говорил: если ты такой тупой, лучше бы совсем не родился, не жил...

А ведь все эти слова далеко разлетались и «осколки» возвращались бумерангом к самому Риковеру.

Известно, что две отборочные комиссии, в которых заседали одни адмиралы, дважды отказывали капитану Риковеру в продвижении по службе, в том, чтобы он стал с ними вровень, получил звание адмирала.

И уместно вспомнить, что вторая такая комиссия заседала на следующий день после закладки «Наутилуса», после великой победы научной мысли, прорыва в истории военной техники! И вот создателю и вдохновителю этой великой идеи, которая воплощалась в могучий металл, его «коллеги» отказали в повышении...

Понадобилось вмешательство Белого дома, Конгресса, руководителей военно-морского флота, чтобы «привести в чувство» его завистливых соперников; им даже пригрозили, что введут в комиссию группу гражданских специалистов. И только тогда, на третий раз (!) новая комиссия поздравила Риковера с производством во флагманский ранг.

Даже его самые искренние друзья и сослуживцы, называвшие Хаймана за глаза «старым добрым джентльменом», порой выбегали из его кабинета с криками возмущения после его жестких нотаций и уже в коридоре бормотали, нередко достаточно громко: «тиран», «диктатор».

Он всегда был удивительно целеустремленным человеком, человеком творчества, с солидным инженерным опытом, и самое главное — точно знающим, что понадобится тем, кто будет жить после нас.

В поисках неожиданных эпитетов, журналисты порой сравнивали его с многоопытным сапером, который осторожно шел по минному полю с сетчатой рамкой и нащупывал свободную узкую полосу для того, чтобы открыть дорогу наступающим частям.

Подумать только! Ведь до него вообще не существовало многих физических данных, параметров, расчетов для разработки реакторов. Онставил задачи ученым, они искали и находили...

Тогда еще никто толком не знал, как проектировать и воплощать в металле этот реактор, чтобы он был безопасным для обслуживающего персонала. Риковер собирал лучших ученых и инженеров, давал им точный пеленг, они шли по курсу — к победе.

А как будет вести себя в океане этот реактор, как он выдержит одновременно глубинное давление, высокие температуры, сумасшед-

шее и яростное радиационное излучение? От всех этих проблем туманилась голова у кого угодно, но не у Хаймана Риковера. Он видел цель, точно шел к цели, как самонаводящаяся мощная ракета.

И вот в такое важное и сложное для него время судьба свела Хаймана Риковера с человеком, который впоследствии не раз приходил ему на помощь в трудные жизненные годы. Но можно сказать и так: человек, который попал в команду Хаймана Риковера в судьбоносные годы «атомного прорыва», получил такой «ядерный заряд», что четверть века спустя стал президентом Соединенных Штатов Америки. И звали его — Джимми Картер. Но об этом стоит рассказать подробнее, это значительная часть и судьбы, биографии самого Хаймана Риковера.

...Джимми с детства мечтал служить на флоте, стать офицером, как и его отец Эрл Картер, которому очень нравилась военная служба. Ему было 17, когда в декабре 1941 внезапным ударом японцы в Перл-Харборе уничтожили почти весь Тихоокеанский флот Соединенных Штатов. Через полгода Джимми окончил среднюю школу и решительно направился в престижную Военно-морскую академию в Аннаполисе. Но «сельских» знаний, полученных в крошечном Плейнсе в Джорджии, явно не хватало, он провалился на вступительных экзаменах. Остался на курсах подготовки офицеров резерва, а через год все же пробился на инженерный факультет и уже в послевоенном 1946 году получил диплом корабельного инженера.

Через несколько месяцев службы его направили в лабораторию Хаймана Риковера, где разрабатывались реакторы для первых в мире ядерных подводных лодок. Это Риковер предложил, чтобы самых упорных и талантливых офицеров флота, тех, кому предстояло командовать субмаринами нового класса, готовили к боевым походам еще в лабораторных условиях, чтобы они досконально знали особенности сверхсовременной техники.

И Джимми блестяще овладел этой техникой, перед ним открывались широкие перспективы, но... умер отец, и будущий президент США в 29 лет, в 1953 году, явился в кабинет адмирала Риковера с рапортом об увольнении.

Он решил вернуться в родные края, большая семья, братья и сестры, ждали его поддержки, надеялись на него. Он оправдал их надежды... Не раз впоследствии Джимми Картер вспоминал с восхищением и легким трепетом удивительные методы «работы с кадрами» капитана Риковера. Они вошли в целый ряд «деловых» книг и учебных пособий по отбору лучших специалистов для самой престижной работы.

Хайман Риковер обычно сам, лично, проводил собеседования с претендентами на ту или иную должность в атомных проектах флота. Биографы адмирала Риковера подсчитали и утверждают, что только с выпускниками университетов и военных академий, желавших работать у «самого Риковера», он встречался, примерно, 14 тысяч раз, и далеко не всегда эти встречи оставляли надежды у претендентов...

Возвращаясь к Джимми Картеру, можно с уверенностью сказать, что, возможно, многие эти приемы он позаимствовал у своего наставника и для своей президентской практики, когда четверть века спустя вошел президентом США в Овальный кабинет Белого дома. Можно по разному относиться к плодам президентской деятельности Картера, но все же нелишне вспомнить, что в феврале 2005 года на воду была спущена крупнейшая из существующих ныне в мире атомная субмарина, которую назвали «Джимми Картер» в честь 39-го президента Соединенных Штатов, единственного лидера нации, который в свое время был моряком-подводником, и, напомним, воспитанником адмирала Риковера.

Неожиданно для многих, в конце 50-х годов прошлого, XX века Хайман Риковер выступил в прессе с резкими заявлениями о низком уровне образования в США. Некоторые биографы утверждают, что его особенно поразил, в буквальном и переносном смысле, «взлет» Советов в космос, запуск в СССР первого искусственного спутника Земли. Сам Хайман Риковер, как мы знаем, учился буквально всю жизнь, первые слова он, разумеется, произнес на идиш, а в три года ему показали буквы иврита. В четыре года он уже читал строки Танаха, и меламед пытался ему объяснить сокровенный смысл вечного текста...

А тогда, в середине XX века, Хайман Риковер в считанные месяцы стал настоящим борцом за коренную реформу американской системы образования, и эти его выступления вызвали большой общественный резонанс. Характерно, что в разгар самых резких выступлений Хаймана Риковера о проблемах образования в США с ним пожелал встретиться президент Кеннеди, эти встречи состоялись 1 сентября 1962 года, а затем 11 февраля 1963 года. Сохранились интереснейшие записи их бесед, имевших далеко идущие конкретные последствия. Как здесь не вспомнить, что именно в то время Риковер подарил президенту Кеннеди табличку со старинной бретонской молитвой: *«Море Твое так велико, о Господи, а лодка моя так мала»*. В наши дни эта табличка выставлена в Президентской библиотеке Джона Ф. Кеннеди, в экспозиции «Овальный кабинет».

В 1962 году в правительстве даже обсуждалось предложение о назначении Риковера на один из самых высоких постов в системе национального образования. Впоследствии Хайман Риковер стал автором сотен статей по этим проблемам, опубликовал книги «Образование и свобода», (1959); «Американское образование: национальное банкротство» (1963) и другие.

Адмирал неизменно подчеркивал, что школьная система должна сделать три вещи: во-первых, дать ученику существенный объем знаний, во-вторых, развить в нем интеллектуальные навыки, необходимые для применения знаний во взрослой жизни, и в-третьих, привить ему привычку судить о вещах и явлениях на основе проверяемых фактов и логики.

Через много лет на средства созданного им «Фонда адмирала Риковера» был основан в Лисберге, штат Вирджиния, Научный институт имени Риковера для особо одаренной молодежи, и ныне там ежегодно в течение шести недель получают усиленную подготовку 50 американских юношей и девушек — по одному из каждого штата, и по пять представителей из отдельных зарубежных стран, в том числе из Израиля.

Прошли годы, адмирал Риковер ушел из жизни, но благодарная нация не забыла его титанические усилия поднять образование в стране на новый, более высокий уровень. В наши дни об этом напоминают медные таблички на зданиях ряда учебных центров и школ. Есть так называемый «Корпус Риковера» в комплексе зданий Военно-морской академии в Аннаполисе в Мэриленде. В этом корпусе размещаются Инженерно-механический, Инженерно-океанографический и Воздушно-космический факультеты. Его именем названы среднее военно-морское училище в Чикаго и средняя школа в пригороде Чикаго. Особая стипендия имени адмирала Риковера выдается лучшим студентам Массачусетского Технологического института, и, наконец, создан мощный Центр имени Риковера в составе военно-морского Управления исследований по атомной энергетике. В одном из кабинетов этого Центра ученики Риковера прикрепили к стене небольшой плакатик с одним из многих афоризмов своего наставника: «Необходимо учиться на чужих ошибках. Невозможно прожить так долго, чтобы совершить их все самостоятельно...»

И все же всегда, во все годы его активной деятельности, на первом плане у него были подводные лодки с атомными реакторами. Возможно, что и сам он считал лучшим своим достижением, подлинным шедевром своих творческих планов и замыслов, подводную

лодку «Огайо», которая сошла со стапелей в 1981 году. Впоследствии все лодки этой исключительно удачной модели получили название «Огайо», субмарины этого класса стали основой ракетно-ядерного потенциала Америки.

Но и эта удивительная лодка с трудом прорыдалась сквозь многочисленные бюрократические препоны и препятствия. В книге о славном пути адмирала «Rickover: The Struggle for Excellence» видный исследователь военно-морской истории США Фрэнсис Дункан писал: «Риковер всю жизнь ощущал противодействие оппозиции и боролся с ней... Противниками его идей были, в основном, руководители Пентагона, его прямые начальники. Многие поражаются, насколько умело преодолевал Хайман препятствия на пути к цели, в каждом отдельном случае находя причину сопротивления его идеи и методику ее преодоления».

Коллеги, «равностоящие», только тормозили Риковера, но зато он неизменно получал поддержку на самом верху. Все президенты США, во времена правления которых он служил на флоте, высоко ценили и поддерживали Риковера. В 1958 году Хайман Риковер был удостоен звания вице-адмирал и был награжден Золотой медалью Конгресса. Пройдут годы, и он получит во второй раз эту высшую награду своей страны.

В 1964 году, после очередных раздоров и «разборок» в кабинетах власти, Хайман Риковер чуть было не ушел в отставку. Президент Линдон Джонсон лично просил его остаться на своем посту и дал очередное повышение в звании. В 1973 году, выражая свою поддержку Риковеру, президент Никсон присвоил ему высший чин на флоте — звание четырехзвездного адмирала. Во время торжественной церемонии Никсон подчеркнул: «Я не пытаюсь сказать, ... что он лишен противоречий. Он говорит, что думает. У него бывают противники, которые с ним не согласны. Временами они правы, и он первый признает, что был неправ. Но сегодняшняя церемония символизирует величие американской военной системы, и флота в частности, потому что этот неоднозначный человек, этот человек, вносящий непривычные идеи, не был утоплен бюрократией, ибо, если бюрократия топит гениев, то нация обречена на посредственность...»

...28 марта 1979 года произошла авария на атомной электростанции Три-Майл Айленд, была частично разрушена активная зона атомного реактора. К тому времени к власти в Белом доме только что пришел президент Джимми Картер. Уж он-то знал, кто в этом разбирается лучше всех, и предложил Конгрессу провести расследование с непременным участием адмирала Хаймана Риковера. Его

вызывали для свидетельства перед Конгрессом, и один из первых вопросов прозвучал так: Почему флот добился безаварийной эксплуатации реакторов, и что могло случиться на «мирной» электростанции?

В протоколах заседаний Конгресса остался ответ адмирала Риковера:

— За эти годы многие меня спрашивали, как я управляю Реакторной программой, и пытались найти что-то полезное для себя. И меня всегда огорчало, что люди ищут простые, легкие рецепты, от которых программа заработает. Любая успешная программа функционирует как единое целое, состоящее из многих факторов. Пытаться выбрать какой-то один ключевой аспект — бесполезно. Каждый элемент зависит от всех других.

Хайман Риковер резко отличался от многих адмиралов и старших офицеров флота, которые порой искали виноватых в промахах и бедах где угодно, но никогда не решались и не хотели посмотреть в зеркало... Риковер всегда брал на себя полную ответственность за все программы корабельных ядерных силовых установок и неизменно повторял:

— Моя программа уникальна среди военных программ в следующем: вам знакомо выражение «с рождения до могилы»? Вот моя организация отвечает за идею проекта, за исследования и разработки, за проектирование и постройку оборудования, поставляемого на корабль; за эксплуатацию корабля, за отбор офицеров и матросов для него, и за их обучение и подготовку. Короче, я отвечаю за корабль в течение всей его жизни — с самого начала и до самого конца.

Адмирал всегда присутствовал на всех ходовых испытаниях практически каждой субмарины, особенно на первом этапе строительства подводного атомного флота, когда их было еще сравнительно немного.

Как известно, к началу XXI века атомный подводный флот США насчитывал более 300 грозных атомных подводных судов, которые в полной готовности всегда появляются в нужное время и в нужном месте... Традиции адмирала Риковера живы на флоте и поныне. Об этом говорит, например, тот факт, что подводный флот военно-морских сил США в течение многих лет успешно, без аварий и тяжелых потерь, использует сложнейшую технику. В отличие, например, от советского, а затем и российского подводного атомного флота, который к нашему времени из-за аварий атомных реакторов уже потерял несколько крупных подводных лодок вместе с экипажами, и мы говорим об этом с печалью...

О масштабах личности великого адмирала говорит, например, и тот факт, что после его отставки было принято особое решение о том, что его должность может занимать только самый испытанный и опытный моряк, с обязательным опытом командования подводной лодкой, и только один раз в жизни, и только на восемь лет, не более... Напомним, что адмирал Риковер занимался всеми этими проблемами более 35 лет.

Под занавес, в конце своей ослепительной карьеры, судя по всему, адмирал Риковер все чаще стал думать уже не только о земном, но и о небесном, размышлял о том, чему отдал жизнь и судьбу. Возможно, именно поэтому таким неожиданным и «взрывным» прозвучало его заявление на слушаниях Конгресса в 1982 году. Коллеги и журналисты были буквально ошарашены его словами и поторопились сообщить, что адмирал Риковер явно «уступил позиции старости» (ему действительно было уже 82 года), что он не чувствует время и эпоху. Никто не хотел верить, что такие слова мог произнести сам «отец атомного флота» самой могучей державы мира.

Но он, именно он, сказал это в сомнениях и муках:

— Я не верю, что атомная энергия стоит много, если она распространяет радиацию. Тогда вы, возможно, спросите, зачем мне атомные корабли. Это необходимое зло. Я утопил бы их все. Я не горжусь своей ролью в их создании и делал это потому, что считал необходимым для безопасности моей страны. Вот поэтому я такой сторонник запрета на эту бессмыслицу — войну. К несчастью, ограничения... попытки ограничения войн всегда проваливаются. История учит, что, когда начинается война, каждая страна в итоге использует все оружие, какое у нее есть.

И далее:

— Всякий раз, создавая радиацию, вы создаете нечто с известным временем полураспада, иногда в миллиарды лет. Я считаю, что человечество однажды разрушит само себя, и потому важно взять под контроль эту страшную силу и попытаться от нее избавиться.

Через несколько дней состоялась его пресс-конференция, и он вновь вернулся к этой наболевшей проблеме. Его спросили: «Не могли бы вы сказать о своей ответственности за создание атомного флота, жалеете ли вы о чем-нибудь?»

Адмирал ответил: «У меня нет сожалений. Считаю, что я помог сохранить мир для этой страны. Чего об этом жалеть? Сделанное мной одобрено Конгрессом, представляющим народ. Благодаря полиции вы все живете в безопасности от внутренних врагов. Точно

так же вы живете в безопасности от внешнего врага, потому что наша военная машина не позволяет ему напасть. Ядерная технология уже создавалась в других странах. На мне лежало создание нашего ядерного флота. Я смог это осуществить».

Эти высказывания адмирала вызвали неоднозначную реакцию в обществе — одни аплодировали, другие были готовы облить его грязью. Как всегда, он вызывал у людей полярные чувства. Но в этом случае его поддержал сам Джимми Картер, который всегда понимал и поддерживал своего командира и наставника. В своем интервью известной журналистке Дайане Сойер в 1984 году он сказал:

— Одно из самых памятных замечаний Риковер сделал, когда мы были на борту подводной лодки. Он сказал, что лучше бы атомные боеприпасы не изобрели. И затем: «Хорошо бы, чтобы атомную энергию вообще не открывали». Я возразил: «Адмирал, но в этом вся ваша жизнь». Он ответил: «Я отказался бы от всех своих достижений и ото всех преимуществ атомной энергетики для флота в пользу медицинских исследований и всех других целей, если бы это позволило избежать развития атомного оружия».

Сейчас для очень многих это острый и болезненный вопрос: неужели всегда, все эти годы Хайман Риковер постоянно возвращался к мыслям о последствиях работы этой грозной техники, о безопасности, о возможных трагедиях в подводном мире, которые все же случались, правда, не так часто, как предсказывали пессимисты. И все понимают, что во многом порукой успеха была безупречная личная честность военного моряка Хаймана Риковера. У него, по-видимому, было даже какое-то навязчивое, непреходящее отношение к проблемам «атомной безопасности».

Много лет спустя соратники вспоминали, как еще в 50-х годах минувшего, XX века, в откровенной беседе со своим сослуживцем он как-то сказал: — У меня есть сын. И я люблю его. И хочу, чтобы все, сделанное мной, было настолько безопасно, чтобы я мог со спокойной душой доверить ему будущее. Вот мое главное правило.

Возможно Роберт, единственный сын Хаймана Риковера, вырастая в тени великого отца, знал о его истинном отношении к непредсказуемым атомным секретам. Он унаследовал настойчивость и дерзость отца, легко и с увлечением учился, но не решился пойти по его стопам, возможно, чувствовал, что «такой» Риковер может быть на свете только один...

Роберт стал преподавателем в одном из учебных заведений в городе Александрия на востоке США, в штате Вирджиния, он был доволен своим выбором.

Надгробие на могиле Х. Риковера на Арлингтонском военном кладбище.

Надпись:

Х. Г. Риковер, адмирал флота США,
«отец атомного флота»,
прослужил 63 года.

27 января 1900 г. – 8 июля 1986 г.

В 1980 году адмиралу Хайману Риковеру исполнилось 80 лет. Это был еще один важный и приятный повод для вручения ему очередной правительственной награды. С особым чувством президент США Джимми Картер вручил своему наставнику в морском деле, своему командиру, президентскую медаль Свободы. Это высшая награда страны для лиц, которые внесли «существенный вклад в безопасность и защиту национальных интересов США, в поддержание мира во всём мире, а также в общественную и культур-

ную жизнь США и мира». Пожалуй, Хайман Риковер, как никто другой, отвечал всем этим критериям...

Адмирал Хайман Риковер скончался 8 июля 1986 года в своем доме в Арлингтоне штата Вирджиния. На поминальную службу, которую проводил в Вашингтонском национальном соборе адмирал Джеймс Уоткинс, приехал в числе многих других высоких гостей, и воспитанник Риковера, морской офицер-подводник, бывший президент США Джимми Картер. Он говорил о своем командире со слезами на глазах.

Вспоминая впоследствии в своих мемуарах эти скорбные часы, Джимми Картер писал о том, как внезапно к нему обратилась Элеонора, жена покойного адмирала Риковера с просьбой вспомнить и прочитать сонет великого Джона Милтона «На его слепоту». «Сначала я был смущен ее просьбой, — писал Джимми Картер, — но потом понял, что это имеет особое значение для всех вдов моряков, их родных и близких, для всех, кто находится в море, для всех, кто лишь стоит и ждет ...».

Я отыскал эти стихи в переводе российского поэта Германа Филимонова. Вот так звучат их завершающие строки:

«... тысячи людей
С предписанной Им скоростью спешат
По землям и морям, не отыхая,
Но также служит тот, кто лишь стоит и ждет».

Адмирал Хайман Риккер нашел последний приют на Арлингтонском национальном кладбище, его могила расположена вблизи надгробья с Вечным огнем над могилой президента Кеннеди.

27 августа 1983 года, еще при жизни адмирала, была спущена на воду могучая подводная лодка класса «Лос-Анджелес», на борту которой красовалась надпись «USS Hyman G. Rickover (SSN-709)». Лодка вступила в строй, встала на боевое дежурство 21 июля 1984, а через 22 года, 14 декабря 2006, была выведена из боевого состава военно-морских сил США...

ЛИТЕРАТУРА

Blair Clay. The Atomic Submarine and Admiral Rickover. Henry Holt and Company, New York, NY, 1954.

Гровс Л. Теперь об этом можно рассказать. М., Атомиздат, 1964.

Admieral H.G.Rickover, US Navy. Thoughts on Man's Purpose in Life (Мысли о цели в жизни человека). Council on Religion & International Affairs, May 15, 1982. P.1.

Tyler Patrick. Running Critical: The Silent War, Rickover & General Dynamics. HarperCollins, 1987.

Rockwell Theodore. The Rickover Effect. Naval Institute Press, Annapolis, 1992.

Rockwell Theodore. The Rickover Effect: The Inside Story of How Adm. Hyman Rickover Built the Nuclear Navy . John Wiley & Sons, 1995.

Beaver William. Admiral Rickover: Lessons for Business Leaders. Business Forum, 1998.

Duncan Francis. Rickover: The Struggle for Excellence. Naval Institute Press, Annapolis 2001.

Grove Lore, Kamedulski Laura, Grove Lori. Chicago's Maxwell Street. Arcadia Publishing, 2002.

Roods, Mark. Illinois Hall of Fame: Hyman G. Rickover. Illinois Review, July 5, 2006.

Allen, Thomas, Polmar, Norman. Rickover: Father of the Nuclear Navy. Potomac Books, 2007.

Никифоров В., Сагайдаков Ф. Революция по имени Nautilus. Журнал «Национальная оборона», Москва, № 5, май 2009.

ОБ АВТОРАХ И РЕДАКТОРАХ

Валерий Базаров родился в Одессе в 1942 г. Эмигрировал в США в 1988 г. Закончил Одесский ун-т (1969) и Городской ун-т Нью-Йорка (1994). С 1988 г. работает в ХИАСе (Еврейское общ-во помощи иммигрантам), где до 2000 г. был зам. начальника Отдела встреч, а в наст. время руководит Отделом поиска и истории семей. Базаров работает также вместе с израильским музеем Яд ва-Шем, помогая найти и признать заслуги тех, кто спасал евреев в годы Холокоста. Исследует историю ХИАСа, накопившего за последние сто с лишним лет бесценные архивные материалы. Публикуется в специальных и популярных англо- и русскоязычных изданиях. Регулярно выступает на междунар. конференциях по евр. генеалогии. В 2002 г. был избран членом Совета директоров Евр. генеалогического об-ва Нью-Йорка.

Сергей Блюмин родился в Ленинграде (ныне — Санкт-Петербург) в 1947 г. В 1965 г. поступил в московскую Консерваторию, из которой перевелся в ленинградскую и окончил ее с отличием в 1970 г. по классу трубы. По окончании Консерватории работал в оркестрах старинной и современной музыки, ленинградской Филармонии, Кировского (ныне — Мариинского) театра оперы и балета и других музыкальных коллективах.

Параллельно с профессиональной музыкальной деятельностью, занимался различными художественными техниками; в 1974 г. был принят в члены молодежной секции ленинградского Союза художников. В 1978 г. Блюмин эмигрировал из Советского Союза, и с 1980 г. его масляные картины экспонировались на девяти персональных выставках в США, Италии, Франции, Австрии и на многих групповых выставках в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, Сан-Франциско, Бостоне и других городах США. Его работы представлены в коллекциях Русского музея в Санкт-Петербурге, Гос. исторического музея в Москве, Музея прикладного искусства в Вене, музея Бакнельского ун-та и во многих частных коллекциях.

В 2007 и 2008 гг. в ежегодных антологиях Американского изд-ва Book Art Press были опубликованы материалы о художнике, включавшие монографическую статью о нем.

В последние годы работает над серией поэтических изданий, в которых его коллажи и карандашные рисунки сопровождают как его собственные стихотворения на английском языке (*The Song of Voiceless Birds*), так и образцы мировой народной поэзии (*Graveyard, Grey Skirt, King Castle, etc.*). Блюмин — автор нескольких эссе и пьес на английском и русском языках. Подробнее о Блюмине см. на его вебсайте: www.sergeiblumin.com

Альберто Гершунов (1883-1950) — аргент. писатель, род. в России. Вместе с родителями эмигрировал в Аргентину в 1889 г. Детские и юношеские годы провел в колонии Раджил, недалеко от колонии Клара. Позднее переехал в Буэнос-Айрес, где в 1910 г. опубликовал книгу рассказов «Las gauchos judíos» («Еврейские гаучо»), принесшую ему широкую известность в испаноязычных странах. Книга неоднократно издавалась на англ. и была экранизирована в 1975 г. В теч. многих лет работал журналистом в вед. аргент. газете «La Nación». Автор многих очерков, рассказов и книг о жизни евреев в Лат. Америке.

Сергей Львович Голлербах родился в 1923 г. в Царском Селе. Художник, эссеист. Действительный член Нац. Академии художеств, академик Амер. Академии дизайна, член О-ва акварелистов, О-ва художников «Обюдон». Автор книг «Заметки художника», «Жаркие тени города», «Мой дом», «Свет прямой и отраженный».

Эрнст Абрамович Зальцберг родился в 1937 г. в Ленинграде. Окончил Ленинградский Горный ин-т в 1960 г. и Ленинградскую консерваторию в 1967 г. Кандидат геол.-минералог. наук (1971). Автор многочисленных публикаций в области гидрогеологии. Интересуясь проблемами музыкально-исполнительского искусства, опубликовал ряд статей и рецензий о выдающихся исполнителях в газетах «Новое русское слово» (Нью-Йорк), «Эксодус» (Торонто) и журналах «Clavier», «Journal of the Conductor Guild», «East European Jewish Affairs», «Strad». 10 статей Эрнста Абрамовича были напечатаны в сериях «Евреи в культуре русского Зарубежья» и «Русские евреи в Зарубежье». Автор книги «Great Russian Musicians: From Rubinstein to Richter» (Mosaic Press, 2002).

Анатолий Либерман родился в 1937 г. в Ленинграде. Доктор филолог. наук. В США с 1975 г., профессор Миннесотского ун-та. Основные области исследования: языкоизнание, средневековая германская и русская литература, фольклор, поэтический перевод. Автор около 500 публикаций, в том числе 16 книг.

Иосиф Малляр, доктор истор. наук, с 1991 г. — в Израиле. До 2009 г. — научн. сотрудник первого в мире Музея Холокоста — «Бейт Лохамей ха-геттаот», основанного в 1949 г. За годы работы в Израиле опубликовал книги: «Антисемитизм — через века и страны», «Еврейский народ в борьбе против нацизма», «Еврейский мир в календаре истории», «Знаменитые евреи. 450 биографий в зеркале календаря», «Псевдонимы знаменитых евреев», «Евреи — генералы и адмиралы XX века»; автор и научный редактор-составитель книг: «В огне Катастрофы на Украине», «Холокост — Сопротивление — Возрождение» и других.

Ирина Обухова-Зелиньска (Польша) — искусствовед, эмигрант-төвед. Автор более 60 публикаций, в т. ч. 9 статей в серии «Русские евреи в Зарубежье», где также с 2000 г. редактировала отделы театра и искусства. Автор очерков и соредактор книги «Евреи России в Зарубежье. Очерки истории» (2008, гл. ред. М. Пархомовский). Председатель Общества друзей Ю. Анненкова, руководитель издательского проекта «Жизнь и творчество Ю. Анненкова», в рамках которого были выпущены 3 книги, а следующие 2 готовятся к печати. Редактор (совместно с Д. Поляковым) и автор бюллетеня «Вопросы анненковедения» (вышло 75 выпусков). Куратор и переводчик польской версии научно-художественного издания «Пинакотека» за 2005 г., подготовленного в рамках государственного проекта «Москва — Варшава, Варшава — Москва».

Виталий Орлов родился в Харькове (Украина) 13 мая 1937 года в семье военного летчика. В 1954 г. поступил в Харьковский Политехн. ин-т, после окончания которого в 1959 г. стал работать инженером в научн. и проектн. ин-те «Теплоэлектропроект». В этот же период начал публиковать статьи: научные — в столичных журналах, а на темы о культуре — в местной печати. После 10 лет успешной работы в «Теплоэлектропроекте» перешел в 1979 г. на научн. работу в одно из харьковских высш. военных училищ. Через четыре года защитил кандид. диссертацию в области теоретической теплофизики, после чего работал в лаборатории теплофизического приборостроения НИИ «Метрология» и со временем стал исполнять обязанности ее заведующего. Опубликовал около 100 научных статей и несколько — о событиях в области искусства и литературы. В 1997 г. вместе с семьей эмигрировал в Америку, в Нью-Йорк. Здесь теплофизика стала хобби, а прежнее хобби — литература и искусство — полем деятельности как журналиста. Живя в США, напечатал много статей по вопросам культуры, а также на общественно-политические темы в русскоязычных газетах и журналах Нью-Йорка, Лос-Анджелеса, Балтимора, Вашингтона и других городов.

Нэнси Освальд — учительница и писательница. Живет в Котопакси (Колорадо, США) на ранчо, расположенном на месте бывшей сельскохозяйственной колонии евреев-выходцев из России. Ее книга «Nothing Here But Stones» («Ничего, кроме камней»), описывающая историю колонии от лица одиннадцатилетней девочки Эммы, завоевала неск. литер. наград. Ее последняя книга «Hard Face Moon» («Застывшая луна») посвящена событиям из истории войны с индейцами (1864 г.) в восточном Колорадо. Более подробную информ. об этих книгах можно найти на сайте писательницы www.nancyoswald.com.

Михаил (Аронович) Пархомовский родился в 1928 г. в Одессе. Окончил Саратовский мед. ин-т. Работал врачом на Дальнем Востоке, с 1954 г. — в Москве. После защиты канд. диссертации был старшим научн. сотрудником в Ин-те железнодорожной гигиены. Последние годы жизни в Москве работал в консультативных поликлиниках. Автор 50 научн. работ. 35 лет реферировал научн. литературу для биологического и медицинских журналов. Автор книги о З. Пешкове «Сын России, генерал Франции» (1989, 1999). С 1990 г. живет в Израиле. В 1992–96 гг. — сост., гл. ред. и издатель серии «Евреи в культуре Русского Зарубежья» (5 томов). На базе этого издания организовал НИ центр «Русское еврейство в Зарубежье». В 1998–2003 г.г. — сост., гл. ред. и издатель серии книг «Русское еврейство в Зарубежье», тома 1(6)–5(10).

Автор-состав. и гл. ред. книги «Евреи России в Зарубежье» (очерки истории). Иерусалим, 2008. Удостоен званий *Человек года-1998* в США и *Человек года-1997/98* в Англии, лауреат премий Анны Хавинсон (США) и Розы Эттингер (Израиль).

Виктор Радуцкий закончил Киевский Политехн. ин-т, радиоинженер. В Израиле с 1976 г. Доктор философии Еврейского ун-та в Иерусалиме (2001), научн. сотр. Краткой евр. энциклопедии. Синхронный переводчик (с иврита на русск. и украинск.) Мин-ва иностр. дел Израиля. Перевел 22 книги стихов и прозы и около 70 пьес. Многие годы преподает в колледже «Мидрешет Иерушалаим», читал лекции в ун-тах Москвы, Киева, Минска. Награжден медалью З. Жаботинского за выдающ. вклад в дело культурного сотрудничества народов Израиля и Украины. Автор многих публикаций в Израиле и за рубежом, посвященных израильской лит-ре и культуре. Участник многих конгрессов в области славистики и перевода.

Вадим Леонидович Телицын родился в 1966 г. В 1990 г. окончил исторический факультет Уральского гос. ун-та. Работал в Ин-те истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (РАН, Екатеринбург), Ин-те экономики РАН, Ин-те российской истории РАН (Москва). С 1990 г. — научн. сотрудник Российской академии наук (РАН). Доктор истор. наук, профессор. В наст. время — ведущий научн. сотрудник Ин-та всеобщей истории РАН; старший научн. сотрудник Библиотеки-фонда «Русское зарубежье». Автор и автор-составитель более 30 научн. и научно-популярных книг. Сфера научн. интересов: история России конца XIX — первой половины XX века, русские революции и Гражданская война 1918–1920 гг., история русской эмиграции. Живет в Москве.

Кит Трибл защитил докторскую диссертацию в ун-те Вашингтона (Сиэтл); в настоящее время — профессор русского языка и

литературы в Оклахомском гос. ун-те. Автор книги «Marionette Theater of the Symbolist Era». Edwin Mellen Press (Lewiston, New York), 2002 и многочисленных статей о Гиппиус, Мандельштаме, Клоделе, Сазоновой, Евреинове, опубликованных в журналах и сборниках статей в США, Франции и России.

Лазарь Флейшман окончил Академию музыки в Риге (1961) и факультет русской и славянской филологии Рижского ун-та (1966). Старший преподаватель и профессор Еврейского ун-та в Иерусалиме (1974-1985). Профессор Славянского отделения Стенфордского ун-та (с 1985 г. по наст. время). Многолетний редактор серии «Stanford Slavic Studies». Автор книг «Борис Пастернак в двадцатые годы» (1981, 2003), «Борис Пастернак в тридцатые годы» (1984), «В тисках провокации. Операция “Трест” и русская зарубежная печать» (2003), «Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов» (2005) и др. Организатор и участник многочисленных междунар. конференций и симпозиумов о русской литературе XIX и XX веков, Пастернаке, русских поэтах и писателях-эмигрантах, русско-еврейских, русско-польских и русско-балтийских культурных связях и др.

Дан Харув родился в Бобруйске (Белоруссия) в 1948 г. В 1973 г. окончил исторический факультет Московского педагогического ин-та. С 1977 г. в Израиле. В 1982 г. окончил факультет истории евгард» принятая на хранение Ин-том современной русской культуры при ун-те Лос-Анджелеса. С 1992-го года преподает в одном из нью-йоркских колледжей. Автор детских рассказов на английском языке, неоконченной книги «Экскурсия по Эрмитажу» и более двадцати статей, опубликованных в русско- и англоязычной прессе.

Errata

В 3-й книге «Русские евреи в Америке» (2009) в разделе «Об авторах и редакторах» вкрадась неточность. Второй параграф следует читать как:

Ольга Ростиславовна Демидова окончила Иркутский госуд. педагог. ин-т иностранных языков (1977). Д-р философ. наук, профессор Российской педагог. ун-та им. А.Н. Герцена, и далее по тексту.

Ред.-сост. выражает глубокое сожаление по поводу допущенной неточности

Именной указатель

- А**
Абрамович (Рейн) Р. 83, 88
Авион А.Н. 263
Авксентьев Н. 36
Адамович Г.В. 70, 120
Азадовский Константин 119
Азрилевич Давид 280
Азриэли 280
Алданов М. 5, 48, 69–71, 86–87, 89, 119
Александр II 11, 46, 49
Александра Федоровна, императрица
209
Алсуфьева 171
Амичис Эдоардо де 102
Анакреон 102, 103
Анненков Юрий (Жорж) 169, 232–236,
238–242, 246–250, 252–256, 298
Антонелли Пина 227, 230
Аргунов А. 36
Аронсберг Э. 36
Аронсон Григорий 41, 52, 53
Аршакуни 3 197
Ару Г. 240, 248, 250, 252
Архипенко Александр 169
Ассенбаум Инге 178
Атран С.С. 84, 89
Афанасьев Н. 36
Ахад-ха-Ам 92
Ахматова Анна 153
- Б**
Баал Шем Тов 92,
Бабель 163
Базаров В. 15, 17, 209, 296
Базарова С. 19
Байрон 139
Бакст Лев 169
Бакунин 53
Балиева 109
Баланчин 109
Барон С. 42
Барраль Аири 118
Батшев В.С. 141
Бах-Бузони 227
Бахметьев Борис 88, 114
Бебутова О.М. 86
Бек 35
Белинский 46
- Беляцкая В.П. 148
Бенуа Александр 119, 169
Берберова Н. 241
Бергельсон Давид 55, 97
Бергнер-Тавгер Белла 119
Бердяев Н. 35
Берия Л. 43, 269
Берлин Ирвинг 244
Бернштейн Э. 45, 47
Бетке Вальтер 151, 158
Бетке Ганс 151, 158
Билибин Иван 169
Бирман М. 86
Биттельман Алекс 56, 67
Бланк Александр 40
Блок Александр 106
Блуменфельд Ф. 244, 256
Блюмин Сергей 5, 178–187, 190, 192–
197, 199–200, 296
Богуславский Иосиф 120
Бодлер 103
Бонч-Бруевич В. 44
Боратынский 140, 142, 152
Борятинский, кн. 107
Бергезе 178
Брасоль Б. 263
Брешко-Брешковская Е. 34, 36, 48
Бродский Иосиф 185
Бройль Л. Де 89
Брускин Г. 197
Бузони Феруччо 227, 244
Бунин И.А. 70, 72, 84, 87, 89, 110, 118–
120
Бунина В. 116, 118
Бургасов П. 266, 269–271
Бургина А.М. 48, 53
Бурлюк Давид 169
Бухарин Н. 36, 37, 40, 41, 43, 45, 52
- В**
Вагнер Джейфри 214
Вайн, Шимон. 22
Вайнштейн Григорий 36
Валерио 81
Валкенир Элизабет Кридл 118
Ван-Гог 184, 186, 235
Ван Эйк 196
Васкез Долорес 223, 224

- Вашингтон Ирвинг 111
 Вебер Шимон 58
 Вейнберг Алвин 284
 Веласкес 179
 Веласкес Криспин 28
 Венгеров Семен 114, 119
 Венгерова Зинаида 107, 108, 116, 119
 Венгерова Изабелла 107, 108, 116, 119
 Вергелис Арон 60, 62, 63, 64, 65, 67, 68
 Верлен П. 102, 103
 Верлих Гуго 236, 237
 Верн Жюль 284
 Вильгельм П 45, 53, 127
 Вильсон 280
 Винокур А. 21
 Винокур М. 22
 Винокур Х.З. 20
 Винавер М. 36
 Вишняк М. 37, 87, 119
 Владек Б. 93, 94, 95
 Войскун Леся 119
 Волконская Елена 178
 Волконский Андрей 178
 Вреден Н. 73, 87, 114, 115, 149, 150
 Врубель 140
 Вышинский 40
- Г**
- Галеви Иегуда 29
 Гарви П.А. 53
 Гарт Брет 111
 Гартман 108
 Гварнери 210, 212, 215, 217
 Гегель 127
 Гейне Г. 102, 103
 Геллер М. 104
 Генри Х. 13
 Георгадзе Марина 163
 Герцен 43, 47, 123, 300
 Гершин 244
 Гершензон М.О. 264
 Гершунов А. 5, 26, 32, 297
 Гессен И. 47
 Гете 191
 Гетцлер 43
 Гинцберг Ашер 92
 Гиппиус Зинаида 106, 119, 300
 Гирш, Морис де 25, 26
 Гитлер 38, 40, 43, 45, 84, 98, 109, 113
 Глазунов А. 212
 Глебова-Судейкина О.Ф. 119
 Глушанок Г. 89
- Гоген 184
 Голлербах Сергей 297
 Гольдберг Артур 282
 Гольденвейзер А. 39, 87, 89
 Гольдштейн Иосиф 257–265
 Гордин Яков 34
 Гордон Мания 38
 Горовиц Браха 91
 Горовиц Владимир 213, 214, 226, 231, 244, 256
 Горовиц Иешаягу 91
 Горький М. 34, 36, 40, 43–46, 53
 Грайзел С. 38
 Граймс Мери 226
 Грэзин Иван 119
 Гречанинов 108
 Григорьев Борис 169
 Гrimm бр. 102
 Гровс Л. 284, 295
 Гrot Н.Я. 34
 Гуттгенхайм Д.С. 142, 147
 Гудмен Бени 282
 Гуль Роман 33, 34, 51, 119, 141
 Гурвич Борис 178
 Гурвич И.А. 34, 263
 Гуревич М. 22
- Д**
- Далин Д. (Левин Д.Ю.) 84, 89
 Даттон Э.П. 114
 Двинов (Гуревич) Б.Л. 83, 89
 Де Фалья 226
 Дебюсси К. 244
 Дега Эдгар 174
 Дейч Л. 35, 36
 Демидова О.Р. 300
 Денике П. 84
 Деникин 214
 Державин К.Н. 237
 Дерюжинский Глеб 169
 Джавиц Джейкоб 171
 Джейферсон 79
 Джонсон Линдон 290
 Дивари Анатолий 159
 Дизраэли 71, 72
 Диккенс Ч.122
 Добужинский Мстислав 109, 169
 Добужинский Ростислав 118
 Довлатов Сергей 185
 Долгорукова кн. 171
 Домингез Бланка 222
 Дон-Аминадо 86

Достоевский Ф.М. 100
Драгунский Давид 64
Дункан Френсис 290
Дымов 87
Дымшиц Вениамин 64
Дювивье Ж. 232
Дюма А. 219
Е
Евреинов Н. 116, 119, 236, 237, 256, 300
Евсеева Е.Н. 268
Ерофеев В. 191
Ж
Жилинский Д. 197
Житловский Хаим 34, 103
Жорес 47
Жукова Н.Г. 118
З
Зайцев Б. 70, 87
Зак А. 36
Залкинд Александр 222, 223
Зальцберг Э.А. 3–6, 15, 19, 25, 53, 89,
121, 214, 297
Заславская Бася (Мария) 210, 214
Заславские 211
Заславский Давид 67
Засулич В. 35, 44
Зейденберг С. 239
Зейлик Х. 20
Зензинов В.М. 36, 76, 88
Зилверстин Л. 23
Зильберман Ю. 214, 231
Зильберштейн М. 20
Зиновьев 40
Знаменская В.А. 118
Зувер Марк 170
Зунделевич А. 36, 51
Зыкова Елена 119
И
Ибсен 107, 109
Иванов А.Е. 265
Иванов Вл. 119
Иванов В.В. 144
Иванов Георгий 107, 122
Иванова Анна 119
Иванова И.П. 126, 128, 129, 131, 144
Ильин М. 108
Иоанн-Павел II 164
Иохельсон В.И. 263

К
Кабаков И. 197
Каган Авраам (Абрахам) 34, 50, 76, 87,
88
Кандинский Василий 181
Кантемир 115
Кантор М.Л. 70
Капнист О. 78
Каролик Максим 108, 120
Карпович М.М. 76, 88
Картер Джимми 280, 287, 288, 290, 293,
294
Картер Эрл 287
Каспий Доналд 165
Каутский К. 37, 50
Кафенгауз Л.Н. 259, 264
Каценеленбаум З.С. 259, 264
Кацнельсон С.Д. 132, 133, 139
Кашина-Евреинова Анна 116, 119
Квакин А.В. 265
Кельнер В. 86
Кемпбелл Джозеф 199
Кепнеди Джон Ф. 288, 295
Керн Джером 244
Киплинг 126
Китайн Александр 5, 209–214, 217–222
Китайн Анатоль 5, 209–219, 221–222,
226–231
Китайн Борис 211, 214, 217, 218, 219,
221, 222, 231
Китайн Мендель Пейсахович (Григорьевич)
210–213
Китайн Миша 211, 226, 227
Китайн Николай 212
Китайн Роберт 210, 212, 214, 215, 217,
218, 219, 222–227, 231
Китайн Тельма 219, 228
Китайна Мария Яковлевна 211, 212,
217–222
Китайна Тамара 212, 217, 226, 231
Китс 139
Кичко Т. 60, 61
Кларк А.Ф. 237
Клее 181
Клементьев А. 87
Ковалевская С. 109, 112
Койранский А. 113
Кокошка 181
Колеров М. 260
Колчак 36
Комар В. 197

- Комиссаржевский 109
 Коновалов А. 260
 Коненков Сергей 169
 Копелевич Д.Е. 72
 Короленко В.Г. 36, 99
 Коростелев О. 86, 119
 Корчак 164
 Костяковский Б.А. 264
 Кохава 104
 Кошут Л. 15
 Крейд (Крейденков) В.П. 140, 141
 Крестинский Н. 35
 Кристал (Криштол) Лео (Леон, Лейб) 55, 71, 87, 89
 Кристенко Д. 86
 Кристенко К. 86
 Криштол Моше 87
 Крыжановский Ю. 113
 Кугель А.Р. 237
 Курбе Гюстав 204
 Кускова Е.Д. 41, 79, 86, 88
 Кюи Ц. 212
- Л**
- Лаваль Пьер 221
 Лайтфут Клод 65
 Лакан 136
 Ламед Луис 102, 102
 Ландау-Алданов 69
 Ландауэр Карл, проф. 40
 Ланжевен П. 89
 Лассаль 51, 93
 Леви Х. 104
 Левин Д.Ю. 89
 Левинсон 107
 Левитас С.М. 74, 78, 79, 80, 82
 Легар Франц 244
 Лейвик Х. 99
 Леман Джон 279
 Ленин В.И. 34, 35, 36, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 47, 50, 53, 61, 200
 Лермонтов М.Ю. 102, 103, 122, 139, 140
 Лернер М. 19
 Лернер С. 19
 Лернер Ш. 17, 18, 19, 21
 Лествичник Иоанн 184
 Либерман А.С. 5, 121, 125, 147, 158, 297
 Либерман С.И. 72, 108
 Лист Ф. 218, 226
 Листман Шимон 22
 Литопенко Л.Н. 259, 264
 Лифарь 109, 113, 114, 116, 117, 118
- Лонг Брекенридж 220
 Лонгфелло 139
 Лохов Николай 35
 Лумер Хайман 63, 65, 66
 Луначарский 41, 215
 Лурье Артур Сергеевич (Наум Израилевич) 235
 Люс 74
- М**
- Маймонид 26, 276
 Маклин Хью 118
 Макфарлин 111
 Малевич 191, 192
 Маляр Иосиф 5, 279, 297
 Мангер Ицик 99
 Мандельбург В. 36
 Мандельштам О. 106, 153, 197, 199, 300
 Манн Т. 136
 Манташев А.А. 264
 Манташева М.А. 259, 264
 Мантеенья Андреа 183, 199
 Мария Павловна, Вел. Кн. 209, 210
 Маркс К. 47, 102, 127, 200
 Мартинович Н.Н. 263
 Мартов Л. 35, 41, 43, 44, 53
 Мартынов Леонид 41, 197
 Маршалл Джордж 282
 Масарик Томаш 113
 Матисс 181
 Медичи Козимо 178, 180
 Мекк Н. фон 241
 Меламид А. 197
 Менес А. 14
 Мигунов Дмитрий 118
 Мийо 244
 Микельанджело 180
 Микунис Шмуэль 62, 65
 Миллиоти Елена 118, 119
 Миллиоти Николай 106, 108, 116, 118, 119
 Миллс Эрл 284, 285
 Милтон Джон 294
 Мильштейн Нети 12
 Мильштейн Саул Баэр 10
 Мильштейн Яков 12
 Милюков П.Н. 36, 47, 48, 86
 Миморский Морис 13
 Миркин-Гейцевич Борис 113
 Мирон 190
 Михаил Александрович Вел. Кн. 209
 Михайлов И.Ф. 270, 271
 Михоэлс С. 58, 68

Мицкевич А. 112, 113
Мищеев Н.И. 237
Мовшензон А.Г. 237
Модильяни 186
Мольер 87
Мопассан Ги де 240, 248
Морозов Б. 68
Морс Джудит 118
Москов Евгений 110
Муссолини 69, 81, 83

Н

Набоков В.В. 70, 89
Нагибин Юрий 241
Назаренко Т. 197
Назимова Алла 35
Невеселов А. 14
Неизвестный Э. 197
Немирович-Данченко 110
Несторова Н. 197
Нигер Шмуэль 92, 93, 94, 95, 97, 100, 103, 104
Нидельман Морис (Зедек) 12
Николаевский Б.И. 37, 43, 52, 53, 76, 88
Никсон 280, 290
Никулин Лев 238, 256
Ницше Ф. 34, 103, 136
Новик Пол 5, 54–64
Номберг Гирш Давид 95, 96
Нурин Р. 227

О

Обухова-Зелиньска И. 4, 232, 298
Оден 139
Ойстрах Давид 225
Ольгин Моисей 53, 63, 67
Онеггер 244
Орик 244
Орленев Павел 34, 35
Орлов Виталий 159, 298
Освальд Н. 9, 298
Осоргина Т.А. 86
Островский 106
Оунгрэ Луис 24
Офюльс Макс 240

П

Павлова А. 209
Павлова Е.В. 166
Павлова Ирина, кн. 218
Парвус 45, 53
Пархомовский М.А. 4, 5, 15, 25, 33, 69, 86, 89, 120, 256, 298, 299

Пастернак Борис 169, 300
Пастернак Леонид 169
Пейн Роберт 44
Перец И.Л. 101
Песочинская Л.Г. 201
Песочинский Игорь 5, 200, 201, 203, 205–208
Песчинский М.С. 201
Петрова М. 108
Петлюра С. 98
Петров Е.В. 265
Петров Н.В. 237
Петрункевич И. 47
Пикассо П. 164, 181, 184, 193
Пинсон К.С. 38
Пироманы 164
Плетнев Ростислав 116
Плеханов Г. 35, 36, 42, 52
По Эдгар 103
Познер В.С. 119
Полевой Борис 57
Поликлет 190
Полок 181
Полонский Я. 23, 75, 87
Попков В. 197
Поповский Марк 166
Поссони 44
Потресов 37
Португейс С. 50
Прегель Б.Ю. 75, 77, 87
Прегель С.Ю. 86, 114, 118
Пропп В.Я. 138, 147
Пти Р. 108
Пуленк 244
Пушкин А.С. 102, 103, 165, 166, 168, 170, 172, 173, 175

Р

Рабинович С. 61
Радуцкий В. 90, 299
Раев М. 37, 52
Райкин А. 64
Раковская Н. 199
Распутин Г. 42, 209, 211
Раузыны, Израиль и Лазарь 75, 76, 82
Рахманинов 226
Раш Альбертина 238, 244, 256
Резник Сид 62, 68
Рейган Рональд 279, 280
Рейдер Джозеф 38
Рейзен Авраам 99
Рейзен Залман 100

- Рекемчук А. 242, 256
 Рембрандт 38, 160, 162, 163, 166, 179, 193
 Ремизов А.М. 119
 Репин Илья 169
 Рерих Николай 169
 Риковер Абрам 271
 Риковер Хайман 5, 279–295
 Рильке Р.М. 109, 119
 Римский-Корсаков 210, 211
 Ристоруччи Хоше 65
 Рогов Хиллель (Рогоф Гарри) 85, 89
 Рогачевский А. 87
 Роговский Е. 36
 Роджерс 244
 Розовский Боренька (Барух), он же Росс
 Барни 282
 Романенко А. 86
 Романов Б. 108
 Ропшин В. 102
 Ротшильды 72
 Ротштейн Федор (Теодор) 35
 Рубенс 188
 Рубинштейн Артур 226, 241
 Рудинский Владимир 116
 Рузвельт Сара Делано 218
 Рыбников А.А. 259, 264
 Рыков 43
 Рябушинский Павел 260
- С
- Сабат Адольф 282
 Савинков Борис 102
 Сазонов Д.П. 106, 108, 11, 113, 115, 116, 118, 119, 120
 Сазонов Петр 106, 107, 108, 119
 Сазонова (Слонимская) Юлия 5, 106–120, 300
 Салтиел Майлс 15
 Салтиел Эммануэль 9–12, 14–16
 Сальвиати Бони 178
 Сапов В.В. 264
 Свет Г. 39, 84, 89
 Севела Эфроим 161
 Седых А. 89, 119
 Сезанн 184, 190
 Серванtes 166
 Серебрякова Зинаида 169
 Симмонс Э.Д. 107, 112, 113, 118
 Ситников А. 197
 Скрибнер 73, 81, 82, 84, 87
- Скрябин 122, 191
 Словацкий 103
 Слоним М. 86, 112, 119
 Слонимская Фаина 109, 119
 Слонимский Александр 113, 120
 Слонимский Леонид Зиновьевич 119
 Слонимский Николай 108, 114, 115, 116, 119
 Слонимский Ю.Л. 106
 Слуцкий Г.И. 71, 72
 Смелянская Ю. 214, 231
 Смоктуновский Иннокентий 242
 Смоляр Гирш 55
 Сне Моше 62, 65
 Сойер Дайана 293
 Соколов Нахум 280
 Соловьев Вл. 43, 109
 Сологуб Ф.К. 119
 Соссюр Фердинанд де 145
 Спесивцева 108, 116
 Сталин И.В. 35, 37, 39, 40, 41, 43, 45, 47, 49, 55, 56, 58, 83–85, 86, 94, 104, 200, 219, 264, 285
 Станиславский 110
 Стеблин-Каменский М.И. 128, 129, 131, 132, 144
 Столкинд А.Я. 84, 89
 Столыпин 41
 Стравинский 204
 Стржельчик Владислав 241
 Струве Г. 118, 119
 Струве П. 35, 36
 Суартмор 113
 Сумароков 113, 115
 Суриков Василий 176
- Т
- Табачник-Хейфец Г. 266
 Таламас Ирина 222, 223, 224
 Таланкин Игорь 241, 242
 Тарновский 213
 Тартак И.Л. 110
 Телицин В. 257, 299
 Темкин Даниил 178
 Темкин Дмитрий (Димитрий) 5, 232–256
 Темкина Марина 178
 Теннисон 139
 Тимирязев Б. (Анненков Ю.) 256
 Ткачев П.44
 Толстая А.Л. 108
 Толстой А. 35, 108

- Толстой Л. 34, 43, 87, 99, 164
 Томас Генри 9
 Тредиаковский 108, 113, 115
 Триббл Кит 106, 119, 120, 299
 Троцкий Л. 36, 37, 40, 41, 45, 46, 47, 69, 84
 Трубецкой Н.С. 130, 131, 138, 147, 171
 Трумен Гарри 285
 Туган-Барановский М. 35
 Туманова 108
 Тумаркина Т.М. 87
 Тургенев И. 47
 Тынянов 140, 234
 Тэффи 106, 116
 Тютчев 140
- У**
 Уайльд Оскар 122, 139
 Уайнбергер Каспар 279
 Уинстон Гарри 62
 Уитмен Уолт 285
 Ульманис Карлис 98
 Ульянкина Т.А. 265
 Ульянов Н. 86
 Уоткинс Джеймс 294
 Уоу Линда 118
 Устрялов Н.В. 260, 265
 Утин Николай 48
 Уэрт Дина 118
- Ф**
 Фадеев А. 58, 59
 Фаст Говард 56–59, 68
 Федотов Г.П. 79, 88
 Фейер Михаил 111, 120
 Фейербах 127
 Ферро Антонио 118
 Фефер Ицик 55, 58, 59
 Фешин Николай 169
 Фидий 190
 Филимонов Герман 294
 Филонов П. 178
 Фистулиари Михаил 211
 Фишер Джордж 46
 Фишер Л. 44, 53
 Фойерстейн О. 19
 Форд 280
 Фостер Уильям 3, 58
 Фраерман 159
 Франклин 79
 Фрост Р. 139
 Фрумкин Я. 39
- Фэбер Ларон 203
Х
 Хайдеггер 136
 Хальс 179
 Ханин Нахум 79, 88
 Харитон Михаил 238
 Харт А. 11, 12, 244
 Харув Дан 4, 300
 Хаскелл В.М. 87
 Хейлприн Майкл 10, 11, 15
 Хейфец Л. 5, 266–278
 Хельгасон Й. 139
 Хинтон Кармелита Чейс 110, 114, 120
 Хмельницкий Богдан 98
 Холл Гесс 65
 Хрущев Н.С. 43, 56, 131
- Ц**
 Цвейг Стефан 122
 Цветаева М.И. 108
 Цедербаум Л.О. 35
 Церетели И.Г. 48, 53
 Цетлин М.О. 86
 Цетлина М.С. 86, 87, 88, 89, 108
- Ч**
 Чайковский 223, 241, 255
 Чапмен Джеймс 231
 Чарни Барух Нахман 93, 94, 95, 99
 Чарни Владек 93
 Чарни Даниэль 5, 90–105
 Чарни Шмуэль 91, 97, 100
 Чекан Александр 118
 Челлини Бенвенуто 196
 Чериковер Илья (Элияху) Михайлович 97, 98
 Чижевский Дмитрий 116, 120
 Чосер 127, 139
- Ш**
 Шагал Марк 100, 101, 109, 170, 239
 Шалит Моше 98, 99
 Шапиро Л. 39, 40, 52
 Шацкий Яков 100
 Шварц С. 67
 Шварц Гарри 56, 57
 Шварц Юлиус 11, 12, 13, 16
 Шварцбад Ш. 98
 Шекспир 87, 122, 135, 139, 148, 156
 Шелли 139
 Шемякин М. 197
 Шенкер Илья 5, 159–168, 169–177

- Шерман Д. 95
 Шкловский 140
 Шла Ха-Кадош 91
 Шламм 74
 Шлётцер Борис Федорович 108, 116, 117, 119, 120
 Шлётцер Мари 116, 119
 Шлётцеры 107, 116
 Шнеур Залман 92
 Шолом-Алейхем 56, 60, 171
 Шопен Ф. 122
 Шопенгауэр Артур 235
 Шостакович Дмитрий 225
 Шоу Бернард 107
 Штраус Иоганн 232
 Шуб Б.Д. 53, 87
 Шуб Давид 5, 33–54, 69, 72, 87
 Шуранова Антонина 241
- Э**
 Эйдман Т.С. 19
 Эйдман И. 5, 17–20
 Эйзенштейн С. 120, 238
 Эйнарссон С. 138
 Эйнштейн А. 89
 Эйхенбаум 140
 Эль Греко 176
 Элькин Б. 87
 Энгельс Ф. 47, 102, 127, 200
 Эренбург И. 33
 Эрлих 243
 Эстрайх Геннадий 54, 68
 Эткинд Е. 86
- Ю**
 Юманис Винсент 244
 Юркевич Йорк 118
 Юркевич Ольга Всеолодовна 116
 Юркевич Ю.118
 Юрк 109
 Юсупов-Эльстон 211
- Я**
 Яворская Л.Б. 107
 Якобсон Р.О. 113, 114, 118, 120, 130, 138, 140, 146, 158
 Яковлев Александр 169
 Янкилевский В. 197
 Яновский В.С. 79, 88
 Ясногородская Елена 178
- А**
 Aldanov M. (Landau-Aldanov) 73, 79, 83, 87
- Allen Thomas 295
 Annenkov (Annenkoff) Georges 246, 247, 249, 253
 Arout M. 246, 247, 249, 251
 Auric 243
- Б**
 Barriere S.L. 277
 Baron S.H. 52
 Bastian I. 277
 Beaver William 295
 Berlin Irving 242
 Blumin Sergei 199, 296
 Boulahbal F. 277
 Boulian Marie Marguerite 119
 Busoni Feruccio 242
- С**
 Cangelosi G.A. 277
 Childs J.L. 52
 Cole G.D.H. 52
 Cole S.T. 277
- Д**
 Daley C.L. 277
 Daniels R.V. 52
 Debussy 243
 Desmond E. 277
 Duncan Francis 295
- Е**
 Einarsson Stefan 148
 Eisenach K.D. 277
 Estraikh G. 67, 68
- Ф**
 Fast Howard 56, 68
 Fayer Misha Harry 120
 Francis D. 295
 Francis T. 278
 Forster F.W. 52
- Г**
 Gulliford E. 15
 Candelosi G. 277
 Gangadharam P.R.J. 277
 Gear J.H.S. 278
 Gelperina S. 277
 Genghis Khan 148
 Gerchunoff A. 32
 Gershwin 242, 243
 Goldstein I. 264, 265
 Grozinger E. 68
 Grove Lore 295

- Grove Lori 295
- H**
- Humbeutel L. 15
- Hart 243
- Heifets (Heifec) L.B. 276–278
- Heilprin Michael 15
- Honneger 243
- Horovitz Vladimir 242
- Huitt G.A. 276
- J**
- Jacobs W.R. 277
- Janganwalla N. 278
- Jenkins P.A. 277
- Jurkowski Henryk 119
- K**
- Kamal A.M. 278
- Kamedulski Laura 295
- Kapnist 78
- Kisich K. 277
- Kridl 113
- L**
- Landauer Carl 52
- Lehar Franz 243
- Lenin 50, 52, 53
- Lermontov M. 148
- Lepine P. 278
- M**
- Martov A. 53
- McMurrey D.N. 277
- Mehlman, Jeffry 120
- Merigan T.C. 277
- Miller V. 15
- Milhaud 243
- Mitchell 198
- Mopassant Guy de 246
- N**
- Nauk E.G. 278
- Nicolaeovsky Boris 52
- Nobechi K. 278
- Novik Paul 68
- O**
- Olgin M. 67
- Oswald Nancy 14, 298
- P**
- Payne Robert 53
- Pollock T.M. 278
- Polmar Norman 295
- Polonsky Anthony 68
- Polonsky Y. 74
- Portaels F. 277
- Posner Dassia Nadezhda 119
- Poulenc 243
- Propp V. 148
- R**
- Ramos-Alvarez M. 278
- Rasch Albertine 243
- Ravel Maurice 242, 243
- Raviglione M.C. 277
- Resnick Sid 68
- Richmond J.Y. 277
- Rickover Hyman 290, 295
- Roberts D. 15
- Rockwell Theodore 295
- Rodgers 243
- Roods Mark 295
- Rouche J. 119
- Ruta M. 68
- S**
- Saltiel Miles 15
- Sankole M. 278
- Satt F.J. 15
- Sazonova-Slonimskaia Julia 119, 120
- Schaaf H.C. 277
- Schwarz Julius 15
- Shaplen J. 53
- Shub David 53, 70, 87
- Shannon D.A. 67
- Slonimsky Nicolas 120
- T**
- Tiomkin Dimitri 232, 242, 243, 245, 246, 247, 249, 250, 254, 255
- Tribble Keith 119, 120
- Trubetzkoy N.S. 148
- Tyler Patrick 295
- Tytchev F. 148
- U**
- Uchill I.L. 15
- Y**
- Yasen Yelena 199
- Youmans Vincent 242
- Yu V.L. 277
- Z**
- Zumla A. 277

СОДЕРЖАНИЕ

Э. Зальцберг. Предисловие	5
---------------------------------	---

РУССКИЕ ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ

ИСТОРИЯ

Н. Освальд. Тяжелые времена: еврейская колония в Котопакси	9
В. Базаров. Воспоминания старого колониста. Описание жизни и деятельности Йозефа Эйдмана за годы 1904–1951, прожитые им в Аргентине	17
А. Гершунов. Еврейские гауcho из пампасов	26
М. Пархомовский. Энциклопедист либеральных и социалистических движений — Давид Шуб (1887–1973)	33
Г. Эстрайх. Советские заботы нью-йоркского редактора Пола Новика	54

ЛИТЕРАТУРА И ЯЗЫКОЗНАНИЕ

М. Пархомовский. Марк Алданов в Америке (Письма М. Алданова Д. Шубу)	69
В. Радуцкий. «Что за великое чудо...» (К 50-летию со дня смерти Даниэля Чарни)	90
К. Триббл. Юлия Сазонова (Слонимская) в Америке (1942–1955)1 ...	106
А. Либерман. Российский филолог в Америке (Анатолий Либерман о себе)	121

ИСКУССТВО

В. Орлов. Сын утерянного города	159
С. Голлербах. О творчестве художника в эмиграции. Илья Шенкер...	169
Е. Ясногородская. Сергей Блюмин в Америке	178
С. Блюмин. Неуловимых образов искатель	200
В. Базаров. Клавиши и струны	209
И. Обухова-Зелиньска. «Ты не представляешь, как мне тебя здесь не хватает...»: Дмитрий Темкин и Юрий Анненков — несколько эпизодов 60-летней дружбы	232

НАУКА

В. Телицын. От имперства к либерализму (Об Иосифе Гольдштейне) .	257
Г. Табачник-Хейфец. Профессор Леонид Хейфец: искусство плыть против течения	266

ВОЕННОЕ ДЕЛО

И. Маляр. «Множественные миры» Хаймана Риковера	279
Об авторах и редакторах	296
Именной указатель	301

РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО В ЗАРУБЕЖЬЕ

Том 20

РУССКИЕ ЕВРЕИ
В АМЕРИКЕ

Книга 4

Редактор-составитель

Эрнст Зальцберг

Ответственный редактор

С. В. Смоляков

Художник

П. П. Лосев

Корректор

Е.А. Яркиева

Оригинал-макет

С. В. Смоляков

Издательство «Гиперион»

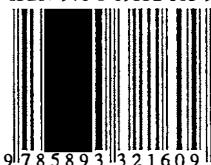
191171, Санкт-Петербург

Фонтанка, 78.

E-mail: hyp55@yandex.ru

www.hyperion.spb.ru

ISBN 978-5-89332-160-9

9 785893 321609

Сдано в набор 12.12.2009. Подписано в печать 04.03.2010.

Усл. печ. л. 22,12. Формат 60×88¹/₁₆. Печать офсетная.

Тираж 300 экз. Заказ № 68.

Отпечатано с готовых диапозитивов

в типографии издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,

192007, Санкт-Петербург, Обводный канал, 40.

Тел./факс: (812)766-0566.

**Научно-исследовательский центр
«РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО В ЗАРУБЕЖЬЕ»**

Центр собирает, изучает и распространяет сведения о деятельности русских евреев-эмигрировавших в различных странах мира и о роли евреев-выходцев из России в создании и становлении Государства Израиль. Труды Центра открыли новое направление в иудаике и являются одним из основных источников знаний о русском зарубежье. Центром изданы две серии книг: «Евреи в культуре русского зарубежья» (тома 1–5. Иерусалим, 1992–1996) и «Русское еврейство в зарубежье» (тома 1/6–5/10. Иерусалим, 1998–2003). Некоторые материалы 10-томника представлены в интернете (www.oranim.ac.il/echo). Рецензии на издания Центра (их более 100) см: <http://litmapatalog.al.ru/periodics/evkrz.html>.

В 2005–2009 г. Центром выпущены следующие книги:

«Идемте же отстроим стены Йерушалайма» (Евреи из России, СССР и СНГ в Эрец-Исраэль и Государстве Израиль). Кн. 1, т. 11. Ред.-сост.: Юлия Систер, Михаил Пархомовский. Иерусалим, 2005.

«Русские евреи в Америке». Кн.1, т.12. Ред.-сост.: Эрнст Зальцберг, Михаил Пархомовский. Иерусалим – Торонто, 2005

«Памяти ушедших» (Катастрофа и Сопротивление). Т. 13. Сост.: Михаил Пархомовский, Николай (Ариэль) Борщевский, Юлия Систер. Иерусалим, 2005.

«Идемте же отстроим стены Йерушалайма» (Евреи из России в Эрец-Исраэль и Государстве Израиль). Кн. 2, т. 14. Ред.-сост.: Рена Пархомовская. Иерусалим, 2006.

«Русские евреи в Америке». Кн. 2, т. 15. Ред-сост.: Эрнст Зальцберг. Иерусалим – Торонто – Санкт-Петербург, 2007.

«Русские евреи в Германии и Австрии». Ред.-сост.: Константин Кикоин, Михаил Пархомовский. Т. 16. Иерусалим, 2008.

«Евреи России в Зарубежье. Очерки истории». Автор-сост. и гл. ред.: Михаил Пархомовский. Иерусалим, 2008.

«Идемте же отстроим стены Йерушалайма» (Евреи из Российской империи, СССР/СНГ в Эрец-Исраэль и Государстве Израиль). Кн. 3, т. 17. Ред.-сост.: Юлия Систер. Иерусалим, 2008.

«Русские евреи в Америке». Кн.3, т.18. Иерусалим – Торонто – Санкт-Петербург, 2009.

«Через Дальний Восток — на Ближний». Т. 19. Ред.-сост.: Рена Пархомовская, Исаак Резник. Иерусалим, 2009.

Научный руководитель Центра:

Dr. Mikhail Parkhomovsky. 648/4 Mishlat Str., Bet-Shemesh 99013,
Israel. Tel.: 972-2-9917039; e-mail: mipar@013.net

Генеральный директор:

Dr. Yulia Sister. P.O.B.6464, 9/14 Narkis Str., Kiryat Ekron 70500. Israel.
Tel: 972-8-9350332; e-mail: ysister914@gmail.com

Представитель в Америке:

Dr. Ernst Zaltsberg, 131-1101 Torresdale Ave., Toronto, Ontario M2R
3T1, Canada. Tel. 416-739-7963; e-mail: ezaltsberg@rogers.com

